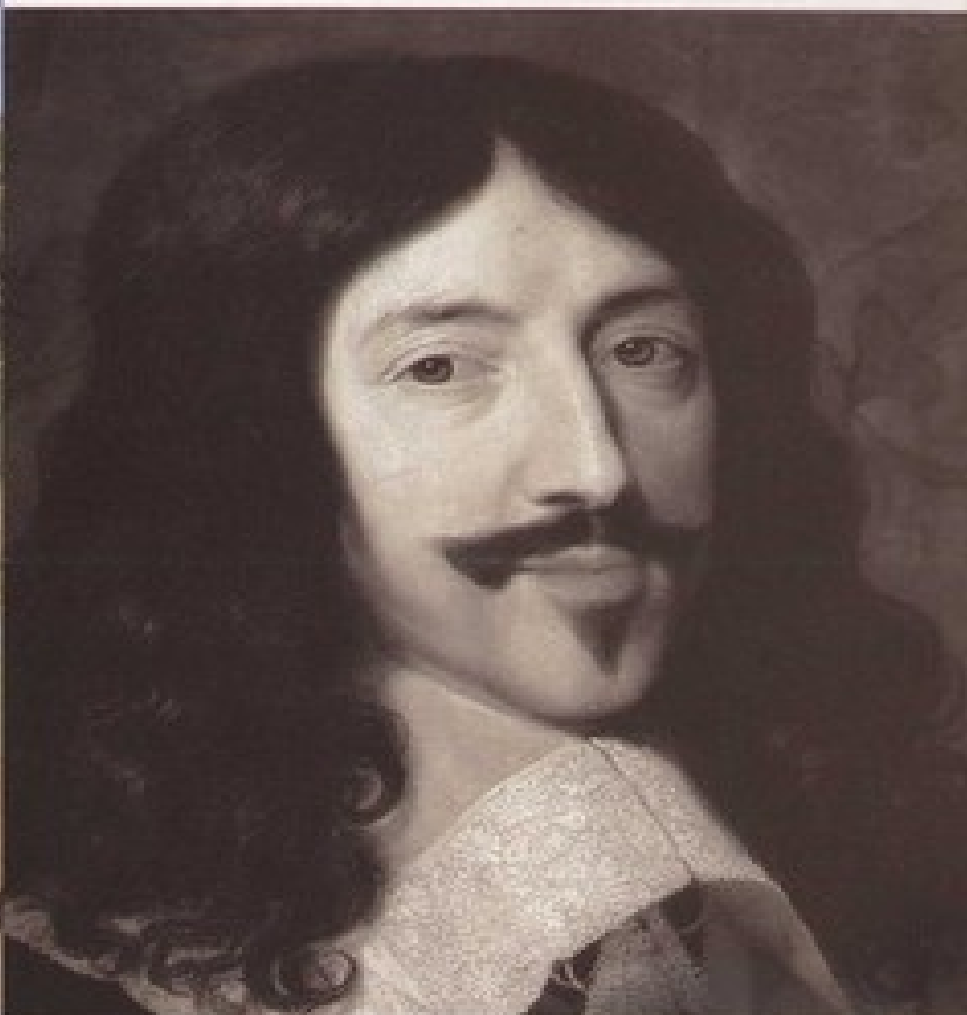

ЛЮДОВИК XIII

Екатерина
Глаголева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Образ Людовика XIII читатели представляют себе по роману Александра Дюма «Три мушкетера», где король предстает второстепенным полукарикатурным персонажем, безвольной марионеткой в руках всемогущего кардинала Ришельё. Его сын, знаменитый «король-солнце», затмил своим блеском рано скончавшегося отца. Однако тот вошел в историю благодаря событиям, имевшим куда большее значение, чем курьезное происшествие с подвесками королевы Анны. Полководец, реформатор, композитор, кулинар, кузнец, парфюмер — немногие власть имущие могли похвастаться такой широтой интересов. Его правление было сплошной чередой войн, мятежей и заговоров, а жизнь — большой драмой; его неоднократно предавали самые близкие люди: мать, брат, жена.

Книга Екатерины Глаголевой воссоздает образ незаслуженно забытого короля Людовика Справедливого, мастера на все руки, история жизни которого разворачивается на пестром фоне сражений и дворцовых интриг, шпионских скандалов и бурных страстей.

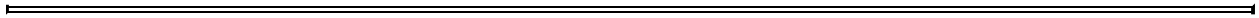

- [Е. В. Глаголева](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [Часть первая](#)
    - [РОДИТЕЛИ](#)
    - [ДОФИН](#)
    - [КОРОЛЬ](#)
    - [СУПРУГ](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [ЛИХА БЕДА НАЧАЛО](#)
    - [КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН](#)
    - [НОВАЯ МЕТЛА](#)
    - [БЕКИНГЕМ](#)
    - [ГАСТОН](#)
    - [ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ](#)
    - [ЛАРОШЕЛЬ](#)
    - [НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ](#)
  - [Часть третья](#)
    - [ДЕНЬ ОДУРАЧЕННЫХ](#)
    - [ЖРЕБИЙ БРОШЕН](#)

- [БРАТ НА БРАТА](#)
  - [ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА](#)
  - [ВОЙНА](#)
  - [МЕЛАНХОЛИЯ](#)
  - [СЫН!](#)
  - [НОВЫЕ СРАЖЕНИЯ](#)
  - [ПОСЛЕДНИЙ ЗАГОВОР](#)
  - [КОНЕЦ](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДОВИКА XIII](#)
- [КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)

- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)

- [63](#)
- [64](#)

Е. В. Глаголева

Людовик XIII

Мое намерение в том, чтобы мне повиновались повсюду.

*Из письма Людовика XIII Анне Австрийской,
1621 год*

ПРОЛОГ

Louis

Утром в понедельник 24 апреля 1617 года около полусотни человек приближались к Лувру со стороны улицы Отриш. Впереди шел вельможа в темном костюме из дорогого сукна; пряжки его шляпы и туфель были украшены драгоценными камнями. Он читал на ходу письмо, только что полученное из Нормандии, и свита потихоньку обтекала его, просачиваясь через Бурбонские ворота между двумя угрюмыми массивными башнями.

За воротами был деревянный настил, ведущий к двум подъемным мостам через ров — для карет и для пешеходов. Маленький мост упирался в калитку рядом с внутренними воротами, через которые можно было

попасть в Квадратный двор Лувра. Когда человек с письмом ступил на мост, Бурбонские ворота неожиданно закрыли на засов, а к нему стремительно подошел де Витри — капитан личной охраны короля — в сопровождении пятерых своих людей и схватил его за руку: «Именем короля, вы арестованы!» «Ме?»^[1] — удивился вельможа и отступил назад, положив руку на эфес шпаги. Не отпуская его локтя, де Витри сделал знак своим людям: грянули пять пистолетных выстрелов. Две пули просвистели мимо, одна угодила жертве прямо в лоб, другая — в глаз, третья — в шею. Убитый рухнул на колени, удерживаемый парашетом моста. Его спутники даже не сразу поняли, что произошло; те из них, кто попытался прийти к нему на помощь, были сразу арестованы.

На безжизненное тело набросились солдаты охраны, без нужды терзая его кинжалами, срывая одежду и украшения. Витри велел перенести труп в небольшое помещение рядом с кордегардией и приставил к нему часового.

Шум выстрелов донесся до просторного зала на втором этаже, где с раннего утра дожидались заговорщики. Один, совсем юноша, послал узнать, что происходит. Получив ответ, что маршал д'Анкр с вооруженной охраной поднимается по лестнице и скоро будет здесь, он велел принести себе карабин и, вынув из ножен шпагу, направился им навстречу. Но избежавший по лестнице полковник корсиканцев д'Орнано радостно воскликнул: «Сир, готово!», а следовавший за ним господин де Ковиньи, товарищ де Витри, подтвердил, что маршал убит. Отовсюду слышался гул голосов, доносились радостные возгласы. Раскрыли большое окно, выходившее на Квадратный двор. Д'Орнано подхватил юношу и поставил на подоконник, чтобы его было видно солдатам охраны и швейцарским гвардейцам, высыпавшим во двор. Громкое «ура» прокатилось по двору, в воздух полетели шляпы, множество рук размахивали клинками, вспыхивавшими на солнце. «Спасибо, спасибо вам! — кричал Людовик, хотя его голос не мог пробиться сквозь этот гвалт. — С этого часа я — король!»

Чтобы успокоить французских гвардейцев, он показался и в окне, выходящем на служебный двор, и крикнул: «К оружию, товарищи!»

В Лувре поднялась невообразимая кутерьма. Камеристка королевы-матери открыла окошко, чтобы спросить, что происходит, и сообщила своей госпоже потрясающую новость: Кончини убит! Отовсюду слышались крики: «Да здравствует король!»

Между тем король Людовик XIII отдавал энергичные распоряжения: замуровать вход в Лувр со стороны улицы Отриш; заменить охрану королевы-матери верными людьми; разрушить мост, ведущий из ее

апартаментов в сад на берегу реки, и наглухо закрыть ворота; передать его сестрам и брату Гастону, что они не могут видаться с матерью без его разрешения; послать за старыми соратниками отца и прежними членами Королевского совета: он будет управлять страной с их помощью. Довольно он терпел власть итальянского проходимца Кончино Кончини, этого безродного выскочки, вершившего суд, не зная законов, ставшего маршалом, не понюхав пороха, лишь потому, что сумел со своей женой Леонорой Галигаи опутать своими сетями королеву-мать Марию Медичи.

Малая галерея Лувра была заполнена придворными. Чтобы короля не раздавила толпа, дюжие гвардейцы подняли его на руки и поставили на бильярдный стол, к которому протиснулись королевские фавориты Шарль де Люинь и Гишар Деажан. Туда же с трудом пробивался облаченный в фиолетовую мантию епископ Люсонский — Арман Жан дю Плесси де Ришельё, посланный парламентом от королевы. «А, Люсон! — закричал Людовик. — Наконец-то я избавился от вашей тирании! Убирайтесь прочь!» Сюринтенданта финансов^[2] Клода Барбена, ставленника Кончини, уже везли в тюрьму в карете с задернутыми шторками. Труп временщика наскоро закопали в церкви Сен-Жермен-л'Осеруа напротив Лувра, а его вдову препроводили на допрос в Бастилию.

Это был, пожалуй, единственный в истории дворцовый переворот, совершённый «действующим» королем, чтобы обрести всю полноту власти. Виновнику событий еще не исполнилось и шестнадцати, однако он уже шесть с половиной лет носил корону, возложенную на его голову в Реймсе 17 октября 1610 года. Вознамерившись превратить ее из простого украшения в полноценный атрибут своей власти, он был вынужден совершить двойное убийство: физическое — наглого временщика и политическое — собственной матери. Чтобы понять, как такое могло случиться, надо вернуться на много лет назад и поближе познакомиться с главными действующими лицами.

Часть первая

ДЕТСТВО

РОДИТЕЛИ

*Течение времени не раз узаконяло
То, в чем преступное нам виделось начало*^[3].

Генрих Наваррский (1553–1610) стал первым Бурбоном, взошедшим на французский трон. Путь от Пиренеев до Парижа оказался извилистым, тернистым и кровавым. Он начался с величайшей драмы в истории Франции, перечеркнувшей радостное событие: 18 августа 1572 года восемнадцатилетний король Наварры сочетался браком с сестрой короля Франции Карла IX, своей ровесницей Маргаритой Валуа. Этот союз, призванный объединить и примирить католиков и протестантов, вошел в историю под названием «Алая свадьба», поскольку 24 августа, в пресловутую Варфоломеевскую ночь, тысячи гугенотов, в том числе близкие друзья короля, прибывшие в Париж на торжества, были перебиты. Самого Генриха пощадили — для этого ему пришлось отречься от веры своей матери и перейти в католичество. С этого момента началось его тридцатилетнее «хождение по мукам»: смирение, притворство, одиночество, бунтарство, бегство и, наконец, выступление с открытым забралом и с оружием в руках.

Несмотря на юный по нашим меркам возраст, король Наварры уже был к тому времени вполне сложившимся мужчиной и закаленным в боях воином: приобщившись к искусству Марса под руководством дяди, Луи де Конде, и адмирала де Колиньи, он еще в 15 лет был назначен матерью, Жанной д'Альбре, главнокомандующим протестантскими войсками и за два года дошел с ними почти до Парижа, где начались мирные переговоры. Военное счастье чаще было на стороне католиков; отец Генриха, Антуан де Бурбон, погиб во время первой религиозной войны, когда его сыну было всего девять лет. Юный принц, а затем король разделял все тяготы походной жизни с солдатами своей родины Наварры, видел смерть вблизи и знал, что такое страх, хотя научился его преодолевать. Близко знакомый с правящим французским королевским домом, изъездивший все провинции и знавший о настроении умов, в частности о религиозном фанатизме парижан, подстрекаемом католическими проповедниками, юноша, обладавший гибким и бойким умом, наблюдательностью и природной сметкой, сформировал и закалил характер и выработал собственную

систему ценностей.

Его переход в католичество после Варфоломеевской ночи был уже четвертой сменой религии за его недолгую жизнь^[4], и то он согласился это сделать лишь через месяц после трагедии. Самым страшным было не это, а его вынужденное участие в осаде Ла-Рошели, цитадели французского протестантизма, в составе королевских войск. Четыре года его удерживали пленником при французском дворе, пока, наконец, он не сумел бежать во время охоты, вместе с несколькими ближайшими соратниками (Маргарита последовала за мужем). По дороге в родной Беарн он вновь перешел в кальвинизм.

В последующие десять лет он превратился в отважного полководца, способного рисковать и принимать нестандартные решения, и мудрого политика, проводящего в жизнь принцип сосуществования и ценящего равно католиков и протестантов исключительно за их личные способности и заслуги.

Судьба в очередной раз подстегнула развитие событий: в 1584 году смерть Франсуа Анжуйского, младшего из братьев Валуа, сделала Генриха Наваррского единственным законным наследником французского трона. По Салическому закону^[5], не допускавшему на престол женщин, в отсутствие мужского потомства у Генриха III наследовать ему мог только старший из Бурбонов, приходившийся ему кузеном в 22-м колене. Но Католическая лига, или Священный союз, возглавляемая Гизами, не могла допустить, чтобы французская корона досталась еретику, к тому же отлученному от Церкви папой Сикстом V. Она даже заключила союз с испанским королем Филиппом II, обещавшим помочь материально. Началась «война трех Генрихов»: французского короля Генриха III, Генриха Наваррского и Генриха де Гиза.

Король Наварры пустил в ход все свои таланты: заручившись поддержкой протестантских правителей (Елизаветы Английской, немецких государей), он вел активную переписку с королем Франции, которого знал с детства и с которым поддерживал теплые и доверительные отношения. В результате, когда его жена Маргарита примкнула к Лиге, она оказалась отвергнута и мужем, и братом. Генрих III выслал ее в замок Юссон и поместил под надзор.

Но столкновение между королями-кузенами было неизбежно. 20 октября 1587 года в битве при Кутра протестанты наголову разбили лигистов, потери составили 30 человек против двух тысяч. Вместо того чтобы развить наступление, Генрих Наваррский отступил, написав в

письме «брату», как сожалеет о пролитой крови, поскольку не делает различия между «добрыми французами» и «сторонниками Лиги». Между тем сам французский король, не разделявший ожесточения соотечественников, был вынужден бежать из Парижа, оцетинившегося баррикадами, и укрыться в замке Блуа на Луаре. В попытке восстановить свою поправленную власть он заманил в этот замок герцога де Гиза и его брата-кардинала, где они были убиты по его приказу в конце декабря 1588 года. В апреле состоялась встреча двух оставшихся Генрихов, которые заключили друг друга в объятия и поклялись вместе уничтожить Лигу. «Никогда моя страна не будет второй по значению после меня. Ее польза всегда будет стоять впереди моей собственной, а мои беды, невзгоды и огорчения побегут впереди несчастий моей родины», — поклялся Генрих Наваррский в марте того же года перед депутатами Генеральных штатов. Объединив свои усилия, «кузены» осадили Париж.

Первого августа 1589 года к Генриху III, находившемуся в городке Сен-Клу чуть западнее Парижа, явился генеральный прокурор Парижского парламента в сопровождении монаха-доминиканца Жака Клемана, у которого якобы были важные известия для короля. Тот не заставил себя долго ждать и принял визитеров в своей спальне, сидя на стульчаке, в одном халате. Клеман приблизился к королю и передал ему пачку писем. Генрих начал их читать, и тут коварный монах ударил его ножом в живот. Вскрикнув, несчастный схватился за нож и выдернул его, но тем самым увеличил рану. С возгласом «Злодей! Ты убил меня!» он попытался поразить напавшего его же оружием, но лишь порезался лезвием, скользнувшим по черепу Клемана. Увидев, что король весь в крови, стража наконец-то спохватилась, набросилась на монаха и зарубила его алебардами. Обнаженный труп Клемана выбросили в окно. Генрих III был еще жив, но у него начались жар и бред. Однако он успел провозгласить законным наследником Генриха Наваррского.

Маргарита Валуа, первая жена Генриха IV. Гравюра XVII в. (?)

Несмотря на то что других претендентов на трон уже не осталось, король-еретик был противен подданным. Ему пришлось в очередной раз перейти в католичество: 25 июля 1593 года Генрих IV торжественно отрекся от кальвинизма в аббатстве Сен-Дени. Реймс, где обычно короновались французские монархи, упорно не желал открыть перед ним двери, и для коронации был выбран недавно завоеванный Шартр. 27 февраля 1594 года Генрих получил все атрибуты королевской власти: шпоры, меч, перчатки, кольцо (означавшее «брак» короля с Францией), скипетр, «руку правосудия»^[6] и корону. Выйдя из собора, король велел раздать золотые и серебряные медали, на которых была выбита надпись «In via virtuti nulla est via» — «Для доблести нет непроходимых путей».

Теперь он обладал всей полнотой власти и даже способностью исцелять золотушных наложением рук, как все Капетинги^[7].

Новоиспеченный король Франции сделал ловкий ход: объявил войну Испании. Казалось бы, для страны, измученной гражданской войной, это было самоубийством; но Генрих объединил силы подданных в борьбе с внешним врагом, а лигисты, которые посмели бы теперь выступить против него, считались бы изменниками родины. К тому же война началась с блестящей победы, одержанной лично королем, который поспешил увидеть в этом волю Провидения.

Вчерашние ненавистники теперь прославляли короля — католика, помазанника Божьего, да к тому же милостивого к непокорным подданным, за которыми он сохранил всё принадлежавшее им имущество, должности и привилегии. Со всех сторон к нему стекались сторонники, но не все поддерживали его бескорыстно. Государственная казна быстро опустела, однако это была плата за мир. Наконец, 30 августа 1595 года от папы Климента VIII пришло отпущение грехов.

В последний день апреля 1598 года Генрих IV издал Нантский эдикт, даровавший его подданным свободу вероисповедания, а 2 мая был заключен мир с Испанией: Филипп II отказывался ото всех недавних завоеваний. Чтобы упрочить свое положение, королю Франции требовалось сделать следующий важный шаг — основать новую династию. Но для этого, во-первых, требовалось развестись с Маргаритой Валуа, во-вторых, найти себе новую жену. Поводов для развода было предостаточно: супруги были неверны друг другу, уже десять лет жили врозь и не имели детей. Развод означал бы свободу для Маргариты, по-прежнему заточенной в Юссоне; но она не соглашалась уступить свое место «бог знает кому». Имя женщины, которой король отдал свое сердце, было известно: Габриэль д'Эстре.

О ее внешности можно судить по дошедшим до нас портретам, на которых она без всякого смущения позирует обнаженной по пояс. Современники уверяли, что ее кожа была лилейно-белой, глаза — небесно-голубыми, брови — соболиными, губы — коралловыми, а пропорции тела — идеальными. Неудивительно, что женолюбивый Генрих утратил покой, когда увидел ее, хотя к тому времени Габриэль, уже довольно опытная женщина, сменив нескольких любовников, в числе которых был и король Генрих III, была без памяти влюблена в красавца Роже де Бельгарда — главного королевского конюшего. Впрочем, он и свел ее с Генрихом Наваррским, поскольку любил деньги больше женщин. Злые языки уверяли, что первый ребенок, которого Габриэль родила королю в 1594 году

и которого называли Цезарем (Сезаром), на самом деле был от Бельгарда, но Генриху это было неважно. Для соблюдения приличий он выдал Габриэль замуж за старика герцога де Бофора, а затем развел с ним, чтобы всегда держать при себе. В 1596-м Габриэль родила дочь Екатерину Генриетту.

Весной 1598 года у Генриха и его друга Максимильяна де Бетюна, ставшего герцогом де Сюлли и интендантом финансов, вновь зашел разговор о женитьбе. Супруга должна обладать семью качествами, сказал король: красотой, целомудрием, покладистым характером, подвижным умом, плодовитостью, знатным рождением и большим приданым. «Но я думаю, мой друг, что эта женщина уже умерла, а может быть, еще не родилась».

Ему подошла бы испанская инфанта Изабелла Клара Евгения, пусть она и старая (32 года), и некрасивая, если вместе с ней он получит Нидерланды. (Филипп II ни за что не даст согласия на этот брак.) Не отказался бы он и от Арабеллы Стюарт, если королева Англии пообещает сделать его своим наследником. (Это еще менее вероятно.) Про немецких принцесс он и слышать не хочет: они все толстые, как бочки, и так же накачаны вином. Сестры голландского принца Морица Нассауского гугенотки; если он женится на какой-нибудь из них, на него вновь будут косо смотреть в Риме. Племянница великого герцога Тосканского Мария Медичи вроде недурна (Генриху прислали ее портрет еще в 1592 году), но всего несколько поколений назад ее предки были простыми буржуа. Какой из всего этого следует вывод? А вот какой: зачем искать далеко, когда до счастья рукой подать? Габриэль красива, умна, из хорошей семьи, и к тому же у них уже есть дети. (19 апреля 1598 года Габриэль родила еще одного мальчика, которого называли в честь Александра Македонского.)

Любовница короля, в очередной раз беременная, уже мнила себя королевой, но тут опять вмешалась судьба: на Пасху 1599 года Габриэль неожиданно скончалась в страшных корчах, выкинув мертвого ребенка. Ходили слухи об отравлении (перед смертью итальянский банкир Дзамет угостил ее лимоном); враги герцогини уверяли народ, что в нее вселился дьявол и сломал ей шею; современные исследователи называют причиной смерти поздний токсикоз... Во всяком случае, у Маргариты Валуа теперь не было причин опасаться мезальянса; 17 декабря 1599 года папа Климент VIII подписал буллу о расторжении брака под благовидным предлогом: венценосные супруги состоят в духовном родстве — отец Маргариты являлся крестным отцом Генриха.

Между тем король обзавелся новой любовницей — Генриеттой д'Антраг. Ее мать Мари Туше в свое время была возлюбленной Карла IX и

родила ему сына, которого он признал и сделал графом Овернским. Генриетта и ее отец, губернатор Орлеана Франсуа де Бальзак д'Антраг, ловко заманили Генриха IV в сладкие сети и даже сумели вытребовать у него письменное обещание жениться — в случае, если она родит ему сына. 1 октября 1599 года Генрих подписал бумагу (чуть ли не своей кровью), она была помещена в бутылку и замурована в стене замка Маркусси, принадлежавшего господину д'Антрагу. К несчастью для Генриетты, ставшей маркизой де Верней, она родила мертвого младенца и, таким образом, не соблюла «условия контракта». (Отметим попутно, что это случилось во время грозы: молния ударила прямо в комнату Генриетты, и у той от страха начались преждевременные роды. Опять рука судьбы?)

Препятствие к браку было устранено, но выбор невест оставался невелик. Жениться на гугенотке недавно обращенный «христианнейший король» не мог, а все католические державы находились под влиянием Габсбургов, воевавших с Генрихом уже четверть века. Между тем Марии Медичи стукнуло уже 27 лет, ее требовалось срочно пристроить замуж. Одних женихов отвадила она, другие сбежали сами^[8]. Получалось, что король Франции — единственный вариант. Как только вопрос о его семейном статусе пришел к счастливому разрешению, начались переговоры, вернее, торги. Флоренция предложила за Марию полмиллиона экю, Франция запросила полтора. Сошлись на шестистах тысячах: 350 наличными, а остальное в виде списания королевского долга. Брачный контракт был подписан во Флоренции 25 апреля 1600 года. Когда Сюлли объявил королю: «Сир, мы вас только что женили», — Генрих с четверть часа задумчиво чесал в затылке, чистил ногти и лишь потом воскликнул: «Эх, на всё Божья воля! Раз иначе никак нельзя и вы говорите, что для блага королевства и моих подданных мне нужно жениться, я женюсь».

Мария Медичи находилась в очень дальнем родстве со знаменитой Екатериной Медичи, матерью троих французских (увы, бесславных) королей — Франциска II, Карла IX и Генриха III. По материнской линии она принадлежала к дому Габсбургов, а итальянкой была лишь на четверть. Однако она прожила всю жизнь во Флоренции и получила типичное итальянское воспитание: неплохо рисовала, любила танцы, театр, придворные развлечения, прекрасно разбиралась в драгоценных камнях и украшениях, даже занималась ботаникой, химией и арифметикой, но читать не любила — и не только потому, что была близорука: у нее полностью отсутствовало воображение, а душа была лишена сентиментальности. Зато она была благочестива и не пропускала ни одной молитвы, мессы или религиозной процессии, но ее вера не шла от сердца — это была скорее

любовь к порядку.

В пять лет она лишилась матери, и ее отец Франческо Мария немедленно женился на своей любовнице Бьянке Каппелло, вдове банковского служащего. Мария ненавидела ее всей душой — и как женщину, занявшую место ее матери, и в особенности как простолюдинку. У нее были две старшие сестры и младший брат. Но брат умер во младенчестве; сестра Анна скончалась от носовых кровотечений, а сестра Элеонора вышла замуж за герцога Мантуанского, и в 11 лет девочка осталась одна в огромном палаццо Питта, окруженная армией слуг. Ей нашли товарища для игр — двоюродного брата Вирджинию Орсини, а для развлечения и мелких услуг — разбитную девчонку, дочку столяра Якова Бестейна по имени Дорина, пятью годами старше «принцессы». Дорина (впрочем, она сменила имя на Леонору) быстро стала незаменимой: только она умела нарядить и причесать хозяйку всем на загляденье, предупреждать ее желания, подумать обо всем заранее, а главное — она первая стала говорить Марии, что ее ждет высокая судьба: якобы одна монахиня из Сиены, обладающая даром предвидения, предсказала, что ей уготована корона. Французская или испанская?

В октябре 1587 года, когда Марии было 14 лет, ее отец и мачеха скончались с разницей в сутки. Не исключено, что не обошлось без «напитка», состряпанного братом великого герцога Тосканского Фердинандом; но флорентийцы, ненавидевшие своего правителя (он слыл чернокнижником), были только благодарны за такое вмешательство. Мария тоже сияла от радости: ее дядя сразу заменил портреты Бьянки портретами покойной герцогини; его молодая супруга Кристина Лотарингская была всего двумя годами старше племянницы, и пока обе без удержу веселились на балах, дядя занялся поисками достойной брачной партии для юной родственницы. Эти поиски и переговоры длились 13 лет...

И вот, наконец, в начале октября Роже де Бельгард прибыл во Флоренцию, чтобы, как тогда было заведено, заключить брак от имени французского короля. После пышной церковной церемонии целых пять дней продолжались празднества: пиры с элементами театрализованного представления, шествия, фейерверки, турниры, состязания, концерты и спектакли. Из Флоренции невеста со свитой отправилась в Ливорно, где взошла на королевскую галеру, украшенную золотом и 230 драгоценными камнями. Через две недели каботажного плавания флотилия из восемнадцати судов (из них только одно было французским) прибыла в Марсель. Но чтобы увидеться с супругом, Марии пришлось ехать дальше, в Лион — Генрих в то время сражался в Савойе и слал ей нежные письма. Их

встреча состоялась 10 декабря: король явился к ужину. Не откладывая дела в долгий ящик, он сообщил, что нынче ночью придет к ней: флорентийской «свадьбы» достаточно, чтобы считать их мужем и женой, благословение папского легата — условность. Памятуя о полученном перед отъездом дядюшкином напутствии («Главное — забеременеть»), Мария подчинилась... 17 декабря их наскоро обвенчали в Лионском соборе, а через месяц молодожены порознь выехали в Париж. Королева уже была беременна.

Если их первое свидание обернулось приятным сюрпризом (Генрих, в свои 47 лет совершенно седой, на деле оказался вовсе не стариком, а Мария, перезрелая старая дева, — вполне привлекательной толстушкой), брак по расчету не стал союзом любящих сердец. Супруги были совершенно разные люди.

Невысокий сухопарый Генрих никогда не считался красавцем, а ко времени второй женитьбы не только поседел, но и лишился половины зубов, а оставшиеся были сильно испорчены. По обычаю своей родины он употреблял в пищу много чеснока и лука. Король-воин мало заботился о своих нарядах, мог спать в одежде, часами ездить верхом, мылся крайне редко, а потому источал резкий запах пота, конюшни, псины и кожи. Это амбре служило предметом шуток его окружения, над которыми он смеялся первым; но вот его супруга была вынуждена поливаться крепкими духами, чтобы перебить зловоние, исходившее от мужа.

При всём этом король обладал неотразимым обаянием. Он не был рожден для трона, а потому лишен высокомерия и чванства, свойственных его новой жене. Он умел понимать людей и ставить себя наравне с ними, пока общение носило неофициальный характер: шутил и смеялся чужим шуткам, но мог осадить остроумным выпадом зарвавшегося нахала, прислушивался к чужим советам и ценил искренность. Прагматик до мозга костей, он принимал порой неожиданные решения, которые, однако, оказывались единственно верными, поскольку он схватывал суть дела. Мария же и не пыталась проникнуть в суть вещей, но ее верхоглядство сочеталось с непреодолимым упрямством; сомнения были для нее мучительны, а потому она цеплялась за внешний порядок, обычаи, стереотипы. Генрих чувствовал себя свободно в любой компании, умел дружить, не чурался простонародья, обожал ярмарочные балаганы. По характеру он был типичным гасконцем: простой в общении, подвижный, говорливый, не мог усидеть на месте и сам признавался, что крайне нетерпелив. Неповоротливая умом и телом Мария не могла бы за ним угнаться, даже если бы захотела. Кроме того, супругам приходилось

общаться через переводчика: хотя переговоры о заключении брака велись почти восемь лет, никто и не подумал обучить невесту языку будущих подданных. Только прибыв во Францию, она понемногу начала осваивать французский, но даже научившись объясняться с грехом пополам, не понимала скороговорки мужа и его шуток — для этого надо было не только улавливать игру слов, но и обладать чувством юмора, которого она была лишена.

Однако весельчак и бонвиван был гораздо более сложной личностью: пережитые страдания приучили его скрывать истинные мысли. С ним случались приступы тоски и грусти. Мужественный и храбрый до бесстрашия, Генрих мог быть властным и даже жестоким, вспыльчивым, но отходчивым. Годы военных походов и любовных сражений не прошли даром: короля часто била лихорадка, мучила подагра, а из-за постоянного риска покушений^[9] и нередких неудач на любовном ложе он страдал хронической бессонницей.

С женщинами он был фамильярен до вульгарности, но за этим поведением скрывалась неутоленная потребность в любви и нежности. Помимо двух законных жен у него было как минимум 56 любовниц (не считая случайных связей, о которых не осталось никаких документальных свидетельств), но ни одна из этих женщин не любила его — они отдавались королю. А проницательный и осторожный король таял от любви, терял весь свой ум и рассудительность и мог бы наделать непоправимых глупостей, если бы не вмешательство друзей — или самой судьбы.

Вот и сейчас, отправив жену в Париж малым ходом, он во всю прыть поскакал в Верней, где его дожидалась Генриетта. Когда королева после трех недель пути совершила торжественный въезд в столицу, супруг представил ей маркизу среди прочих придворных дам: «Вот эта красавица была моей любовницей, а теперь хочет стать вашей покорной служгой». Красавица поклонилась недостаточно низко, и король сам нагнул ей голову, чтобы она поцеловала край платья своей госпожи. Однако апартаменты королевы в Лувре находились по соседству с апартаментами Генриетты, и король усердно навещал обеих дам.

Нравы французского двора шокировали королеву-итальянку, а она сама шокировала подданных гордыней и приверженностью к обычаям своей родины. Мужчины из ее свиты, которые должны были обеспечивать безопасность во время пути, теперь уже не имели причин находиться при ее особе, и Генрих отослал их всех обратно, включая Вирджинию Орсини — кузена и друга детства королевы (а может быть, и более). Марию окружили французской свитой, в статс-дамы назначили госпожу де

Гершвиль — умную, зрелую и рассудительную женщину, прославившуюся тем, что в свое время твердо отклонила все авансы короля. Зато королева не согласилась пойти ни на какие уступки в отношении своей камер-фрау: ею должна быть только Леонора. Ей объяснили, что даже камеристка королевы должна быть высокого происхождения и замужней дамой. Это не проблема: чтобы получить возможность последовать за своей хозяйкой во Францию, дочь столяра купила себе имя разорившегося потомка славного рода Галигаи. Но оказалось, что во Франции мало обладать титулом почетного горожанина. Однако за некрасивой, смуглой и плоской, как доска, Леонорой уже давно увивался умный и смазливый Кончино Кончини — отпрыск графа де ла Пенна, получивший прекрасное образование, но не имевший ни чести, ни совести, ни денег. Он сразу вызвал у короля резкую антипатию, и сначала тот дал согласие на брак при условии, что парочка вернется во Флоренцию. Но потом Генрих IV передумал — Кончини помогал ему скрывать любовные похождения от ревливой королевы. Через полгода после приезда во Францию Леонора вышла-таки замуж и стала камер-фрау; королева совершенно подпала под влияние супругов Кончини, а те, хранители интимных секретов, теперь могли добиться всего, чего хотели.

Не подготовленная к жизни при французском дворе, королева совершала одну оплошность за другой, однако искупила их все 27 сентября 1601 года, разрешившись от бремени сыном. Счастливое событие произошло в Фонтенбло. Король был рядом во время родов (вместе с тремя принцами крови, которые должны были засвидетельствовать факт рождения королевского отпрыска), а увидев, что младенец — мальчик, возблагодарил Господа; по щекам отца текли крупные слезы. Двери спальни распахнули настежь, и ее заполнили две сотни человек, чтобы посмотреть на ребенка. Король благословил сына и вложил в его ручонку свою шпагу, чтобы тот воспользовался ею «ко славе Божьей, для защиты короны и народа».

Рождению дофина^[10] радовалось всё королевство: люди обнимались на улицах, танцевали; на перекрестках зажгли огни иллюминации, выкатили бочки вина. Даже королева пришла в умиление: увидев маленького Сезара де Вандома (старшего сына Габриэль д'Эстре, которого король взял на воспитание), одиноко бродящего по дворцу, пока все радовались рождению его единокровного брата, она велела ласкать и его. Но 4 ноября Генриетта д'Антраг в свою очередь родила мальчика — Гастона Анри; король и его целовал и тетешкал, называл своим сыном и говорил, что этот малыш красивее, чем сын королевы, — тот уродился в

Медичи, такой же чернявый и толстый.

ДОФИН

Мой род и я горды наследником таким.

Первенец королевской четы родился довольно слабым: повитуха Луиза Буржуа не сразу перерезала пуповину, боясь поранить ребенка. Чтобы привести его в чувство, она попросила принести ей вина и ложку и сказала королю: «Сир, если бы это был другой ребенок, я набрала бы в рот вина и впрыснула ему». Король тотчас вставил горлышко бутылки ей в рот и сказал: «Поступайте, как с другими».

После рождения младенец получил лишь малое крещение — его окунули в воду без совершения церковных обрядов (эту процедуру могла совершить и повитуха). По традиции имя было положено давать только после официальной церемонии крещения, поэтому королевского первенца все называли просто дофином, а родители обращались к нему «сын».

Детская смертность в те времена была очень велика (20–40 процентов), и к новорожденному дофину сразу приставили опытного личного врача Жана Эроара, прежде служившего Карлу IX, Генриху III и самому Генриху IV. Эроар вел подробный дневник с 1601 по 1628 год, занося в него все мелочи, относящиеся к физиологическим отправлениям, гигиене, состоянию здоровья, поведению малыша, а также важные события в его жизни. Там, в частности, есть такие записи: «11 ноября 1601 года ему впервые натерли голову. 17 ноября 1601 года ему натерли лоб и лицо свежим сливочным маслом и миндальным молочком, поскольку там появилась грязь. 4 июля 1602 года его впервые причесали, ему это нравилось, и он поворачивался головой там, где у него чесалось. 3 октября 1606 года ему омыли ноги теплой водой... в первый раз. 2 августа 1608 года впервые искупали». Надо полагать, что «пахучий» Генрих находил это в порядке вещей.

Ребенка отдали кормилице, но он плохо сосал грудь. Осмотрев его ротик, Эроар решил, что всему причиной короткая уздечка языка, и уже на следующий день после рождения малыша подвергли операции: королевский хирург Гиймо трижды надрезал уздечку. 19 октября в помощь первой кормилице назначили вторую, но она не пришлась по душе королеве, а взятая ей на смену была неопытна. Наконец королева остановила свой выбор на Антуанетте Жоррон, супруге королевского секретаря Жана Боке. Мальчик очень привязался к ней и называл Дондон

или мама Дундун. Его отлучили от груди в год и пять месяцев, но связь с кормилицей не прервалась: именно она потом научила его читать и рассказывала ему сказки о братце Лисе и притчи о несправедном богаче и воскрешении Лазаря.

Малыш называл «мамами» женщин, постоянно находившихся рядом с ним и нежно его любивших. Его собственная мать не баловала его нежностью, зато отец не скупился на ласки. Он специально велел перевезти сына из Фонтенбло в замок Сен-Жермен-ан-Ле, чтобы чаще его навещать (Фонтенбло отстоит от столицы почти на 70 километров, а Сен-Жермен — на 22,5). Как практически все отцы, он любил подбрасывать младенца в воздух. Однажды это чуть не закончилось бедой: малыш выскользнул из рук короля и расшибся бы, если бы его не подхватила кормилица. После этого Генрих больше так не делал.

Дофин занимал пять комнат на втором этаже старого замка. Его апартаменты состояли из прихожей, служившей также музыкальным салоном, парадной королевской спальни с портретами царствующих государей и гобеленами на стенах, комнаты кормилицы, комнаты горничной, кабинета и завершались башенкой. В спальне стояла кровать под балдахином, рядом помещалось ложе гувернантки, баронессы де Монгла, которую мальчик ласково звал «Маманга». Гувернантка находилась при нем в «детстве», которое кончилось 24 января 1609 года, когда дофин покинул Сен-Жермен и отправился ко двору, перейдя на попечение гувернера, господина де Сувре. Гувернер был, скорее, «дядькой»: присматривал за своим подопечным, но не занимался его образованием.

Остальная свита принца помещалась на третьем этаже; Эроару выделили спальню и рабочий кабинет. Судя по сохранившимся документам, официально в штат дофина входили 224 человека, включая лакея, привратника, музыкантов, игравших на скрипке и лютне, прачек, виночерпиев, стольников, хлебодара и прочих лиц, приставленных к кухне, духовника, конюшего, пажей и особого слуги, обязанностью которого было выносить ночной горшок. В подавляющем большинстве слуги дофина были мужчинами, женщин при нем состояло всего пятнадцать.

День дофина подчинялся строгому распорядку. С утра, проснувшись часов в семь-восемь, мальчик принимался за игрушки: набор серебряной посуды, миниатюрную галерею с картонными гребцами, мраморного оленя, лягушку на шарнирах и свисток из слоновой кости. Позволив ему потешиться час-полтора, с него снимали ночную сорочку, надевали теплый халат и домашние туфли и принимались умывать, причесывать и одевать (лет до шести и мальчики, и девочки носили длинные платья). Дело это

было долгое и хлопотное, поскольку малыш не желал сидеть смирно, носился по комнате и прыгал, пытаясь дотянуться до портретов родителей: «Здравствуй, мама! Здравствуй, папа!»

На завтрак он получал бульон, яйца всмятку и фрукты: печеные яблоки или вишни на серебряной посуде. После завтрака, заканчивавшегося в половине десятого, полагалось слушать мессу. Можно себе представить, что для такого егозы это было сущим наказанием. Однажды мальчик заартачился и наотрез отказался идти на мессу. Гувернантка позвала на помощь каменщика со стройки — здоровенного мужчину, звавшегося Бонга. Вероятно, его имя, буквально означающее «добрый малый», не соответствовало его внешности, поскольку, как только он заявил: «Ступайте на мессу, а то я вас заберу», — дофин сразу пообещал, что больше не будет «упрямцем». Постепенно ежедневные службы вошли в привычку, только мальчик предпочитал произносить молитвы по-французски, а не на латыни.

В хорошую погоду после мессы дофин шел гулять по саду и рвать цветы, но прогулка чаще всего была короткой: мальчик бежал в зал для игры в мяч (прообраз современного тенниса) или на стройку нового дворца, смотреть, как работают каменщики. Замечательным развлечением было притаиться в искусственном гроте, где итальянец Франчини устроил фонтан-шутиху, и, повернув кран, неожиданно окатить водой слуг. Но если шел дождь, приходилось сидеть дома. Можно было побегать по длинной галерее или большой бальной зале, посидеть в комнате у Эроара или Дундун.

Королева строго-настрого запретила вывозить сына в город и позволять ему общаться с жителями. Оставалось смотреть в окно на церковные процессии да изредка зазывать к себе бродячих торговцев. Толпы нищих зазывать не приходилось — их, наоборот, гнали, сунув в руки милостыню; но если среди них оказывались музыканты, дофин требовал, чтобы их провели к нему: он обожал музыку и желал слушать игру на самых разных инструментах.

Обед подавали примерно с полудня до половины второго: суп и рубленого вареного каплуна или кролика, вареную курицу или жареного каплуна. Дофин обожал костный мозг из телятины и салат из цветков фиалки и анхузы, сдобренный растительным маслом, сахаром и уксусом, — это блюдо он был готов есть хоть каждый день. Подавали на стол и вино, но разбавленное отваром из корней щавеля и пырея. Потом надо было возблагодарить Бога за пищу и помыть руки — из приборов использовали только ложку.

По воскресеньям в Сен-Жермен приезжали король и королева. На отношениях в венценосной семье следует остановиться особо. По старинному обычаю дофина приучали прислуживать родителям. Едва отлучив от кормилицы, малыша привели на королевский обед, чтобы он подал отцу салфетку. В два с половиной года он уже должен был пробовать все мясные блюда. В три его возмутила фраза отца: «Я господин, а вы мой слуга». Однако в конце концов он успокоился и когда услышал вопрос: «Кто вы?» — заданный, чтобы проверить, усвоил ли он урок, ответил: «Папин слуга». Впоследствии, когда кто-либо из прислуги отправлялся в Париж по делам, мальчик просил: «Скажите папе, что я его слуга». Дофин должен был исполнять роль не только «официанта», но и лакея: раздевать короля перед сном. Вместе с тем Генрих не хотел, чтобы дети называли его «сударь», предпочитая сердечное «папа».

В первый раз дофина высекли, когда ему только-только исполнилось два года. «9 октября 1603. Проснулся в восемь часов. Капризничал, впервые выпорот», — записал Эроар. И далее, в записях от 22 декабря: «Король приехал в полдень, поцеловал его и обнял. Когда король ушел, он кричал, гневался — выпорот». Эту неприятную обязанность приходилось исполнять его гувернантке «Маманге». Бедная женщина разрывалась между жалостью к ребенку и долгом повиноваться королю, который отчитывал ее в письме от 14 ноября 1607 года: «Я недоволен Вами за то, что Вы не сообщили, выпороли ли Вы моего сына. Я желаю и приказываю Вам пороть его всякий раз, когда он упрямится или делает что-либо дурное, зная по собственному опыту, что нет ничего полезнее. Меня самого в его возрасте здорово драли, и мне это пошло на пользу, поэтому я желаю, чтобы Вы это делали и довели до него мои слова». В 1604 году дофина секли 15 раз...

Несмотря на это, мальчик беззаветно любил отца: при одном известии, что король в Сен-Жермене, он принимался скакать от радости. Зато отъезд отца неизменно повергал его в глубокую печаль, и слезы, которые он не в силах был удержать, могли растрогать Генриха до глубины души. С матерью же он прощался совершенно спокойно.

Но вернемся к обычному времяпрепровождению дофина. Днем, если было желание, он катался по дворцу в зеленой комнатной карете на собачьей тяге или терзал куклу-купидона. Когда в Сен-Жермене устраивали ярмарку, это событие нельзя было пропустить: мальчика сопровождала туда Маргарита Валуа, помирившаяся с бывшим супругом, которую дофин называл «мама-дочь моя», и покупала ему всё, что он просил, по большей части деревянные игрушки, например «жену, которая бьет мужа молотком

по голове». Еще там продавались лошадки на колесиках, маленькие мельницы, тележки, волчки... Зато к матери, которая иногда делала ему подарки, мальчик никогда не обращался с просьбой о деньгах, опасаясь получить отказ.

Имелись и живые «игрушки»: в те времена зверинцы при замках и дворцах были обычным делом, и для забавы дофина приобрели кролика, обезьянок, хамелеона и ученую козу, за которую уплатили 26 экю золотом; герцог де Невер подарил ему верблюда. В конюшне принца стояли мул, несколько иноходцев и шесть маленьких лошадок. Будущего короля обучал верховой езде знаменитый Плювинель, создатель и руководитель первой военной академии в Париже; он же посадил в седло Сезара де Вандома, а потом был назначен в помощники гувернеру дофина господину де Сувре и сделан камергером. Отличный наездник и талантливый педагог, Плювинель учил «хорошему обращению с лошадьми» и полагал, что эти навыки пригодятся и для «укрощения людей».

Замок Сен-Жермен охраняла рота французских гвардейцев — 120 человек. Развод караулов, учения, ружейные приемы — всё это живо занимало принца, сына короля-воина, начиная с четырех лет. Играя в солдатиков, мальчик сначала использовал большие соломинки, выуженные из матраса, потом создал «потешный полк» из дворянских детей, составлявших его окружение, и, наконец, принялся командовать настоящими солдатами, заставляя их делать различные перестроения и стрелять из мушкета или аркебузы. Он с ранних лет упражнялся во владении оружием: занимался стрельбой из лука и аркебузы, маневрами с пикой, был отличным барабанщиком и разучил все сигналы. Когда в Сен-Жермен приезжал король, дофин лично выбивал барабанную дробь, пока тот поднимался на крыльцо.

Сын Генриха IV проявлял гораздо больший интерес к рядовым, чем к офицерам. Его первым фаворитом стал гвардеец Деклюзо, которого он называл своим миньоном^[11]. Деклюзо учил его артикулу; один раз, будучи в Фонтенбло, дофин приказал ему выйти из строя — это было знаком отличия. Однако фамильярности в их отношениях не было. Например, гвардеец не мог сидеть с дофином за одним столом, потому что не был дворянином.

Уже через час с небольшим после обеда дофин мог подкрепляться вишнями или засахаренными грушами с хлебом и марципаном. В шесть был ужин, не отличавшийся разнообразием: похлебка, вареная курица, вишневое варенье и марципан.

Эроар в своих записях отмечает, что на настроение его маленького

пациента сильно влияли расстройства кишечника, которыми он начал страдать, когда ему не было еще и четырех лет: он бледнел, жаловался на тошноту, утрачивал веселье; по мере того как боли в животе усиливались, он становился невыносим; но кризис проходил, и он вновь делался веселым и покладистым. Современные исследователи полагают, что лейб-медик путал причину со следствием и что описанные им симптомы говорят о расстройстве симпатической нервной системы, тем более что дофину случалось «уходить в другую реальность», замечтавшись о чем-то за ужином, а по ночам его порой мучили кошмары.

Вечером мальчик опять бежал играть в мяч или в кегли^[12] (у него это хорошо получалось) или распевал песни с гасконцами из королевской стражи. В его обширном репертуаре преобладали веселые и скабрезные песни.

При французском дворе не было запретных тем. Уже в трехлетнем возрасте дофин имел четкое представление о том, в чем разница между мужчинами и женщинами и откуда берутся дети. Отец постоянно подшучивал над ним, говоря, что он в кого-то влюблен, и порой доводил до слез. «Братец Верней» (сын Габриэль д'Антраг) подавал плохой пример, подбивая «своего господина», как он называл единокровного брата, обнимать и целовать маленьких девочек. Однако дофин в этом плане оказался полной противоположностью отца: с годами в нем развилась стыдливость. В июне 1609 года он попросил у Генриха позволения нарвать два букета: один — для своей матери, другой — для мадемуазель де Фонлебон, фрейлины королевы, в которую был влюблен. Он подарил свой букет и четырежды поцеловал объект своего обожания. Однако в другой раз на вопрос кормилицы, не влюблен ли он, он ответил, подумав: «Нет, я избегаю любви».

В восемь часов дофина отправляли спать. Перед сном начальник дворцовой стражи приходил к нему, чтобы узнать ночной пароль, и юный принц давал волю фантазии.

Прежде чем лечь в постель, полагалось прочесть «Отче наш», «Верую» и особую молитву: «Господи, сохрани жизнь папе, маме, сестрице, дофину и сделай меня хорошим человеком и не упрямым, даруя мне свою любовь, милость и благословение. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь». Иногда к этому времени у мальчика уже слипались глаза, и он просил «Мамангу» позволить ему помолиться завтра. Тогда ограничивались только последней молитвой. Впрочем, чаще его приходилось убаюкивать колыбельными, похлопыванием по голове и другим частям тела или же кормить вареньем из роз в качестве

снотворного.

«Сестрица», о которой молился дофин, родилась 22 ноября 1602 года; во дворце ее называли «Мадам». Узнав, что произвела на свет дочь, королева горько разрыдалась: во-первых, ей было напророчено, что она родит трех принцев, а во-вторых, рождение еще одного сына упрочило бы ее положение и выбило бы оружие из рук ненавистной соперницы, которая тоже была на сносях. Генрих попытался подбодрить жену шуткой, что быть женщиной тоже неплохо: «Если бы вы не принадлежали к этому полу, вы никогда не стали бы королевой Франции!» — и пообещал «сделать» ей других детей. Два месяца спустя Генриетта д'Антраг тоже разрешилась от бремени девочкой, которую называли Габриэль.

Королевская фаворитка вела себя всё более нагло: она утверждала, что именно ее сын является законным наследником, а отпрыск «толстой банкирши» — байстрюк. Мария не могла стерпеть такого оскорбления. Генриху постоянно закатывали скандалы, у которой бы из своих «жен» он ни появился. Но это были еще «цветочки»; поняв, что Генрих, готовый выполнить любое другое ее желание, не пожертвует дофином, Генриетта отправила своего брата Карла Валуа к герцогу де Бирону — бывшему другу короля, сделанному губернатором Бургундии, который теперь вместе с Испанией и Савойей строил планы свержения французского монарха. Бирона казнили в 1602 году; Карл уцелел только потому, что был сыном покойного короля и братом Генриетты. Раскрытие заговора стало страшным ударом для Генриха, серьезно подорвав его здоровье; врачи настоятельно рекомендовали ему «воздержаться от женщин», включая жену. Семейство д'Антраг всполошилось: что, если король умрет? В 1604 году сложился новый заговор, поддержанный Мадридом: Филипп III подписал договор, обязавшись взять маркизу де Верней под свою защиту, признать ее сына законным наследником французского трона и выдать за него замуж инфанту.

Эти происки были раскрыты с помощью «королевы Марго». Генриетту, ее брата и отца, при котором оказались компрометирующие письма, арестовали. Король лично допрашивал любовницу. Это была роковая ошибка: единственное, чего он добился, — вернул обратно свое письменное обязательство жениться на ней, да и то уплатив за эту бумагу 20 тысяч эку! Между тем граф Овернский дал показания: заговорщики готовили убийство короля. Суровый Парижский парламент 2 февраля 1605 года приговорил отца и брата Генриетты к смертной казни, а ее саму — к пожизненному заключению в монастыре, но король заменил казнь тюремным заключением для Карла Валуа и домашним арестом для

Франсуа д'Антрага, а Генриетту и вовсе помиловал. Однако он больше не делил с ней ложе, а завел себе новую любовницу.

Возобновились жизнь втроем и роды наперегонки: 10 февраля 1606 года королева родила еще одну дочь, а 16 апреля 1607-го — сына. 9 мая того же года новая пассия короля Жаклин де Бюэй, ставшая графиней де Море, произвела на свет сына Антуана де Бурбона. Впрочем, Жаклин, которую принуждали к сожителству с королем ее родители, вскоре сбросила с себя это иго. Тогда Генрих сошелся с Шарлоттой Дезэссар, которую сделал графиней де Роморантен; в январе 1608 года она родила дочь, тогда как у Марии Медичи 24 апреля того же года родился сын. Наконец, в 1609 году обе женщины разрешились от бремени дочерьми (принцесса родилась 25 ноября)^[13].

Всякий раз, произведя на свет дочь, Мария Медичи горько плакала и сильно расстраивалась. Дофину тоже хотелось, чтобы мать рожала мальчиков, но у него были свои резоны. Когда его спросили перед очередным «счастливым событием», кого бы он хотел получить — братца или сестрицу, он ответил, что братца, «потому что у папы будет еще один слуга, и станут палить из пушки». Впрочем, он был очень дружен с сестрой-погодком.

Придворные художники начали писать портреты дофина, когда тому исполнилось два года. В четыре, глядя, как один из них, Мартен, создавал портрет Мадам, принц тоже попросил дать ему кисть и краски и принялся за работу. Когда двор бывал в Фонтенбло, мальчик следил, как декораторы под руководством Мартена Фремине расписывали апартаменты. Фремине показал дофину, как держать кисть и смешивать краски. Его первыми работами были натюрморты: вишни, роза. Потом он переключился на животных и в феврале 1607 года создал первую картину, запечатлев охоту на барсука, в подарок отцу. От живописи он перешел к лепке: пока скульптор Дюпре делал эскизы, чтобы отчеканить медаль с профилем дофина, тот лепил из воска бюст Деклюзо. Делал он и карандашные наброски, по большей части карикатурные.

Четырнадцатого сентября 1606 года над дофином — вместе с двумя его сестрами — наконец-то совершили официальный обряд крещения. Церемония должна была состояться в соборе Парижской Богоматери, но поскольку в столице свирепствовала чума, ее провели в Фонтенбло. Крестным отцом был римский папа Павел V, представленный своим легатом кардиналом де Жуайёзом, крестной матерью — герцогиня Мантуанская. В этот день мальчик, как обычно, встал в восемь утра. Все парадные церемонии (пробуждение, раздевание, туалет) были соблюдены.

Торжественный кортеж отправился в путь только в четыре часа пополудни. Впереди выступали швейцарские гвардейцы с факелами в руках, за ними шли 100 дворян, оркестр из флейт, барабанов, гобоев, труб и девять герольдов, кавалеры Ордена Святого Духа^[14]... Дофина нес на руках господин де Сувре, принц Конде держал мальчика за руку, а герцог де Гиз придерживал край горностаевой мантии. Процессию замыкали 20 вельмож с факелами, крестные, принцы и принцессы крови.

Накануне важного события весельчак Генрих пугал сына, что в церкви его окатят водой, но на самом деле постарался использовать этот обряд, чтобы еще более укрепить позиции новой династии. По совету его духовника Гильома Дюперра из Венсенского замка привезли «купель Людовика Святого», в которой, по легенде, крестили королевских детей начиная с XIV века. На самом деле этот сосуд был изготовлен в Дамаске примерно в 1330–1340 годах мастером Мухаммедом ибн аль-Заином по заказу некоего крупного вельможи с Кипра, но после захвата Дамаска египетскими мамлюками роскошно декорированное изделие конфисковали в пользу султана. На купели вычеканены многочисленные изображения людей, за что мастер шесть раз просит прощения у Аллаха. Около 1540 года посол Сулеймана Великолепного преподнес его французскому королю Франциску I, полагая, что возвращает христианскую святыню.

Мальчик ответил на все вопросы совершавшего обряд кардинала де Гонди, прочитал «Отче наш», «Богородицу» и «Верую» на латыни. Дофина, к большой радости отца, нарекли Людовиком в честь Людовика Святого, основателя рода Бурбонов. Впрочем, годом раньше, когда «Маманга» во время разговора о крестинах спросила воспитанника, как бы он хотел называться, «мушё дофин» (так он выговаривал «месье») сразу ответил: «Генрихом. Так зовут папу, я не хочу зваться Людовиком». «Мадам» получила имя Елизавета в честь своей крестной Изабеллы Австрийской, правительницы Испанских Нидерландов (крестного отца у нее не было вообще), а ее младшая сестра была названа Кристиной Марией в честь крестной Кристины Лотарингской и матери.

Король был тогда занят украшением столицы. В 1607 году был открыт Новый мост, соединяющий остров Сите с обоими берегами Сены (сегодня это самый старый мост в Париже). Три маленьких островка присоединили к западной оконечности Сите и построили там треугольную площадь, названную площадью Дофин в честь старшего сына короля. На левом берегу к Новому мосту вела улица Дофин, которую пересекала улица Кристины.

Генрих IV не делал различия между своими законными и незаконными

отпрысками, которые росли все вместе в замке Сен-Жермен, «на вольном воздухе», навещаемые родителями по воскресеньям. Беарнец оттаивал там душой и искренне веселился, забавляясь с тремя детьми Габриэль д'Эстре (Вандомы), двумя — Генриетты д'Антраг (Верней), сыном Жаклин де Бюэй (Море), двумя дочками Шарлотты Дезэссар и шестью детьми королевы Марии. Известный эпизод, когда испанский посол застал его за игрой в лошадки (король ползал на четвереньках, катая на своей спине двух малышек), послужил сюжетом для картины Доминика Энгра. У королевы же родительские чувства были неразвиты, воскресные визиты были ей в тягость, и ее возмущали такие распушенность и фамильярность.

Надо сказать, что старший сын разделял ее возмущение. Он очень быстро понял, что принадлежит к «иной породе», и начал восставать против равного обращения. Генрих пытался с этим бороться. Однажды король приказал госпоже де Монгла, чтобы Людовик время от времени обедал за одним столом с Гастоном де Вернеем; дофин воскликнул: «Эй! Слуги не должны обедать вместе с господами!» Король настоял на своем, и на следующий день Людовик разделил трапезу с обоими детьми Генриетты. Когда отец спросил, почему же он сначала отказался подчиниться, сын ответил без обиняков: «Эй! Он же не мамин сын!» Король не сдавался и заставлял дофина проводить время не только с единокровными братьями и сестрами, но и с их матерями, хотя мальчик, несмотря на юный возраст, совершенно не заблуждался на их счет. Когда 2 мая 1608 года, гуляя по саду вместе с сыном, Генрих указал ему на графиню де Море и сказал: «Сынок, я сделал ребенка этой красивой даме, он будет вашим братцем», — Людовик покраснел и отвернулся, пробормотав: «Это не мой брат». Узнав же о рождении «братца» Антуана де Бурбона (будущего графа де Море), он возразил: «Это не папин сын!» — «А чей же?» — «Его матери». Отказался он признать и «сестрицу», рожденную графиней Роморантен, поскольку «она не вышла из маминого живота». Когда же один из слуг заметил ему, что король любит эту женщину, Людовик ответил: «Она шлюха, я ее не люблю». (Отметим попутно «изысканный» лексикон королевского сына.)

Людовику не исполнилось и семи лет, а в его голове уже сложилась четкая иерархия: «Я принадлежу к лучшей породе, как мой брат Орлеанский, мой брат Анжуйский и мои сестры. За ней идет порода братца Вандома (Сезара. — *Е. Г.*) и братца шевалье (Александра де Вандома. — *Е. Г.*), потом братец Верней и малыш Море. Он самый последний и стоит ниже дерьма, которое я только что сделал» (дофин в момент произнесения этой речи восседал на горшке).

Мальчик не случайно проводил параллели с породами собак: он

прекрасно в них разбирался, поскольку часто получал в подарок от вельмож собак — испанской, австрийской, французских пород, в основном гончих, но также комнатных собачек, спавших у его ног прямо на постели; у Дундун и Эроара тоже были песики. О кошках врач не упоминает, однако известно, что в пять лет принц молил отца отменить варварский обычай сжигать кошек на Гревской площади (парижане видели в этих животных, особенно черной масти, приспешников дьявола). Но традиции очень живучи: кошачий вой раздавался на этом месте до 1619 года.

С шести лет дофин со знанием дела рассуждал о псовой охоте, поражая даже знатоков. В 1603–1606 годах Маргарита Валуа построила себе на левом берегу Сены особняк с большим садом и просторным парком, и дофин травил там зайцев. Когда он жил в Фонтенбло, его любимые Пато, Патло и Гризетта гонялись за лисятами прямо в галерее замка. 22 мая 1607 года, едва расставшись с детским платицем, дофин впервые участвовал в королевской охоте на оленя и тогда же получил в подарок от принца Уэльского ручной мушкет и двух спаниелей. Всем премудростям псовой охоты его обучил флорентиец Франческо де ла Шиорина; затем главный королевский дворецкий принес ему книгу «Псовая и соколиная охота». К тому времени мальчик уже многое знал о ловчих птицах и ловко спускал с перчатки сорокопутов, охотясь на воробьев.

Принц рано привык к виду крови. В 1606 году, когда ему едва сравнялось пять лет, он присутствовал в Фонтенбло при популярном развлечении: схватке догов с быком и с медведями.

Таким образом, принц не рос в «башне из слоновой кости», от него не скрывали реальной жизни. Он с малых лет поражал взрослых рассудительностью и прямоотой. Его не так-то просто было провести. Однажды, когда было очень жарко, Эроар сказал, что терраса нового замка расплавилась, на что дофин возразил: «Э, это вы только так говорите, чтобы я туда не ходил».

Однако его надо было приучать к политике и притворству, что иногда означало одно и то же. В августе 1605 года часовню обили черной материей, чтобы отслужить заупокойную мессу по Генриху III. Людовик, находившийся в возрасте «почемучек», забросал окружающих вопросами. Ему объяснили, что он должен молить Бога за покойного короля, но при этом скакать и резвиться, поскольку, если бы король был жив, его самого, возможно, не было бы на свете, и уж во всяком случае он не был бы наследником французской короны.

За его образование вплотную принялись в марте 1608 года. Первым

воспитателем дофина стал поэт Воклен дез Ивто, ранее состоявший при Сезаре де Вандоме. Первый урок заключался в том, что следует почитать Бога и Церковь, отца и мать. Затем семилетнему мальчику велели штудировать «Иудейскую войну» Иосифа Флавия, что было ему явно не по возрасту; на вопрос учителя, следует ли призывать священнослужителей в Королевский совет, он честно ответил: «Не знаю». В некоторых вопросах наставник оказался профаном — Эроар порой исправлял его ошибки в переводах с латыни на французский. Неудивительно, что ученик довольно рано начал проявлять самостоятельность мышления.

К тому времени он вполне уверовал в свою избранность и свыкся с мыслями о той роли, которую ему рано или поздно суждено будет играть. Некоторые реплики мальчика поражали зрелостью и афористичностью. 7 мая 1608 года в Фонтенбло во время королевского балета, в котором должны были участвовать дети, Сезар де Вандом сказал ему: «Сударь, займите ваше место», — на что будущий король ответил: «Мое место повсюду!»

Он уже знал, что взрослые, состоящие у него на службе, должны будут подчиниться его воле, и попытки неповиновения приводили его в гнев. «Им было тем сложнее управлять, что он, казалось, рожден был править и повелевать другими», — записал Воклен дез Ивто.

Чтобы внушить сыну мысль о смирении, Генрих заставил его омыwać ноги бедным. Эту церемонию устраивали на Страстной неделе, в Чистый четверг. В первый раз малыш (ему не было и шести) не смог преодолеть отвращение, и обряд в его присутствии исполнили священники, состоявшие при его особе. На следующий год ритуал провел король, а дофин ему помогал; впоследствии Людовик регулярно делал это сам.

Второго июля 1609 года Генрих IV впервые взял сына с собой на заседание Королевского совета, поставив у себя между коленями. Речь шла о денежном обращении. Совет обсуждал и другие важные вопросы: введение новых налогов, подавление крестьянских восстаний, возвращение в страну иезуитов (Генрих мудро настоял на этом, поскольку, прощенные королем, они уже не будут опасны), дарование нового устава университету и, конечно, внешняя политика: нужно было определить позицию Франции по отношению к Испании, высоко поднявшей знамя борьбы с протестантской ересью. Следует ли проявить религиозную солидарность или отстаивать национальную независимость? Королева, также официально входившая в Совет, была ярая испанofilка, но король ненавидел всё испанское и не собирался отрекаться от союзников: немецких государей, английской королевы и Соединенных провинций,

недавно утвердивших свою независимость. Габсбурги фактически взяли Францию в кольцо: на юге — Испания, на юго-востоке — верная ей Савойя, на востоке — Священная Римская империя германской нации со столицей в Вене, на севере — Испанские Нидерланды (где томится обожаемая Генрихом Шарлотта де Монморанси). А тут еще скончался, не оставив наследников, верный друг Франции герцог Клевский, и император завладел его землями в среднем течении Рейна, имевшими стратегическое значение. Генрих IV решил выступить в поход против императора и, возможно, против Испании.

На войне всякое может случиться, и король учредил регентский совет из пятнадцати человек, в который вошла королева. Мария согласилась с условиями (по которым ее голос был равноценен голосу любого другого члена совета), однако потребовала своей коронации в Сен-Дени. Церемонию назначили на 13 мая 1610 года; 16-го числа должен был состояться торжественный въезд королевы в Париж, а 19-го — отъезд короля на фронт.

КОРОЛЬ

Да, мой отец убит; я требую отмщенья...

Генриха IV томили дурные предчувствия: ему была предсказана смерть в карете после первого же устроенного им торжества. Он умолял Марию повременить с церемонией коронации, но та была непреклонна. «Черт возьми, я умру в этом городе, никогда мне отсюда не вырваться! Они меня убьют, я вижу, что у них нет другого средства, кроме моей смерти. Ах, проклятая коронация, через тебя я приму смерть!» — воскликнул король в разговоре с Сюлли. Но коронация состоялась с соблюдением всех обычаев и обрядов; королева была счастлива, словно побывала в раю. Церемонию запечатлел Питер Пауль Рубенс: рядом с коленопреклоненной Марией, за которой тянется нескончаемая синяя мантия с цветками лилий, стоят дофин Людовик и его сестра Елизавета.

В эту ночь в Лувре супруги спали отдельно. 14 мая Людовик поднялся в семь утра; в половине девятого позавтракал одним хлебом, выслушал мессу в часовне и навестил обоих родителей. В 11 часов он пообедал, поиграл, потом отправился на урок. В это время Генрих, плохо спавший ночью, зашел к жене посоветоваться, ехать ли ему к заболевшему Сюлли, чтобы обсудить приготовления к военному походу. Мария считала, что не стоит, но Генрих, колебавшись, решил, что всё-таки съездит. Туда и обратно, он скоро вернется.

Прибежал капитан Витри, чтобы сопровождать его, но Генрих шутливо ответил: «Я уже больше пятидесяти лет охраняю себя без капитана охраны; я охраню себя сам». Но отправился он всё-таки не один: в громоздкую карету без стекол и с вынутыми дверными панелями вместе с ним сели еще семь человек, в том числе герцог д'Эпернон (бывший «миньон» Генриха III) и герцог де Монбазон; эскорт состоял из нескольких конных дворян и пеших слуг, бежавших рядом с экипажем.

На улице Ферронри карета остановилась: две телеги, нагруженные сеном и бочками, сцепились колесами и не могли разъехаться. Пока слуги пытались их растащить, остальная свита решила ехать дальше: улица такая узкая, что негде повернуться. В этот момент из таверны «Коронованное сердце, пронзенное стрелой» выскочил рыжеволосый детина, встал одной ногой на ступицу колеса, а другой на дорожную тумбу и дважды ударил короля ножом в бок. Третий удар рассек рукав Монбазона.

Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что поначалу никто ничего не понял. «Что такое, сир?» — спросил Монбазон. «Ничего», — успел ответить Генрих, но тут у него изо рта хлынула кровь: второй удар ножа пробил левое легкое, задел полую вену и перерезал аорту. «Вспомните о Боге!» — крикнул Лафорс, единственный гугенот среди присутствующих. Но поздно — король был мертв.

Убийца словно оцепенел и даже не пытался бежать. На него набросилась толпа и чуть не растерзала, но д'Эпернон, в свое время видевший, как убийцу Генриха III Жака Клемана изрубили в капусту, прежде чем его удалось допросить, закричал: «Не бейте, головой отвечаете!» Преступника увели.

Лафорс покрыл окровавленное тело своим плащом и попытался успокоить народ, крича, что «король только легко ранен», а затем приказал как можно скорее возвращаться в Лувр. Страшная весть летела впереди. Когда карета въехала на Квадратный двор, Монбазон, Витри, Керзон и Нуармутье отнесли безжизненное тело в малый кабинет и положили на кровать. Королева, находившаяся в соседней комнате, услышала шум и послала узнать его причину. Поняв по лицу вернувшейся дамы, что произошло нечто страшное, она вскрикнула: «Мой сын!» — и побежала туда. Оттолкнув капитана охраны, она увидела труп мужа, над которым его духовник и кардинал де Сурди читали молитвы. «L'hanno ammazzato!»^[15] — воскликнула она и чуть не лишилась чувств.

Было около четырех часов пополудни, Людовик катался в карете. Его сразу привезли в Лувр и провели к матери. Узнав о смерти отца, мальчик закричал сквозь слезы: «Если бы я был там со своей шпагой, я бы убил его!» Мария всё твердила: «Король мертв, король мертв!» Канцлер Брюлар де Силлери возразил: «Во Франции короли не умирают! Вот живой король, мадам!» — и указал на ее старшего сына.

В семь часов вечера мальчика покормили в передней королевы, в девять раздели и уложили в постель. Боясь страшных снов, он попросил, чтобы гувернер лег вместе с ним. Ему не стали возражать, и до половины одиннадцатого он спал в кровати господина де Сувре, а потом Мария Медичи послала за «братцем Вернеем», и остаток ночи оба мальчика провели в ее спальне.

Измученный переживаниями страшного дня, Людовик в конце концов заснул около полуночи. Тем временем с покойного короля сняли окровавленную одежду. Тело обмыли, облачили в костюм из белого атласа и перенесли в парадную спальню, где были совершены вскрытие и бальзамирование. Внутренности положили в сосуд, который позже

перенесли в Сен-Дени. Сердце поместили в свинцовую урну, вставленную в серебряный ковчег в виде сердца, и Монбазон в сопровождении четырехсот всадников отвез ее в иезуитский коллеж Ла-Флеш. Гроб с набальзамированным телом 18 дней простоял в большой парадной зале Лувра, где каждый день служили по шесть месс.

На следующее утро дофин, ставший теперь королем Людовиком XIII, проснулся в половине седьмого и тотчас получил от господина де Сувре текст краткой речи, которую должен был произнести в парламенте^[16]. В половине девятого он сел за стол, но есть не мог, только выпил травяной настой. Пообедать ему не дали: мальчику пришлось выйти из-за стола, чтобы вместе с королевой ехать в парламент. Свиту юного государя составляли принцы, герцоги, вельможи и высшие чиновники. Он ехал верхом через Новый мост; народ кричал «Да здравствует король!». Людовик обернулся к одному из свитских и спросил: «А кто король?» Он еще не осознал, что король — он сам. В парламенте королева-регентша, облаченная в глубокий траур, представила его двору, и он произнес затверженную речь: «Господа, Богу было угодно призвать к себе нашего доброго короля, моего государя и отца. Я остаюсь вашим королем, как его сын, по законам королевства. Надеюсь, что Господь в своей милости наделит меня его добродетелями, и буду следовать добрым советам моих верных слуг, как вам скажет господин канцлер».

Столь внезапная перемена в жизни сильно поразила Людовика. Через два дня после драмы он признался гувернантке: «Маманга, пусть я не стал бы королем так рано, а мой отец пожил бы еще». На следующее утро, проснувшись, он был необычно тих и задумчив. На вопрос кормилицы, о чем его мысли, он ответил: «Дундун, как бы я хотел, чтобы король, мой отец, прожил еще двадцать лет. Какой негодяй тот, кто убил его!»

Негодяя звали Франсуа Равальяк — бедный, очень набожный человек, помешавшийся на религиозной почве. Ему было видение, что он должен убедить Генриха IV обратить всех гугенотов в католичество. Грядущий военный поход показался ему началом войны с папой, и он решил остановить «Антихриста».

Равальяка допрашивали с пристрастием, но он не назвал никаких сообщников. Утром 27 мая Парижский парламент вынес приговор: публичное покаяние и четвертование — казнь, положенная цареубийце. Преступника еще раз подвергли пытке, после чего повезли на позорной колеснице из Консьержери к собору Парижской Богоматери. К его великому удивлению, беснующаяся толпа с ненавистью плевала ему в лицо: «Злодей, предатель, убийца!» А он-то думал, что исполняет волю

Божью и все французы будут на его стороне... Но «ненавистный еретик» остался в прошлом, народ не мог простить убийцу «доброго короля Генриха». На Гревской площади Равальяка возвели на эшафот и зачитали приговор, после чего ему вырвали щипцами мясо с груди, рук и ног; правую руку, державшую нож, сожгли серным огнем; на раны лили расплавленный свинец и кипящее масло и, наконец, привязали руки и ноги к лошадям, чтобы разорвать его на куски. Люди из толпы тянули лошадей за узду; брань в адрес казнимого неслась такая, что доктора университета не могли читать молитвы за упокой его души. Он испустил дух после двух часов мучений. Толпа набросилась на изуродованное тело, одна женщина впилась в него зубами... Палач, который должен был сжечь останки, а пепел развеять по ветру, не нашел ни клочка.

Похороны короля состоялись спустя месяц с лишним. 25 июня Людовик окропил тело отца святой водой. Кардиналы Жуайёз и Сурди шли впереди; шлейф королевского платья с капюшоном, не пропускавшего воздух, несли два его младших брата и три служителя короны. Когда Людовик вернулся к себе, он был весь в поту. 29-го числа процессия из всех ремесленных цехов столицы сопровождала гроб в собор Парижской Богоматери на отпевание. На следующий день его перевезли в королевскую усыпальницу Сен-Дени, где 1 июля прошли похороны. В этот день Людовик, проникнувшись ролью монарха, не проронил ни слезинки, тогда как его младшие братья непрерывно скулили на протяжении всей церемонии. Между тем из Компьена спешно привезли прах Генриха III, чтобы в королевском склепе все Генрихи лежали по порядку.

Тем временем Людовик вел — вернее, пытался вести — почти ту же жизнь, что и раньше. Его гувернер был суровый человек, не имевший ни какого-либо представления о детской психологии, ни задатков педагога. Юный король слегка завидовал «братцу Вернею», у которого был более мягкий наставник — господин Дюпон. Однажды король играл в солдатиков, и на замечание Сувре, что он всё «ребячится», возразил, что эта игра — не детская забава. Тот не уступал: «Сударь, так вы навсегда останетесь в детстве», — и получил ответ: «Это вы меня там удерживаете». В августе 1611 года Сувре отчитал воспитанника за то, что он всё еще возится с игрушками; тогда Людовик сам перерыл свои сундуки, выложил из них игрушки и велел одному из камердинеров отнести их своему брату. Через месяц он уже не стал возражать на подобное замечание, а только сказал: «Скажите мне, что надо делать, я сделаю», — и его отвели в зал для игры в мяч.

Людовик продолжал учиться. 25 июня 1610 года Воклен спросил его, в

чем состоит долг доброго государя, и девятилетний король ответил: «Прежде всего — бояться Бога». Воклен добавил: «И любить справедливость». Но Людовик возразил: «Нет! И *вершить* справедливость».

От слов — к делу. В начале августа король возвращался с прогулки в карете через предместье Сен-Жак. Увидев скопление вооруженных солдат, он послал узнать, в чем дело. Оказалось, одного солдата должны были вздернуть на дыбу. Людовик подозвал старшего сержанта и сказал, что милует провинившегося. Просвещенный государь навестил также Наваррский коллеж и осмотрел библиотеку; школяры довольно дерзко попросили его распустить их на каникулы на месяц, но он предоставил им только три дня. Похоже, у него неплохо получалось быть королем.

Началась рутина: 20 августа Людовик заложил первый камень в основание нового здания в Венсене, рядом с парком; в сентябре принял испанских и английских послов. Он уверил испанцев, что будет относиться к их государю «с той же любовью, как мой отец, покойный король», с Великобританией же подписал союзный договор.

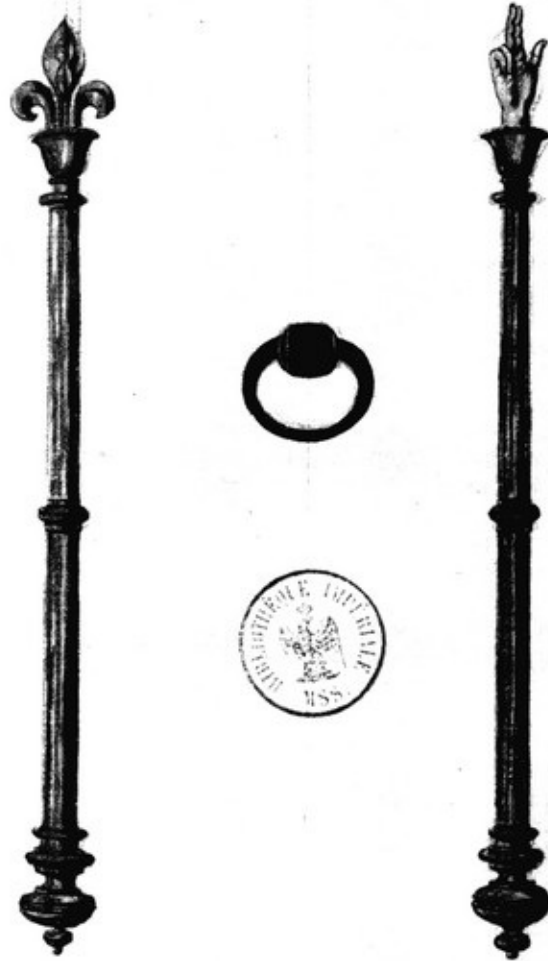
В конце сентября ему принес клятву в верности Кончино Кончини (произведенный в камергеры, он теперь имел привилегию въезжать в Лувр верхом). Со смертью доброго короля Генриха карьера тосканца резко пошла в гору: граф де ла Пенна купил маркграфство Анкр в Пикардии и стал маркизом. Но этого ему было мало: он крепко поссорился со своей женой, поскольку хотел войти в Королевский совет (все милости регентши доставались ему через Леонору); в конце концов его ввели в финансовый совет, и супруги примирились. Теперь они залезали в государственную казну, как в собственный карман. Леонора и в покоях королевы хозяйничала, как у себя дома; она крепко опутала Марию Медичи своими сетями, окружив ее гадалками, прорицателями и астрологами, которые выдавали ей рекомендации на каждый день, и при этом беззастенчиво поносила королеву последними словами, называя ее тупицей, а ее сына дураком.

Тем временем Людовику XIII предстояло стать помазанником Божьим. В начале октября он выехал в Реймс, куда прибыл две недели спустя. В день коронации его разбудили в пять часов утра и перенесли на парадную кровать; к нему явились пэры, чтобы сопровождать в собор. Бургундию, Нормандию и Аквитанию представляли соответственно принцы Конде, Конти и граф де Суассон (родственники короля), а Фландрию, Шампань и Тулузу — герцоги де Невер, д'Эльбёф и д'Эпернон. Около одиннадцати из аббатства Святого Реми торжественно доставили сосуд с миром, и в

полдень в церкви (мальчик находился там с половины десятого) начался обряд: кардинал де Жуайёз золотой спицей извлек из священного сосуда несколько капель мира и смешал их с елеем, затем, окунув в эту смесь большой палец правой руки, помазал королю макушку, середину груди, место между ключицами, правое и левое плечи и обе подмышки. Затем Людовика облачили в парадные одежды и помазали ему миром ладони, после чего надели ему освященные перчатки, королевское кольцо (символ его «брака» с королевством), вложили в правую руку скипетр (символ всемогущества), а в левую — «руку правосудия». Наконец ему на голову возложили корону, и Людовик взойшел на трон, стоявший на амвоне. Торжественная литургия с раздачей даров и причастием завершилась только в четверть третьего, но мальчик с честью выдержал тяжелое испытание. Когда королева-мать (вспоминавшая собственную коронацию) спросила, хотелось бы ему повторить эту церемонию, Людовик ответил совершенно в духе своего отца: «Да, сударыня! Но для другого королевства!»

Как мы уже знаем, за христианнейшими королями признавалась чудесная способность исцелять золотушных наложением рук. Людовику предстояло впервые совершить этот обряд 21 октября в монастыре Сен-Маркуль, относившемся к аббатству Святого Реми. Дебют оказался суровым: за час с четвертью мальчик прикоснулся голыми руками к язвам более девятисот человек, произнося всякий раз: «Король коснулся тебя, Бог тебя исцелит». Четырежды ему пришлось делать передышку, но присел он только один раз и, несмотря на бледность, отказывался окунать руки в воду, где плавала кожура лимона.

Королевские регалии: скипетр, кольцо-печатка Людовика Святого и «Рука правосудия». Рисунок А. Фелибьена. XVII в.

На следующий год, в монастыре августинцев в Париже, перед ним прошли 150 больных. Было так душно, что короля пришлось приводить в чувство, омыв ему руки вином; однако он не пожелал сократить или отменить обряд. В 1613 году он принял 1070 больных на Пасху и 407 на Троицу. Впоследствии Людовик исполнял эту обязанность по большим праздникам и на Новый год, в зале на первом этаже Лувра, где в другие дни устраивались балы. Он искренне верил в целительную силу этой процедуры, а потому совершенно не тяготился ею и не испытывал безгливости.

К сожалению, при тогдашнем уровне медицины король порой оказывался бессилён помочь даже самым близким людям.

15 ноября 1611 года тяжело заболел маленький «месье д'Орлеан»^[17]. По свидетельствам современников, это был хилый ребенок, «с огромной головой на худеньком теле», болевший с самого младенчества. Людовику сообщили о недуге брата, и тот спросил, что следует предпринять для его спасения. Гувернер посоветовал вверить больного под защиту Богородицы Лоретанской. «Я готов; что нужно делать? Где мой духовник?» — нетерпеливо спросил король. Послали за духовником. Тот сообщил, что нужно изготовить серебряную копию чудотворной статуи Богородицы в рост больного. «Пошлите немедленно в Париж, скорее, скорее!» — торопил Людовик, а потом стал жарко молиться со слезами на глазах. К несчастью, это средство не помогло, и два дня спустя юный принц скончался в замке Сен-Жермен. Вскрытие его черепа, «полного черной воды», показало, что причиной его смерти было разжижение мозга.

«Месье» теперь стал трехлетний герцог Анжуйский, любимец матери. Он будет крещен только 15 июня 1614 года и получит от своей крестной Маргариты Валуа имя Гастон в честь Гастона де Фуа, принца Наваррского, и два других — Жан Батист — от крестного, кардинала де Жуайёза. Самая младшая принцесса тогда же будет названа Генриеттой Марией в честь отца, которого она совсем не помнила, и матери.

Младший брат Людовика, умерший неназванным. Рисунок Д. Дюмонстье. Между 1610 и 1611 гг.

Как должен был чувствовать себя десятилетний мальчик, которому оказывают знаки уважения как королю, но при этом продолжают считать ребенком? С одной стороны, он действительно им оставался, играл в солдатиков и учился. Но, с другой стороны, Людовик привык с серьезностью относиться ко всему, что делал; он унаследовал прямодушие отца и упрямство матери. На улице кричали «Да здравствует король!», а в Королевский совет его не пускали: главное место там занимала его мать, которая всё делала по-своему. Мария уверяла, что ее сын еще не способен заниматься государственными делами: «Он слишком слаб умом и малорассудителен, его здоровье не настолько крепко, чтобы взвалить на себя эти заботы». Людовик же бесился оттого, что его не принимают всерьез: «Я ничего не могу сказать своей матери, потому что она сразу гневается». А он имел собственное мнение по многим вопросам; например,

его огорчила опала Сюлли, которого в январе 1611 года сняли с поста министра финансов. Его сердило, что его заставляют заучивать ответы послам; он требовал, чтобы ему давали прочесть договоры, прежде чем он их подпишет. В июле 1611 года он отказался читать по бумажке ответ, который должен был дать депутации от гугенотов, был за это выпорот, но всё равно не уступил.

Да-да, короля по-прежнему подвергали телесным наказаниям: по принуждению королевы-матери гувернер де Сувре устраивал ему порку. Причины были разными и далеко не всегда «политическими»: во время игры в мяч ударил ракеткой лакея; бросил шахматную фигуру в голову партнеру, сделавшему ему замечание по поводу неверного хода^[18]... После очередного наказания Людовик пришел к матери, и та, как полагалось по этикету, присела перед ним в глубоком реверансе. «Я бы предпочел, чтобы мне не делали реверансов и не оказывали столько почестей, а больше не пороли», — с обидой сказал маленький король. Он даже просыпался по ночам от страха, что его снова за что-нибудь высекут. Похоже, именно тогда он начал заикаться.

Смерть отца оставила в душе мальчика зияющую пустоту. Отношения с матерью теплее не стали. Однажды, навещая Марию Медичи, Людовик случайно наступил на лапу одной из ее собачонок, и та его укусила. Вместо того чтобы утешить сына, мать его отругала. Тот вспылил: «Вы больше любите собаку, чем меня!» Да она кого угодно любила больше, чем его! Взять хотя бы Кончини: разграбив королевскую казну и разбазарив откупа, он позволял себе дарить деньги королю и, сняв шляпу при поклоне, тут же нахально надевал ее со словами «Сир, вы позволите?», не дожидаясь разрешения. Неудивительно, что юному королю были противны лицемерные вельможи, которые низко ему кланялись, а за его спиной заискивали перед Кончини. Его больше тянуло к «простым» людям, всегда готовым исполнить его волю — как ему казалось, без задней мысли.

Безродный и безденежный дворянин из Прованса Шарль д'Альбер де Люинь, ставший смотрителем королевского вольера, заслужил благосклонность короля тем, что приучал его ловчих сорокопутов сидеть на перчатке, взлетать по команде, возвращаться на место и устраивал птичью охоту. Будучи старше Людовика на 20 лет, он постепенно сделался незаменим, заняв в душе мальчика пустовавшее место объекта любви.

Отец королевского фаворита звался капитаном Люином, хотя и носил при этом титул маркиза д'Альбера. Женившись на мелкопоместной дворянке, он изменил свою фамилию на более аристократичную Люинь, которую передал старшему сыну Шарлю. (Впрочем, тот предпочитал

использовать вместо имени название маркграфства Альбер.) В приданое его матери входили имение Брант и Кадне — островок на Роне, и два его брата стали называться господин де Брант и господин де Кадне. Все трое были пробивные и амбициозные красавцы, ловкие, пронырливые, не останавливались ни перед чем, чтобы преуспеть, — типичные парвеню с юга. Юный Шарль д'Альбер начал свою карьеру в качестве пажа губернатора Дофине господина де Ледигьера, а потом отец задействовал свои связи, и граф дю Люд порекомендовал бойкого юношу господину де Варенну, приближенному Генриха IV, для смотра за ловчими птицами. Беарнцу он приглянулся, и герцог де Бельгард ввел его в число королевских пажей. В окружение Людовика он попал в декабре 1611 года с подачи господина де Сувре, который хотел расстроить интриги капитана де Витри, желавшего определить к королю свою «креатуру». Людовик сразу проникся к нему симпатией и позволил приходить к себе в любое время дня и ночи^[19]. Королева не обратила на это особого внимания: пусть мальчик забавляется, лишь бы не мешал.

Однако юный король не только повелевал слугами, но и учился у них. Например, главный повар Жорж стал его наставником в кулинарии. Уже в десять лет Людовик собственноручно состряпал молочный суп для герцогини де Гиз, а впоследствии сам готовил варенья, оладьи, марципаны, пироги с яблоками и айвой и прослыл настоящим виртуозом в изготовлении омлета (альфы и омеги для поваров). Он не только охотился, но и делал сети и клетки для птиц, плел корзины. Еще он умел работать на верстаке, вытачивал шахматные фигурки из слоновой кости, под руководством своего артиллериста Жюмо в подробностях изучил механизм аркебузы и всех огнестрельных орудий того времени, ковал железо в кузнице и делал небольшие пушечки, был неплохим каретником и кучером. От матери Людовик узнал секреты изготовления духов, которые делали на основе ароматных масел, получаемых из цедры цитрусовых. В 11 лет он начал учиться играть на лютне и по-прежнему пел по вечерам под аккомпанемент своих музыкантов — только теперь уже рождественские песни или псалмы. Всё это было гораздо интереснее, чем переводы с латыни и на латынь.

В 1611 году Мария Медичи заменила Воклена, которого считала вольнодумцем (к тому же он ненавидел Кончини), пожилым философом Никола Лефевром, королевским лектором из Французского коллежа. Покорно изучая под его руководством латинские падежи, Людовик, как и раньше, давал независимые ответы на вопросы, имеющие практическое значение. Так, 31 декабря Лефевр задал ему в качестве урока рассуждение

на тему латинской максимы о милосердии, однако Людовик не был согласен с тем, что государь должен всех прощать. Как раз тогда в Бастилии дожидался казни некий мелкий дворянин из Берри, который восстал против сбора соляного налога, посягнув тем самым на королевскую власть. Подозвав к себе господина де Сувре, Людовик шепотом высказал ему свои соображения: «Королева, моя мать, говорит, что если его помиловать, то многие другие последуют его примеру». — «Воистину, сир, замечательные слова!» Присутствовавший при сем Эроар попросил позволения, опять же через Сувре, занести это высказывание в свой дневник; король разрешил, но при условии, что гувернер передаст их врачу тоже на ухо, а не во всеуслышание.

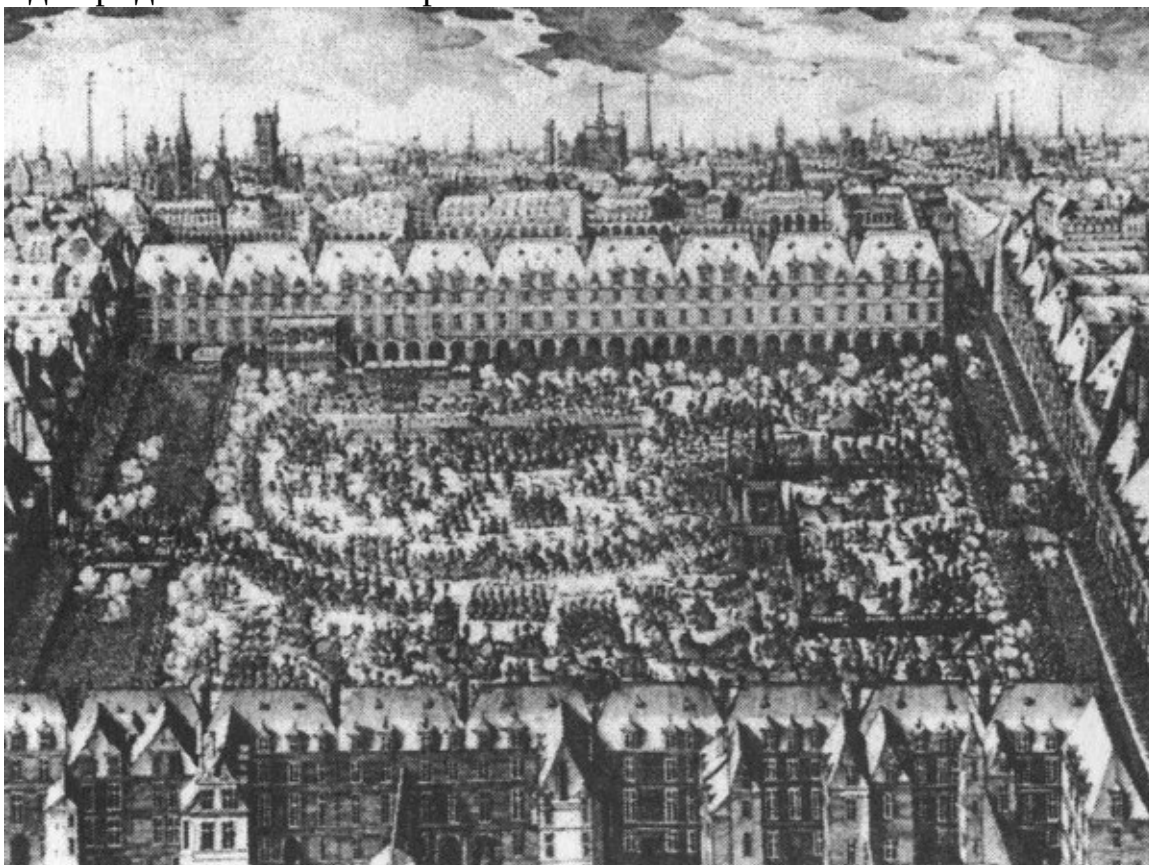
При этом, как сообщает поэт Малерб в частном письме, юный король как-то сказал, что хотел бы войти в историю под именем Людовик Справедливый, а не Людовик Заика. Однажды Люинь сообщил ему, что продавец голубей отказывается уступить в цене, и предложил послать полицию, чтобы отобрать птиц силой. Прочие свитские, присутствовавшие при этой сцене, были с ним согласны, говоря королю, что «здесь всё его»; однако Людовик велел позвать торговца, спросил, сколько он хочет за своих голубей, и заплатил сполна.

«Наблюдатели, знающие натуру и нрав короля, утверждают, что года через четыре или пять королева будет над ним совершенно не властна, и вот почему: король пылок, запальчив, своеволен, вполне возможно, что, подталкиваемый принцами или иными, оказавшимися в его окружении и неугодными королеве, он захочет править самостоятельно», — писал в очередной депеше флорентийский посланник Бартолини 26 октября 1612 года. Такая проницательность делает ему честь, тем более что ни Мария Медичи, ни супруги Кончини тогда так не считали.

В феврале 1613 года королева-регентша впервые пригласила сына на заседание правительства (правда, в узком составе), благодаря чему он пропустил занятия. Впрочем, король использовал любой предлог, чтобы увильнуть от урока. Год спустя скончался Лефевр. Его преемником стал господин де Флеранс — священник, ранее учивший короля катехизису, а теперь взявшийся и за прочие науки, включая математику и геометрию, которые Людовик любил не больше, чем латынь. Он тосковал на нескончаемых уроках и однажды прямо спросил наставника: «Если я дам вам епископство, вы сократите уроки?» — «Нет, сир», — ответил тот, опасаясь подвоха. Уроки закончились к началу 1615 года — королю стало не до них: он усмирлял мятежников и собирался жениться.

Судьба распорядилась так, что всего за несколько дней до рождения

дофина, 22 сентября 1601 года, в Мадриде появилась на свет инфанта Анна Мария Маурисия. Это обстоятельство постоянно служило поводом для шуток: Людовика подначивали, что у него есть невеста. Тон задал Генрих IV, заявив в марте 1605 года трехлетнему сыну: «Я хочу, чтобы вы сделали инфанте ребеночка, такого же маленького дофина, как вы!» Мальчик перепугался: «Нет-нет, папа, нет, пожалуйста!» В мае 1607-го его спросили: «Кого бы вы хотели иметь своим шурином — испанского принца или принца Уэльского?» «Принца Уэльского», — ответил малыш. Тогда принцесса Оранская пожелала узнать, женится ли он на инфанте. «Не нужна она мне. — Сударь, подумайте, она сделает вас королем Испании. — Нет, не хочу быть испанцем». Но капля камень точит: в январе 1610 года придворный поэт Малерб писал своему другу Переску, что видел в большом кабинете королевы портрет доньи Анны Маурисии Австрийской и что дофин, показывая его своим маленьким товарищам, говорит: «Вот моя жена!» Когда господин де Сувре возразил, что испанцы, может быть, не пожелают отдать инфанту ему в жены, в Людовике разыгралась гордость: «Тогда придется пойти и забрать ее!»

«Карусель» на Королевской площади в Париже в апреле 1612 года.

С начала 1611 года Мария Медичи вела переговоры о заключении двойного франко-испанского брака: Людовика с инфантой и Елизаветы с принцем Астурийским. Предварительный договор был подписан в конце апреля, а 29 января 1612 года о предстоящем двойном бракосочетании было официально объявлено в Париже и Мадриде. Это был резкий поворот во внешней политике — ранее Генрих IV собирался идти войной на Габсбургов и обещал руку старшей дочери принцу Виктору Амедею Савойскому.

Теоретически являясь королем, Людовик становился пешкой в политической игре — по крайней мере, в представлении его матери и министров. Он же, как обычно, относился к столь важным вещам со всей серьезностью, которая лишь забавляла взрослых. «Сын, я хочу вас женить. Согласны ли вы?» — удосужилась спросить Мария Медичи. «Согласен, сударыня. — Но вы не знаете, как делать детей. — Извините! — Откуда же вы знаете? — Господин де Сувре меня научил».

Любую неловкость можно сгладить пышными торжествами. Помолвку царственных детей праздновали три дня «каруселями» на совсем недавно построенной Королевской площади (ныне площадь Вогезов) — детище Генриха IV и Сюлли. «Карусель» — нечто среднее между рыцарским турниром и театрализованным представлением. Вельможи разбивались на две «команды», бросавшие друг другу вызов. «Рыцари Славы» — Гиз, Бассомпьер, Ла Шатеньер, Жуанвиль и Невер — опубликовали 13 марта «картель», в котором запрещали входить в Замок Счастья, выстроенный на Королевской площади, любому, не заслуживающему славы, и назначали дату «карусели»: 25 марта. Однако тут некстати скончался герцог Мантуанский, из-за траура праздника пришлось перенести на 5 апреля, но многочисленные ремесленники были только рады, поскольку успели подготовиться.

Вдоль западной стороны Королевской площади соорудили трибуны с ложами для судей, короля, королев-регентши и посла Испании. В юго-западном углу располагалась ложа Маргариты Наваррской. (По замыслу строителей, она должна была перемещаться, чтобы ее хозяйка не пропустила ни одного зрелища, однако впоследствии это оказалось невозможным — такая плотная собралась толпа.) На северной стороне площади высились башни Замка Счастья, для украшения которого использовали аллегорические изображения добродетелей и брачного союза.

Пятого апреля рыцари Славы въехали на площадь через северные ворота и продефилировали мимо трибун, повторив свой вызов. Он был принят: через южные ворота вслед за колесницей Фазтона торжественно въехали рыцари Солнца — в общей сложности десять отрядов, соперничающих друг с другом в красоте колесниц, нарядов и лошадей. Антуан де Плювинель поставил «конный балет» для отряда рыцарей Лилии. Состязания разделили на два дня. Сначала рыцари сбивали копьем манекен. Судьями выступали коннетабль, четыре маршала Франции, принцы и герцоги. Этот этап завершился с наступлением сумерек и плавно перешел в иллюминацию и фейерверк. На следующий вечер рыцари должны были на всём скаку снимать копьем кольцо, висевшее на столбе. Но до наступления темноты всем времени не хватило, и победителя определить не удалось. Замок Счастья запылал огнем иллюминации под звуки труб и барабанов, над башнями загорелись вензеля Людовика XIII и Марии Медичи. Малерб написал стихи во славу регентши, которые пели девицы, изображавшие сивилл. Париж сиял огнями. Всё действие закончилось фейерверком и артиллерийским салютом.

Сразу после праздника король, не пропустивший ни одного зрелища, заболел ветрянкой. Вынужденно сидя дома, он под руководством портного Аршамбо шил костюмы для своей обезьянки Робера, ранее принадлежавшей его отцу. Когда Сувре сказал: «Вот вы скоро и женитесь», — Людовик оборвал его: «Не будем об этом говорить». Подписание брачных договоров состоялось в августе. Ни от кого не укрылось, что в разговоре с испанским послом герцогом Пастраной Людовик XIII «позабыл» произнести в конце заготовленной речи: «И буду пользоваться его (то есть испанского короля. — *Е. Г.*) добрыми советами».

«Добрый французский народ» тоже не сумел быстро приспособиться к резкой смене политического курса. В Людовике видели продолжателя дела его отца, благодаря чему он был невероятно популярен. 21 сентября 1612 года произошел показательный эпизод. Мария Медичи велела арестовать солдата из королевской стражи, замешанного в деле об изготовлении фальшивых денег. Спасаясь от погони, тот вскочил в лодку и улизнул. Его фамилия была Леруа (буквально — «король»); городские сплетники извратили всю историю, и по Парижу пронесся слух, что король убит. Схватились за оружие, закрыли городские ворота, стали кричать, что убийца — испанец, к особняку Пастраны (тот, кстати, уже уехал на родину) двинулась бушующая толпа. К счастью, в этот момент король, живехонький, возвращался с охоты. Увидев, что он невредим, подданные успокоились и разошлись. Но ложная весть донеслась и до Лувра, и Мария

Медичи не находила себе места, пока не услышала, что старший сын въехал во двор и кричит, чтобы ему подавали обед. Тем не менее на следующий день в соборе Парижской Богоматери отслужили благодарственный молебен.

В конце 1613 года королева совершила большую оплошность, сделав Кончини маршалом Франции (маршальский жезл был обещан господину де Сувре, но Мария перекупила его за 60 тысяч экю). Иностранец, проходимец, штатский — маршал Франции?! Возмущенные до глубины души принцы крови перешли в оппозицию. В середине января 1614 года Конде, герцоги де Невер, де Лонгвиль, дю Мэн и маршал де Бульон покинули двор. Сезар де Вандом хотел последовать за ними, но Людовик приказал ему остаться. Королева посадила его под домашний арест, но тот перехитрил стражу и сумел бежать вместе с женой^[20] в ночь на 19 февраля. «Почему моего брата Вандома не посадили в Бастилию?» — возмутился король.

Над страной опять витал призрак гражданской войны. Комендантам крепостей были разосланы приказы не принимать мятежных принцев и усилить гарнизоны; кавалерию привели в боевую готовность, запросили в Швейцарии шесть тысяч наемников. Мария Медичи велела охране короля сопровождать его в полном вооружении во время перемещений по городу. Узнав об этом, Людовик возразил: «Зачем? Парижский люд подумает, что я боюсь, а я не боюсь!»

Конде, со своей стороны, издал манифест с требованием созвать Генеральные штаты и отменить все намеченные королевские браки (Кристину к тому времени просватали за принца Уэльского). Герцог де Невер в своей вотчине Шампани именем короля захватил крепость Мезьер. Сезар де Вандом, уехавший к себе в Бретань, был настроен менее лояльно. Министры Вильруа и Жаннен советовали применить силу; новоиспеченный маршал д'Анкр настаивал на мирных переговорах. Регентша послушалась его и заключила с принцами мирный договор в Сент-Менеуле — практически на их условиях. Король был очень недоволен, в особенности тем, что замок Амбуаз собирались передать Конде (Людовик хотел сделать комендантом Шарля де Люиня). К тому же Сезар де Вандом не собирался складывать оружие. По совету Вильруа Мария Медичи решила устроить демонстрацию силы: король во главе своих войск совершит поход по провинциям. Узнав об этом, Людовик возликовал и побежал примерять доспехи.

Поняв, что дело плохо, Сезар де Вандом дважды посылал к брату гонцов с уверениями в своей преданности и просьбой о прощении; но Людовик твердо отвечал, что ему нужны не слова, а дела. Наконец Вандом явился сам. Бледный от гнева, король сказал ему: «Впредь служите мне лучше, нежели в прошлом, и знайте, что высочайшая честь для вас на этом свете — быть моим братом». «Я так и думаю», — пролепетал Сезар. Надо представить себе мальчика, которому еще не исполнилось тринадцати, отчитывающего двадцатилетнего мужчину, отца семейства...

Эта встреча состоялась в Нанте, где 19 августа открылись бретонские Штаты. Депутаты бросали обвинения в адрес Вандома, обличая бесчинства его солдат, и требовали лишить его должности губернатора. Регентша предпочла сохранить должность за Сезаром, но снести несколько крепостей. Король, участвовавший во всех официальных церемониях и неизменно выстаивавший мессу во всех церквях по очереди, успевал, кроме того, охотиться с кобчиками, гоняться за оленем, играть в мяч, любоваться фейерверком (он сам учился делать шутихи) и веселиться на балу (ему понравились бретонские танцы). В общем, поход прошел неплохо, хотя уверения в преданности он далеко не всегда принимал за чистую монету. В день отъезда из Бретани гувернер, как всегда, принес Людовику речь к членам Счетной палаты, вызвав его недовольство: «Господин де Сувре сует мне речи, которые я не хочу говорить так, как он велит. Я сомневаюсь, что все они хорошо мне служили». Заметим попутно, что этими соображениями король поделился со своим лакеем.

В Париже его ждал сюрприз — подарок великого герцога Тосканского: бронзовая конная статуя Генриха IV работы Джамболоньи и Пьетро Такка. Статую установили на Новом мосту, чтобы ее было видно из Лувра, и заказали придворному скульптору Пьеру де Франквиллю, ученику Джамболоньи, украсить пьедестал барельефами. Тот еще добавил четыре статуи рабов по углам.

Вскоре после триумфального возвращения в Париж настало время торжественно отпраздновать совершеннолетие короля: в самом деле, ему уже исполнилось тринадцать. В особой церемонии не было необходимости, но Мария Медичи на ней настаивала: хотя с совершеннолетием сына ей полагалось сложить с себя обязанности регентши, Людовик должен был провозгласить мать главой Королевского совета (правда, «после себя или в свое отсутствие») и, таким образом, сохранить за ней власть. «Королеву и министров, — писал в апреле венецианский посол Контарини, — больше всего занимает опасение, что власть государыни может оказаться под угрозой, поскольку король еще несколько лет не будет способен исполнять

сию важную задачу из-за малого прилежания к делам государства. Его намеренно стараются держать от них подальше и устранять из его окружения всех людей, хоть немного наделенных умом, кои могли бы просветить его касательно этих дел, дабы держать его в почитании и величайшей покорности матери».

Король многого ждал от своего совершеннолетия. Опасаясь, что заикание помешает ему как следует произнести положенные слова, он даже принес Богородице обет: пожертвовать в посвященную ей церковь деньги и украшения. (Всё прошло как нельзя лучше, и через три дня после церемонии Людовик исполнил данный обет — он привык держать слово.)

Второго октября 1614 года Людовик в златотканых одеждах, усыпанных бриллиантами, отправился в Сент-Шапель. На груди его сверкало ожерелье стоимостью 300 тысяч экю, предназначенное в подарок его будущей супруге. Свиту короля составляли его брат Гастон, принцы крови, герцоги и пэры, маршалы Франции, высшие чиновники и многочисленные дворяне, но единокровных братьев не было: они не желали идти позади принцев, не принадлежавших к королевскому роду. Некоторые не присутствовали по материальным причинам: все участники торжества щеголяли в нарядах, сверкавших золотом и драгоценными камнями.

После мессы отправились в парламент. Королева Мария, встав перед сыном на одно колено, сложила с себя обязанности регентши. «Господа, — сказал Людовик, обращаясь к членам парламента, — достигнув совершеннолетнего возраста, я пожелаю прийти сюда, чтобы сообщить вам, что, будучи взрослым, я намерен править своим королевством с помощью добрых советов, благочестиво и справедливо. Я ожидаю от всех своих подданных почтения и повиновения державной власти и королевской воле, которыми наделил меня Господь; они же должны ждать от меня защиты и милостей, каких положено ожидать от доброго короля, который ценит превыше всего их достаток и покой». Обернувшись к матери, он добавил: «Сударыня, благодарю вас за многие труды, которые вы взяли на себя ради меня; прошу вас продолжать править и повелевать, как и ранее. Я хочу и требую, чтобы вам повиновались во всем и повсюду, и чтобы после меня и в мое отсутствие вы были главой моего Совета».

Выслушав несколько длинных официальных речей, Людовик вместе с братом вернулся в Лувр. Всю ночь палили из пушек, а в Париже горели потешные огни. По случаю праздника король освободил нескольких узников и щедрой рукой раздавал милостыню. Он сильно переволновался и плохо спал: перед глазами мелькали лица, люди выстраивались так и этак и

всё не находили себе места... Во время церемонии Конде внимательно наблюдал за «кузеном»: «Он еще совсем молоденький, не будет ничего удивительного, если он увлечется какой-нибудь особой низкого происхождения или даже восплачет нежностью к даме, которая станет вертеть им, как захочет, и будет повелевать им вместе с королевством, на беду нам всем», — высказал он венецианцу Контарини свои опасения.

Мирный договор с принцами предусматривал созыв Генеральных штатов, состоявших из представителей трех сословий: дворянства, духовенства и разночинцев, которые избирались в провинциях и Париже. Палата духовенства состояла из 140 человек, в том числе пяти кардиналов, семи архиепископов и сорока семи епископов. Дворянских депутатов было 132 человека, представителей третьего сословия (в основном судебных чиновников и финансистов) — 182.

Заседание Генеральных штатов в 1614 году. Гравюра 1614 г.

Торжественное открытие Генеральных штатов состоялось 27 октября, после трехдневного публичного поста и церковной процессии. Все депутаты собрались во дворе монастыря августинцев. Перед главным входом в часовню поставили кресла под балдахином для Людовика XIII и Марии Медичи, и депутаты продефилировали перед их величествами. Гвардейцы в оранжево-фиолетовых костюмах и черных и зеленых шляпах выстроились в две шеренги на набережной Августинцев. К полудню из монастыря вышла по направлению к собору Парижской Богоматери длинная процессия во главе с нищими и калеками, выпущенными из богаделен. За ними следовали представители нищенствующих монашеских орденов, духовенство, ремесленные цехи, городские магистраты, главный прево со своими помощниками — верхом, 100 дворян из свиты короля, клир церкви Сент-Шапель и собора Парижской Богоматери, ректор и доктора Парижского университета. Следом шла делегация третьего сословия: все депутаты были одеты в черное, каждый держал в руке зажженную свечу. Далее шествовали разодетые дворяне в шляпах с перьями и при шпагах и духовенство; парижский архиепископ кардинал дю Перрон с помощью четырех принцев крови нес Святые Дары. Замыкал шествие сам Людовик (в белом) с Марией Медичи (в черном), сестрой Елизаветой, Маргаритой Валуа, принцессами крови, маршалами Франции и кавалерами Ордена Святого Духа, за которыми шли городские магистраты. Во всех окнах торчали любопытные головы, даже крыши были черны от народа — парижская чернь упивалась зрелищем.

Первое заседание Генеральных штатов прошло в Лувре в присутствии Людовика, Марии и Елизаветы. Несмотря на то что места для всех были заранее определены главным церемониймейстером, возник беспорядок: скамьи для депутатов стояли напротив трона, а скамьи для государственных советников — перпендикулярно им, то есть ближе к королю. Два первых сословия запротестовали, и королю пришлось решать вопрос о старшинстве. В конце концов государственных советников разместили позади трона, а депутатов — по обе стороны от него. Священники расселись справа, дворяне — слева, депутаты от третьего сословия — позади них. Все эти перестановки сопровождалось таким гвалтом, что один из разночинцев с досадой сказал: «Франция неспособна к порядку».

Людовик произнес краткую речь, суть которой как раз и сводилась к

тому, что он намерен навести в стране порядок для облегчения жизни подданных с помощью советов, которые надеется получить от депутатов.

Затем выступили канцлер и представители двух первых сословий, кадившие фамиам Марии Медичи. Настал черед Робера Мирона — парижского купеческого старшины, депутата от третьего сословия. Он произносил речь на коленях, однако смело обличал положение дел в стране, «нарушение божественных и людских законов, бесчестье и безнаказанность». На этом заседании, длившееся пять часов без перерыва, завершилось в таком же беспорядке.

Второе заседание состоялось 4 ноября. Духовенство требовало опубликования решений Тридентского собора^[21] (считающегося отправной точкой Контрреформации), дворянство — отмены полетты (налога на наследование должностей), третье сословие — сокращения податей и уменьшения числа пенсий для дворян (король должен знать, что простой народ бедствует, крестьяне вынуждены питаться травой, словно скот; неровен час, они вспомнят, что солдаты — те же крестьяне, только с оружием в руках). Первые два сословия требовали также реформы университетов, в том числе возвращения в них иезуитов при условии соблюдения последними университетского устава. Третье сословие предложило признать власть короля, «монарха по Божественному праву», независимой от власти римского папы. Духовенство и дворянство резко выступили против, и предложение было отвергнуто; однако правящий дуумвират не мог о нем не знать. Зато Генеральные штаты, не оправдав ожиданий партии Конде, дали согласие на двойной франко-испанский династический брак.

Интересы трех сословий настолько не совпадали, что говорить о совместной работе не представлялось возможным. Дворяне не желали признавать себя «детьми Франции» наравне с «сапожниками». То и дело возникали конфликты, которые приходилось улаживать посредникам от духовенства. Тут-то и проявил себя 29-летний епископ Люсонский, наконец получивший шанс обратить на себя внимание.

Третий сын в семье, Арман Жан дю Плесси де Ришельё готовил себя к военной карьере, учился в Наваррском коллеже и в академии Плювинеля. Но средний брат Альфонс, который, согласно тогдашнему порядку, должен был принять священнический сан и стать епископом Люсонским, неожиданно решил уйти в монахи. Чтобы не лишиться доходов от епископства, мать упростила младшего сына резко переменить свою жизнь. Тот в кратчайшие сроки получил богословское образование и защитил докторскую диссертацию по теме «Вопросы теологии». Диссертацию он

посвятил королю Генриху IV, пообещав оказать ему важные услуги на государственном поприще. Знал ли об этом король, неизвестно; к тому же его вскоре убили. Ришельё пришлось ехать в свою крайне запущенную епархию и наводить там порядок. Но он не собирался всю жизнь прозябать в глуши; его целью был Париж, а цель оправдывает средства. Епископ написал Кончини, предлагая свои услуги, но ответа не получил. Выборы в Генеральные штаты стали тем самым шансом, который нельзя упустить, и он им воспользовался в полной мере.

На церемонии закрытия Генеральных штатов 23 февраля 1615 года епископ Люсонский, выступивший от имени духовенства, высказался в том смысле, что представители второго сословия должны играть важную роль в управлении государством, к гугенотам следует относиться лояльно, а систему налогообложения предстоит усовершенствовать, чтобы избавить народ от притеснений со стороны чиновников. Нарисовав радужную картину будущей жизни во Франции, которая расцветет благодаря мудрому правлению, он воскликнул, обращаясь к королю: «Счастлив государь, которому Господь дарует мать, исполненную любви к его особе, усердия по отношению к его государству и столь опытную в ведении его дел!» Рассыпавшись в похвалах Марии Медичи, Ришельё призвал ее не останавливаться на достигнутом и «продолжать править таким образом, чтобы вы могли прибавить к славному имени матери короля не менее прекрасное имя матери королевства». Цель была достигнута: молодого, умного и привлекательного епископа заметили.

Робер Мирон, в отличие от него, опять выступил в роли обличителя и, обращаясь исключительно к королю, изложил требования своего сословия: регулярно созывать Генеральные штаты, контролировать распределение финансов и государственных должностей, соблюдать равенство всех перед законом, отменить чрезвычайные трибуналы и внутренние таможенные барьеры, придерживаться протекционизма в торговле и т. д. Вместе с представителем дворянства бароном де Сенесеем он вручил королю тетради с «наказами», которые тот принял, обнажив голову в знак уважения, и передал канцлеру, пообещав дать ответ и сделать так, «чтобы все были довольны».

Конечно же, такого просто не бывает. Решения Тридентского собора были опубликованы, но когда 24 марта 1615 года было объявлено о временном отмене полетты, парламент решительно этому воспротивился. Однако магистраты остались в одиночестве — их никто не поддержал, за исключением Конде, который плел новые интриги и хотел иметь возможность опереться на парламент. Полетту восстановили, а

Генеральные штаты больше не созывались вплоть до 1789 года.

Чтобы умиловить короля, Конде сложил с себя обязанности коменданта Амбуаза, и Людовик тотчас передал командование крепостью своему дорогому Люиню. Когда принц пришел откланяться, король сухо сказал: «Кузен, в будущем ведите себя лучше». Впрочем, он уже не испытывал иллюзий насчет покорности «кузена».

СУПРУГ

Блаженства полного никто вкусить не может...

Всё было готово к заключению королевского брака, даже улажен вопрос о демаркации франко-испанской границы, проходившей в Наварре. Да еще как улажен — благодаря вмешательству инфанты Анны Австрийской! Она настояла на решении в интересах своего будущего супруга, короля Франции и Наварры — и отняла у Испании несколько арпанов (десятин) каменистой земли в труднодоступных горных районах. Ах, она уже совершенная француженка!.. Не будьте такими наивными, господа, это политика.

Несмотря на возражения грандов, Мария Медичи решила ехать со всем двором в Гиень. Чтобы обеспечить надежный тыл, пришлось наскоро помириться с парламентом. Гастона для гарантии от возможного переворота оставили в Париже под защитой шестнадцати полков. С собой тоже надо было взять армию — во избежание неприятностей со стороны не уgomонившихся принцев (Бульона, Лонгвиля и Майена), которые столкнулись с гугенотами, естественно, не одобрявшими испанских браков. Но на армию требовались деньги. По правилам запустить руку в казну можно было только с разрешения Счетной палаты, однако та трижды отказывала. Наконец решили обойтись без разрешения. Около пяти часов пополудни 16 августа 1615 года король, королева, принцы, маршалы Франции и высшие чиновники отправились в Бастилию, где хранилась королевская казна. Запрошенная сумма составляла 30 тысяч ливров (или десять тысяч экю). Деньги отсчитали монетами в четверть экю и уложили их в 40 телег. Члены Счетной палаты настояли, чтобы королева не уходила, пока не будет нагружена последняя телега: пусть она одна отвечает за эти расходы, ведь теперь в закромах на всё про всё остается только 400 тысяч экю. Людовик не мог думать о деньгах, балансе и прочих скучных вещах — все его мысли были о грядущем походе. Вернувшись домой, он поставил будильник на полчетвертого утра и лег спать.

Утром 17 августа, без четверти семь, король сел в карету и отправился в Бордо. Его сопровождали три тысячи пехотинцев и тысяча всадников. Между тем армия принцев перебралась через Луару и выступила на Пуату; королевский отряд устремился туда же и 31 августа прибыл в Пуатье, где королеву-мать встречал епископ Люсонский. Тут пришлось задержаться,

поскольку серьезно заболела принцесса Елизавета, а вслед за ней и у королевы набух флюс и началось рожистое воспаление. (Елизавета подхватила оспу, но даже ее смерть не сорвала бы проектов матери: в этом случае женой инфанта стала бы Кристина, кстати, больше подходившая ему по возрасту.) Во время вынужденной остановки король объявил Конде и его сторонников виновными в оскорблении величия и лишил их имущества. Из Пуатье выехали только 28 сентября, до Бордо добрались 7 октября. Испанская делегация уже находилась в Бургосе. Между двумя городами сновали гонцы. Наконец было решено, что венчание «по доверенности» состоится 18 октября, 21-го числа Елизавета выедет из Бордо и 1 ноября произойдет обмен принцессами.

Оставалось обсудить еще кое-какие детали. Испанская сторона настаивала, чтобы стоимость обручальных колец была не меньше 100 тысяч экю. Французы сократили ее вдесятеро, условившись, что кольцо будущей королевы Франции будет подарком ее отца; в свою очередь, будущей принцессе Испании кольцо подарит ее брат (в те времена кольцо надевали только женщине в знак власти супруга над ней). Испанскому послу даже предоставили возможность выбрать кольцо из всех имевшихся в наличии. Людовик уполномочил герцога де Лерму, испанского первого министра, от его имени заключить брак с испанской инфантой, а герцога Астурийского (которому было всего десять с половиной лет) при оформлении брачного союза с принцессой Елизаветой представлял герцог де Гиз.

Прощание Людовика с Елизаветой было душераздирающим: оба плакали навзрыд. На замечание одного из придворных, что великий король не должен давать волю чувствам, тот ответил, что не может не оплакивать столь добрую сестру. Он поехал ее провожать; в двух километрах от города карета принцессы остановилась, король спешил; они обнялись и целовали друг друга, рыдая, поскольку знали, что видятся в последний раз. Все присутствующие тоже утирали слезы, не решаясь их разъединить; только дон Иньиго де Карденас, испанский посол, не умилился при этой сцене и громко крикнул: «Ну же, принцесса Испании!»

За час до полудня Елизавета уехала, Людовик вернулся к матери весь в слезах и три часа не мог унять их. У него разболелась голова.

Двойной франко-испанский брак. Гравюра XVII в.

График соблюсти не удалось — обмен принцессами состоялся только 9 ноября. Посередине реки Бидассоа, служившей границей между двумя странами, поставили двойной павильон. Обе принцессы, каждая со своей стороны реки, взошли в лодки, которые затем подтащили на веревках к павильону. Там они встретились, поговорили с четверть часа, затем каждая простилась со своей свитой и отправилась на новую родину.

Мария Медичи не присутствовала при этой сцене — она осталась в Бордо (долгие проводы — лишние слезы), но король Филипп III пренебрег советом своих министров и сопровождал инфанту Анну из Бургоса до

самой границы, сказав на прощанье: «Дочь моя, я добыл тебе лучшее положение в христианском мире, какое только мог. Ступай, да благословит тебя Бог».

На французском берегу инфанту встречал королевский фаворит с письмом от его господина: «Посылаю к Вам Люиня, одного из моих самых верных слуг... Прошу Вас... принять его благосклонно и поверить всему, что он скажет Вам от имени... Вашего дражайшего друга и слуги».

В отличие от Людовика и Елизаветы Анна в полной мере насладились родительской любовью, не будучи полностью оставленной на попечение мамок и нянек. Филипп III не был таким же волевым государем, как его суровый отец; все дела он переложил на герцога де Лерму, а сам предавался развлечениям: охоте, празднествам, строительству и театру. В 21 год он женился на своей кузине Маргарите, которой тогда было шестнадцать. За 12 лет она произвела на свет восьмерых детей и умерла родами (в этом смысле королева подвергалась такому же риску, как и простая крестьянка). Нежно любивший ее король больше не женился, а всю свою любовь перенес на старшую дочь, красавицу и умницу, которой несказанно гордился. Путь от Бургоса до Фонтаравии затянулся из-за увеселений и непогоды, но Филипп был этому рад, поскольку мог отсрочить момент расставания с дочерью. Он вел с ней долгие разговоры, наставляя, как себя вести при французском дворе: понятно, что свекровь не чета ей ни по рождению, ни по воспитанию, но показывать этого не нужно — до поры, пока она не приобретет достаточный вес. Людовик еще дитя, мать водит его на помочах; нужно обаять его и подчинить себе. Главная ее задача — предупреждать конфликты между их странами, не давать Франции поддерживать врагов Испании во Фландрии, Германии и Италии и искоренять ересь внутри королевства. Анна получила подробный меморандум с инструкциями, а в Париже должна была пользоваться советами послов и через них постоянно находиться на связи с Мадридом, Брюсселем и Венной.

Елизавете никаких наставлений не давали — она просто уехала в неизвестность. Забегая вперед скажем, что наследник испанского престола был сразу же очарован ее красотой (сам он был далеко не красавец; его уродовала выступающая вперед нижняя челюсть, отличительная черта Габсбургов), однако при мадридском дворе французы не были в чести. Филипп III запретил невестке, которую испанцы называли Изабеллой, говорить на родном языке; принцессе пришлось подчиняться строгим правилам этикета. Она сильно тосковала по родине и своей семье, только переписка с братом была для нее отдушиной...

Приезд инфанты (вернее, уже королевы) в Бордо был назначен на 22 ноября, но Людовик, изнывавший от нетерпения, приказал как-нибудь устроить, чтобы их встреча произошла на день раньше. Утром 21-го числа он поскакал верхом в Кастр, в пяти лье (20 километрах) от Бордо, там вошел в заранее выбранный дом и стал ждать. Через какое-то время перед домом остановилась карета; Людовик смог рассмотреть свою жену, и вправду оказавшуюся хорошенькой, но она не видела его, хотя знала о его присутствии. Решив, что так выйдет неприлично, Людовик сел в карету и поехал следом за Анной. Через два лье кучеры придержали коней, и новоиспеченные супруги увидели друг друга в окошки. Людовик приложил палец к губам и сказал: «Io son incognito, io son incognito^[22]; трогай, кучер!» Через некоторое время он вышел из кареты и верхом прискакал в Бордо, в резиденцию архиепископа, где остановился. Часом позже туда же приехала юная королева, которую встречали супруг и свекровь.

На следующий день около часа Людовик отправился к жене с визитом. Та была занята своим туалетом: ей нужно было красное перо в пару к белому; король галантно подал ей свою шляпу, на которой имелись оба, и предложил взять с нее любое перо, попросив взамен алую ленту, которую повязал на оставшееся. (В те времена лента была залогом любви; Генрих IV писал Марии Медичи, с которой еще не был обвенчан, что прикрепит полученную от нее ленту на своей шляпе, когда пойдет в бой, чтобы она вела его к победе.)

В День святой Екатерины, 25 ноября 1615 года, в соборе Святого Андрея состоялось венчание.

Мать Анны Маргарита Австрийская была дочерью эрцгерцога Карла и племянницей императора Максимилиана, а мать Марии Медичи Жанна Австрийская — его сестрой. Значит, Людовик и Анна были троюродными братом и сестрой. Гены Габсбургов проявлялись в выступающей вперед нижней челюсти и пухлой нижней губе: эта общая черта была у Марии Медичи, у ее старшего сына и невестки. На этом сходство заканчивалось: Анна была больше похожа на фламандку, чем на испанку: русые волосы, зеленоватые глаза, молочно-белая кожа (в 1613 году она заболела оспой, но не стала рябой, потому что не расчесывала гнойнички); она была небольшого роста и, чтобы скрыть это, носила туфли «на платформе». Людовик же уродился ни в мать, ни в отца: черноволосый и кареглазый, с небольшой ямочкой на подбородке. Но присутствовавшие на венчании в один голос уверяли, что юные супруги похожи — в том смысле, что в равной мере очаровательны и так лучезарно улыбаются.

Людовик был в шитом золотом костюме из белого атласа с брыжами и

широкополой шляпе. Королева-мать была во вдовьем черном платье, однако ее шею трижды обвивало жемчужное ожерелье, а на груди висел бриллиантовый крест. По окончании службы она лично сняла с Анны корону и королевскую мантию, покрыла ей голову платком и проводила к носилкам^[23], причем сама поехала сзади (это очень понравилось испанцам).

Из церкви Людовик вернулся таким усталым, что сразу лег и ужинал в постели. А ведь оставалось еще самое главное — брачная ночь. Брак должен был «свершиться», иначе его могли признать недействительным. Юным супругам недавно исполнилось четырнадцать, никакого опыта в интимных делах они не имели, и скабрзные шутки, которыми сыпали молодые вельможи в окружении короля, скорее напугали его, чем успокоили. (После смерти отца Людовик избегал разговоров на сексуальные темы, говоря, что «это грех».) В восемь вечера он решился: надел халат и туфли и пошел к королеве. Впереди шли Мария Медичи, господин де Сувре, распорядитель королевского гардероба Рамбуйе, обер-камердинер Беринген и кормилица. «Дочь моя, я привела к вам вашего мужа, примите его и любите, прошу вас», — заявила королева-мать. Анна ответила по-испански, что единственное ее желание — угодить супругу. Королева уложила их в постель, задернула шторы и выпроводила всех, кроме двух кормилиц — Дундун и испанки Эстефаниллы, которые должны были стать «свидетельницами». Два часа спустя, успев как следует вздремнуть, Людовик вернулся к себе, заявив Эроару, что исполнил супружеский долг «два раза». Но первый опыт вряд ли был удачным; во всяком случае, желания повторить его у короля не возникло.

Мария велела составить подробный «Рассказ о том, что произошло в ночь свершения королевского брака», который раздали членам дипломатического корпуса. Цель была достигнута: законность брака никто не оспорит^[24]. Но в интересы королевы-матери вовсе не входило, чтобы Людовик и Анна по-настоящему стали супругами и уж тем более заимели детей — это подорвало бы ее позиции. Поэтому она прилагала все усилия, чтобы они не сблизились, а их общение ограничивалось протокольными визитами. И, конечно, спали они врозь.

Теперь новобрачным предстояло вернуться в Париж. Путь неблизкий и опасный: мятежники не дремлют; обоз большой. Анна везла с собой приданое: 12 огромных дорожных сундуков и 22 ящика, наполненных до краев. Там были 12 парадных платьев разных цветов, в том числе три сплошь расшитые золотом и жемчугом, платья с кружевами на каждый

день, белье, обувь, плащи, шляпы, галантерея, туалетные принадлежности, посуда, церковная утварь, письменные приборы и, конечно же, драгоценности; золотые цепи и бриллианты, жемчужные кольца, браслеты, диадемы и обручальное кольцо с плоским алмазом (их тщательно оценили и взвесили, чтобы они соответствовали приданому Елизаветы). Французская свита Елизаветы состояла из трех десятков человек, а с Анной приехали около шестидесяти дам и добрая сотня прочей челяди, что чуть не вызвало дипломатический скандал, который, впрочем, удалось замять.

В дороге молодожены не упускали возможности развлечься. Так, в Амбуазе губернатор Люинь устроил в их честь празднества. Пока двор находился в Туре, 15 февраля король танцевал в балете перед супругой, а та в ответ 21 февраля исполнила испанский балет со своими фрейлинами.

По пути в столицу Мария Медичи утвердила Ришельё духовником Анны Австрийской. Епископ Люсонский ответил пространным благодарственным письмом, обещая посвятить всю свою жизнь служению королеве-матери.

Париж встречал королевскую чету триумфальными арками, процессией колесниц с аллегорическими фигурами, прославлявшими Анну, несущую с собой мир. Купидон и Гименей попирали ногами Раздор. Купеческий старшина произнес цветистый комплимент, призывая новую королеву как можно скорее подарить Франции дофина. Коронации не было: все слишком хорошо помнили, чем закончилась предыдущая, да и королева-мать, мягко говоря, не настаивала на этой церемонии.

Анна заняла апартаменты в южном крыле Лувра, из которых пришлось выехать ее свекрови (Мария поселилась в Тюильри). И началась жизнь, регламентируемая этикетом. Людовик пунктуально приходил к жене каждое утро и после полудня, сопровождаемый свитой. Разговор не клеился: Анна не успела выучить французский, ее супруг не знал испанского, да еще и заикание от смущения усиливалось. В первый раз они пообедали вместе 16 апреля 1616 года, после чего Людовик проводил жену в ее комнату и вышел. Анна, привыкшая находиться в центре внимания и быть объектом обожания, была разочарована.

Она регулярно писала отцу. Ее письма не сохранились, но по ответам Филиппа можно догадаться об их содержании. Она расспрашивала родителя о здоровье, о том, что поделявают ее братья и сестры, жаловалась на унылую жизнь и невнимание мужа. Отец рассказывал про корриды, аутодафе, балы-маскарады и театральные новинки, давал новые инструкции касаясь политики и рекомендовал проявлять терпение и покорность: в конце концов Людовик вырвется из-под опеки матери, и

тогда его жена по-настоящему станет королевой.

Людовику женитьба пока принесла только избавление от господина де Сувре и телесных наказаний. Люинь, приехавший в Париж, опасался, что по выходе из Лувра (он жил в Тюильри) его убьют из-за угла люди, подосланные Кончини. Безопаснее было бы жить прямо в Лувре, но для этого нужна была должность. Комендант Лувра де Фонтене уступил свою должность королевскому фавориту, чем очень потрафил Людовику. Теперь Люинь жил в комнате над королевскими апартаментами и мог незаметно спускаться туда по внутренней лестнице. Часто сам король перед сном ходил к нему наверх. Когда один из них заболел, другой преданно сидел у постели больного.

Между тем принцы, которым не удалось собрать достаточно сил для похода на Париж, снова вступили в переговоры, проходившие в Лудене с февраля до конца апреля. 3 мая 1616 года было подписано соглашение, по которому мятежники получили новые подачки от власти (в общей сложности на 20 миллионов ливров), зато Мария Медичи еще больше укрепила свою власть, заменив в Королевском совете «бородачей» (престарелых вельмож покойного мужа) ставленниками Кончини. Канцлер Брюлар де Силлери уступил свое место дю Вэру, председателю парламента Экс-ан-Прованса; Жаннен остался в Совете, но должность контролера финансов передали Барбену; Вильруа, занимавшийся внешней политикой, был заменен председателем парламента Бордо Клодом Манго.

В Париже распространялись оскорбительные памфлеты против «маршалов» — Леоноры Галигаи и ее мужа; по сути, стрелы сатиры метили в Марию Медичи. Тогда она сделала ловкий ход — предложила сыну: раз он уже совсем взрослый и женат, она передаст ему бразды правления, а сама уедет в Италию доживать свой век на покое. Естественно, он умолял мать остаться. Трудно было ожидать иного от подростка — пусть довольно самостоятельного, ершистого и проницательного, но еще не готового взвалить на себя такую ответственность и отчаянно ищущего точку опоры. Конечно, Мария заранее знала, каким будет его ответ; зато теперь никто не мог обвинить ее в узурпации власти.

Летом неугомонный Конде начал составлять новый заговор. К нему для переговоров отправили ловкого епископа Люсонского, которому удалось временно обезоружить принца заманчивым предложением: его введут в Королевский совет. Но Конде хотелось самому стать королем. Для этого нужно было добиться признания недействительным брака Генриха IV и Марии Медичи; тогда Людовик XIII становился незаконнорожденным.

Но это было уже слишком: воспротивился даже герцог де Гиз. Все в окружении королевы-матери — и снова вошедший в милость Сюлли, и Ришельё, и Леонора — советовали действовать сурово и решительно. 1 сентября 1616 года Конде арестовали и посадили в Бастилию. Прочим мятежникам удалось бежать.

Мать Конде герцогиня де Гиз тщетно пыталась вызвать в столице беспорядки. Вместо этого десятитысячная толпа разгромила особняк Кончини в предместье Сен-Жермен, убив двух сторожей. Леонора выехала оттуда незадолго до вторжения, а ее муж был в Кане, в Нормандии иначе бы им несдобровать. От дома не оставили камня на камне; всё, что в нем находилось — картины, статуи, гобелены, мебель, одежда, — было разбито вдребезги или порвано в клочья. Портреты супругов Кончини и Марии Медичи выбросили в окно, только на портрет молодого короля рука не поднялась. Королева-мать возместила Кончини ущерб и сделала его герцогом и пэром. Это возмутило Людовика: «Когда я издаю распоряжения на 30 франков, мне говорят, что казна пуста, однако для маршала д'Анкра нашли 450 тысяч ливров!» Но Кончини и этого было мало — он метил в коннетабли, и Мария была готова исполнить его желание.

Ришельё же был назначен чрезвычайным послом в Испанию. Эту должность ему выхлопотал Барбен, а предложил Кончини от имени королевы. Другой бы обрадовался, но епископу Люсонскому не хотелось уезжать из Парижа. К счастью для него, обнаружилось, что канцлер дю Вэр поддерживал тайные связи с мятежниками. Его арестовали и заменили Манго; таким образом, освободился пост государственного секретаря по иностранным делам.

В октябре 1616 года Людовик захворал: его мучили боли в животе, сопровождавшиеся поносом, была лихорадка, после приступов которой он лежал бледный, печальный, совершенно обессиленный. В конце месяца наступил кризис: мальчик хрипел и задыхался. Ему хотели дать лекарство, но его челюсти, сведенные спазмом, невозможно было разжать (слуга, попытавшийся это сделать, чуть не лишился пальца); наконец их раздвинули ложкой и влили микстуру. Он потерял сознание. Встревоженная королева сидела у его постели; думали, что он уже не жилец. Созванные на консилиум доктора спорили, что было причиной болезни короля — апоплексический удар или дурные испарения из кишечника. Но кризис миновал, Людовик пошел на поправку и около 10 ноября уже смог встать с постели. Через день, проходя утром по Большой галерее Лувра в сопровождении горстки офицеров охраны, он остановился у окна взглянуть на реку. В это время вошел Кончини, за которым следовала свита из ста

человек, и остановился у другого окна. Разумеется, он знал, что король здесь, но даже не приветствовал его, продолжая принимать почести и отдавать приказания. Оскорбленный до глубины души Людовик покинул залу.

В начале 1617 года скончалась десятилетняя дочь «маршалов» Мария Кончини, которую отец собирался выдать замуж за какого-нибудь знатного вельможу. Леонора увидела в этом знак: лучше не зарываться и, забрав всё нажитое добро (их состояние на тот момент оценивалось в восемь миллионов ливров), уехать в Италию. Муж не соглашался — он всё еще считал себя неприкосновенным.

Мятежные принцы, остававшиеся на свободе, вновь начали собирать войска. Мария Медичи в очередной раз в присутствии Люиня, Барбена и Манго заговорила с сыном о передаче власти. Теперь уже все выучили свои роли назубок: Люинь умолял королеву отказаться от этих планов ради блага государства и безопасности короля; королева похвалила Люиня за преданность королю и сказала, что охотно поддержит сына, если тот захочет его отблагодарить. И тот и другая, превосходные актеры, привыкли выступать и на политической, и на театральной сцене.

Придворными развлечениями, которые нравились буквально всем, были балеты (в те времена так называли спектакли, сочетавшие декламацию стихов с музыкой, танцами и спецэффектами). Людовик с головой уходил в их постановку, занимаясь изготовлением декораций, костюмов, сценических машин, руководя репетициями танцоров и музыкантов. Сюжеты он черпал и в античной мифологии, и в отечественной истории, а также в произведениях Лудовико Ариосто, Торквато Тассо или Мигеля Сервантеса. Впрочем, Людовик не особенно разбирался в поэзии и литературе, а потому среди авторов либретто встречались как талантливые поэты (Малерб, Теофиль де Вио, Буаробер, Шарль Сорель), так и поденщики типа Бордые или Этьена Дюрана (впрочем, последний плохо кончил — был казнен на Гревской площади за сочинение памфлета против Люиня).

На королевские балеты всегда являлись толпы зрителей, и 29 января 1617 года сам Людовик с большим трудом пробился в зал. Какая-то девица ухватила его за штаны со словами: «Если вы войдете, то войду и я». Темой балета было освобождение рыцаря Ринальдо — традиционного персонажа французского героического эпоса. В первой картине король — в маске и костюме, усыпанном блёстками-искрами, — изображал Демона огня. Хору из шестидесяти четырех певцов аккомпанировали 28 скрипок и 14 лютней. Главные роли Людовик раздал своим приближенным: Люинь был

Ринальдо, Александр де Вандом — Демоном воды, господин де Монпульян — Духом воздуха, господин де Ларошгийон — Демоном охоты и господин де Ларошфуко — Демоном тщеславия. В первой картине Армида посылала Демонов держать Ринальдо в плену; во второй Нимфа воды читала монолог возле грота в сказочных садах; в третьей Ринальдо вырывался на свободу; в четвертой дворец Армиды был разрушен, а музыканты славили победы Ринальдо. Наконец, в последней картине король (в образе Годфруа де Бульона, освободителя Иерусалима и Ринальдо) появлялся на троне в окружении всех актеров. Балет был исполнен глубокого смысла: таким образом Людовик заявлял о своем стремлении избавиться от власти матери и ее ставленников.

Но сначала предстояло окончательно разбить мятежных принцев — де Невера, де Бульона и де Майена, которые, судя по всему, понимали только язык силы. Ришельё (напомним, что прежде богословского образования он получил военное) разработал стратегический план кампании: окружить мятежные армии и разбить их поочередно. Королевскими войсками командовал принявший сторону суверена герцог де Гиз, хотя Людовик сам рвался выехать к армии в Шампань. Епископ Люсонский рассылал командующим приказы, составленные им и подписанные королем. В каждой армии у него имелись тайные осведомители, поэтому герцог де Гиз был несказанно удивлен, когда, не удосужившись сообщить королю о взятии крепости Ришкур, неожиданно получил от него послание (разумеется, составленное Ришельё) с приказом скрыть крепость и требованием впредь извещать его обо всех предпринимаемых действиях. В конце марта был взят Суассон, а Седан, где укрывался герцог Бульонский, оказался под угрозой. К началу апреля мятежные принцы прекратили сопротивление и сложили оружие.

Тем временем в Лувре, на половине короля (а чаще в комнате Люиня) практически ежевечерне собирался небольшой кружок, душой которого был Гишар Деажан. Родом из Дофине (на юго-востоке Франции), он начал свою карьеру при наваррском дворе, затем стал секретарем и, наконец, советником короля и «ординарным секретарем» королевы-матери. В 1617 году он уже был первым помощником сюринтенданта финансов Клода Барбена и, познакомившись с Люином, сообщал ему о замыслах Кончини, которые выводывал от своего начальника. Люинь, в свою очередь, держал в курсе короля, который понял, что Деажан может быть ему полезен. Умный, решительный и прагматичный Деажан мог бы стать крупным государственным деятелем, однако был лишен честолюбия. Кроме него в кружок входили кузен Люиня барон де Моден, юрист Луи Тронсон,

ставший личным секретарем короля, и господин де Марсильяк, которого два года назад побил палкой Рошфор, фаворит принца Конде (этот инцидент вызвал серьезную размолвку между Конде и королевой-матерью). Эти люди не были вельможами и не имели никакого веса при дворе, однако король верил в их искренность и полагался на их рассудительность. Со своей стороны он обещал им защиту и покровительство.

Защиту? Дело в том, что на собраниях обсуждались планы избавления от Кончини. Людовик горел желанием стать королем по-настоящему, но как этого добиться? Уехать в какой-нибудь верный ему город и оттуда повести наступление на Париж, как Карл VII из Буржа? Утопия. Отправиться к королевской армии в Шампань? Этот вариант Людовик считал самым привлекательным, но для отъезда требовалось заручиться согласием королевы-матери и самого Кончини, которые наверняка что-нибудь заподозрили бы. Не пойдет. Может быть, прямо пойти к Марии Медичи и заявить, что он намерен править сам, а Кончини пусть отправляется на все четыре стороны? Вряд ли королева примет всерьез слова сына, поскольку по-прежнему считает его ребенком. Надо послать к ней человека, которого она выслушает с уважением, лучше всего священника.

Среди знакомых Люиня был епископ Каркасонский; ему объяснили суть его миссии, из осторожности не упомянув, в чьих интересах он должен действовать. Прелат прекрасно справился с задачей — так расписал королеве кризисное положение, единственным выходом из которого была бы отставка Кончини, что она, казалось, начала колебаться. Возможно, ей вспомнились недавние слова маршала де Бассомпьера: «Однажды короля вынут из-под вашего крыла... и настроят против вас... а вы останетесь с пустыми руками». Даже Леонора была согласна уехать и написала об этом мужу, находившемуся в то время в Нормандии, однако тот отказался наотрез. Деажан и его союзники продолжали осаждать министров, ставленников маршала д'Анкара, пытаясь на них повлиять, но те лишь трусливо передавали временщику содержание этих разговоров. 17 февраля Кончини приехал в Париж, составил список лиц из близкого окружения короля (в его представлении — мальчишки, заслуживающего порки) и пообещал «принять меры».

Теперь уже заговорщикам приходилось действовать решительно, иначе им самим несдобровать. Даже король мог оказаться практически под арестом: Кончини намеревался ограничить ему свободу передвижения парком Тюильри возле Лувра. Деажан поставил вопрос ребром: пора либо убить Кончини, либо арестовать и отдать на суд парламента. Людовик Справедливый предпочитал арест и суд, он не хотел идти по стопам

Генриха III, запятнавшего свои руки кровью герцога де Гиза. Трусоватый Люиень вообще предложил бежать, но этот вариант был с негодованием отвергнут.

Однако арестовать всесильного фаворита было не так-то просто даже королю. Французская гвардия сражалась на поле боя. Кончини постоянно охраняли вооруженные солдаты. Арестовать его можно было только в Лувре, да и то если удастся захватить врасплох. И кто же его арестует? Все три брата Люини сразу отказались. Во дворец вызвали гражданского лейтенанта парижского прево господина де Мема. После довольно долгого предисловия король сказал ему со вздохом, что «множество вещей ему не нравятся», а Люиень добавил, что «Кончини плохо исполняет свой долг». Де Мем уверил короля, что готов арестовать маршала и судить, но не сможет убить.

Значит, гражданские лица не годятся, нужно обращаться к военным. Подходящей кандидатурой был барон де Витри, капитан королевской стражи. Однажды вечером его привели в королевскую спальню, и Людовик попросил его арестовать Кончини в Лувре. Витри сразу всё понял; но чтобы справиться с задачей, ему требовались верные люди: его родной брат дю Алье (его отозвали с фронта), зять де Персан и некто Фонкероль. Операцию легче будет провести после 1 апреля, когда Витри заступит в караул (продолжавшийся три месяца). Когда все четверо собрались, они явились к королю за подтверждением приказа. «Сир, если он будет защищаться, что я должен сделать?» — прямо спросил капитан. Людовик промолчал, но Деажан ответил за него: «Король полагает нужным его убить». Подождав немного и решив, что молчание — знак согласия, Витри заключил: «Сир, я исполню вашу волю».

Конечно, на словах Людовик не раз грозил убить кого-нибудь собственными руками. Два года тому назад по окончании заседания Совета между его матерью и Конде вспыхнула жаркая ссора. Юный король хотел вмешаться, но Мария удержала его. Однако сразу после ухода Конде Людовик закричал: «Мадам, напрасно вы запретили мне говорить! Если бы при мне была шпага, я проткнул бы его насквозь!» Но теперь, когда дошло до дела, он молчал. Убийство — страшный грех. Он боялся погубить свою душу. Но был ли у него выбор?

Арест Кончини наметили на воскресенье 23 апреля. Маршала позовут в оружейный кабинет короля посмотреть модели пушек и план осажденного Суассона, и там Витри с друзьями его арестует. В случае провала король уедет в Мо, комендантом которого был Витри, и соберет армию и верных людей. Теперь же оставалось только ждать.

Марии Медичи донесли, что в комнате короля по вечерам проходят какие-то странные собрания, но она беззаботно не обратила на это никакого внимания. Зато Ришельё счел нужным отправить к Люиню своего зятя Дюпона де Курле с уверениями в полнейшей преданности королю.

Утром в роковое воскресенье шел дождь. Король почти не спал уже четвертую ночь, однако днем старался вести себя как обычно, чтобы не возбуждать подозрений. Кончини должен был прийти в Лувр часов в девять-десять, и тогда его нужно было сразу позвать в оружейный кабинет. Но время шло, а Кончини не появлялся. Незадолго до полудня король отправился слушать мессу в часовне на улице Отриш, а когда вернулся, узнал, что маршал в Лувре, у королевы-матери. За ним тотчас послали. Но пока королевский гонец поднимался по лестнице, Кончини спустился по другой и вышел из дворца. Ничего не поделаешь, пришлось идти обедать.

После обеда держали «военный совет»: вариант с арестом в Лувре не подходит, поскольку зависит от стечения множества обстоятельств. Витри предложил захватить Кончини между двумя воротами у входа в замок. Согласившись с его планом, Людовик нанес визит обеим королевам, погулял по Тюильри, отстоял вечернюю службу, поужинал, еще раз навестил мать и лег спать.

На следующий день, 24 апреля 1617 года, состоялся дворцовый переворот, оказавшийся полной неожиданностью для королевы-матери и временщика. Узнав об убийстве мужа, Леонора собрала все свои драгоценности, запихала их в постель и улеглась сверху, притворившись больной. Но стража, производившая в ее комнате обыск, в конце концов подняла ее с кровати; ее имущество было конфисковано. 28 апреля дю Алье отвез ее в Бастилию. Барбена отправили туда же, опечатав его бумаги. Канцлер Манго робко стоял во дворе Лувра, не решаясь показаться на глаза королю; потом ему передали, чтобы он вернул государственные печати. Он съездил за ними домой и отдал их Люиню. Последний заступился перед королем за Ришельё, который отделался тем, что сдал должность государственного секретаря по иностранным делам Вильруа. Чернь выкопала труп Кончини и повесила на Новом мосту на одной из виселиц, которые он велел установить по всему Парижу после разгрома своего особняка. Тело разорвали на куски, сожгли, а прах развеяли по ветру. Ришельё, как раз в этот момент въезжавший в своей карете на Новый мост, чуть не попал под горячую руку, но выкрутился, велев всем своим людям кричать: «Да здравствует король!» — и подав пример.

Тем временем «жертвы произвола» — Вильруа, Жаннен, дю Вэр, Силлери — уже снова были в Лувре. Первому было 75 лет; Людовик обнял

его со словами: «Отец, теперь я король, не покидайте меня!» Эту фразу — «Теперь я король!» — он неустанно повторял весь остаток дня. Иностранным послам сообщили, что регентство закончилось и теперь им следует обращаться по всем вопросам непосредственно к королю. Испанскому послу Монтелеоне особо запретили иметь сношения с обеими королевами. О перевороте известили также принцев и командующих королевскими войсками. Все члены парламента явились к королю засвидетельствовать свою преданность. Людовик дал аудиенцию итальянским дипломатам; даже в такой серьезной ситуации он не мог удержаться от довольной улыбки, а потому прикрывал рот рукой — ему было всего пятнадцать с половиной лет... Тут же пришлось решать судьбу человека, которого бросили в тюрьму по приказу Кончини. Король ответил просителям, что передаст это дело на рассмотрение своего Совета (в дальнейшем Людовик ежедневно присутствовал на его заседаниях и не принимал никаких решений без предварительного обсуждения). Наконец он выехал в Париж в сопровождении трех-четырех сотен всадников, и по пути его следования со всех сторон слышались радостные возгласы: «Да здравствует король!»

Через неделю Мария Медичи сообщила сыну пять конкретных предложений: она уедет из Парижа; будет обладать всей полнотой власти в своей новой резиденции; сохранит все свои доходы; будет знать поименно людей, которым король позволит последовать за ней; наконец, простится с сыном лично. Отъезд был назначен на 3 мая, резиденцией выбрали Блуа. Ришельё разрешили сопровождать королеву в изгнание и стать главой ее совета.

Прощание состоялось в передней королевы, куда Людовик в сопровождении Гастона, Люиня, Бассомпьера и принца де Жуанвиля явился из апартаментов Анны Австрийской. На нем были белый камзол и красные штаны, черная шляпа с белым пером и сапоги со шпорами, он выглядел бесстрастным и бесстрашным. Слезы мешали королеве произнести заранее заготовленную речь. На просьбу вернуть ей Барбена король ответил ледяным молчанием. Тогда Мария обратилась с той же просьбой к Люиню, но Людовик вернул его на место троекратным окриком, словно собаку. Ему больше не надо было ломать комедию: он король и не позволит матери собой помыкать. Раньше она была равнодушна к его слезам, теперь он будет с ней лишь холодно почтителен. Королева-мать села в карету и отправилась в изгнание, освистываемая толпой; король наблюдал за ней из покоев своей жены.

Одиннадцатого мая состоялся суд над Леонорой Галигаи: ее обвиняли

в оскорблении величия и колдовстве, с помощью которого она держала королеву в своей власти. Леонора умело защищалась, надеясь, что ей позволят вернуться в Италию, но была обречена. 8 июля ее приговорили к смерти, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Ее сожгли на костре как ведьму, но прежде обезглавили. Смерть она приняла достойно и даже пробудила сочувствие во всех присутствующих при казни. Король предпочел уехать из Парижа и, по свидетельству Эроара, не спал потом всю ночь под впечатлением от рассказа о гибели Леоноры. Ее драгоценности, в том числе и принадлежавшие ранее французской короне, он передал своей супруге.

Часть вторая

ЮНОСТЬ

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

Уменье властвовать не черпается из книг.

«Харчевня осталась прежней, только вывеска поменялась», — проворчал герцог Бульонский, узнав о перевороте 24 апреля. «Теперь Люинь будет Анкром короля», — прозорливо заметил папский нунций Бентивольо.

Дворцовые перевороты — то самое колесо Фортуны, которое одних возносит к небесам, а других втаптывает в грязь. Венценосный мальчик не знал других способов выразить свою благодарность, кроме денег и должностей. При этом Людовик XIII обладал цельным характером и не принимал полумер: если он любил, то всей душой, если отвергал, то полностью и безвозвратно. Люиня он любил и считал, что обязан ему обретением независимости, а потому полностью доверял ему и находил удовольствие в том, чтобы делать ему приятное. В этих отношениях не было ничего греховного или противоестественного, как на то намекали фрейлины юной королевы Анны, полагавшей, что Людовик уклоняется от исполнения супружеских обязанностей, потому что предпочитает мужчин (король в самом деле ограничивал общение с женой двумя протокольными визитами в день, утром и вечером, в сопровождении свиты, а к Люиню мог пойти по любому поводу, сколько угодно раз, и обедал чаще всего в его обществе, причем наедине). Людовику вдруг вздумалось женить своего фаворита, и он выбрал ему в невесты Генриетту де Вандом, свою единокровную сестру! Но та отказалась наотрез от такого мезальянса. Люинь ничего не потерял: он попросил руки Марии де Роган, дочери герцога де Монбазона, и получил согласие. Свадьбу сыграли 13 сентября в Лувре; молодые уехали в замок Лезиньи-ан-Бри, который достался Люиню «по наследству» от Кончини. Людовик подарил им 500 тысяч ливров, на которые его фаворит приобрел особняк Сен-Тома-дю-Лувр для своей молодой жены — фрейлины и ровесницы королевы Анны. Кстати, король потребовал, чтобы его супруга предоставила ей право сидеть в своем присутствии.

Уже являясь губернатором Амбуаза, Люинь стал капитаном Тюильри и государственным советником, камергером и комендантом Бастилии^[25]. Король передал ему всё движимое и недвижимое имущество Кончини. Город Анкр в Пикардии теперь стал называться Альбером. Ближайшее

окружение фаворита — его двоюродный брат господин де Моден, родом из Дофине, который имел сильное влияние на кузена, и господин д'Эсплан из Франш-Конте, такой же любезный и обходительный, как Люинь, — тоже было обласкано королем.

Однако достоинства Люиня ограничивались его обходительностью и терпеливостью в общении с королем и способностями к дрессировке ловчих птиц. В государственных делах он, в отличие от Деажана, не смыслил ровным счетом ничего. После апрельского переворота Деажан проводил в Лувре день-деньской, возвращаясь к себе уже за полночь. Король ввел его в Совет и прислушивался к его мнению. Осенью 1617 года зашла речь о том, чтобы создать специально для него должность пятого статс-секретаря (четверо уже имевшихся были, соответственно, министрами двора, иностранных дел, военным и военно-морским); но Деажан метил на должность сюринтенданта финансов. Он был энергичный и волевой человек — полная противоположность Люиню — и очень скоро навлек на себя ненависть министров, ревновавших к нему короля.

Людовик не переоценивал своих возможностей: он понимал, что еще крайне неопытен, и учился управлению государством, участвуя в заседаниях Королевского совета, которые старался не пропускать. Если он был на охоте, за ним посылали, и он немедленно возвращался; в случае его болезни министры собирались у его постели, чтобы принять необходимые решения.

Заседания Совета с участием короля проходили по утрам; два-три раза в неделю после полудня собирались канцлерский, судебный и финансовый советы. Людовик бывал и на этих заседаниях, но менее регулярно. Во время совещаний он сидел в шляпе; четыре государственных советника и секретарь тоже были в шляпах, а прочие должны были стоять с непокрытыми головами. Король передавал слово всем по очереди и внимательно выслушивал каждое мнение, следил за порядком, не позволяя прерывать выступающего. Решения принимали большинством голосов; в случае разногласий последнее слово оставалось за королем. Людовик больше слушал, говорил мало, но всегда четко и по делу. Он признавал свою ответственность за королевство, вверенное ему Богом.

Король также давал аудиенции иностранным послам. Обычно их принимал статс-секретарь по иностранным делам (после смерти Вильюа в ноябре 1617 года эту должность исполнял Пюизье, сын канцлера Брюлара де Силлери); но если посол настаивал на личной встрече с монархом, тот ему не отказывал и вел себя подчеркнуто учтиво. «Воистину, оказалось, что он лучше понимает в делах, чем можно было себе представить», —

удивлялся Бентивольо. На длинные и витиеватые речи дипломатов Людовик отвечал так же кратко и четко, как и на заседаниях Совета. Проявить твердость ему пришлось уже в начале июня, когда Испания попыталась спровоцировать конфликт с Савойей — своим бывшим сателлитом, перешедшим под крыло Франции. Посла Филиппа 111 вызвали в Лувр; король заявил ему, что окажет помощь Савоие. На ядовитую ремарку дипломата, что это решение ему, верно, подсказали два его советника, Людовик резко ответил: «Я прислушиваюсь только к интересам своего служения».

Внешняя политика Франции вновь резко изменилась. Людовик обещал руку своей сестры Кристины принцу Савойскому, тем самым сдержав слово покойного отца, и даже не спросил мнения матери! (Кстати, и гувернер принца Гастона господин де Брев, назначенный Марией Медичи, получил отставку.)

Папские легаты, послы испанского короля и великого герцога Тосканского донимали Людовика просьбами вернуть мать ко двору (им так не хватало союзницы в правительстве), но он был неумолим — даже запретил поднимать этот вопрос в Королевском совете. Он не хотел, чтобы его вновь водили на помочах. А у Люиня, щедрого на изъявление покорности королеве-матери, были свои причины держать ее подальше от Парижа: он опасался ее главного советника епископа Люсонского, превосходившего его по всем статьям.

Но даже опытный и прозорливый человек может угодить в ловушку. В июне министры короля устроили провокацию: Шатонеф сообщил маркизу де Ришельё, старшему брату епископа, что того, скорее всего, отправят в изгнание. Разумеется, Анри де Ришельё немедленно известил брата. Перепугавшись, тот испросил у королевы недельный отпуск, чтобы навеститься в свое приорство Куссей. Как только в Париже стало известно об отъезде епископа, король по наущению Люиня отправил ему письмо с предписанием не покидать Куссей без разрешения и посвятить себя заботам о своей епархии. Напрасно Мария Медичи умоляла сына и Люиня вернуть ей сюринтенданта — даже их переписка казалась подозрительной. В конце октября Людовик приказал Ришельё отправляться в Люсон: место епископа — подле его паствы.

В окружение Марии Медичи вместо удаленных сторонников вводили людей, которые должны были за ней присматривать. Она оказалась в западне: окрестности Блуа охранялись, гонцов обыскивали, все приезжающие и уезжающие подвергались досмотру. Ходили слухи, что ее переведут в Амбуаз — крепость, которую можно использовать как тюрьму.

Мария опасалась высылки в Италию, а то и заключения в монастырь, однако сдаваться не собиралась. На Новый, 1618 год Людовик прислал матери подарок — богатую цепь с собственным портретом, который привез Кадне, брат Люиня. Мария воскликнула: «Что означает сей портрет? Если иные полагают, что я больше никогда не увижу короля, моего господина, и по таковой причине присылают мне его портрет, то я его увижу скорее, чем некоторые думают».

Королева всё еще считалась правительницей Нормандии, однако Людовик назначил Люиня своим наместником в этой провинции. По случаю вступления в должность тот решил собрать ассамблею нотаблей в Руане. Ассамблея нотаблей — Генеральные штаты в миниатюре, с той разницей, что депутаты — 11 прелатов, 13 дворян и 27 чиновников — не избирались, а назначались королем. Вопросы, поднятые на Генеральных штатах 1614 года, так и не были решены. Однако прежде чем заняться делом, королю надо было разрешить извечную проблему местничества: дворяне хотели, чтобы с чиновниками обращались как с представителями третьего сословия, хотя многие чиновники, в особенности магистраты, держали дворян в своей власти. Чтобы раздать всем сестрам по серьгам, пришлось проявить чудеса изобретательности: дворянство усадили полукругом по обе стороны от короля; за ним по правую руку были места духовенства, а по левую — чиновников. Первыми должны были выступать те, кого рассматриваемый вопрос касался напрямую.

Ассамблея открылась 4 декабря 1617 года, а 28-го числа король ее распустил. На рассмотрение собрания был представлен составленный правительством проект исправления злоупотреблений из двадцати статей. В нем говорилось и о сокращении пенсий и военных расходов, и об уменьшении подушной подати. Главным пунктом была отмена традиционной продажи должностей. Чтобы обойти деликатный вопрос о полетте, чиновники ограничились запретом ее замены новым налогом. Но казна была пуста, и рано или поздно полетту всё равно пришлось бы восстановить. Эдиктом от 1618 года король отменил продажу нескольких придворных должностей, но пока не имел возможности распространить эту меру повсеместно, в чем сам признавался. Таким образом, ассамблея нотаблей закончилась ничем.

К тому времени наделало шума дело Барбена. Осенью 1617 года Марии, неоднократно заступавшейся за него, вдруг разрешили с ним переписываться. Конечно, письма перлюстрировались. В них, впрочем, не было ничего крамольного (Барбен был не дурак); однако сам факт обращения к королеве за поддержкой вызвал гнев короля. Был устроен

громкий процесс; Барбен чудом избежал эшафота, но его изгнание Людовик заменил пожизненным заключением. Этим дело не ограничилось: Ришелье, тихонько сидевшего в Люсоне, весной 1618 года выслали в принадлежащий римскому папе Авиньон, то есть практически за пределы Франции. Туда же велели отправляться брату епископа Анри де Ришельё и его шурина Дюпону де Курле. Когда папа Павел V отправил запрос французскому королю, чтобы узнать, чем же провинился епископ Люсонский, добрый католик, ревностно служивший своему государю, ему сообщили в письме, составленном Люином, что Ришельё пренебрегал своими пастырскими обязанностями и способствовал общественным беспорядкам. Жена маркиза де Ришельё умерла родами; его новорожденный сын скончался месяц спустя.

Вокруг королевы-изгнанницы сплотилась горстка людей, сохранивших преданность ей и не желавших мириться с таким положением вещей. Душой компании был аббат Руччелаи — флорентиец из знатного рода, обладавший кипучим темпераментом и легко приходявший в возбуждение. Ему хотелось действовать. Другой итальянец, бывший секретарь Кончини Винченцо Лудовичи, отправился в Мец к герцогу д'Эпернону, чтобы сообщить ему: Мария Медичи заручилась поддержкой герцогов де Гиза, де Монморанси и де Бульона, не хватает только его. Тот согласился вызволить бывшую регентшу из плена и взять под свою защиту.

Герцог обладал большим влиянием на армию, поскольку являлся командующим французской пехотой. В качестве губернатора Меца, находившегося на восточных рубежах страны, он легко мог привлечь германских наемников. Кроме того, он был губернатором западных провинций Онис (с центром в Ла-Рошели) и Сентонж, населенных преимущественно протестантами, которых всегда мог подбить на мятеж. Наконец, д'Эпернон поссорился с двором, после того как его третьего сына, архиепископа Тулузского, обошли кардинальской шапкой. Теперь архиепископ и его брат маркиз де Лавалетт вместе с отцом разрабатывали план побега из Блуа, намеченного на начало следующего года.

К Марии Медичи отправили королевского уполномоченного де Руасси, который должен был взять на себя все прежние обязанности Ришельё, замуровать малые ворота замка, запретить все посещения, кроме специально оговоренных, ограничить передвижения королевы в городе и следить, чтобы во время прогулок она придерживалась определенного маршрута. В начале ноября Марию заставили подписать письмо, полное самоуничижения, смирения и покорности, в котором она уверяла сына, что единственное ее желание — нравиться ему и поступать согласно его воле.

Он ответил, что питает к ней «почтение и уважение», и попутно сделал Люиня губернатором Пикардии.

Людовику приходилось в это время сносить упреки другого родственника — испанский король был недоволен, что его дочерью пренебрегают, и требовал действительного свершения королевского брака. О том же постоянно твердили папский нунций Бентивольо и королевский исповедник отец Арну. Бракосочетание Кристины и принца Савойского было назначено на 10 февраля 1619 года; если бы сестра короля родила сына прежде, чем на свет появится дофин, это серьезно осложнило бы политическую ситуацию. Посол Монтелеоне даже как-то намекнул: не научить ли Анну неким приемам обольщения? Вероятно, ее неопытность мешает делу продолжения рода... Людовик и сам был неопытен, а брачная ночь, вероятно, стала для него психологической травмой. Недавно женившийся Люинь, который желал войти в милость и к королеве (он выучил для нее кречета, чтобы она могла ездить на охоту вместе с мужем), предложил сделать условием для свершения брака высылку испанской свиты Анны Австрийской, которая действовала на нервы королю. Людовик сначала не соглашался, ведь в таком случае из Испании выслали бы французскую свиту его сестры Елизаветы и она осталась бы совсем одна; но в конце концов он дал себя убедить. 4 декабря испанские фрейлины и статс-дамы покинули Францию, где остались только духовник, личный врач, камер-фрау и кормилица Анны. Обер-гофмейстериной королевы была назначена Мария де Люинь (уже беременная), получившая под свое начало около пятисот человек.

В начале января 1619 года д'Эпернон испросил у короля позволение выехать в свои западные земли, не заезжая в Париж. Людовик, напротив, велел ему оставаться в Меце. Герцог ответил, что на границе с Германией всё спокойно, его присутствие там не требуется, дела он передал своему сыну Лавалетту, тогда как его пребывание в Сентонже необходимо для службы королю. По дороге он известил Марию Медичи о скором приезде и велел ей ждать его в Лоше.

Двор веселился: 23 января отпраздновали свадьбу мадемуазель де Вандом с герцогом д'Эльбёфом, по этому поводу в Малом Бурбонском дворце давали «Балет Аполлона». Вечером Людовик отправился к единокровной сестре и, присев на кровать, смотрел, как ее супруг справляется со своими обязанностями. Пара ничуть не была этим смущена, Генриетта весело предложила брату последовать ее примеру.

Через день Людовик, как всегда, зашел к Анне пожелать спокойной ночи и вернулся к себе. Около одиннадцати к нему явился Люинь. Вслед за

камердинером, державшим факел, оба прошли через темные залы и галереи в покои королевы. Анна уже лежала в постели. После минутной заминки Люинь сорвал с короля халат, схватил его в охапку и положил рядом с женой, после чего поклонился и вышел. Но и эта ночь не прошла без свидетелей: кормилица Эстефанилла случайно заперла в гардеробной камеристку госпожу дю Белье. По счастью, Людовик и Анна не догадывались о ее присутствии. У них начался настоящий медовый месяц: Анна, до тех пор чопорная и надменная, стала милой и приветливой; каждый день она ждала своего супруга, сгорая от нетерпения, а тот даже забросил охоту ради жены. Но такая жизнь действительно продлилась не больше месяца.

В ночь на 22 февраля 1619 года в лучших традициях приключенческих романов королева-мать бежала из Блуа: в шестом часу утра, когда было еще совсем темно, вылезла в окно и спустилась по приставной лестнице до крепостного вала, на полпути к земле. Мария никогда не занималась подобными физическими упражнениями, боялась высоты, а потому категорически отказалась спускаться по второй лестнице. Ее вместе со шкатулками с драгоценностями завернули в мантии и на веревках спустили вниз по насыпи, как тюк. Затем она пешком дошла до Луары, села в приготовленную карету и выехала в Лош, откуда д'Эпернон отвез ее в Ангулем.

Король узнал о побеге следующим вечером, когда со всем двором был в Сен-Жермене. Игры, танцы и смех резко оборвались; все немедленно выехали в Париж. Неужели снова война?

Воевать сыну с матерью неэтично. Решили вести переговоры, но при этом собрать три армии: одну отправить в Шампань, против герцогов де Бульона и де Гиза, другую — в Гиень, чтобы не взбунтовались гугеноты, а третью король сам поведет в Сентонж. Блуа был занят королевскими войсками, д'Эпернона обвинили в похищении королевы-матери.

Мария строчила письма сыну и его министрам, грандам и иностранным послам — без особого успеха. Тогда она велела напечатать эти письма и распространять их вместе с памфлетами против королевского фаворита. Этим она лишь настроила общественное мнение против себя: Люинь любовью не пользовался, но и память о регентстве еще была свежа. Послов Людовика она приняла очень холодно; ее советники подбивали ее сопротивляться, при этом д'Эпернон и Руччелаи терпеть друг друга не могли. В Париже поняли, что к упрямой флорентийке нужно отправить ловкого человека, способного втемашить в ее голову здравые мысли. Деажан, который с декабря прошлого года вышел из Королевского совета,

но продолжал «консультировать» Люиня по делам государственной важности, посоветовал обратиться к Ришельё.

Седьмого марта в Авиньон прибыл королевский гонец господин де Трамбле, брат монаха-капуцина отца Жозефа, покровительствовавшего Ришельё. Епископ Люсонский был в этот момент чуть ли не при смерти и диктовал завещание. Узнав о возложенной на него миссии, он вернулся к жизни и в тот же день выехал в Ангулем, куда добрался через несколько дней не без приключений (его ошибкой арестовали в Лионе).

Двенадцатого марта Людовик написал матери суровое письмо, в котором заявил о своем намерении освободить ее из рук похитителя. Руччеллаи уговаривал королеву не сдаваться и даже выступил с совершенно сумасшедшим проектом предложить ее руку вдовому английскому королю, чтобы заново получить французский трон. Между тем королевские войска под командованием Шомберга шли на Ангулем; Ришельё привел этот неотразимый аргумент в пользу переговоров и, конечно же, победил. 30 апреля в Ангулеме был подписан мирный договор: в обмен на Нормандию королева-мать получила управление провинцией Анжу с городами Анже, Пон-де-Се и Шинон, сохранила за собой все свои должности, доходы и титулы. Король соглашался заплатить долги матери — 600 тысяч ливров. Герцог д'Эпернон получил полное прощение и тоже сохранил все свои посты.

Людовик вежливо предложил матери занять положенное место при королевском дворе. Она согласилась на встречу с ним в окрестностях Тура. Тем временем Ришельё укреплял свои позиции. Его брат Анри был назначен военным губернатором Анже, хотя на эту должность претендовал господин де Темин — бывший комендант Бастилии, уступивший это весьма доходное место Кончини. Интриган Руччеллаи спровоцировал ссору между Темином и маркизом, распуская слухи о том, что епископ Люсонский якобы состоит в интимной связи с королевой-матерью. 19 июля Темин вызвал Анри де Ришельё на дуэль и убил его. Род Ришельё пресекся. Епископ тяжело переживал смерть брата, однако рук не опустил: губернатором Анже стал его дядя по матери Амадор де Ла-Порт, а Руччеллаи прогнали с глаз долой.

Свидание Людовика с матерью состоялось 5 сентября в замке Кузьер, принадлежавшем герцогу де Монбазону. Накануне Марию Медичи встречал Люинь со своим тестем; он опустился перед ней на одно колено и уверял в своей преданности. Королева сказала, что прошлое забыто, и поцеловала его. С сыном она увиделась на следующий день в аллее парка. На деревья взгромоздились многочисленные зрители, чтобы лучше видеть

происходящее. Людовик приехал вместе с женой, Гастоном и сестрами. Подойдя к нему, Мария сняла черную бархатную полумаску, которую всегда носила на улице, присела в реверансе и, заливаясь слезами, трижды поцеловала его — в губы и в обе щеки. Они обменялись любезностями; присутствующие разразились ликующими криками; под самыми вертлявыми ветки обломились, и эта неожиданная комическая сцена окончательно разрядила обстановку.

Ришельё рассчитывал на кардинальскую шапку, но Мария попросила ее... для архиепископа Тулузского! С изощренной издевкой Люинь поручил написать представление на него епископу Люсонскому. Мария Медичи отказалась ехать в Париж. Пребывание двора в Туре было омрачено постоянными стычками между невесткой и свекровью: Анна Австрийская уже привыкла к роли королевы, а Мария Медичи претендовала на старшинство. Ситуация, когда король был вынужден делать выбор между любимой супругой и матерью, была для него невыносима. Скрепя сердце он предоставил место за столом рядом с собой Марии, после чего буквально выбежал из замка и до поздней ночи пропадал на охоте, так что встревоженная Анна даже выслала на дорогу факельщиков, чтобы муж не заблудился.

Итак, Мария отправилась в Анже, вытребовав напоследок, чтобы Барбен был освобожден из Бастилии. Одновременно в середине октября из Венсенского замка выпустили принца Конде: пусть служит противовесом честолюбивой флорентийке. Люинь же стал герцогом и пэром^[26].

Между тем в Европе назревали грозные события. В августе 1619 года император Священной Римской империи и королем Чехии и Венгрии был провозглашен Фердинанд Штирийский, ярый поборник католичества. Чехи категорически отказались признать его своим королем и возвели на трон 23-летнего Фридриха Пфальцского, зятя английского короля Якова I и своего единоверца, венгры же призвали на престол трансильванского князя Бетлена Габора, тоже кальвиниста. Потерпев поражение от Габора под Пресбургом, Фердинанд был вынужден искать убежища у Максимилиана Баварского. Чешская и венгерская армии угрожали Вене. Император в отчаянии взывал к папе римскому, Филиппу III и Людовику XIII. Рим выслал денег на наемников, Мадрид обещал военную помощь из Испанских Нидерландов, Париж молчал. И дело не только в том, что за помощью к Франции обратился чешский король Фридрих V, напомнивший Людовику о союзе его отца с протестантскими князьями против засилья Габсбургов (кстати, в пользу Фридриха агитировал состоявший с ним в родстве герцог Бульонский). Трон, на котором восседал Людовик, был еще

слишком шаток; чтобы спокойно заниматься внешними делами, нужно иметь надежный тыл, а в тылу у французского короля были Мария Медичи и крупные феодалы, не желавшие покоряться его руке.

В ноябре Людовик издал декларацию по поводу освобождения из заключения принца Конде, в которой говорилось, что в тюрьму принца привели происки людей, желавших гибели и самого Конде, и французского королевства. В декабре Мария Медичи заявила сыну протест. Тем временем противница Конде графиня де Суассон подговорила герцогов де Майена, де Лонгвиля и братьев Вандомов устроить новый мятеж. Мария с Эперноном и молодой герцог де Монморанси, правивший в Лангедоке, примкнули к ним. На сей раз на сторону мятежников перешли гугеноты во главе с герцогом де Роганом, которых встревожило разрешение иезуитам вновь открыть в Париже Клермонский коллеж. В довершение всех бед у Анны Австрийской случился выкидыш; отсутствие наследника существенно ослабляло позиции короля.

В январе 1620 года Анна серьезно заболела: 16 дней она металась в горячке, отказываясь принимать лекарства, а кровопускания, которые врачи применяли при любых заболеваниях, только больше ослабили ее организм. Пришлось обратиться к другим проверенным средствам — крестным ходам и молебнам о здравии. Людовик перебрался жить поближе к жене, три дня и три ночи не отходил от ее постели, плакал, не скрываясь, при всех, на коленях умолял Анну принять лекарство, лично готовил для нее всякие «вкусности». Возможно, именно эти проявления искренней любви вернули молодую королеву к жизни: она пошла на поправку. Однажды она взяла мужа за руку и осыпала ее поцелуями. Как только стало ясно, что болезнь отступила, Людовик заказал светильники и изображения Мадонны из золота и велел отослать в церкви Нотр-Дам-де-Лорет и Нотр-Дам-де-Льес, которым принес обеты.

Превратности личной жизни короля сказались на внешней политике Франции. Если в конце 1619 года Людовик был готов оказать военную поддержку императору и даже объявил его послу, что не позднее весны соберет в Шампани армию и лично поведет ее на помощь Фердинанду II (на него подействовала рождественская проповедь его духовника, иезуита отца Арну), то в январе военную поддержку было решено заменить дипломатической — отправить посольство для переговоров.

В середине мая на Королевской площади устроили «карусель»; король участвовал в одном из конных состязаний и снял пикой три кольца. Он собирался поблагодарить Плювинеля, своего учителя верховой езды, но тот направил его к ложе Анны Австрийской: королева должна была вручить

победителю золотое кольцо с большим бриллиантом. На ее глазах заблестели слезы радости, когда победитель поднялся по ступенькам, заключил ее в объятия и поцеловал под ликующие возгласы присутствовавших. Люинь в турнире не участвовал, предоставив это своим братьям (они даже сражались вместо него на дуэли, если королевский фаворит получал вызов).

В конце мая 1620 года королевское посольство во главе с графом Овернским выехало из Парижа, чтобы посетить как можно больше германских княжеств и сообщить, что Людовик XIII отказывается признать права Фридриха V на чешскую корону, однако не будет сражаться за права Фердинанда II. 3 июля был подписан Ульмский договор, по которому Протестантская уния обязалась воздерживаться от вмешательства в чешско-австрийский конфликт, а Максимилиан Баварский обещал удерживать испанские войска в пределах нидерландских провинций. Однако уже через два дня он отправил Тилли на помощь императору, а саксонский курфюрст отхватил кусок чешской территории.

Французскому королю сейчас было не до этого — на западе страны разрастался мятеж. Искрой, упавшей на пороховую бочку, стал пустячный эпизод: однажды во время обеда Конде, первый принц крови, намеревался подать Людовику салфетку, однако молодой граф де Суассон (Луи де Бурбон, троюродный брат короля) воскликнул, что это право принадлежит ему. Началось выяснение, кто знатнее. Королю надо было принять решение, причем самостоятельно и немедленно, что было для него как острый нож. В конце концов он вроде бы вышел из положения, велел подать себе салфетку брату Гастону. В тот же день Суассон с матерью покинули двор.

Конде решил, что его час настал. Он намеревался возглавить военную операцию, сделаться незаменимым и оттеснить Люиня. Тот почувствовал опасность и попытался уладить дело миром, задействовав епископа Люсонского. Однако у Ришелье ничего не вышло, а может быть, он и не слишком старался. Впоследствии он объяснял в мемуарах, что его «подхватило потоком». «Партия войны» побеждала, и Ришельё вел переговоры с грандами, собирал налоги от имени королевы-матери и сочинял ее манифесты и декларации.

В начале июля поднялся весь запад и юг — от Нормандии до Лангедока. Королевские министры советовали вести переговоры, но Людовик был иного мнения. «Когда всё настолько ненадежно, нужно идти на самых сильных и самых ближних, то есть в Нормандию, — заявил он 4 июля 1620 года. — Я намерен идти прямо туда и не ждать в Париже, пока

моим королевством овладеют, а моих верных слуг будут угнетать. Я верю в правоту своего оружия. Моей совести не за что меня упрекнуть: я был достаточно почтителен к королеве-матери, справедлив к своему народу и щедр к вельможам. Значит — вперед!»

Три дня спустя король во главе восьмитысячного войска выступил в поход. 10 июля он был в Руане, из которого спешно выехал герцог де Лонгвиль — и был лишен своих должностей. Воодушевленный успехом, юный король пренебрег предостережениями своего Совета и пошел дальше; Кан сдался ему 17 июля. Теперь перед ним стояли две армии: одна в Пуату, под командованием д'Эпернона, вторая возле Анже, под командованием герцога Майенского. Людовик спустился на юг к Луаре и 7 августа атаковал войска матери при Пон-де-Се. Под началом короля было четыре-пять тысяч пехотинцев, в том числе гвардейские полки, шесть сотен всадников и две пушки. Пон-де-Се обороняли герцоги де Рец и де Вандом и граф де Сент-Эньян, у которых было три тысячи пехоты, 400 всадников и три пушки. Узнав о приближении короля, они послали к королеве-матери за приказаниями. Мария велела обороняться, но не атаковать. Это не понравилось Рецу, и он ушел, забрав с собой тысячу пехотинцев и половину конницы. Сент-Эньян держался три часа, но в конце концов королевские войска захватили траншеи и ворвались в крепость, а затем туда торжественно вступил Людовик. Граф де Сент-Эньян попал в плен; Сезар де Вандом сбежал, переплыв через Луару.

Королева запаниковала и согласилась на переговоры. Ее интересы вновь представлял епископ Люсонский. Очередной договор был подписан 10 августа: полная амнистия мятежникам, 300 тысяч ливров Марии Медичи и обещание кардинальской шапки для Ришельё (уже 22-го числа король отправил представление в Рим). Кроме того, Люинь сосватал своему племяннику де Комбале племянницу Ришельё Мари Мадлен Дюпон де Курле. (Идея этого брака принадлежала отцу Жозефу; девушка была уже помолвлена, но помолвку пришлось расторгнуть; Ришельё сделал ее фрейлиной королевы-матери.)

Вторая война матери и сына также закончилась примирительной встречей — в замке Бриссак, вернее, на полдороге к нему: королева сошла с носилок, поцеловала Людовика и Гастона; Люинь облобызал край ее платья. Зато в Пуатье, куда затем переехал двор, Мария, к всеобщему удивлению, явилась проведать Люиня, у которого заболело горло. Оттуда она отправилась в Париж, а Людовик — в Беарн, усмирять гугенотов.

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН

*Я молод, это так; но если сердце смело,
Оно не будет ждать, чтоб время подоспело.*

Людовик XIII был добрый католик. В отличие от отца он веровал истово и не считал религию фарсом. Однако противостояние между католиками и протестантами уже давно приняло политический и экономический характер, споры велись вовсе не о догматах Церкви.

Суровая Жанна д'Альбре в свое время изгнала из своих владений папистов и передала церковное имущество кальвинистским пасторам. Генрих IV, сделавшись католиком, решил восстановить на родине католический культ и вернуть имущество священникам, выплатив пасторам компенсацию, но те отказались что-либо отдавать. Людовик XIII решил с этим покончить: постановлением Королевского совета от 25 июня 1617 года церковное имущество было возвращено прежним законным владельцам, но кальвинисты в Беарне и ухом не повели. Собравшись в 1620 году в Лудене, гугеноты потребовали отмены постановления. Кстати, это собрание отказалось предоставить королю список из шести человек, из которых он сам выбрал бы двух депутатов от протестантов, чтобы те представляли интересы Реформатской церкви. Только после вмешательства маршала де Ледигьера, маркиза де Шатильона и герцога дю Плесси-Морне (кальвинистов, лояльных к королевской власти) список был составлен, а собрание распущено. Раз гора не идет к Магомету, Магомет, то есть Людовик, решил сам явиться в Беарн, чтобы вразумить непокорных.

В Бордо, куда король прибыл 19 сентября, состоялось заседание Совета. Жалобно блеющим министрам Людовик дал ответ, достойный Александра Македонского: «Мне не жалко ни времени, ни сил на дорогу; я не боюсь протестантов, а что до переправы через реку, которую, как вы говорите, моя армия не сможет преодолеть за двенадцать дней, так я знаю способ переправиться за восемь». Уже 15 октября король был в По, отказавшемся утвердить эдикт о возврате церковного имущества, и члены муниципального совета просили у него прощения. Ответ был краток: «Впредь служите мне лучше, и я забуду прошлое». 19-го числа Людовик как король Беарна поклялся соблюдать привилегии этой провинции специально созванным по такому случаю провинциальным Штатам,

которые, в свою очередь, принесли ему клятву в верности. Теперь Беарн и Наварра были окончательно присоединены к французской короне, хотя теоретически это было сделано еще в 1607 году. Суверенные советы По и Наварры были упразднены и заменены парламентом По. На следующий день состоялся крестный ход, и в замке По отслужили католическую мессу.

Управившись со всеми делами за неделю, Людовик помчался обратно в Париж, куда въехал уже 7 ноября. Чтобы представить себе ритм этого путешествия, достаточно сказать, что между По и Парижем две сотни лье (795 километров), причем на большей части этого расстояния дорог не было, одни «направления», в том числе через горы и болота. Только после Амбуаза можно было нестись во весь опор (227 километров), что юный король, любивший стремительность и движение, не преминул сделать. Его лейб-гвардия, обоз и министры подтянулись в столицу только неделю спустя! Людовик же, приехав около полудня, пошел сначала к матери (Люинь встал перед ней на одно колено, а та подала ему руку, чтобы подняться, чем сильно всех удивила), а затем к жене, после чего обедал с Люинем в его покоях. После обеда все прибывшие с королем завалились спать — кроме самого Людовика, который только в девять вечера отправился в постель (к жене), на следующий день встал за час до рассвета и выехал в Сен-Жермен, так как не хотел принимать послов без своего Совета.

Восьмого ноября императорская армия под командованием фельдмаршала Карла Бонавентуры де Бюкуа разбила войско протестантов-чехов под началом герцога Христиана Ангальтского Старшего в сражении у Белой Горы. Уцелевшие протестанты укрылись за стенами Праги и капитулировали. Хотя они пока еще владели главными крепостями страны, разлад среди вождей погубил всё дело.

Размах репрессий превзошел все ожидания. Расстановка сил в Чехии резко изменилась; господство Габсбургов теперь было неоспоримым. 24-летний Фридрих V, получивший прозвище Зимний король, лишился чешского трона, но до 13 ноября еще оставался королем Богемии. После имперские войска вторглись и в его вотчину Пфальц; в 1623 году он был лишен всех владений и титулов и отправился с семьей в изгнание.

Французским протестантам, похоже, тоже требовалось «внушение»: несмотря на королевский запрет на гугенотские ассамблеи, 24 декабря депутаты кальвинистов собрались в Ла-Рошели и обратились за поддержкой к английскому королю. С посольством в Лондон отправили Кадне, брата Люиня; свою миссию он выполнил и по возвращении был сделан герцогом и пэром под именем герцог де Шон — это был подарок на

его свадьбу^[27].

А в семействе его старшего брата снова произошло пополнение. Людовик, находившийся тогда в Кале, узнал об этом раньше своего фаворита и решил лично его обрадовать: велел стрелять из пушек, как если бы появился на свет принц. Он поднял Люиня с постели, чтобы поздравить с рождением сына, и крепко обнял его. На смущенные протесты («Сир, так вот из-за чего столько шума?») он отвечал, что хотел бы, чтобы шума было еще больше. Крестными малыша, названного, естественного, Луи, стали король и королева-мать.

Людовик по-прежнему видел в своем фаворите человека, который скрашивал его далеко не счастливое детство, и готов был многое ему простить. Между тем Люинь уже начал утрачивать чувство реальности и позволял себе замашки не по чину. Он наводнил двор многочисленными родственниками, стремившимися обогатиться, и строил из себя вельможу и крупного государственного деятеля, принимая послов и требуя, чтобы по всем делам обращались к нему. Это не могло не вызвать недовольства. В самом Лувре, на двери спальни Люиня, обнаружили сатирический плакат под заголовком «Таверна четырех королей и постоянный двор для провансальцев». Под «четырьмя королями» подразумевались Люинь с братьями и Людовик XIII. Герцог явно шел по стопам Кончини. Однажды Людовик, глядя на кортеж Люиня, сказал Бассомпьеру: «Видите? Вот въезжает король». Тот возразил, что это всего лишь подданный, осыпанный благодеяниями монарха, на что Людовик ответил: «Вы его не знаете, он думает, что я ему всем обязан, и хочет править, но я ему этого не позволю, пока я жив». Однако Люинь, даже предупрежденный о подобных настроениях, по-прежнему был полностью уверен в своем влиянии на юного венценосца.

Между тем ассамблея в Ла-Рошели, по сути, сделала гугенотские провинции государством в государстве, собирая там налоги, которые шли на финансирование военных операций. По просьбе короля Парижский парламент обвинил авторов и исполнителей этих решений в оскорблении величия. Гугеноты отвергли обвинения, заявив, что действуют в интересах монарха.

Эти интересы они понимали весьма своеобразно: в конце февраля 1621 года ими была захвачена крепость Прива, и герцоги де Монморанси и де Вантадур не сумели ее отбить. В Париже решили сначала уладить дело «политически» и отправили для переговоров маршала де Ледигьера, губернатора Дофине — протестанта, но при этом верного роялиста. Люинь даже предложил ему от имени короля должность коннетабля —

главнокомандующего и главы военного трибунала, но Ледигьер отклонил это предложение. По правде говоря, он предпочел бы сражаться в Вальтеллине на стороне протестантов-гризонов (уроженцев кантона Граубюнден на юго-востоке Швейцарии), которых убивали местные католики при поддержке испанцев, оккупировавших эту альпийскую долину.

Вальтеллина лежала на кратчайшем пути из Вены в Милан и находилась под протекторатом швейцарцев. После вторжения туда испанцев Людовик XIII, обеспокоенный соединением двух монархов из Габсбургского дома, отправил в Мадрид Бассомпьера с ультиматумом: «Освобождение Вальтеллины или война». Прошло больше полугода, однако не свершилось ни того ни другого. Послы Тосканского герцогства и Венеции добивались аудиенции у французского короля, чтобы просить его выполнить свою угрозу. Старый председатель Парижского парламента де Силлери доверительно говорил им: «Скажу вам по секрету, господа, я не знаю, что с нами станется. Зло сидит у нас в крови, в самом нутре. Гугеноты пытаются выбить скипетр из рук у короля. Устраивают недозволенные собрания в Ла-Рошели, вводят налоги, чеканят монету, собирают ополчение, строят укрепления, словно короля и нет вовсе, а они полные хозяева. Король скрывает это изо всех сил, делает вид, будто ничего не замечает, чтобы заниматься внешними делами. Но они упорствуют в своем непослушании и с каждым днем становятся всё более дерзкими. Если его величество отправится в поход за пределы королевства, испанский монарх наверняка растравит их мятеж и даст денег, чтобы устроить пожар в нашем доме».

В последний день марта Людовик произвел Люиня в коннетабли. Всем было понятно, что это равнозначно объявлению войны, хотя сам новоиспеченный коннетабль и министры-«бородачи» предпочитали путь переговоров. В тот же день скончался долго и тяжело болевший Филипп III (ему было всего 43 года). С одной стороны, его смерть была облегчением для Франции, с другой — Анна Австрийская тяжело переживала кончину отца. Людовик утешал ее, как мог, отложив на время военный поход.

На войну требовались деньги. 3 апреля король лично зарегистрировал в парламенте эдикт о повышении соляного налога: таким образом предполагалось обеспечить заем в два миллиона экю для финансирования военных операций. «Король настроен тверже, чем обычно, в своем желании добиться повиновения и утвердить свою власть силой, — писали венецианские дипломаты. — К этому его, как обычно, подталкивают иезуиты и в особенности принц Конде». Последний надеялся, что

карательную экспедицию поручат ему, он отличится и своим блеском затмит мямлю Люиня.

Тыл по-прежнему оставался ненадежным. Отправляясь на войну, Людовик сделал регентшей Анну; Мария Медичи обиделась и уехала из Парижа. Из осторожности командование войсками в Париже и Иль-де-Франс поручили герцогу де Монбазону; брат Люиня герцог Люксембургский также остался в столице.

Восемнадцатого апреля Людовик выступил из Фонтенбло в долину Луары. В Сомюре он со всей свитой совершил паломничество в Нотр-Дам-дез-Ардилье, где так пылко молился и причащался, будто собирался отправиться в новый крестовый поход. Король совершенно преобразился, раздарил своих ловчих соколов и охотничьих собак, заявив, что отныне будет охотиться не на дичь, а на людей и крепости. Теперь он старательно изучал математику и фортификацию и много времени проводил, склонившись над планами крепостей.

Путь его лежал в Сен-Жан-д'Анжели, где обосновался Субиз, брат герцога де Рогана, с тремя тысячами пехоты и тремя сотнями всадников. Людовик предупредил: если Субиз не сдастся, он сам явится 3 июня салютовать ему из двадцати орудий, и после первого же выстрела рассчитывать на пощаду будет бесполезно.

Тем временем Бассомпьер, находившийся в Мадриде, 25 апреля сумел заключить договор, худо-бедно уладивший на время вопрос с Вальтеллиной: Испания обязалась вывести свои войска, а гризоны отводили свои; все нововведения, противодействующие отправлению католического культа в Вальтеллине, отменялись; гарантами соглашения выступали христианнейший король и швейцарские кантоны^[28].

Ассамблея в Ла-Рошели приняла ответные меры: в мае гугенотская Франция была поделена на восемь военных округов; все деньги для уплаты королевских налогов и средства от церковных бенефициев были предоставлены в распоряжение кальвинистских церквей.

Осада Сен-Жан-д'Анжели продлилась с 16 мая по 24 июня. Субиз отказался сдаться и отважно защищался. Во время первых штурмов артиллерия осажденных нанесла большой урон королевским войскам, но когда к ним пришло подкрепление и 38 орудий пробили бреши в крепостных стенах, город запросил пощады. Людовик вежливо, но твердо отклонил ходатайство английского посла за единоверцев своего короля и весьма холодно принял Субиза, явившегося с белым флагом. Люинь же отпустил его в ЛаРошель, чтобы он поведал о силе королевского оружия.

Вслед за тем королю сдались несколько маленьких городков, а Тулуза,

оставшаяся католической, прислала оружие и деньги. Дорога на ЛаРошель была открыта. Людовик поручил д'Эпернону осадить крепость с суши и с моря, однако Люинь выделил герцогу незначительные силы. Основная же королевская армия повернула на Беарн, поскольку Лафорс с двумя сыновьями занял оборону в Монтобане.

Все были уверены, что поход скоро закончится. Мария Медичи приехала к сыну в Блэ и сообщила, что будет дожидаться его возвращения в Анже. Людовик наслаждался походной жизнью. Он недавно начал бриться и радовался тому, что окончательно стал мужчиной. Он одевался, как простой солдат, не расставался со шпагой и охотно выезжал в войска побеседовать с капитанами и рядовыми. Двенадцатилетний Гастон повсюду следовал за братом и подражал ему во всём.

Прежде чем осадить Монтобан, нужно было взять небольшой городок Клерак-на-Ло, который сопротивлялся с 23 июля по 4 августа. В это время скончался хранитель печатей дю Вэр, и Люинь, чтобы упрочить свое положение, вызвался временно исполнять его обязанности. «Ах, если бы можно было разделить время, — иронично заметил Конде, — наш герцог был бы хорош в любой должности: канцлера в военное время и коннетабля в мирное».

Монтобан, возвышающийся над рекой Тарн, был защищен тремя форпостами на обоих берегах. Город с населением в шесть тысяч жителей обороняли десять рот, имевших опыт сражений в Савойе и Голландии, и 30 рот ополченцев, которыми руководили религиозные фанатики, поклявшиеся в верности Бенжамену де Рогану, герцогу де Субизу. Артиллерия насчитывала 40 пушек и 32 кулеврины.

В королевскую армию входили 32 полка (25 тысяч солдат), в том числе французские и швейцарские гвардейцы. Штаб состоял из герцога Майенского, герцога де Шевреза, де Люиня, маршалов де Ледигьера, де Пралена и нескольких других военачальников; артиллерией из сорока пяти орудий командовал Анри де Шомберг; фортификационными работами руководил итальянский инженер Джузеппе Гаморини, а рытьем траншей — капитаны французских гвардейцев Фурий и Туара. Опытный Ледигьер сразу заметил, что кольцо вокруг города сомкнуть не удалось — с северо-востока он оказался неприкрытым; однако Люинь не счел нужным последовать его советам и послать туда людей. Он намеревался вести классическую осаду: обстреливать город из пушек, пока саперы роют апроши — глубокие зигзагообразные рвы, а затем штурмовать.

Осада началась 17 августа 1621 года. Людовик XIII устроил свою ставку в замке Пикекос, в трех лье к северу от Монтобана, откуда он мог

наблюдать позиции своих войск в подзорную трубу. Уже 22 августа, когда рытье траншей даже не началось, осажденные совершили первую вылазку, которая была отбита Пьемонтским полком, понесшим тяжелые потери. С этих пор каждую ночь приходилось бить тревогу, так что две батареи для обстрела города, из восьми и четырех орудий, удалось установить лишь с большим трудом. Городские стены были толстыми и крепкими. 27 августа Пикардийский полк бросили на приступ, но удалось захватить лишь контрэскарп (ближайший откос рва) — ценой жизни шестисот королевских солдат...

Анна Австрийская вняла мольбам мужа и приехала к нему на войну, захватив с собой обер-гофмейстерину и лучшую подругу герцогиню де Люинь. Она поселилась в аббатстве Муассак, на пять лье отстоявшем от Пикекоса. В три часа дня Людовик садился на лошадь, через два часа был уже в Муассак, они с женой ужинали и отправлялись в постель; в пять утра король прыгал в седло и скакал обратно. В Пикекосе он проводил военный совет, принимал донесения о ходе осады. Тем временем Анна, позавтракав, садилась в карету и ехала к мужу. После обеда она не спеша возвращалась в аббатство, и возле самых ворот ее догонял супруг. Такая кочевая жизнь ей быстро надоела, и она вернулась в Париж.

Бассомпьер представил государю гасконского дворянина де Тревиля, отличившегося во время осады, и попросил пожаловать ему чин прапорщика в полку гвардейцев короля Наварры. Однако по дороге в Пикекос де Тревиль, узнав, зачем они едут, отказался от этой должности, говоря, что не оставит полк, где служит уже четыре года, и добьется в нем такого же чина. Это заявление понравилось королю.

Между тем осада не давала результатов. Ополченцы из горожан сражались не хуже обученных солдат. Каждый день перед ними произносили проповеди 13 городских пасторов, которые в каждой мелочи видели знамение Божье: после неудачного штурма в небе появилась радуга; два ядра, которыми выстрелили с противоположных концов города, столкнулись в воздухе... Ряды защитников города пополнились женщинами; одна девушка отрубила пальцы королевскому солдату, лезшему на стену по приставной лестнице; другая, Гильометта де Гаск, заколола пикой двух вражеских офицеров и была убита выстрелом из мушкета. Женщины участвовали даже в вылазках за пределы городских стен. Так, 22 сентября осажденные взорвали мину в 2800 фунтов пороха, подведенную под батарею французских гвардейцев, и тотчас пошли в атаку, поджигая фашины — связки хвороста, с целью захватить пушку. Женщины, пробравшиеся через пролом в стене, несли солому, чтобы поджечь батарею.

В рядах осаждавших начались болезни и дезертирство. Королевская артиллерия не могла справиться с укреплениями. Обратились за советом к монаху-кармелиту отцу Доминику де Иисус-Мария, который был свидетелем сражения у Белой Горы. Он посоветовал вести огонь не по крепостному валу, а по домам, что Бассомпьер и сделал, но без особого успеха.

Потери были большими — и зачастую по глупости. К примеру, 1 сентября во время артиллерийского обстрела взорвались бочки с порохом, поставленные слишком близко к орудиям; погибли четыре десятка солдат и офицер.

Через три дня штурм города с левого берега Тарна закончился гибелью трехсот солдат и маркиза де Темина. В тот же день герцог де Вандом привел к королю из Бретани три конные роты — жандармов, легкую кавалерию и конных карабинеров, — которые перекрыли дороги, ведущие в Монтобан. 7 сентября герцог де Гиз доставил подкрепление из Прованса. Но 17 сентября мушкетная пуля сразила герцога Майенского прямо в глаз, что привело в отчаяние его солдат. Париж откликнулся на его смерть погромом гугенотов и поджогом их храма; Людовик был вынужден срочно выехать в столицу, чтобы навести порядок.

Тем временем помощь пришла и к защитникам города. 20 сентября три гугенотских батальона из Севенн выступили из Кастра, перешли вброд Тарн и Авейрон и пять дней спустя были в полулье от Монтобана. Сражаясь с конницей и пехотой, 700 человек пробрались через редуты и траншеи и пополнили ряды осажденных.

В октябре герцог де Монморанси привел из Лангедока 500 конников и шесть тысяч пехотинцев, но этого едва хватило, чтобы восполнить потери, понесенные королевскими войсками. К тому же 11 октября осажденные предприняли очень удачную вылазку, захватив три сотни пленных и одну кулеврину. 17-го числа королевская армия устроила общий штурм, завершившийся полным провалом. Между тем Роган занял позиции в ее тылу и мешал снабжению.

Коннетабль пытался вести переговоры о сдаче Монтобана. Защитники были готовы сдаться, если согласится герцог де Роган; но тот настаивал на всеобъемлющем договоре. Люинь, не уполномоченный заключать такое соглашение, начал вилять. Поняв, что зря теряет время, Роган решил не идти ни на какие уступки. Той же ночью осажденные устроили вылазку, захватив передовые траншеи противника и взорвав его пороховые запасы.

Узнав о тайных переговорах с главой гугенотов, Людовик, и без того раздраженный дипломатическими провалами и военными неудачами,

пришел в ярость. Больше всего его возмутило, что Люинь действовал за его спиной; могло создаться впечатление, что король Франции ведет двойную игру.

Зарядил дождь. Королевские военачальники уже не скрывали недовольства коннетаблем и уходили один за другим или же требовали снять осаду. «Если наша решимость, предусмотрительность, храбрость, наши труды и бдения не смогли превозмочь небо, чуму, пурпурную лихорадку, окопное кровотечение и сотню других заразных болезней; если от армии в 45 тысяч солдат осталось всего пять или шесть тысяч, без маршалов, генералов, капитанов, лейтенантов и прапорщиков; если из 120 артиллерийских офицеров осталось всего десять; если нет ни полиции, чтобы следить за дисциплиной, ни инженеров для проведения земляных работ; если две трети из оставшихся погрязли в коварстве, а еще треть — в тоске и крайней усталости, удрученные ранами и холодом, по большей части без хлеба из-за болезни маркитантов, можем ли мы в таких жалких условиях творить чудеса?» — писал Люинь принцу Конде. Бассомпьер тоже считал, что лучше бросить эту затею, чтобы сохранить королю армию до лучших времен.

Девятого ноября осада Монтобана была снята, а осадные сооружения и окрестные деревни сожжены. Шеврез вернулся в Париж, Ледигьер — в Дофине, а Люинь с Бассомпьером повели армию на север, через Тулузу и Бордо. Королевская армия потеряла под Монтобаном половину состава.

Чтобы реабилитироваться, Люиню была нужна хотя бы небольшая победа. Он осадил крепостцу Монёр, которая сдалась 12 декабря, была разграблена, сожжена и полностью разрушена. Однако в той местности свирепствовала эпидемия «пурпурной лихорадки» (вероятно, скарлатины). Люинь тоже заболел. Людовик приехал к нему и три дня навещал больного, но потом врачи решительно запретили эти визиты. Однако король пообещал умирающему позаботиться о его сыне, своем крестнике. Он присутствовал при смерти своего фаворита и невольно скопировал гримасу, исказившую его лицо в последний момент. «Мне вправду больно, я любил его, потому что он любил меня, однако ему чего-то недоставало», — признался Людовик Бассомпьеру. Тело пришлось бальзамировать, чтобы доставить в Тур, где состоялось отпевание. На почтовых станциях слуги, сопровождавшие гроб, играли в кости на его крышке.

Всех придворных занимал один вопрос: кто теперь займет место Люиня в сердце короля? С недавних пор он часто ездил на охоту с молодым дворянином Франсуа де Баррада, и некоторые уже начинали перед ним заискивать. Однако Людовик заявил, что «не намерен возносить одних в

ущерб другим»; он решил обойтись без фаворита.

Как обычно бывает, после смерти временщика вскрылись его многочисленные злоупотребления. Выяснилось, что Люинь даже присвоил кое-какие драгоценности французской короны. Людовик велел арестовать его секретаря и начать следствие. Когда комиссар, которому оно было поручено, прямо сказал королю, что расследование может задеть доброе имя покойного коннетабля, Людовик велел ему «исполнять свой долг и вершить правосудие».

Король сохранил за сыном Люиня все посты и титулы его отца, за исключением должности коннетабля. Было решено, что в период его малолетства Пикардией будет управлять его дядя герцог де Шон, однако братья и сестра Люиня должны были покинуть двор. Точно так же Людовик намеревался поступить и с его вдовой, но Анна ни за что не хотела с ней расставаться, тем более что Мария де Люинь опять была беременна; не прогонять же из столицы женщину на сносях. Пришлось ограничиться удалением ее из Лувра. Людовик, прежде симпатизировавший жене своего фаворита, резко переменился к ней, когда узнал, что она наставила мужу рога с герцогом де Шеврезом. Несмотря на детство, проведенное в атмосфере распущенности и бесстыдства, и дурной пример собственного отца, король вырос целомудренным, считал узы брака священными, а супружескую измену недопустимой.

Мария Медичи, приложившая столько усилий для заключения брака сына, теперь всеми силами пыталась поссорить супругов. В начале марта 1622 года произошел инцидент, после которого она возненавидела невестку. Находясь на ее половине, Мария наткнулась на Руччелай и приказала немедленно выгнать его вон. Королева-мать отдает приказы в покоях молодой королевы? Это скандал! Дело было передано на рассмотрение Совета, и Мария слезно просила короля ее простить. Но случай отыгаться представился очень быстро.

Врачи подтвердили, что Анна вновь беременна. Ждали рождения дофина, даже потихоньку начали распределять должности в его «доме». 14 марта Анна в сопровождении Марии де Люинь и Габриэль де Верней возвращалась вечером из покоев принцессы де Конти, проживавшей в Лувре. На пути лежал большой зал дворца, где было темно, как в погребе. Две подружки подхватили королеву под руки и побежали. Анна налетела на трон, упала и сильно ушиблась. Через два дня у нее случился выкидыш. Врачи определили, что «сорокадневный» (как пишет Эроар) эмбрион был «мужеского пола». Королю пока решили ничего не говорить — он собирался в новый поход на гугенотов.

Неудачная осада Монтобана свела на нет все успехи королевского оружия. Герцог де Роган в Лангедоке успешно оборонял подступы к Монпелье, где проходила ассамблея протестантов. Однако наибольшая опасность исходила от его брата Бенжамена де Субиза, который, чтобы поквитаться за прошлогоднее поражение, перешел в наступление, захватил остров Олерон на западном побережье Франции и победно вступил в Ле-Сабль-д'Олон. Раздоры между королевскими военачальниками были только на руку мятежникам.

Приходилось всё начинать сначала. 19 марта король лично отправился в парламент, чтобы зарегистрировать эдикты о налогах для финансирования нового военного похода. Королева-мать, Гастон и Анри де Конде получили позволение его сопровождать. Несмотря на то что большинство Совета и весь двор были против новой войны («бородачам» не хотелось опять тащиться по разбитым дорогам на юг вслед за королем), Людовик неожиданно уехал на фронт в Пальмовое воскресенье 20 марта 1622 года.

Дальше скрывать правду о состоянии здоровья королевы было невозможно; в Орлеане Людовик получил письмо от Эроара и пришел в неописуемую ярость. Он едет на войну, рискует жизнью; королевству просто необходим наследник, а его жена так наплевательски относится к своим обязанностям! Конечно, разве может испанка заботиться об интересах Франции! И эти две вертихвостки хороши! Людовик тут же написал королеве, герцогине де Люинь и мадемуазель де Верней, велел двум последним немедленно убираться с глаз долой.

Мария де Люинь решила сделать ход конем: отправила гонца в Лан, где находился герцог де Шеврез, и предложила ему свою руку. Друзья отговорили герцога от опрометчивого шага, который привел бы к ссоре с королем, и он ответил отказом. Мария, родив девочку, которая умерла вскоре после крещения, сообщила королю, что приняла предложение герцога де Шевреза и просит разрешения на брак, а сама отправилась к «жениху»: «Я предлагаю вам сделку: вы женитесь на мне и распоряжаетесь моим состоянием, я остаюсь при дворе и распоряжаюсь своей жизнью. Во всем остальном — полная свобода для вас и для меня». Смелость города берет — Шеврез капитулировал.

В это время Людовик XIII одерживал победы на поле брани. Подобно отцу, он лично возглавил атаку на остров Рие у побережья Вандеи, где укрепился Субиз. Считалось, что остров надежно защищен болотом и рекой, но король в полночь форсировал канал, ведущий прямо к крепости! Офицеры и он ехали верхом, пехота шла по пояс в ледяной воде (дело было

16 апреля). Чтобы не затоптать конями своих, приходилось постоянно покрикивать. Часть застигнутых врасплох гугенотов побежала на север, но там, за разобранным каменным мостом, их встретили огнем мушкетеры. На юге были приготовлены корабли, чтобы отплыть в ЛаРошель, но во время отлива они оказались на мели. Королевские солдаты наступали со всех сторон, гугеноты падали на колени и молили о пощаде. Субиз ускользнул, преодолев реку вплавь; с четырьмя сотнями уцелевших он добрался до Ла-Рошели. В его обозе нашли колокола, снятые протестантами с католических церквей; солдаты-католики бурлили возмущением. В числе пленных оказались несколько офицеров, сражавшихся в Сен-Жан-д'Анжели и поклявшихся не направлять оружие против короля. Конде требовал их казни; прочие военачальники считали, что король должен их помиловать или, по крайней мере, обойтись с ними как с военнопленными. Людовик вынес этот вопрос на рассмотрение Королевского совета, который решил, что с дворянами нужно поступить как с военнопленными, а с солдатами — по всей строгости закона. Несколько солдат повесили, остальных отправили на галеры.

В конце апреля Людовик вновь был в Сен-Жан-д'Анжели. Он въехал в город, надвинув шляпу на глаза, избегая смотреть на развалины стен. Город Руайян взяли после двухнедельной осады. Тоннен защищал господин де Монпульян — сын маркиза де Лафорса, ровесник короля, воспитывавшийся при дворе. Людовик в свое время очень благоволил к нему, так что даже заставил нервничать Люиня, но молодой гугенот покинул двор, поскольку дорожил своей религией больше, чем карьерой. Во время осады он проявил мужество, удивительное для столь молодого человека, к тому же малознакомого с военным делом. Но после подхода к королевским войскам подкрепления из Бордо пришлось сдаться. Монпульян был ранен в голову и вскоре скончался. Смерть сына и поражение Субиза заставили Лафорса прислушаться к выгодным предложениям, которые ему сделал Конде. 25 мая он сдал королю Сент-Фуа-ла-Гранд, восставший в 1621 году, а взамен получил 200 тысяч экю и маршальский жезл.

В начале июня королевские войска оказались в виду Монтобана, но о новой осаде не могло быть и речи. Солдаты отвели душу, разграбив Негрепелис и расправившись с его жителями, которые в прошлом году вероломно перебили 500 человек королевского гарнизона. Армия неудержимо продвигалась по Лангедоку в направлении Монпелье. Военачальники гугенотов заматались; герцог де Шатильон последовал примеру Лафорса и сдал королю Эг-Морт, тоже став маршалом.

Узнав о таких повышениях по службе, Конде с иронией сказал Шомбергу и Бассомпьеру, что для карьеры гораздо надежнее поднять мятеж, чем верно служить королю. Он предложил Бассомпьеру пойти в королевские фавориты, но тот резко ответил, что «король не берет фаворитов по решению Совета».

Мария Медичи прислала к Людовику своего представителя и военного советника, одновременно игравшего роль ее осведомителя, — Луи де Марильяка, ставленника Ришельё. Пока король сражался в Лангедоке, испанцы, нарушив мирный договор, снова оккупировали Вальтеллину. Гризоны подняли восстание. Марильяк каждый день твердил Людовику: «Сир, в Вальтеллину!» Но тот не мог в очередной раз бросить дело незавершенным.

Победное шествие снова застопорилось: Конде допустил стратегическую ошибку — штурмовал Сент-Антонен с наиболее укрепленной стороны; в результате войска понесли тяжелые потери. Герцог Бульонский обратился к Петеру Эрнсту фон Мансфельду, побочному сыну правителя Люксембурга и Брюсселя, перешедшему на сторону врагов Габсбургов, не получив отцовское наследство в Испанских Нидерландах. Фридрих V предложил ему командовать армией. В апреле 1622 года Мансфельд разбил графа де Тилли, разграбил Эльзас и Гессен, двинулся в Лотарингию, сметая всё на своем пути. Гугеноты надеялись, что Мансфельд повернет на Париж — тогда Людовик XIII будет вынужден снять осаду Монпелье. Однако Луи де Невер встал на пути наемников, и те предпочли перейти на службу Соединенным провинциям, сражаться там с испанцами и заодно грабить местное население.

Ледигьер всё-таки согласился стать коннетаблем (это стоило ему отречения от протестантства), однако вместо того чтобы командовать осадой Монпелье наряду с Конде, который не терпел над собой начальников, предпочел уехать в Дофине собирать войска. 2 сентября осажденные совершили отчаянную вылазку и после ожесточенного сражения отбили господствующую высоту — холм Сен-Дени. В этом бою погибло много хороших офицеров, в том числе Комбале, муж племянницы Ришельё. Теперь надо было рыть апроши. Прибывший маршал де Креки советовал захватить два бастиона, но Конде намеревался овладеть линией укреплений между ними. Это стало очередной дорогостоящей ошибкой, и авторитет принца резко упал. Тем временем Ледигьер вернулся из Дофине с шестью полками, герцог Ангулемский привел к королю из Шампани часть войск, карауливших там Мансфельда. Погода испортилась; антисанитария вызвала эпидемии. Обе стороны были готовы к переговорам. 8 октября

Ледигьер взял командование на себя; одновременно были оговорены условия мирного соглашения. На следующий день Конде явился к Людовику XIII настаивать на продолжении войны, но тот отрезал: «Больше не о чем говорить, я так решил». Конде испросил разрешение уехать в Италию, получил его и тотчас умчался.

Ледигьер и Роган довели переговоры до конца, и Людовик утвердил мирный договор, заключенный 18 октября: подтверждение Нантского эдикта, восстановление обоих культов, полная амнистия мятежникам, которые получают право избрать из шести кандидатов двух своих представителей при короле. Новые укрепления подлежат сносу, сохраняются только крепости Ла-Рошели и Монтобана. Таким образом, гугеноты лишились около восьми десятков крепостей. Ассамблея в Ла-Рошели приняла договор в середине ноября 1622 года и самораспустилась. Роган получил патент на управление городами Кастр, Ним и Юзес, а также пенсию в 60 тысяч экю. Это был худой мир, который, конечно, лучше доброй ссоры, но всё же не являлся окончательным решением вопроса.

Однако теперь у короля были развязаны руки, и он пошел напрямик на Авиньон, чтобы встретиться с герцогом Савойским Карлом Эммануилом. Во время этого похода он перевооружил свою роту конных карабинеров, выдав им кавалерийские мушкеты, и перевел в нее несколько особо отличившихся гвардейцев. Он решил создать элитное подразделение из гвардейцев-дворян и солдат, выслужившихся в офицеры, «желая затем, когда они послужат некоторое время в роте, забрать их оттуда и рассеять в старых и малых полках и даже сделать прапорщиками и лейтенантами в гвардии», как вспоминал потом прапорщик роты королевских мушкетеров господин де Пюисегюр. В самом деле, армия нуждалась в толковых офицерах. Людовик занимался и перевооружением пехоты, заменяя аркебузы с фитильным замком на карабины и мушкеты с кремневым замком и вводя бумажные патроны, как в самой передовой на тот момент шведской армии.

Тем же суровым и безапелляционным тоном, какой он брал в разговоре с провинившимися подданными, Людовик теперь говорил с женой. Анна тщетно призывала на помощь высших чиновников, прося заступиться за нее и уговорить короля не изгонять ее подруг. «Решение, которое я принял, стало плодом зрелых размышлений, я не могу его изменить», — отвечал ей король. Пришлось покориться. Узнав, что его воля наконец-то исполнена, Людовик отправил Анне письмо: он желает ее видеть, пусть приезжает в Арль.

Мария Медичи, обрадованная опалой Конде, тоже захотела увидаться

с сыном. Людовик держал путь на Лион, чтобы создать лигу Франции, Савойи, Венеции и швейцарских протестантов, которая должна будет вернуть гризонам Вальтеллину (испанцы устраивали провокации, из-за которых исполнение Мадридского договора становилось невозможным).

В Лионе Людовик пробыл с 6 по 20 декабря; там собралась и вся королевская семья. Анна, возлагавшая большие надежды на эту встречу и ожидавшая найти в муже хотя бы искру былой любви, была поражена его холодностью и сухостью. Новоиспеченная герцогиня де Шеврез приехала с ней. Из уважения к ее новому супругу король разрешил ей исполнять прежние обязанности, но так и не простил. А королеву ждало еще одно унижение: Людовик приказал, чтобы в его отсутствие доступ мужчинам в ее покои был закрыт.

Такую перемену можно объяснить как характером самого Людовика, который или любил, или ненавидел, так и влиянием его духовника отца Арну. Католические проповедники утверждали, что «нет ничего более недостойного, чем любить супругу как любовницу». Мишель де Монтень (1533–1592) стал выразителем общераспространенного мнения, написав: «Женятся не для себя, а больше для потомства, для своей семьи... Хороший брак отвергает наличие любви...» Сестра Людовика Елизавета пока что рожала только дочерей, которые к тому же быстро умирали; но она хотя бы пыталась подарить мужу наследника, выполняя брачный договор...

В свите королевы-матери приехал епископ Люсонский, которого папа наконец-то произвел в кардиналы. В присутствии обеих королев, всего двора и князей Галликанской церкви Людовик возложил на Ришельё доставленные из Рима пурпурную мантию и кардинальскую шляпу. Кардинал произнес пылкую речь, уверяя короля в своей преданности и желании верно ему служить. Людовик отказался от его услуг. Тогда Ришельё опустился на одно колено перед королевой-матерью, снял шляпу и положил к ее ногам: «Сим пурпуром я обязан вашему величеству, и он всегда будет напоминать мне о торжественном обете: не щадить своей жизни и, если надо, пролить свою кровь, служа вам».

Мария Медичи, с которой сын теперь был подчеркнуто любезен и предупредителен (возможно, в пику жене), вызвалась помирить супругов. За обедом она подвела Анну к Людовику и соединила их руки. Соединения душ не произошло, однако король вновь стал исполнять супружеский долг: Франции был нужен дофин.

НОВАЯ МЕТЛА

*Как много подданный усердья ни приложит,
Король ему ничем обязан быть не может.*

Создание лиги Франции, Савойи и Венеции было официально утверждено 7 февраля 1623 года подписанием соответствующего договора в библиотеке Лувра, где обычно проходили заседания Королевского совета. Это был одновременно наступательный и оборонительный союз, заключенный на два года, к которому могли присоединиться также папа римский, швейцарские кантоны, Великобритания, немецкие княжества и Италия. Его целью было вернуть гризонам Вальтеллину и земли, оккупированные эрцгерцогом Леопольдом. В отдельной статье немецких князей побуждали к борьбе против императора. Наконец лига решила обратиться к услугам Мансфельда с его армией головорезов и послать его на север Италии. Через неделю Мадрид письменно обязался передать укрепления в Вальтеллине под управление Святого престола.

Казалось, две главные проблемы — внутренняя и внешняя — кое-как улажены. Но придворные интриганы не привыкли сидеть без дела. Отец и сын Брюлары — канцлер Силлери и статс-секретарь по иностранным делам Пюизье — постепенно прибирали власть к рукам и выдавливали из Совета соперников. Такая участь постигла, в частности, маршала Шомберга.

Следует отметить, что его отставка была решена во время совещания в узком кругу, проходившего на половине королевы-матери. Шомберг получил короткую записку Людовика XIII с повелением удалиться в свое поместье вплоть до новых распоряжений. Что произошло? Неужели король, только-только почувствовавший вкус власти, вновь превратился в исполнителя чужой воли? Можно лишь строить предположения: он устал, его нервы измотаны, не было сил лезть ссориться из-за пустяков: временное удаление от дел — еще не опала, а от него пока отстанут и дадут спокойно поохотиться...

Преемником Шомберга стал маркиз де ла Вьевиль; главным аргументом при его назначении стало то, что его тестем был видный финансист господин Бомарше, королевский казначей. Именно Бомарше показал королю, сколь велика прореха в государственных финансах, и

вызвался помочь ее залатать. Неудивительно, что его зять стал сюринтендантом финансов. Это был человек Брюларов, а после смерти хранителя печатей Комартена (21 января 1623 года) его функции перешли к канцлеру, еще более усилив его власть. «Канцлер и его сын... начинают пользоваться еще более безраздельным влиянием, чем герцог де Люинь, — писал нунций Корсини. — В их руках печати и канцелярия, иностранные дела, коннетабль, зависящий от капризов их кузена господина де Бюльона, и финансы, поскольку маркиз де ла Вьевиль должен ежедневно отчитываться об их состоянии перед управляющим советом, которым руководит канцлер». Кстати, оба не стеснясь брали взятки.

Чтобы сохранить все выгоды своего положения, Брюлары старались поддерживать хорошие отношения с королевой-матерью и с домом Гизов. Они строили планы брака принца Гастона с герцогиней де Монпансье (ее мать овдовела и вышла замуж за герцога де Гиза). Кроме того, 75-летний Силлери, которому пора было думать о Боге, вдруг взялся хлопотать о кардинальской шапке, которая в случае чего гарантировала бы ему неприкосновенность. Однако они, похоже, повторяли ошибку Кончини, не принимая в расчет юного короля.

Впрочем, Брюларов можно понять: летом 1623 года Людовик, подверженный перепадам настроения, забросил все дела и пропадал на охоте — в ведро и в дождь, ночью и днем, в жару и в холод, забывая поесть и поспать, как сообщал в своей депеше Корсини. Чтобы не возвращаться лишний раз в Париж, он велел построить для себя небольшой охотничий домик близ городка Версаль. Охота была для него не просто развлечением, а разрядкой; после стольких месяцев напряжения он испытывал жгучую потребность хотя бы ненадолго отвлечься от подступающих со всех сторон проблем. Правда, носиться по лесам за диким зверем было довольно рискованным занятием: Людовик падал с лошади, его кусали собаки, один раз он чуть не утонул в реке. «Я просто не знаю, как может человеческое тело сносить такие тяготы, — писал итальянский дипломат. — Что до всего остального, он совершенно не занимается делами, из чего следует, что, если он продолжит вести такую жизнь, просто невозможно, чтобы у него не появился фаворит, даже желательно, чтобы он был; остается молить Бога, чтобы он даровал ему в фавориты добронравного и благонамеренного человека».

В фавориты одно время прочили капитана королевских гвардейцев, не ладившего с Брюларами, Жана Кайлара д'Андюз де Сен-Бонне, более известного как господин де Туара. Несмотря на пышный титул, он был бедным дворянином из Лангедока, младшим из девяти детей. Трое из его

старших братьев были королевскими советниками, а остальные (за исключением Клода, ставшего епископом Нима) — бравыми военными. Туара, ровесник Ришельё (он родился в 1585 году), служивший еще Генриху IV, сделался верным спутником Людовика на охоте. Начались тайные совещания, на которых Туара настраивал короля против Пюизье. Однако Людовик всё-таки извлек кое-какие уроки из прошлого и вовсе не собирался проводить Туара путем Люиня. Ему нужен был надежный товарищ, покорный его воле, однако он бы не потерпел, чтобы тот забрал власть над ним самим.

«Король опасается власти того, кто им повелевает; однако он не смеет перемениться, а природа его такова, что он всегда подпадает под чье-то влияние», — писал венецианский посол Пезаро.

Королева-супруга свое влияние утратила окончательно. Пылкая любовь уступила место собственническим чувствам с примесью ревности. Анна Австрийская в 21 год была в расцвете красоты; многие молодые дворяне тайно вздыхали по ней. В марте произошел небольшой инцидент: во время балета «Праздники Юноны», в котором Анна предстала в облике богини, в одной из сцен молодой герцог Анри де Монморанси встал перед ней на одно колено и продекламировал:

Богиня! У твоих я ног.
Надеждой робкой замираю.
Тебя один достоин бог,
И всё ж любви твоей алкаю.
О, если б на единый миг
Я на его небесном троне
Воссел, его принявши лик,
В его пурпуре и короне!..

При этих словах Людовик вскочил с места и вышел из зала, а Анна побледнела от страха.

В июле с Анной случился нервный приступ, она упала и поранила руку и лицо, так что ее даже пришлось уложить в постель. Поговаривали о «падучей». Но короля это происшествие совершенно не тронуло. В октябре вдова коннетабля де Монморанси, бывшая статс-дама Анны Австрийской, потребовала предоставить ей должность обер-гофмейстерины. Людовик передал этот вопрос на рассмотрение Совета, но в результате решил дело сам, попросту упразднив саму должность. Таким образом, Мария де

Шеврез теперь оставалась при дворе лишь как супруга обер-камергера и не могла так же часто, как раньше, видаться со своей задушевной подругой.

Конде, вернувшийся из Италии, но сидевший в своей вотчине Берри, исподволь мутил воду, подстерегая случай выйти на первый план; Брюлары пытались нейтрализовать Марию Медичи, которая снова была на коне; та плела свои интриги; Монморанси открыто враждовали с Гизами... Помимо всего этого, новоиспеченный кардинал Ришельё засыпал Людовика посланиями, обличая беззубую внешнюю политику, непотворение Испании, открыто нарушающей договор о Вальтеллине, и взывая к памяти покойного Генриха IV. По его наущению Вьевиль обращал внимание короля на то, что весьма значительные суммы не доходят до казны, оседаая в карманах Пюизье. Наконец, состоялось еще одно тайное заседание в узком кругу: Людовик, королева-мать, Ришельё и Вьевиль.

Гром грянул три дня спустя, вечером 1 января 1624 года: Людовик потребовал у канцлера печати. На следующий день Пюизье принес их королю, однако только две — Наварры и Дофине. Не хватало главной — печати Франции. Король призвал канцлера к ответу, тот всё свалил на своего сына. Можно себе представить, сколько денег наварил Пюизье, исподтишка используя государственную печать. Когда, наконец, все печати были возвращены, Людовик XIII передал их председателю парламента д'Алигру со словами: «Я избрал вас по собственному побуждению; вы никому больше этим не обязаны, служите мне как порядочный человек». Король велел иностранным послам больше не обращаться по важным вопросам к статс-секретарю; впрочем, 4 февраля Пюизье был отстранен от должности. Отцу и сыну велели удалиться от двора. При этом королевский гонец уточнил, что если они считают себя невиновными в злоупотреблениях, которые им приписывают, то могут остаться в Париже, но при условии, что парламент проведет расследование их дел. Канцлер ответил, что лучше они уедут.

До самого последнего момента Людовик скрывал свои намерения в отношении Брюларов, так что те ничего не заподозрили. В глазах иностранных дипломатов это поистине королевское двуличие было выдающимся и весьма ценным качеством. Кроме того, его величество вновь желал заниматься всем лично и входить во все дела. Он заявил Пезаро во время аудиенции: «Впредь я не буду поступать, как раньше, я хочу во всём доходить до сути». «Каникулы» закончились.

Отставка Брюларов привела к перестановкам в правительстве — обязанности первого статс-секретаря поделили между четырьмя людьми: тремя прежними статс-секретарями и одним новым. Они подчинялись

узкому совету во главе с Вьевилем, к числу достоинств которого папский нунций относил лишь то, что «он очень силен в греческом и всегда жил в страхе Божьем». Всех послов, назначенных Пюизье, отозвали.

Мария Медичи подступала к сыну, чтобы ввести в Совет кардинала Ришельё. Людовик отвечал, что не сомневается в лояльности кардинала; но почему бы ему не съездить в Рим, чтобы научиться смирять свою гордыню и подавлять страсть к господству? Королева стала просить Вьевиля употребить свое влияние с той же целью. Но тот, как и прочие министры, боялся умного кардинала, прекрасно понимая, что рано или поздно тот станет играть в Совете первую скрипку. «Как бы вашему величеству не пришлось однажды раскаяться, что вы способствовали возвышению человека, которого еще не знаете», — сказал он.

Тогда упрямая королева заперлась в своем новом Люксембургском дворце, строительство которого, начатое в 1615 году, постепенно подходило к концу, и не показывалась при дворе. Вьевиль предложил королю сделать очередную уступку матери: выделить кардиналу место где-нибудь на краешке стола, поручив ему, к примеру, разбирать депеши. Получив это предложение, Ришельё вежливо отклонил его, сославшись на «слабое здоровье», которое не позволяет ему занять столь «ответственный» пост.

Борьба самолюбий окончилась в пользу Марии Медичи. В апреле, когда двор переехал в Компьен, Людовик рано утром вошел в спальню матери и сказал: «Я принял решение, избрав одного из своих слуг для руководства делами, чтобы все знали, что я желаю жить с вами в добром согласии не на словах, а на деле». 29 апреля в два часа дня Ришельё впервые был приглашен на заседание Королевского совета. Ему объявили, что он вправе высказывать свое мнение в ходе совещаний, но не должен вести никаких дел помимо заседаний.

Летом двор кочевал по загородным резиденциям: Людовик затеял перестройку Лувра, чтобы превратить его из средневековой крепости в нечто более напоминающее королевский дворец. Площадь жилых помещений предстояло увеличить в четыре раза, остатки ненужных средневековых укреплений снести, зловонный ров, в который сбрасывали нечистоты, засыпать. В Большой галерее, соединявшей Лувр с дворцом Тюильри, должны были разместиться Монетный и Печатный дворы, а Квадратному двору предстояло принять законченный вид, увенчавшись павильоном с часами. Сооружение павильона поручили архитектору Жаку Лемерсье (1585–1654), однако строительство, начатое в 1624 году, завершилось только в год его смерти, когда самого Людовика уже давно не было в живых.

Кстати, Лемерсье был нарасхват: Ришельё поручил ему перестроить часовню Сорбонны (1626), а также недавно приобретенный им особняк Рамбуйе между улицей Сент-Оноре и крепостной стеной Карла V; он хотел получить дворец, достойный себя.

Однако создателем «стиля Людовика XIII» считается Жан Андруэ дю Серсо (1585–1649), соединивший черты, присущие итальянской и фламандской архитектуре. Самой красивой улицей Парижа теперь стала широкая улица Сент-Антуан, пересекающая квартал Марэ на правом берегу Сены, к востоку от Лувра, и идущая от Ратуши к Бастилии. Один из особняков, построенных там Андруэ дю Серсо в 1625 году, через девять лет приобрел Сюлли, давно отошедший от дел, но обласканный королем в память о дружбе бывшего министра с его отцом.

Пока в Париже кипела работа на стройках, на беспокойном юге вспыхнул очередной мятеж: в мае, узнав о введении налога на соль, взбунтовались крестьяне в Керси (эта провинция всегда была от него освобождена). Их терпение уже давно было на пределе из-за нескольких неурожайных лет, грабежей и обид, чинимых солдатами во время недавних войн, а теперь еще и подати повысили. Было бы не так обидно, если бы платили все. А то получается, что богачи, способные купить себе должность, освобождались от налогов, тогда как крестьяне, и без того надрывающиеся на работе и голодающие, должны их кормить.

Крестьяне прозвали дворян кроканами^[29] (грызунами); те, в свою очередь, стали так же именовать бунтовщиков, и это прозвище прижилось. Сами повстанцы предпочитали называть друг друга «поумневшими» или «ловцами воров».

В Керси тысяч восемь крестьян и бывших солдат, вооружившись палками, косами, а то и пиками и мушкетами, пожгли имения сборщиков налогов. Очень скоро их число удвоилось, и они двинулись к городам, в том числе Каору, требуя выдать им выборных лиц, обладателей должностей. Городская беднота перешла на их сторону, а магистраты позвали на помощь губернатора Керси маршала де Темина. Тот явился очень быстро и, полный презрения к «черни, воспротивившейся воле его величества», не пожелал даже марать свою шпагу кровью этих жалких людишек: 7 июня он, во главе отряда из двухсот человек, разогнал их палкой. Вожаки были схвачены и казнены: одного четвертовали на следующий день в Фижаке, другого повесили в Грама 10 июня. Порядок был восстановлен.

Надо полагать, король одобрил поведение маршала. Сын своего отца, Людовик не напускал на себя высокомерный вид и не чурался общения с простонародьем. (Однажды во время охоты он со спутниками забрел в

лачугу лесника и, нимало не смущаясь убожеством обстановки, собственноручно приготовил омлет, весело переговариваясь с хозяйкой.) Однако когда его «добрый народ» брался за вилы, противясь его воле, король становился неумолим, тем более что расходы, тяжким бременем ложившиеся на плечи населения, были вызваны государственной необходимостью, а не какими-то капризами.

Тем временем маркиз де ла Вьевиль энергично взялся за внешние дела: заключил союз с Соединенными провинциями против Испании (10 июня 1624 года), изрядно продвинулся вперед в переговорах о браке между младшей сестрой короля Генриеттой Марией и принцем Уэльским; однако посольство, отправленное в германские княжества, даже не везде было принято. Курфюрст Саксонский иронично осведомился у французского посла, правит ли еще во Франции король, а услышав утвердительный ответ, заявил: «Странно! Уже целых четыре года мы ничего о нем не слышали». Гордый Людовик был уязвлен до глубины души.

Вьевилья сделали первым министром, потому что он был богат, а значит, как наивно полагал король, не имел нужды воровать. Но маркиз решил сэкономить на других и сократил число раздаваемых королем пенсий, чем восстановил против себя придворных. Он позволял себе весьма вольно трактовать решения Совета и нелицеприятно высказываться по поводу Людовика и Марии Медичи. Чтобы раскрыть глаза королю, Ришельё печатал анонимные политические памфлеты, которые распространяли книгоноши на Новом мосту и набережной Августинцев.

В августе Людовик сообщил матери и Ришельё, что намерен снять Вьевилья с поста и арестовать вместе с его тестем. Маркиз сам принес прошение об отставке, однако король его не принял, поскольку виновный в злоупотреблениях должен был быть наказан «при исполнении». 13 августа Людовик вызвал Вьевилья к себе в Сен-Жермен и сурово отчитал, невзирая на его оправдания. Как только первый министр вышел из королевского кабинета, капитан гвардейцев задержал его и доставил под охраной в Амбуаз. (Узнав об этом, Бомарше не стал дожидаться ареста и уехал.) Напрасно Вьевиль слал умоляющие письма Ришельё, который стал исполнять обязанности главы Королевского совета^[30], хотя и не получил пока официального назначения. С 18 августа в Совет возвратился Шомберг, вызванный из Анжу; он вернул себе пост сюринтенданта финансов и одновременно получил маршальский жезл — редчайший случай. В помощники ему дали Мишеля де Марильяка, человека Ришельё. Тогда же скончался старый Брюлар де Силлери, и король сделал хранителя печатей д'Алигра канцлером. «Отныне Совет не является ни происпанским, ни

корыстным, а искренним, незапятнанным, исполнительным и упорным, — заявил кардинал на заседании 28 августа, на котором по распоряжению короля присутствовали послы Венеции и Савойи. — Любой из его членов скорее тысячу раз лишится жизни, чем скажет неправду. Обещано будет лишь то, что может быть исполнено».

Ришельё посоветовал королю создать палату по расследованию финансовых злоупотреблений, через которую прошло полсотни богачей, в том числе и Бомарше. В результате казна получила десять миллионов ливров: пустые денежные сундуки понемногу наполнялись.

Злополучный вопрос о Вальтеллине вновь оказался на повестке дня. Новый папа Урбан VIII добавил в начале 1624 года к существующему договору дополнительные статьи, в том числе о свободном проходе из Италии в Германию для испанцев. Тогдашний посол Франции в Риме командор де Силлери счел возможным их принять, но после падения его родственников Брюларов он был отозван. 26 ноября в Швейцарию отправили Аннибала д'Эстре, маркиза де Кёвра, отца покойной любовницы Генриха IV. Он повел себя решительно и энергично: сам набрал войска и добился передачи ему фортов, занятых папскими гарнизонами. Вальтеллина вновь перешла под власть гризонов, а маркиз получил за это маршальский жезл. Клубок интриг, вероломства и запутанных переговоров, длившихся несколько лет, в несколько месяцев разрубили мечом.

БЕКИНГЕМ

Любовь забыть легко, но честь нельзя никак.

Судьба распорядилась так, что в конце первой четверти XVII века троны почти всех ключевых стран Европы занимали молодые люди. В январе 1625 года Людовику XIII еще не было двадцати четырех лет, его шурина и зятю Филиппу IV, королю Испании и Индий, королю двух Сицилий, королю Португалии и суверену Нидерландов, скоро должно было сравняться двадцать; Карлу I Английскому недавно исполнилось двадцать пять, и даже в далекой России правил 28-летний Михаил Романов. Неудивительно, что за их спинами (иногда рядом, а то и чуть впереди) стояли зрелые и опытные советники. Людовик начинал прислушиваться к Ришельё, делами Испании заправлял граф-герцог Оливарес, а истинным королем Англии был Джордж Вильерс, герцог Бекингем.

Его случай был уникален, поскольку Бекингем, фаворит покойного короля Якова I, «перешел по наследству» к его сыну, ничуть не утратив своего влияния, а, напротив, приумножив его.

Карьерный взлет Бекингема был похож на возвышение Люиня: король приблизил его к себе в 1615 году, удалив прежнего фаворита Роберта Карра Сомерсетского. На следующий год Джордж Вильерс стал виконтом, годом позже — графом, еще через год — маркизом Бекингемом, и пять лет спустя его маркграфство возвели в ранг герцогства. Параллельно он получил чины великого адмирала и главного конюшего. Разница лишь в том, что 23-летний красавец оказывал 49-летнему королю сексуальные услуги и насаждал при дворе распущенность и шокировавшую пуритан моду: длинные волосы и кружева где только можно. Высокое положение он использовал для личного обогащения и загреб для себя и своих родственников множество должностей и монополий, например, на торговлю золотой и серебряной нитью. Он обладал огромной властью и мог оказать влияние на парламент, чтобы провести нужные законы или добиться отставки неугодных людей.

Несмотря на высокомерие и заносчивый характер, Бекингем умел быть обаятельным и пленительным, чем, вероятно, и привлек внимание юного принца.

Карл, второй сын в семье, не должен был стать королем, но его старший брат Генрих Фредерик, которого он обожал и которому пытался

подражать, неожиданно скончался от тифа в 1612 году, когда ему было 18 лет, а Карлу — почти 12. Недалекий и болезненный мальчик стал наследником престола, а с 1616 года носил титул принца Уэльского.

Его сестра Елизавета в 1613 году вышла замуж за Фридриха V Пфальцского. Когда разразился вышеописанный конфликт в Чехии, Яков I принял сторону своего зятя и единоверца, но при этом решил женить сына на принцессе Марии Анне Испанской, чтобы сблизиться с Испанией, а приданое невесты использовать для решения своих финансовых проблем.

Английское общество и двор были против этого брака, а британский парламент вообще хотел, чтобы Яков I возглавил на континенте новый крестовый поход против Габсбургов. Сам жених поддерживал своего зятя, однако считал, что обсуждение планов его брака в палате общин — нарушение королевских прерогатив. В январе 1622 года Яков I распустил парламент.

На следующий год принц Уэльский вместе с Бекингемом, успевшим сделаться его другом, отправился инкогнито в Испанию, чтобы попытаться договориться о браке. Путь лежал через Францию; они остановились у герцога де Шевреза, состоявшего в родстве со Стюартами, и посетили королевский балет. Говорят, именно тогда Бекингем впервые увидел Анну Австрийскую и был сражен ее красотой, а Карл обратил внимание на принцессу Генриетту Марию, младшую сестру короля. Возможно, что «самый красивый мужчина Европы», в свою очередь, не остался незамеченным и запрет королеве принимать мужчин в его отсутствие был связан именно с тем впечатлением, которое произвел на нее заезжий вельможа. Бекингем прислал в подарок французской королеве восемь лошадей, и она их приняла.

В Испании всё закончилось провалом. По утверждениям некоторых мемуаристов, англичане повели себя в Мадриде не самым лучшим образом: Карл захотел взглянуть на инфанту, два удалца перемахнули через забор и перепугали девочку, гулявшую в саду со служанками. В любом случае испанцы выставили неприемлемые условия: Карл должен перейти в католичество и прожить в Испании год после свадьбы, чтобы доказать, что Англия соблюдает все условия договора. Это было чересчур; вернувшись в октябре 1623 года в Лондон, Карл и Бекингем потребовали, чтобы Яков I объявил войну Испании (она продлилась до 1630 года).

Король запросил у парламента средства на ведение войны (он хотел нанять армию Мансфельда и отправить ее на подмогу Фридриху V; около 1624 года Мансфельд трижды приезжал в Лондон, где чернь приветствовала его как героя), а заодно потребовал одобрить проект брака

принца Уэльского с Генриеттой Марией Французской. Она, конечно, тоже была католичка, зато Франция — противница Габсбургов. Парламент нехотя дал разрешение на этот брак, но при условии, что католикам не будет предоставлена свобода вероисповедания вне резиденции принцессы.

В феврале 1624 года начались переговоры о браке, завершившиеся в ноябре согласованием условий брачного договора: будущая королева привезет с собой в Англию духовника-епископа, 28 французских священников и около сотни человек свиты. Понятно, что такой католический десант мог вызвать осложнения на новой родине Генриетты Марии, однако на брак еще требовалось получить разрешение Рима. К папе Урбану VIII отправили отца Берюля, основателя ордена ораторианцев (попутно он должен был смягчить гнев его святейшества, вызванный вторжением в Вальтеллину). Разрешение на брак было дано в январе.

Между тем Людовик XIII обещал руку своей сестры графу де Суассону еще в 1623 году, когда ей было 14 лет. Но, конечно, в интересах Франции было принять предложение Лондона. Вместо Генриетты Марии Суассон должен был получить в жены Марию де Бурбон, герцогиню де Монпансье. Похоже, даже Людовик еще не знал, что Мария Медичи прочила ее в супруги младшему сыну Гастону...

Этим придворные интриги не ограничились: герцогиня де Шеврез стала любовницей графа Холланда, ведущего переговоры о француско-английском браке, и они задумали свести вместе Анну Австрийскую и Бекингема.

В марте 1625 года Яков I, тяжело болевший весь предыдущий год, скончался, и Карл сочетался браком с Генриеттой Марией уже в качестве короля, хотя еще не был коронован.

Утром 8 мая в Лувре состоялось подписание брачного контракта. В тайном приложении к нему говорилось о снятии ограничений в отношении католиков, не признающих Англиканскую церковь, хотя Карл уверял парламент в обратном. Более того, он пообещал шурина поддержку для подавления выступлений гугенотов — в январе они снова взбунтовались: Субиз захватил острова Ре и Олерон^[31], Роган поднял Севенны. Протестанты явно рассчитывали на помощь из Лондона, а французская армия не могла выступить в поход: казна была пуста, к тому же в стране свирепствовала чума.

В воскресенье 11 мая английский король (которого представлял герцог де Шеврез) заочно женился на французской принцессе. Господа из парламента и Счетной палаты, купеческий голова, эшеваны и чиновники явились в собор Парижской Богоматери с самого утра; около одиннадцати

прибыли Шеврез, граф Холланд и английский посол Карлейль, и только около двух подъехали экипажи французского короля и придворных. Обряд совершил кардинал Ларошфуко, крестный Генриетты Марии. По случаю праздника на всех перекрестках разожгли костры, а на Гревской площади палили из пушек.

Четырнадцатого мая в Париж въехал поезд герцога Бекингема, который должен был сопровождать супругу своего государя в ее королевство. Свита герцога не уступала королевской: восемь титулованных вельмож и шесть нетитулованных дворян, 24 рыцаря, у каждого шесть пажей и шесть лакеев; 20 йоменов^[32], которых обслуживали 70 грумов; 30 горничных, два шеф-повара, 25 поварят, 14 служанок, 50 чернорабочих, 24 пеших слуги и 20 конных, шесть доезжачих, 18 гонцов и другие служители — всего 800 человек. Глядя из окна за прохождением этого кортежа по набережной Сены, Людовик сказал вслух, уж не уехать ли ему из Лувра, чтобы герцогу было где разместиться. Ему опять нездоровилось, он был не в духе, и всякие пиры и развлечения были для него мучительны.

Однако вечером того же дня Людовик вместе с королевой-матерью и Ришельё довольно любезно принял герцога, который предстал перед ними в бархатном колете, расшитом бриллиантами, и в берете с белыми перьями, прикрепленными солитерами стоимостью в 500 тысяч ливров каждый. По распоряжению короля Бекингема приветствовали также городской голова и выборные от всех сословий.

Людовик XIII считал расходы на наряды мотовством и предпочитал в одежде «стиль милитари», следуя примеру отца. Поскольку эдикты против роскоши, издававшиеся Генрихом IV, возымели прямо противоположное действие и привели к расцвету контрабанды, Людовик пошел другим путем: запретил предметы роскоши иностранного производства. Шелк ткали в Лионе, кружева плели в Санлисе, тонкие ткани изготавливали в Руане...

Но двор был иного мнения. Герцог Бекингем произвел фурор не только красотой, изяществом манер и безупречным французским языком, но и богатством нарядов. На одном из праздников, которые устраивали Шеврезы, он появился в роскошном костюме, к которому тонкими ниточками были прикреплены крупные жемчужины. На балах всегда была толчея; жемчужины, задетые жесткими юбками дам, отрывались, и когда те бросались их подбирать, герцог делал широкий жест: «Полно, мадам, оставьте себе на память!»

Людовик практически не появлялся на увеселениях, и заботы о развлечении высоких гостей взяла на себя Анна. Герцог порой позволял

себе недопустимые вольности, например, обхватил своей рукой руку королевы, когда та передавала ему чашку шоколада, своего любимого напитка. В последний день празднеств Мария Медичи решила показать во всём блеске свой новый Люксембургский дворец, для галереи которого Рубенс создал серию картин о ее пребывании во Франции, от свадьбы до регентства. Людовик снова не приехал на бал, и Анна Австрийская открывала его в паре с Бекингом. К удивлению присутствующих, после первого танца герцог тотчас пригласил свою даму на второй, и та вновь подала ему руку! Это было явным нарушением придворного этикета.

Наконец 2 июня новая королева Англии собралась в дорогу. Людовик лежал в постели и предавался ипохондрии, старый верный Эроар не отходил от него. Статс-секретарь Бриенн предложил Анне Австрийской остаться в Париже рядом с больным супругом, однако она всё-таки поехала провожать золовку. Конечно, ей хотелось продлить этот дивный сон: она так любила танцы, а Людовик, весьма посредственный танцор, нечасто устраивал балы; впервые со времен своей юности она слышала столько комплиментов и ловила на себе восторженные взгляды, тогда как Людовик был с ней нарочито холоден. (В мемуарах камеристки королевы госпожи де Мотвиль упоминается примечательный эпизод. Однажды Анна со свитой гуляла в парке Тюильри; вдруг раздался выстрел, и несколько дробинок попали ей в прическу. Король, не представлявший себе жизни без охоты, даже когда бывал болен, стрелял в Тюильри по воробьям, которых слуги выгоняли из кустов, стуча по ним палкой. Людовик появился из кустов, увидел жену, схватившуюся руками за волосы, сделал шаг по направлению к ней, но потом прошел мимо, даже не поклонившись.)

Кортежи трех королей выехали из столицы и разными путями (чтобы не разорить города, в которых приходилось останавливаться) направились в Амьен. Бекингем был вынужден путешествовать вместе с Генриеттой Марией. Ришельё, со своей стороны, принял предупредительные меры. Как бывший духовник Анны Австрийской, он был уверен в ее добродетельности, однако ввел в ее окружение своих шпионов, а теперь дал строгие указания пажам королевы Лапорту и Пютанжу всячески препятствовать встречам Анны и Бекингема наедине. Он также завербовал леди Карлейль, супругу английского посла и брошенную любовницу Бекингема, которая теперь должна была за ним «присматривать».

Губернатор Амьена герцог де Шон, брат покойного Люиня, устроил бал в честь гостей. Именно тогда произошла история, упомянутая лишь в мемуарах герцога де Ларошфуко и послужившая отправной точкой для знаменитого романа Александра Дюма «Три мушкетера». Бекингом просил

Анну подарить ему что-нибудь на память, хотя уже получил через герцогиню де Шеврез ее миниатюрный портрет; Анна решилась передать ему ленту с бриллиантовыми подвесками^[33], украшавшую ее платье на приеме в Париже, когда она в первый раз предстала перед герцогом. Эти подвески когда-то принадлежали Леоноре Галигаи...

Однажды вечером Анна со свитой вышла прогуляться; в саду им попались Бекингем и Холланд. Королева и герцог ушли вперед в темную аллею, свита поотстала. Что произошло между ними, доподлинно неизвестно; вероятно, герцог, моливший Анну о любви, повел себя довольно грубо, поскольку она вскрикнула. Королева тотчас вернулась к себе, но о вечернем происшествии немедленно поползли слухи, дошедшие до Марии Медичи. Та сказала, что больна и попросила невестку остаться с ней, а Генриетта Мария должна была ехать в Булонь и сесть там на корабль. Мать и невестка проводили ее только до городских ворот.

В момент расставания Бекингем вскочил на подножку кареты Анны Австрийской и стал жарко уверять ее в своей любви, не смущаясь тем, что они не одни. Герцог не отличался деликатностью, ему не было дела до того, что он компрометирует не просто женщину, а королеву, супругу союзника своего государя. Анна страдала; она осталась верна мужу, но, как цинично заметила принцесса де Конти, «только ниже пояса».

Из-за сильного встречного ветра отплытие корабля было отложено, и через два дня влюбленный герцог вновь прискакал в Амьен. Был уже поздний вечер. Бекингем сначала отправился к королеве-матери и сказал, что не мог уехать из Франции, не убедившись, что она вне опасности. Затем он пожелал видеть Анну. Та послала к свекрови спросить, что ей делать; Мария разрешила принять гостя. Анна уже лежала в постели; Бекингем бросился перед ней на колени, рыдая, целовал простыни, схватил ее за руку, сыпал клятвами в вечной любви. Всё это видели камеристки и некоторые фрейлины. Чтобы упредить дурные языки, королева-мать сама написала Людовику: «Нельзя упрекать женщину за то, что она внушила любовь мужчине... Вы можете быть уверены в том, что Ваша супруга Вам не изменила, да если б и захотела поступить дурно, то не смогла бы, поскольку вокруг было столько людей, смотревших на нее».

Двенадцатого июня большой трехпалубный корабль, наконец, отплыл из Булони в Дувр. Вместе с Генриеттой Марией в Лондон уехали Шеврезы, хотя герцогиня была на восьмом месяце беременности. На следующий же день состоялось королевское венчание в Кентербери.

Анна Австрийская прекрасно понимала, что после амьенского приключения в Париже ее не ждет ничего хорошего. Поначалу муж

объяснялся с ней только письменно, требуя в каждом новом послании отказаться от услуг кого-либо из ее приближенных: первыми были отосланы не оправдавшие доверия пажи Лапорт и Пютанж. Осмелев от отчаяния, Анна попросила предъявить ей весь список лиц, которые скомпрометировали себя тем, что служат ей. Это несколько отрезвило короля — он возобновил личные встречи с супругой, хотя по-прежнему был с ней холоден и высокомерен.

Герцогиня де Шеврез произвела в Лондоне почти такое же впечатление, как герцог Бекингем в Париже. Она не пропускала ни одного бала, неизменно поражая публику великолепием нарядов. После одного из балов она и родила в апартаментах графа Холланда дочь Анну Марию, воспитанником которой стал Бекингем. «Мне совестно за бесстыдство госпожи де Шеврез и слабость ее мужа, — писал из Англии в Фонтенбло, где находился двор, епископ Мандский, родственник Ришельё. — Складывается такое впечатление, что француженки явились насаждать здесь бордели, а не католическую веру». А посол Сильер напрямую сообщал королю: «Бекингем — наш злейший враг».

Людовик не преминул ознакомить с содержанием некоторых депеш Анну Австрийскую. После сообщения французских послов, что английский король предпочитает общество герцогини де Шеврез, пренебрегая своей молодой женой, Людовик XIII написал герцогу, чтобы он с супругой немедленно возвращался во Францию. Тогда же произошла развязка истории с подвесками — но не таким образом, как описано у Дюма. На прощальном балу в Йорк-Хаусе леди Карлейль срезала две подвески с рукава Бекингема и прислала их Ришельё. Но герцог вовремя заметил пропажу: во все порты были разосланы гонцы с приказом, скрепленным королевской печатью, закрыть их впредь до новых распоряжений. Личного ювелира Бекингема подняли с постели и привели во дворец; к утру недостающая пара подвесок была готова. Герцог отослал драгоценности Анне, оставив себе ленту.

Отважная душа не станет вероломной.

Кардинал Барберини, племянник папы Урбана VIII, прибыл в Париж не только затем, чтобы привезти разрешение на брак Генриетты Марии; он должен был заступиться перед Людовиком XIII за католиков из Вальтеллины. Ришельё ответил посланнику, что гризоны владеют Вальтеллиной по праву, они союзники французского короля, и тот не допустит, чтобы их притесняли.

Новый главный министр был гораздо умнее предшественников — и не только в смысле государственного мышления. Он оказался талантливым психологом и вполне постиг двойственную натуру короля, нуждавшегося в советах, но не терпевшего, чтобы им помыкали. По всем важным вопросам Ришельё составлял для Людовика пространные записки: подробно анализировал проблему, приводил аргументы за и против возможных решений. Король внимательно изучал документ, затем вызывал к себе министра и сообщал, какое решение кажется ему предпочтительным. Как правило, это было то самое решение, к которому его умело подвел кардинал, но тот делал вид, что колеблется, высказывал кое-какие несущественные возражения, живо отмечаемые собеседником, и в конце концов «склонялся перед королевской волей». После такого предварительного обсуждения вопрос выносился на рассмотрение Совета, и король являлся туда во всеоружии.

Вопрос о Вальтеллине был очень важен: Франция противопоставила себя не только Испании, но и папскому престолу. Поэтому Ришельё считал нужным показать всем, что политика Людовика XIII не является капризом, и созвать для этой цели широкую ассамблею. Король с ним согласился.

В Овальном зале дворца Фонтенбло 29 сентября 1625 года поставили два трона — для Людовика XIII и Марии Медичи. Напротив стояли принцы крови, герцоги, маршалы, вельможи, прелаты, магистраты и высшие чиновники Парижа — Большой совет. После краткого слова короля о цели собрания канцлер д'Алигр подробно изложил «дело Вальтеллины», обличив уловки Испании и настаивая на продолжении военных действий. Маршал Шомберг назвал предложения папского легата химерой и тоже высказался за войну под одобрительные возгласы с мест. Только кардинал Ларошфуко начал было призывать к миру, но король не дал ему договорить

и предоставил слово Ришельё. Тот заявил, что Барберини «приехал во Францию не ради установления мира, а пособничая испанцам, чтобы ослабить решимость французской короны, усыпить бдительность ее друзей и внушить им зависть». Единственный аргумент против войны — безденежье; но французы не откажут в деньгах своему королю, когда речь идет о защите его репутации. Да, раньше руки монарха связывала война против гугенотов, но теперь они усмирены и мечтают лишь о прощении; если же дела примут иной оборот, духовенство готово предоставлять королю по 600 тысяч ливров в год. Эта речь была встречена аплодисментами. Затем Бассомпьер кратко рассказал о своем посольстве в Мадрид, а кардинал де Лавалетт — о своих переговорах в Риме. Наконец, председатель Парижского парламента де Верден от имени всех суверенных дворов поблагодарил короля за участие его подданных в прошлых делах и заявил, что теперь им остается лишь повиноваться ему. Король подвел итог, сказав папскому легату, что поддерживает решение Большого совета.

Узнав об этом, Испания конфисковала всё французское имущество на Иберийском полуострове. Франция в ответ прекратила с ней торговые отношения.

Гугеноты вовсе не были усмирены, но по совету Ришельё Людовик согласился на переговоры, поручив их Шомбергу; они продолжались с ноября 1625 года по февраль 1626-го и закончились компромиссом: Пор-Луи не будет уничтожен, но и крепостные укрепления Ла-Рошели не будут снесены.

Эти переговоры вызвали возмущение «партии святош». В Париже активно распространяли отпечатанные за границей памфлеты, составленные на латыни: кардинала Ришельё обвиняли в помощи протестантам, с которыми борются австрийский королевский дом и Церковь, являющие собой единое целое. Однако их авторы просчитались: вместо того чтобы навредить кардиналу, они лишь укрепили его позиции. Все политические решения принимались королем, и обвинять в них кардинала значило ставить под сомнение самостоятельность монарха, а Людовик этого не потерпел бы. К тому же советы кардинала в очередной раз оказались мудрыми: в марте 1626 года в Монсоне (Арагон) был заключен договор, по которому испанцы обязались признать переход Вальтеллины под власть гризонов.

Казалось бы, французский король может торжествовать. Однако у Людовика XIII было уязвимое место — его семья, постоянно служившая источником проблем и конфликтов, которые часто принимали опасный оборот.

Людювик примирился с матерью, пристроил замуж обеих младших сестер, но у него еще оставался брат. Гастону уже исполнилось восемнадцать, ему пора было жениться.

Характером Гастон пошел в отца: живой, веселый, любитель женщин, удовольствий и развлечений, интересующийся литературой и науками. Мария Медичи любила и баловала его. Если Людювик вел дневник, в который записывал все происшествия, так или иначе относящиеся к вопросам морали (другой дневник он посвятил делам государства), и его духовник отец Арну уверял, что король «скорее умрет, чем совершит смертный грех», Гастон не был так щепетилен, обладал эластичной совестью и легко поддавался под чужое влияние.

Его первый воспитатель господин де Брев был удален от него Люином 25 апреля 1618 года, поскольку королевский фаворит видел в нем креатуру Марии Медичи. Однако тот воспитывал принца в духе послушания и преданности королю, и его отставка оказалась большой ошибкой, тем более что его преемник граф дю Люд был развратник и азартный игрок. По счастью, его наставничество продлилось недолго — до сентября 1619 года, и Гастона передали в руки Жана Батиста д'Орнано, серьезного, добросовестного и набожного солдата. Тот принялся исправлять воспитанника, приученного к лени и богохульству; заставлял его читать «правильные» и ученые книги и упражняться в военном искусстве. В 1621 году Гастон сопровождал брата в походе против гугенотов, однако на следующий год заболел и в новой кампании не участвовал.

Новая перемена в правительстве (введение в Королевский совет Ришельё) обернулась для Гастона отставкой гувернера: Людювик поступил так в угоду матери, недолюбливавшей д'Орнано, да и младшему брату исполнилось уже 16 лет, зачем ему дядька? Слезы и мольбы подростка действия не возымели; тогда он пустился во все тяжкие, окружив себя такими же сорванцами и возглавив «Совет шалопаев». Через три месяца брат и мать капитулировали и призвали д'Орнано обратно. Обергофмейстером принца стал писатель-моралист Робер Арно д'Андильи, которого Ришельё сделал своим сторонником и осведомителем. В январе 1626 года кардинал с одобрения королевы-матери добился для полковника д'Орнано маршальского жезла. В то время как раз возник новый конфликт с гугенотами; Гастон попросил у старшего брата позволения возглавить армию и усмирить бунт в Ла-Рошели, однако Людювик отказал и даже сделал выговор д'Орнано, заподозрив, что он стоит за этой просьбой.

Несмотря на это, братья прекрасно ладили. Трещина в их отношениях возникла, когда речь зашла о женитьбе Гастона (это в некотором роде было

государственной необходимостью, поскольку у королевской четы до сих пор не было детей). Людовик по своему обыкновению вынес этот вопрос на рассмотрение Совета. Ришельё, как обычно, составил меморандум, изложив в нем все «за» и «против», но оставляя решение за королем. Королю совсем не нравился выбор, сделанный матерью, — герцогини де Монпансье (он не желал усиления дома Гизов), но в конце концов он дал согласие на брак.

Однако и Гастон вовсе не желал жениться на мадемуазель де Монпансье. Граф де Суассон сам претендовал на ее руку, Конде тоже был против брака, однако сильнее всех возражала Анна Австрийская, прекрасно понимавшая, что ее позиции сильно пошатнутся, если жена Гастона родит ему наследника. А ее верная подруга герцогиня де Шеврез подала новую идею: Людовик не отличается крепким здоровьем да еще и постоянно ездит воевать; если с ним что-нибудь случится, королем станет Гастон, и Анна сможет выйти за него замуж...

Герцогиня развила бурную деятельность, устроив целый заговор против брака Месье. Она явилась ночью к самому Гастону и на коленях умоляла его не жениться. Два месяца противники свадьбы собирались по вечерам в Фонтенбло в спальне д'Орнано, не встававшего с постели из-за подагры. Здесь были вечные интриганки принцесса де Конти, госпожа де Лавалетт (в девичестве де Верней), а также герцоги де Лонгвиль, де Монморанси и де Невер. Герцогиня де Шеврез втянула в заговор обоих Вандомов, Конде и Суассона, списалась со своей родственницей герцогиней де Роган — убежденной гугеноткой из Ла-Рошели. Гастон снесся с герцогом Савойским. Через Карлейля предупредили Бекингема — взбешенный тем, что Людовик закрыл ему въезд во Францию, он был готов на всё. Бенжамен де Субиз, со дня подписания мира в Монпелье укрывавшийся в Лондоне, получил обещание военной помощи. Посол Нидерландов уклонился от обсуждения данной темы, но заговорщиков это не встревожило. Д'Орнано даже разослал письма нескольким губернаторам провинций, спрашивая, как бы они поступили, если бы герцогу Анжуйскому пришлось покинуть двор и искать их гостеприимства. Это было большой ошибкой: некоторые его адресаты, в том числе герцог д'Эпернон, немедленно переслали его письма королю.

Людовик понял, что дело серьезное, и вызвал к себе Ришельё и Шомберга. Те посоветовали поступать с осторожностью: доказательств мало, до сих пор Гастон ничем себя не скомпрометировал, надо просто удалить от него дурных советчиков. Король с ними согласился — и начал действовать.

Вечером 3 мая 1626 года 600 французских гвардейцев заняли двор замка Фонтенбло, а все дороги, ведущие в Париж, были перекрыты конными кордонами. На следующий день Людовик ужинал в окружении многочисленных придворных и засиделся допоздна за оживленной беседой. Затем он пожелал всем доброй ночи и ушел к себе, разделся и лег в постель, однако полчасу спустя позвал лакеев и снова оделся. Взяв гитару и принявшись что-то наигрывать, он велел привести к себе д'Орнано. Больного маршала подняли с постели. «Как мой брат сегодня вел себя на охоте? — огорошил его король неожиданным вопросом. — Ему понравилось?» Сбитый с толку д'Орнано ответил утвердительно. В это время в спальню вошел капитан гвардейцев дю Алье, а король, продолжая играть на гитаре, вышел в гардеробную. Дю Алье сообщил д'Орнано, что тот арестован, забрал у него шпагу и отвел в караульное помещение. Людовик тотчас велел позвать брата и сообщил ему новость об аресте его наставника. «Я не могу поверить, что он нечестный человек, — воскликнул Гастон, — на него уже не раз клеветали, а он защищался и оправдался!» «Я вас люблю, брат, — отвечал король, — но уверяю вас: маршал недобрый человек, он хотел погубить вас». «Если я узнаю, кто оклеветал перед вами маршала, то непременно убью его и брошу его сердце на съедение моим слугам!» — на этой энергичной фразе Гастон повернулся и ушел.

Помимо д'Орнано арестовали двух его братьев и отправили в Бастилию в компанию к двум заговорщикам 1617 года — Модену и Деажану; супругу маршала выслали из Парижа. Пощадили только Арно д'Андилю, поскольку Ришельё точно знал, что тот пытался уговорить принца ничего не предпринимать, тогда как маршалша д'Орнано, Вандомы и двое приближенных Гастона, Буа д'Энмец и Пюилоран, подбивали его на месть.

Единокровные братья короля не могли допустить мысли, что он уже вырос и способен принимать решения самостоятельно, считая аресты и изгнания результатами происков кардинала. Великий приор Франции Александр де Вандом посоветовал Гастону отправляться напрямую во Флери-ан-Бьер, где тогда жил Ришельё, и, пригрозив ему оружием, добиться освобождения д'Орнано. Гастону достало бы глупости так и сделать, но в ход истории в очередной раз вмешался его величество случай: Анри де Талейран-Перигор, граф де Шале, доверенное лицо Сезара де Вандома, предупредил кардинала об опасности через своего дядю командора де Валансе.

Ришельё немедленно отправился в Фонтенбло и прочитал принцу проповедь, наставив его на путь истинный. Но Гастон был всего лишь

игрушкой в руках «старших». Сезар де Вандом теперь затеял похищение кардинала по дороге из Флери в Фонтенбло. Ришельё, в очередной раз предупрежденный Валансе, решил больше не заниматься самодеятельностью, а поставить в известность короля. Людовик XIII прислал главному министру охрану — 60 конных и столько же пеших гвардейцев из дворян. Тут подоспело письмо от губернатора Лиона д'Аленкура: ему сообщили, что Гастон собирается покинуть двор, предварительно убив Ришельё. Людовик вызвал брата на допрос; тот во всём сознался.

Сказать, что Людовик пришел в ярость — не сказать ничего. Он забрал печати у канцлера д'Алигра, уверявшего Гастона, что непричастен к аресту д'Орнано (правительство должно выступать единым фронтом!), и отдал интенданту финансов Мишелю де Марильяку. Но что он мог сделать собственному брату? 31 мая 1626 года Гастон письменно обязался верно служить королю, не плести заговоров, враждебных короне, и немедленно доносить обо всех подобных поползновениях.

Важнее всего на данный момент было обезвредить Вандомов, собиравшихся сделать из Бретани независимое княжество и состоявших в переписке с Субизом и Бекингом. Ришельё был болен, и Людовик сам отправился в Бретань. По дороге он велел братцу Сезару приехать к нему в Блуа вместе с братцем Александром. Перед отъездом король отправил Ришельё письмо:

«Благодарение Господу, дела пошли на лад, как только Вы ими занялись. Я полностью Вам доверяю и не смог бы найти никого, кто служил бы мне лучше Вас. Прошу Вас не удаляться от дел, иначе они пойдут прахом. Я вижу, что Вы ничего не щадите на службе королю и что многие вельможи держат на Вас зло, ревнуя ко мне; будьте покойны: я стану защищать Вас от кого бы то ни было и никогда не покину. Королева-мать обещает Вам то же».

Несмотря на тревожные письма герцогини де Шеврез, испещренные восклицательными знаками, Вандомы исполнили волю короля. Вечером 11 июня они были в Блуа. Людовик принял их очень тепло, заявив, что сгорал от нетерпения их увидеть. Два дня спустя он опять встал среди ночи, послал за двумя капитанами гвардейцев — дю Алье и де Мони — и велел арестовать своих единокровных братьев и препроводить их в замок Амбуаз^[34].

Наученный горьким опытом Людовик знал, что заговор подобен раковой опухоли и зачастую одной операции мало. Почти ежедневные визиты к Гастону графа де Шале, распорядителя королевского гардероба,

возбудили его подозрения. В самом деле, спаситель кардинала теперь перешел на сторону его врагов, потеряв голову от любви... к герцогине де Шеврез (хотя он был женат и даже совсем недавно дрался на дуэли, защищая честь своей жены). Графу было 27 лет... «Его податливое высочество», как Ришельё называл младшего брата короля, замыслил бежать и встать во главе «партии противников женитьбы». Герцоги де Лонгвиль и де Невер подбивали на бунт Нормандию и Шампань, граф де Суассон и принц Пьемонтский обещали им поддержку. Теперь Людовик уже ясно видел, что женатый Гастон представляет для него меньшую опасность, чем холостой.

Поскольку Бретань осталась без губернатора, необходимо было срочно заполнить вакансию. Не уведомив ни королеву-мать, ни главного министра, Людовик 23 июня отплыл по Луаре в Нант, велел двору следовать за ним. Гастона он не отпускал от себя ни на шаг — они даже спали в одной постели.

Похоже, что верность любви и дружбе, воспеваемую в куртуазных романах, можно было встретить только на их страницах. Во Франции XVII века никто не мог считать себя защищенным от предательства. На королевском судне находился Роже де Граммон, граф де Лувињи, закадычный друг графа де Шале, которого тот считал почти братом. Он тоже был заядлым дуэлянтом и намеревался драться в Сомюре с Кандаем, старшим сыном герцога д'Эпернона. В секунданты он позвал Шале. По правилам того времени секундант тоже был обязан драться, и противником Шале оказался Франсуа де Монморанси-Бутвиль, который за многочисленные «подвиги» (20 дуэлей со смертельным исходом!) уже был приговорен к заочной казни (вешали чучело преступника или прибавали к виселице табличку с его именем), но явился со своими друзьями на место экзекуции, изломал виселицу и свое изображение и был таков. Шале не мог драться с Бутвилем, поскольку был ему кое-чем обязан, а потому отказался быть секундантом своего друга. Этого оказалось достаточно: Лувињи пообещал «переменить и друзей, и партию».

Когда 3 июля король прибыл в Нант, Лувињи, переходя из кабака в кабак, рассказывал всем подряд, что при дворе зреет заговор против монарха, и главный в нем граф де Шале. Его рассказы нашли заинтересованных слушателей...

Утром 8 июля Шале был арестован и провел несколько часов в караульне под охраной шотландских стрелков. В это время Мишель де Марильяк допрашивал Лувињи. Тот заявил, что Шале участвовал в заговоре с целью помешать браку герцога Анжуйского, вел переписку с

Лавалеттом и Суассоном и должен был лично устранить Людовика XIII, поэтому якшался с астрологами, хиромантами и гадалками. Если бы эти обвинения подтвердились, Шале заслуживал не только четвертования, но и сожжения на костре.

На следующий день Марильяк допрашивал самого Шале, который, надеясь признанием купить прощение, рассказал про тайные собрания, сношения с заграницей и роль в заговоре некой дамы. Людовик присутствовал при допросе, стоя спиной к подозреваемому и не произнес ни единого слова. Наивные речи молодого человека, что он состоял в заговоре всего 13 дней, а «этого недостаточно, чтобы нарушить порядок в государстве», явно не пошли ему на пользу. У Шале оставался единственный шанс — заступничество кардинала, который был обязан ему избавлением от смертельной опасности. Ришелье, прибывший в Нант 14 июля вместе с Марией Медичи, согласился выслушать графа. Шале напирал на то, что помешал бегству Гастона в пути, но своими признаниями только губил себя. Ришельё прекрасно понимал: раз заговор раскрыт, кто-то должен быть наказан, но этот кто-то не может быть родным братом короля. Шале был обречен.

Мать и беременная жена Шале приехали в Нант, чтобы попытаться спасти сына и мужа. Госпожа де Талейран посылала королю письма, прося смилостивиться: ее сын служил Людовику с восьми лет, получил раны под Монпелье и Монтобаном, доказав свою преданность монарху...

Между тем Гастон, узнав об аресте Шале, хотел бежать, но было слишком поздно: все дороги перекрыли, и председатель парламента Ле Куанё, один из фаворитов герцога Анжуйского, посоветовал ему покориться. Людовик XIII лично допрашивал брата шесть раз в присутствии матери, Ришельё, Шомберга и Марильяка. Гастон не подписал протоколы допросов, но и в таком виде они служили достаточным основанием для осуждения Шале. Принц, не скрывая своей вины, сдал всех, кому обещал защиту и покровительство. В благодарность за чистосердечное признание король пожаловал ему титул герцога Орлеанского, владение графством Блуа, 560 тысяч ливров ежегодного пенсионера и еще 300 тысяч ренты при условии женитьбы на мадемуазель де Монпансье. Невесту с матерью срочно вызвали в Нант, а жених, предоставив Ле Куанё улаживать все дела с Ришельё, отправился с приятелями на мальчишник в Ле-Круазик верхом на мулах и ослах без седла, «как цыгане».

Пятого августа Шале, заключенный в Речной башне, мог видеть из своего окошка огни, мерцавшие в зале Малого дворца, где праздновали

помолвку принца. На следующий день подписали брачный договор, и кардинал Ришельё совершил свадебный обряд в церкви при монастыре ордена минимов. По свидетельству Буа д'Энмеца, «такой унылой свадьбы еще не было видано. На Мадам было платье из белого атласа и жемчуга, одолженные обеими королевами. На Месье был ношенный костюм. Во весь день не слышно было ни скрипок, ни музыки». Однако Малерб писал Ракану, что «весь двор охвачен радостью», а больше всех королева-мать.

Утром 19 августа Шале вызвали в зал суда и велели встать на колени. Марильяк зачитал приговор: виновный в оскорблении величия, он будет обезглавлен и четвертован, его наследники лишены дворянства, а имущество конфисковано. По обычаям того времени приговор должен был быть приведен в исполнение в тот же день.

Людовик, не любивший присутствовать на казнях, собирался покинуть город. Как только он переехал крепостной ров, к нему бросились две женщины, мать и жена Шале, и упали перед ним на колени. Людовик пообещал им, что граф умрет как дворянин; это значило, что его не четвертуют, а только отрубят голову.

Казнь была назначена на шесть часов вечера. Легкомысленный Гастон, словно не понимая всей серьезности происходящего, решил «спасти» человека, которого из-за него отправили на смерть: его сообщники выкрали палача. Тогда секретарь суда отправился в тюрьму и нашел там висельника, согласившегося выкупить собственную жизнь ценой грязной работы. Но в любом деле есть свои профессиональные секреты: меч, который никто не подумал наточить, оказался тупым; первый удар лишь сбросил Шале с плахи на помост, и палач-недотепа принялся бестолково тюкать несчастного по шее. Стоявший в первом ряду зрителей бочар бросил ему долото. До двадцать девятого удара страдалец еще кричал, и только после тридцать четвертого его голова была отделена от туловища.

Однако в деле о заговоре еще не была поставлена точка: главным виновным считался д'Орнано. Судьба избавила его от плахи — 2 сентября он скончался в Венсенском замке вследствие задержки мочи. Недруги кардинала возвели на него обвинения в отравлении, но это была сущая нелепость, так что даже оправдываться не стоило. Со смертью маршала расследование можно было прекратить, иначе обвинения коснулись бы королевы Анны, принцев крови и представителей иноземных держав. Душой заговора была герцогиня де Шеврез, супруга пэра Франции, тоже не подлежащая суду в силу обладания привилегиями. Людовик мог только отправить ее в изгнание, а потому велел ехать в Пуату. Однако непокорная герцогиня, обозвав короля «дураком и бестолочью», а кардинала «олухом и

наглецом», отбыла в Лотарингию, которая тогда была границей.

Десятого сентября в Париже состоялся Большой совет. Позади кресел короля и королевы-матери расположились Ришелье, Марильяк и другие министры; принцы, герцоги и прочие члены Совета расселись вдоль стен. На середине зала поставили складной стул для Анны Австрийской, на котором было неудобно сидеть; к моральным мучениям королевы добавились физические.

Секретарь зачитал показания Шале, в которых говорилось, что он действовал по личным директивам королевы и герцогини де Шеврез. Присутствующие пришли в сильное волнение. Анна отвечала, что ничего не знала о заговоре и не отдавала приказов преступникам и клеветникам. Тогда огласили признание Гастона, что супруга его старшего брата несколько раз за три дня просила его не вступать в брак.

— Вы собирались замуж за моего брата, сударыня? — спросил Людовик некогда горячо любимую жену.

— Не слишком бы я выиграла от подмены! — гордо отвечала королева.

В конце концов король постановил, чтобы из протоколов изъяли все документы, касающиеся королевы, полагая, что она получила серьезный урок. Следом слово взяла королева-мать, чтобы призвать невестку жить так, как жили все королевы Франции, пообещав любить ее и наставлять, чем она прежде пренебрегала.

Мария Медичи торжествовала: осуществив давно задуманный план, она полностью уверовала в безраздельность и безграничность своей власти, поскольку сын по ее указке безропотно удалил от двора всех несогласных. Это вовсе не значило, что между матерью и сыном возникли доверительные отношения. Преданный женой и братом, Людовик чувствовал себя как никогда одиноким. Ему нужен был человек, которому он мог бы доверять, не опасаясь удара в спину. И таким человеком оказался Ришелье — кто бы мог подумать! Враги кардинала, желавшие его свалить, невольно укрепили его позиции.

Обладая проницательным умом, широчайшими познаниями и железной волей, Ришелье не мог похвастаться крепким здоровьем: он страдал от мигреней, нарывов, геморроя, да и психика его была расшатана: утверждают, что его преосвященство иногда воображал себя лошадью и бегал на четвереньках вокруг стола, издавая ржание. Когда кардинал бывал серьезно болен, заседания Совета проводились у его постели. Если на них присутствовал король, для него ставили кушетку: согласно этикету лежать в присутствии монарха разрешалось, если возлежал он сам. Под предлогом нездоровья Ришелье уже неоднократно подавал прошение об отставке, но

король регулярно его отвергал. Впрочем, можно предположить, что главный министр нуждался в письменном подтверждении королевского благорасположения. В 1626 году Ришельё уже дважды, в мае и июне, просил позволить ему удалиться от дел, 14 августа он подал третье прошение, на которое Людовик ответил, что «никого не любил больше его и никому не доверял в большей степени».

Чтобы драгоценная жизнь королевского министра не подвергалась угрозе (стало известно, что на кардинала готовилось третье покушение), Людовик отдельным распоряжением от 27 сентября позволил ему иметь личную гвардию. Помимо пятидесяти аркебузирова, присланных королем, Ришельё нанял еще 30 гвардейцев. У него имелись на это средства: с января 1626 года король стал выплачивать ему ежегодную пенсию в 60 тысяч ливров. В каждой резиденции Ришельё отводилась особая комната для капитана гвардейцев. Охрана должна была постоянно находиться при кардинале во всеоружии; только являясь в Лувр, он должен был оставлять гвардейцев за воротами. Гвардейцами кардинала называли только конную роту, набранную из тщательно проверенных людей по надежной рекомендации. Претендент должен был быть не моложе двадцати пяти лет и отслужить не меньше трех лет в армии. Когда кардинал подбирал достойного командира для своих гвардейцев, Ахилл д'Этамп де Валансе поклялся честью, что его преосвященство не найдет никого храбрее господина де Кавуа, которого некогда сам пронзил шпагой на дуэли. Офицеры были по большей части бретонцы, тогда как королевских мушкетеров поставляли Гасконь и Беарн. Личная охрана Ришельё первой облачилась в униформу — красный плащ-пелерину с белым греческим (четырёхконечным равносторонним) крестом спереди и сзади.

После «заговора Шале» Людовик был полон решимости сосредоточить все бразды правления в своих руках. В сентябре скончался Ледигьер, и король окончательно отменил должность коннетабля, чтобы самому оставаться главнокомандующим. В октябре он назначил Ришельё главным сюринтендантом навигации и торговли, однако без права командовать военным флотом и без жалованья. Эта оговорка была сделана по просьбе самого кардинала; он даже отказался от права на невостребованное имущество с затонувших кораблей, которое теперь переходило в пользу морского флота. Благодаря этому Ришельё вскоре сумел поставить на службу королю около восьмидесяти кораблей, закупленных в Голландии или построенных по их образцу во Франции. В октябре же он по приказу Людовика XIII выкупил у губернатора Нормандии крепость Гавр — ключ к устью Сены. В следующем году

герцог де Монморанси покинул должность великого адмирала, получив компенсацию в 1,2 миллиона ливров, и Людовик решил взять на себя и эти обязанности. Мария Медичи уступила Ришельё область Бруаж на Атлантическом побережье, и он вознамерился построить там крупный порт в противовес Ла-Рошели. Пора было покончить с этим оплотом гугенотов.

ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ

*Всегда, везде для всех да будет правый суд,
Ведь только за него царей без лести чтут.*

Пьер Корнель. Гораций. Перевод Н. Рыковой

Казна опять была пуста, но у главного министра имелись идеи, как ее наполнить. 2 декабря 1626 года в большом зале дворца Тюильри открылась ассамблея нотаблей. Доклад о финансовом положении делал канцлер Мишель де Марильяк, а не сюринтендант финансов д'Эффия. Впрочем, компетентность Марильяка в этой области была неоспорима. Он сообщил присутствующим, что король намерен свести дебет с кредитом за счет сокращения расходов; вот почему, в частности, он отменил должности коннетабля и адмирала: каждая обходилась ему в 400 тысяч ливров в год. Из тех же соображений следует снести «ненужные» крепости и избавиться от расходов на жалованье их гарнизонам. Король не хочет поднимать прямые налоги, чтобы не увеличивать тяготы своего народа, а потому предполагается выкупить части королевского домена, заложенные по низкой цене, а также отданное на откуп право собирать налог на соль ^[35]. Затем, явно повторяя слова Ришельё, Марильяк заговорил о необходимости развивать торговлю и флот, а выступавший после него Шомберг свернул на военные дела и заявил, что для стяжания воинской славы необходимо иметь постоянную армию в 30 тысяч солдат. Вкратце повторив основные мысли предыдущих ораторов, Ришельё закончил свою речь словами: «Государству не так потребны многочисленные ордонансы, как их исполнение; пусть слов будет мало, а дел много; так можно будет судить о добрых намерениях и здравомыслии членов ассамблеи».

Направление было задано. По мере заседаний принимались решения, утверждавшие политику правительства: сумму выплачиваемых пенсий сократили с шести-семи до двух миллионов ливров. Список крепостей, подлежащих сносу, составили без труда. Ассамблея даже пошла дальше предложений Ришельё (кстати, между ним и Марильяком наметились разногласия) и умоляла короля карать государственных преступников по всей строгости закона, то есть казнить и конфисковывать их имущество. Всякое сношение с посланниками иностранных государей без особого

разрешения монарха было запрещено. (Впрочем, представители духовенства отказались поддержать эту меру, поскольку под нее подпадал папский нунций.)

Тем временем сами иностранные посланники никак не могли увидеться с королем, который за весь декабрь приехал в Париж только на Рождество, а в остальное время охотился на оленей, не давая роздыху своей свите. Это времяпрепровождение начинало тревожить Ришельё, поскольку рядом с Людовиком постоянно находился Бассомпьер, а кардинал весьма ревниво относился к королевским фаворитам, тем более что этот обладал не только физической выносливостью, но и острым самостоятельным умом.

Здесь нужно сделать небольшое отступление, поскольку мы не успели рассказать о стремительной карьере и головокружительном падении Франсуа де Баррада. Бывший паж Шомберга вошел в фавор «не ради дел государства, а ради охоты и особых наклонностей короля», пишет венецианец Морозини. Этот фавор стал достоянием гласности в марте 1625 года. Под влиянием нового любимца король даже изменил свое поведение: целых две недели просидел в Париже, не выезжая на охоту, потому что Баррада предпочитал городскую жизнь и дамское общество сельской местности и погоне за дикими зверями. Королеве-матери Людовик заявил, что взял Баррада к себе на службу, потому что тот ни от кого не зависит. Фаворит садился с ним в карету — большая честь! Король с ним не расставался и даже обнимал рукой за плечи, что дало повод для пересудов. В самом деле, молодой человек был очень хорош собой, к тому же Людовик не позволил ему жениться на красивой фрейлине, в которую тот был влюблен. Однако данное обстоятельство говорит скорее не об извращении, а о собственническом чувстве короля: его слуга должен принадлежать ему целиком.

В апреле Людовик назначил Баррада первым конюшим, купив эту должность за 14 тысяч экю у господина де Лианкура, зятя Шомберга. В декабре 1625 года Баррада уже был обер-камергером (120 тысяч экю уплачено герцогу де Монморанси), а его брат-священник стал епископом Нойона. Затем он сделался капитаном замка Сен-Жермен, наместником короля в Шампани, великим балли Труа и губернатором Шалона. Но тут наступило головокружение от успехов. Зарвавшийся юнец решил, что ему всё позволено, стал вмешиваться в политику, делал неосторожные замечания по поводу Нормандии и Бретани, находящихся в полном распоряжении королевы-матери и кардинала. Он совершил большую ошибку, перейдя грань дозволенного. 2 декабря 1626 года Людовик дал ему

отставку. Баррада вспылел и в присутствии короля вызвал на дуэль господина де Сувре, которого считал виновником своей опалы. Тогда его прогнали с глаз долой. Симон Контарини писал в депеше от 11 декабря 1626 года, что Баррада пал жертвой своего легкомыслия. «Он заслуживает сочувствия и прощения, поскольку ему всего 19 лет и он всего лишь служил своему господину». Надо сказать, что Людовик сильно переживал из-за случившегося: опала Баррада повергла его в состояние глубокой меланхолии. Как человек он был несчастен, но как король не мог допустить, чтобы ему перечили и тем более садились на шею. К чести его любимца надо сказать, что он не затаил зла на своего государя: сколотил пехотный полк и служил королю верой и правдой.

История королевского фаворита даже вошла в поговорку: «фортунной Баррада» стали называть скоротечную удачу. Это выражение главным образом свидетельствует о характере Людовика XIII, способного увлекаться, привязываться к людям, но не позволяющего им переступить черту. К сожалению, пример Баррада никого ничему не научил...

Одоблив выкуп королевского домена и меры правительства в отношении флота и торговых компаний, ассамблея нотаблей завершила работу 24 февраля 1627 года (в следующий раз ее созвали только 22 февраля 1787-го).

Все прежние ассамблеи заканчивались принятием деклараций, которые оставались на бумаге. Пора было начать воплощать их на практике, и случай проявить железную волю представился довольно скоро — и при весьма прискорбных обстоятельствах.

Начиная со второй половины XVI века все французские монархи издавали ордонансы против дуэлей. К ним уже давно привыкли, и никто не верил, что их кто-то будет применять. Уже в правление Людовика XIII были изданы декларации 1613, 1617 и 1623 годов о том, что оскорбленные дворяне вместо дуэли обязаны в течение месяца подать жалобу в суд маршалов. Эдикт 1624 года предоставил Парижскому парламенту юридическое основание для осуждения на заочную казнь. В том же году уже известный нам Франсуа де Монморанси-Бутвиль убил на дуэли графа де Понжибо, племянника маршала Шомберга, и, будучи приговорен вместе с секундантами к заочному повешению, явился на место экзекуции и сломал виселицу.

В среднем за год на дуэлях погибали 220 дворян, и поведение во время поединков было далеко не рыцарским. При этом дуэли не осуждались обществом, а бретеров называли «гладиаторами». Тот же Бутвиль мог вызвать человека на поединок просто для того, чтобы проверить его

храбрость.

Новый эдикт о дуэлях был принят в марте 1626 года. Ришелье, несмотря на личную трагедию (напомним, его старший брат был убит на дуэли), советовал королю не казнить дуэлянтов, а лишать их должностей и материальных благ, пожалованных короной, и только в случае смерти одного из участников поединка отдавать второго под суд. Однако Парижский парламент потребовал смертной казни для всех дуэлянтов. Ришельё настаивал: «Никто не может осудить врача, который решился применить новое снадобье, убедившись в недейственности старого». Король в очередной раз прислушался к его мнению и ввел градацию наказаний: за вызов на дуэль — лишение должностей, конфискация половины имущества и изгнание из страны на три года; за дуэль без смертельного исхода — лишение дворянства, шельмование или смертная казнь; за дуэль со смертельным исходом — конфискация всего имущества и смертная казнь; дуэль с привлечением секундантов карается смертью вне зависимости от исхода. При этом Людовик поклялся никогда не миловать дуэлянтов и потребовал от своего секретаря никогда не подписывать грамот о помиловании, а от канцлера — никогда не прилагать к ним печать. Теперь оставалось подтвердить слова делом.

Первым нарушил эдикт герцог де Прален; его удалили от двора и лишили должностей королевского наместника в Шампани, бальи Труа и губернатора Марана. Его пример не остановил Бутвиля — в том же году он убил на дуэли графа де Торињи, а в следующем ранил барона де да Фретта прямо при дворе и даже не думал скрываться! Это было уже слишком; король послал швейцарских гвардейцев его арестовать. Однако Бутвиля кто-то предупредил, и он со своим родственником и другом графом де Ромадек де Шапелем уехал во Фландрию. Правительница Испанских Нидерландов эрцгерцогиня Изабелла предоставила ему покровительство при условии, что он не станет драться в ее владениях, и даже заступилась за него перед Людовиком XIII. Непреклонный король запретил Бутвилю появляться при своем дворе и в Париже. Тот еще не осознал, насколько всё серьезно: «Раз мне отказывают в прощении, я буду драться в Париже, причем на Королевской площади».

У покойного Торињи был друг, маркиз де Беврон, который поклялся отомстить за его смерть и со своим оруженосцем Бюке погнался за Бутвилем. Было совершенно ясно, что он не удовлетворится извинениями и словами их конфликт не разрешить. Изабелла всё же попробовала уладить дело миром и поручила эту миссию генералу Амброзио Спиноле, прославившемуся взятием Бреды в 1625 году после долгой осады. 2

февраля тот пригласил обоих врагов к себе на ужин; они для виду обнялись и пообещали забыть вражду, однако сразу после этой сцены Беврон заявил Бутвилю и Шапелью, что вызов остается в силе. Весной Бутвиль приехал в Париж, нашел своего врага и назначил время и место дуэли: 12 мая 1627 года, два часа дня, Королевская площадь.

Секундантами Бутвиля стали Шапель и Ла Берт, а секундантами Беврона — его зять маркиз де Бюсси д'Амбуаз и Бюке. Правда, маркиз был серьезно болен, горел в лихорадке, и ему несколько раз пускали кровь — из руки и из ноги, причем даже в самый день дуэли. Беврон попросил Бюсси остаться дома, но тот возразил: «Простите, сударь, даже если смерть возьмет меня за горло, я хочу драться».

Поединок начался. Бутвиль и Беврон выбили друг у друга шпаги и схватились врукопашную, не пуская в ход кинжалы. Шапель сразил Бюсси, едва державшегося на ногах, а Бюке тяжело ранил Ла Берта. Беврон с Бюке тотчас уехали в Англию, а Бутвиль и Шапель решили бежать в Лотарингию.

Узнав о поединке, Людовик, находившийся тогда в Лувре, немедленно велел главному прево арестовать дуэлянтов. Полиция взяла неверное направление, но ей помогли люди госпожи де Мем, матери погибшего Бюсси д'Амбуаза, которая, несмотря на горе, предприняла немедленные действия, чтобы помешать своей невестке завладеть родовым замком. Два человека, посланные ею в Шампань, совершенно случайно попали на след Бутвиля и Шапелья и сообщили о них куда следует. Их арестовали утром на постоялом дворе, где они остановились на ночь.

Людовик был уже в Версале; Мария Медичи известила его письмом об аресте дуэлянтов. Король немедленно отрядил за ними капитана своих гвардейцев. Преступников привезли в Париж с почетом: в карете, под охраной 140 всадников, к которым по дороге присоединились еще 300 солдат.

В тот же день, 31 мая, король вызвал в Лувр членов парламента и повелел им немедленно расследовать это дело. Наутро начались допросы.

Бутвиль сразу во всем сознался, а Шапель запирался и даже утверждал, что не знает, где находится Королевская площадь.

3 июня графиня де Бутвиль, жена преступника, бросилась в ноги королю, когда тот вышел с церковной службы, и умоляла о милосердии. Но Людовик молча прошел мимо нее, сказав сопровождающим: «Мне жаль эту женщину, но я хочу и должен сохранить свою власть». Бедная графиня попыталась заявить отвод судьям и передать судебное разбирательство в Королевский совет. Она заручилась поддержкой Анри де Конде и герцога

де Монморанси, написала королю — всё тщетно. 16 июня генеральный прокурор потребовал для виновных смерти. Епископ Нантский, навещавший узников в Бастилии, передал им бумагу и чернила, чтобы они могли написать письма Ришельё, и лично отнес их кардиналу, за что тот его не похвалил.

Наверняка мольбы молодой женщины (ее мужу было всего 27 лет, а его другу — 29) пробудили в памяти короля сцены перед казнью Шале, и он, скорее всего, колебался. Но кардинал был тверд: «Мы перережем глотку либо дуэлям, либо эдиктам вашего величества». Закон есть закон. «Сколько знатных и достойных родов угасло! — написал Людовик XIII в послании парламенту. — Сколько бесчинств привели к тому, что величайшие люди моего королевства были вынуждены выйти на бой без всякой причины и основания. Все эти злоупотребления, достигшие крайности за отсутствием наказания, побудили меня дать свершиться правосудию, хотя одному Богу известно, как трудно далось мне это решение...»

Суд состоялся 21 июня; Шапель наконец-то повинился. В час дня осужденных приговорили к смерти, но казнь назначили на следующий день — вероятно, оставляя шанс получить королевское помилование. Обоих преступников отправили назад в Бастилию, что показалось им хорошим знаком. На вопрос, готов ли он умереть, Шапель отвечал: «Я-то готов, но мой кузен — молодой, богатый, родня величайших сеньоров Франции — рассердится, если заговорить с ним о смерти».

Тот самый парламент, который требовал от короля суровости в момент утверждения эдикта, теперь рассчитывал на его человеколюбие! Но Людовик только рассердился из-за этой отсрочки. В самом деле, госпожа де Бутвиль явилась в Лувр вместе с принцессой Конде, герцогинями де Монморанси, д'Ангулем и де Вантадур. Герцог Ангулемский просил Людовика XIII их принять. Он согласился выслушать просительниц в спальне Анны Австрийской. (Почему именно там? Думал преподать жене очередной урок, продемонстрировав свою непреклонность? Или это была «честная игра»: раз Анне запрещено принимать мужчин в отсутствие супруга, он сам общается с просительницами только в присутствии жены?) Беременная госпожа де Бутвиль стала молить о пощаде и упала в обморок. Людовик как будто растрогался, однако остался преисполнен решимости быть непоколебимым. Пока будущую вдову приводили в чувство, он сказал принцессе Конде: «Их утрата так же тяжела для меня, как и для вас, но совесть запрещает мне их простить».

Король всё же собрал Совет. Ришельё, по своему обыкновению, изложил письменно все аргументы за и против помилования, предложив

заменить смертную казнь тюремным заключением, однако закончил так: «Ваше величество сам примет решение, наиболее полезное для государства». Людовик решил отдать приказ привести приговор в исполнение. Единственная милость, которую король оказал осужденным, — запретил палачу и его помощникам забрать себе их вещи, как тогда было принято.

В пять часов дня 22 июня 1627 года Бутвилю и Шапелю отрубили головы на Гревской площади. Охране был дан приказ: если кто-нибудь в толпе крикнет «Пощады!», немедленно арестовать. Всё имущество казненных было конфисковано.

После этой казни дуэли на некоторое время прекратились. Чем без пользы гибнуть на эшафоте, лучше отдать жизнь за короля, ведь в этом и состоит долг дворянина. А возможность пролить свою кровь на поле брани представилась довольно скоро.

ЛАРОШЕЛЬ

Опасно королям оказывать отпор.

Семейная жизнь Генриетты Марии не заладилась. Муж весьма небрежно относился к супружеским обязанностям, к тому же рядом постоянно маячил Бекингем, норовя встать между супругами. В довершение всех бед прозелитизм французских священников из окружения королевы вызывал всеобщее раздражение, а тут еще она сама отправилась в паломничество к «Тайбернскому дереву» — виселице в пригороде Лондона, на которой были казнены католики, мученики за веру. В августе 1626 года Карл I выслал из страны всех французов из свиты жены и практически посадил ее под замок. Людовик XIII отправил в Лондон Бассомпьера, зарекомендовавшего себя умелым дипломатом, чтобы прояснить ситуацию и уладить конфликт. Карл встретил его вопросом, уж не прибыл ли он объявить войну.

Но войны в гораздо большей степени хотела Англия. Прозорливый Ришельё готовился дать ей отпор, срочно сколачивая военный флот и поддерживая дружественные отношения с Голландией. Фламандец Питер Пауль Рубенс, художник и дипломат, работал над заключением союза между Лондоном и Мадридом; Ришельё приказал французскому послу в Мадриде господину дю Фаржи склонить Оливареса к союзу с Францией. Переговоры длились месяц, с 20 марта по 20 апреля 1627 года. Через год после подписания Монсонского договора католический и христианнейший короли сплотились против Альбиона — к великой радости французской «партии святош». Людовик XIII и его главный министр не обольщались насчет искренности этого союза, но лицемерный друг казался им лучше открытого врага, тем более что во Франции со дня на день ждали высадки английского десанта, поскольку ларошельцы, несмотря на все увещевания, отправили посольство в Лондон, чтобы просить Карла I силой добиться от Людовика XIII выполнения обещания срыть форт Пор-Луи. С начала года английские корабли по приказу короля перехватывали все французские суда в открытом море.

В начале июня королевскую семью постигло горе, которое, однако, позволило Людовику XIII вздохнуть с облегчением: супруга Гастона, родив 29 мая дочь, которую назвали Анной Марией Луизой, шесть дней спустя скончалась в Лувре двадцати одного года от роду. Но в любом случае,

девочка не могла претендовать на престол. Именно об этом в первую очередь подумал Людовик. Те же мысли пришли в голову и Марии Медичи, которая сразу начала подбирать младшему сыну новую невесту. Однако Гастон успел привязаться к супруге, умной и красивой женщине, и сильно горевал об утрате. Матери он заявил, что женится вновь, только если ему доверят командование войсками под Ла-Рошелю, ведь всем давно ясно, что война на пороге. Король дал согласие, однако приставил к брату герцога Ангулемского.

На войну срочно требовались деньги, и Ришельё под свою ответственность занял у друзей больше миллиона ливров. (В 1627–1629 годах займы у богатых людей составляли около 18 миллионов ливров ежегодно, то есть 40 процентов всех доходов, и шли на содержание армии.) Эта мера оказалась очень своевременной: 27 июня 1627 года пять английских эскадр — 98 кораблей — вышли из Портсмута и устремились к острову Ре, который удерживал небольшой гарнизон под командованием Туара; рядом с ним были два старших брата. Защитникам острова предстояло иметь дело с семью полками — пехотой и конницей. Уже 30 июня об отплытии флота стало известно в Париже. В это время Роган вновь собирал войска в Лангедоке, а во французскую столицу доставили манифест Бекингема, в котором сообщалось, что цель экспедиции — заставить Людовика XIII сдержать обещания, данные его подданным-гугенотам, и оказать помощь Ла-Рошели.

Флотилией командовал сам Бекингем; Людовик немедленно собрался и выступил навстречу своему врагу. Однако в Вильруа короля свалила лихорадка: его бил озноб, голова раскалывалась, он жаловался на колотье в боку. Возможно, дали себя знать последствия воспаления легких, которым он переболел во время похода в Лангедок. Как часто бывало, болезнь усугубилась расстройством кишечника — надо полагать, на нервной почве. В таком состоянии король не мог ехать дальше. По совету врачей министры решили даже не сообщать ему новости, чтобы не расстраивать, и взяли управление страной на себя, согласовав этот вопрос с королевой-матерью. В Сентонж выехали Ришельё и Шомберг: один занимался флотом, другой — армией.

Во вторник 20 июля английские корабли показались в виду острова Ре; через день на оба французских форта, Сен-Мартен и Ла-Пре, обрушился вражеский огонь; англичане высадили десант. После ожесточенного боя, потеряв шесть десятков офицеров, в том числе родного брата Роллена де Сен-Бонне, Туара был вынужден отступить в Сен-Мартен-де-Ре. Потери неприятеля составили около пятисот человек. 27 июля на город двинулись

восемь тысяч англичан; Туара заперся в форте Сен-Мартен, оставив около сотни солдат в форте Ла-Пре. Бекингом осадил крепость; англичане хозяйничали на острове, безжалостно обращаясь с жителями обоего пола.

В августе Людовику стало лучше; отныне в приказах, рассылаемых армии, значилось: «Составлено в присутствии короля в Вильруа». Людовик даже хотел выехать в ЛаРошель, но врачи решительно этому воспротивились. 19 августа он уехал в Версаль, а оттуда в Сен-Жермен.

В начале сентября Туара удалось послать весточку о себе. Троице солдатам Шампанского полка вручили по зашифрованной записке, спрятанной в запечатанную воском жестяную гильзу. Повесив их на шеи и обмотав головы рубашками на манер тюрбана, смельчаки попытались преодолеть вплавь пролив, отделявший остров Ре от материка. Их заметили англичане и бросились в погоню. Один утонул; другой, изнемогая, решил сдаться, но его пристрелили; только Пьер Ланье, умевший хорошо нырять, добрался до суши — искушенный рыбами, замерзший и совершенно обессиленный. Он выполз на берег у мельницы в двух километрах от форта Пор-Луи, куда его отвез оказавшийся поблизости крестьянин. Одетый в одну лишь рубашку, Ланье предстал перед герцогом Ангулемским и передал ему шифровку: Туара писал, что, не имея ни продовольствия, ни самого необходимого, ему с солдатами остается лишь один выход — умереть на службе королю. «Если Вы хотите спасти этот форт, пришлите плоскодонки, самое позднее 8 октября, ибо вечером 9-го мы все умрем с голоду». Людовик XIII наградил отважного пловца, назначив ему пенсию в 100 экю.

Ришельё вызвал плоскодонки из Байонны и оснастил их в Ле-Сабль-д'Олоне. Уже 7 сентября, между двумя и тремя часами ночи, 13 лодок причалили к берегу под стенами форта Сен-Мартен и выгрузили провиант и боеприпасы.

Чтобы помешать англичанам завладеть Ла-Рошелею, надо было действовать на упреждение — самим осадить город. Шомберг и Марильяк предлагали это еще в начале лета; теперь и кардинал осознал, насколько осада необходима. По приказу короля герцог Ангулемский расположил свои войска вокруг мятежного города и начал земляные работы, чтобы прервать его сообщение с остальным миром.

Население Ла-Рошели тогда составляло 27 тысяч жителей. Буржуа и королевские чиновники были против английского вторжения, прекрасно понимая, чем оно грозит; чернь, моряки и пасторы, наоборот, ждали англичан; к ним примкнули и местные дворяне — «по идейным соображениям». 10 сентября в пять часов вечера ларошельцы открыли

огонь по землекопам; Пор-Луи ответил выстрелами. Так началась война.

Пятнадцатого сентября, чувствуя себя совершенно здоровым, Людовик объявил о скором отъезде на фронт. На время своего отсутствия он поручил Марии Медичи управлять областями к северу от Луары, опираясь на советы статс-секретаря де Бюльона. 25-го числа он выехал к армии, и 7 октября Ришельё встречал его в Партенё. Через пять дней оба были под Ла-Рошелю: Людовик остановился в Этре, Ришельё — в небольшом замке Пон-де-ла-Пьер, Марильяк и прочие министры худо-бедно разместились в деревушке Ла-Жарн, а Гастон остановил свой выбор на Дампьере. Он был раздосадован приездом брата, поскольку теперь уже никто не принимал его всерьёз.

Короля сопровождал новый фаворит Клод де Рувруа, граф де Расс. Сын вельможи из Пикардии, разоренного Религиозными войнами, он состоял в пажах при Малой королевской конюшне (там содержались лошади, кареты и носилки для повседневного и личного использования). Граф был моложе Людовика XIII на шесть лет и сумел завоевать его дружбу, придумав, как во время охоты менять королевских лошадей, чтобы седоку не приходилось спешиваться: свежего скакуна подводили в обратном направлении, и король, вынув ногу из стремени, разом перемахивал на него, разворачивал и продолжал погоню за оленем. Это усовершенствование, а также умение трубить в рог, не пуская в него слюну, принесло «клопенышу», как презрительно прозвал его Бассомпьер, должность главного королевского егеря, а затем — капитана замка Сен-Жермен. В 1627 году он возглавил Малую королевскую конюшню.

А дела Туара были совсем плохи. Второй его брат Поль был убит пушечным ядром. В первых числах октября, решив, что его уже никто не спасет, Туара даже начал переговоры с Бекингом об условиях капитуляции. Но тут, наконец, подул благоприятный ветер, и 7 октября, воспользовавшись сильным приливом в новолуние, целых 35 плоскодонок устремились к острову Ре; на них было больше восьмисот солдат с офицерами. Англичане их окружили и сильно потрепали, но двадцати пяти лодкам удалось прорваться и к четырем часам утра достичь форта Сен-Мартен, куда они привезли муку, вино, тушеную треску и овощи, окорока и солонину, а также одежду и обувь — можно было продержаться дней сто! Гарнизон Ла-Пре пополнили; осажденные насмехались над неприятелем, который тщетно пытался штурмовать форт. Потерпев неудачу, англичане целую неделю ничего не предпринимали. Пора было с ними кончать: Ришельё и Шомберг решили отправить на остров крупные силы, чтобы вышибить захватчиков.

Кроме того, нужно было воспрепятствовать объединению гугенотов. 4 октября 1627 года Людовик своей декларацией поручил Тулузскому парламенту начать судебный процесс против герцога и пэра де Рогана, лишенного неприкосновенности за государственную измену.

Принц Конде отправился воевать в Лангедок. «Нужно уничтожить гугенотов, — напутствовал его Ришельё. — Если мы сохраним Ре, это будет легко. Если мы его потеряем, это будет сложнее, но всё же возможно и необходимо как единственный способ восполнить потерю Ре. Иначе англичане и ларошельцы объединятся и усилятся. Сохраним мы Ре или потеряем, нужно перенести войну в Англию — только так мы помешаем англичанам вынести ее за пределы».

Королевские войска, осадившие ЛаРошель, включали дюжину полков — чуть больше двенадцати тысяч солдат. Союзники-испанцы пообещали прислать 70 кораблей; те в самом деле достигли берегов Бретани, но не двигались оттуда под различными предлогами. Ришельё ждал подхода двух десятков кораблей из Голландии. Поскольку армии предстояло зазимовать на позициях, он заботился о том, чтобы у солдат было всё необходимое: по его совету король запросил у Парижа и других верных городов шерстяную одежду и обувь. Офицеры и унтер-офицеры получали жалованье каждые 40 дней, рядовые — каждую неделю, а хлеб им раздавали бесплатно. Вопреки обычаю жалованье солдатам выплачивали не через офицеров, а напрямую, во избежание воровства. Принимались санитарные меры. Расходы были огромные: только на флот тратилось 226 340 ливров в месяц, а в целом осада обошлась в 40 миллионов ливров. Однако грабить местное население запрещалось под угрозой сурового наказания. Солдатам было предписано слушать мессу; об их духовных нуждах заботились капуцины под руководством отца Жозефа.

Но какой смысл держать армию на суше, если ЛаРошель нельзя блокировать с моря? Еще во время первой, неудачной осады 1621–1622 годов, которую вели герцог д'Эпернон и граф де Суассон, итальянский инженер Помпео Таргоне предложил перегородить доступ в порт плавучими батареями и понтонами, соединенными цепями. Он даже издал в 1622 году тринадцатистраничную брошюру на эту тему. 10 сентября инженер был принят герцогом Ангулемским и в октябре получил 40 тысяч экю на строительство своего сооружения, хотя, по его утверждению, эта сумма покрывала лишь треть намечавшихся расходов.

Тем временем 6 ноября англичане, в свою очередь, получили подкрепление и устроили штурм форта Сен-Мартен. Застать Туара врасплох не удалось: он загодя расставил своих людей по местам, снабдив

их боеприпасами и объяснив каждому офицеру его задачу. Первая атака была отбита, но Бекингом предупредил, что не станет выслушивать никаких донесений, кроме одного — о взятии форта. Однако после двух часов ожесточенного боя англичане отступили, так и не добившись своего. В это время Людовик XIII, проведя военный совет, решил форсировать пролив, чтобы прийти на помощь Туара. Он намеревался лично возглавить войска. «Но это же будет бойня, сир!» — попытался урезонить его Шомберг. «Я знаю, — спокойно отвечал король, — потому и хочу идти туда. Я посылаю войска на бойню, только когда это действительно необходимо, и готов повести их за собой». Но члены Совета никак не могли допустить, чтобы монарх подвергал себя такой опасности. В бой бросили королевских мушкетеров под командованием капитана Монтале.

Ночью Шомберг во главе королевских войск пересек пролив и соединился с Туара, который сообщил ему, что противник отступает на остров Луа, соединенный дамбой с Ре. Оба устремились в преследование; неожиданно атакованные англичане потеряли 1500–1800 человек убитыми, в том числе пятерых полковников, трех подполковников, 250 капитанов и 20 знатных дворян. В качестве трофеев французы захватили четыре пушки и 60 знамен, которые Клод де Рувруа отвез в Париж и торжественно развесил под сводами собора Парижской Богоматери.

На следующий день Бекингом, потерявший в этой аванюре четыре из семи тысяч человек, вернулся на корабль и ждал лишь попутного ветра, чтобы отплыть к английским берегам. Рассказывают, что угол его каюты был переделан под маленькую часовенку и перед миниатюрным портретом Анны Австрийской теплилась лампадка...

Гастон, не согласный быть на вторых ролях, поставил старшему брату ультиматум: либо его назначают командующим армией, отправленной подавлять мятеж в Лангедоке, либо разрешают вернуться в Париж и жить там, как ему вздумается. Людовик согласился на последний вариант. Не желая обитать в Лувре, Месье поселился инкогнито на постоялом дворе и пустился во все тяжкие. Мария Медичи рассчитывала, что старший сын тоже вернется на зиму в столицу. В самом деле, ну что делать в холод в этом гнилом болоте... Но у Людовика еще продолжался деятельный период, и он лично руководил осадой. Она обещала быть долгой и трудной: жители устраивали дерзкие вылазки, нанося урон королевским войскам, и получали помощь с моря.

А сооружение заграждений вокруг Ла-Рошели всё не продвигалось — мешали дожди и нехватка денег. Таргоне обещал всё закончить через пять месяцев, а если не получится, в порту надо будет затопить корабли. 24

декабря деревянную эстакаду, выстроенную итальянцем, вдребезги разбили канониры Ла-Рошели, а волны разметали обломки. Ришельё больше и слышать не хотел о проекте Таргоне. Однако ему предложил свои услуги другой инженер, на сей раз француз Клеман Метезо, представитель известной династии архитекторов, обещавший завершить все работы за три месяца, причем за свой счет и лично собрав четыре тысячи рабочих. Он и подрядчик из Парижа Жан Тирио считали, что дамбу надо строить не из дерева, а из камня: вбить длинные опорные столбы от мыса Корей до форта Луи, соединить их наискось бревнами такого же размера, промежутки завалить большими камнями, скрепленными илом, в середине оставить небольшое отверстие для прохода воды во время приливов и отливов, а перед ним затопить набитые камнями корабли. Длина дамбы должна будет составить примерно 1400 метров, ширина в нижней части — 16 метров, а в верхней — восемь, высота же должна быть такой, чтобы вода не покрывала ее даже во время самого сильного прилива.

Ришельё несколько раз перечитал главу об осаде Тира из «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа и дал прочесть королю. Тир находился на острове. Его жители насмеялись над солдатами Александра, таскавшими на себе тяжелые камни, осыпали их стрелами и ждали помощи от парфян; однако дамба была построена и город взят. Людовик дал согласие на строительство каменной дамбы, к которому привлекли солдат.

Тем не менее Таргоне продолжал свои усилия вплоть до середины февраля 1628 года. Все корабли, перехватываемые в море, плюс те, которые были построены в Бордо, Людовик велел затопить перед строящейся дамбой.

В конце декабря в Париже стало известно о кончине герцога Мантуанского, не оставившего наследников. Одним из претендентов на трон был герцог Карл де Невер, французский отпрыск дома Гонзага. У него оказалось немало соперников, в том числе герцог Савойский, герцогиня Лотарингская и принц Гуасталлы. Герцогство Мантуанское входило в сферу влияния Священной Римской империи, поэтому Мадрид и Вена намеревались оккупировать земли дома Гонзага и посадить на престол в Мантуе своего ставленника. В интересах Франции было вмешаться, но у Людовика XIII опять оказались связаны руки...

В январе в ЛаРошель прибыл союзник Амброзио Спинола, осмотрелся на местности и сделал вывод: «Abrir la mano y cerrar el puerto» — «Раскрыть кошелек и закрыть порт». Людовик XIII принял его 29-го числа; он только-только оправился после нового приступа болезни, показавшегося

настолько серьезным, что из Парижа вызвали Эроара. Верный врач, которому было уже почти 80 лет, всего-навсего подверг своего постоянного пациента очередному кровопусканию. Сделав последнюю отметку в своем дневнике, старик заболел сам и 8 февраля 1628 года скончался. «Он был мне еще очень нужен», — сокрушался Людовик. А тут еще и Клод де Рувруа был ранен в бедро во время вылазки в тыл врага... Король не находил в себе сил, чтобы остаться, но совесть не позволяла уехать. Как обычно, он обратился за советом к кардиналу. И, как обычно, Ришельё составил записку с доводами за и против: снимать осаду нельзя ни в коем случае, иначе возникнет лига гугенотов, Англии, Священной Римской империи, Лотарингии и Савойи; присутствие короля воодушевляет войска, однако его жизнь — высшая ценность. Во время личной встречи Ришельё развеял последние сомнения Людовика, не скрывая при этом, что и сам, оставаясь, рискует. Поверив в его искренность и бескорыстие, Людовик XIII согласился уехать, пообещав вернуться, и назначил Ришельё командующим королевской армией под Ла-Рошелю и в соседних провинциях с правом издавать ордонансы. В распоряжении кардинала остались два статс-секретаря.

Десятого февраля 1628 года король отбыл в Париж. Кардинал проводил его до Сюржера. Людовик был взволнован и не сдерживал слез, давая ему последние наставления. Губернатору Марана господину де Гюрону он сказал: «У меня так тяжело на душе, что и не высказать словами, как больно мне покидать господина кардинала, я боюсь, как бы с ним не случилось беды; передайте ему от меня, что если он хочет уверить меня в своей любви, пусть бережет себя и не отправляется постоянно в опасные места, как он это делает повседневно; пусть подумает о том, что станет с моими делами, если я его потеряю. Я знаю, сколько людей тщились помешать ему взвалить на себя столь великое бремя, но я настолько ценю его услуги, что никогда о них не позабуду».

В тот же вечер Людовик написал Ришельё письмо, заканчивавшееся словами: «Вы можете всегда быть уверены в моем благорасположении, и знайте, что я сдержу все свои обещания Вам до самой смерти! Как подумаю, что Вас больше нет рядом со мной, мне кажется, что я пропал».

Кардинал поспешил ответить на это послание: «Свидетельства Вашей доброты и любви ко мне, которые Вы соизволили вчера мне предоставить... пронзают мне сердце болью оттого, что я разлучен с лучшим повелителем на свете».

По поводу «машины» Таргоне он не питал никаких иллюзий: 15 февраля ее в очередной раз разбило в щепы, тогда как дамба Метезо и

Тирио потихоньку строилась, сокращая доступ в открытое море, и несколько легких судов с провизией уже не смогли проскользнуть к осажденным и были перехвачены королевскими войсками.

Двадцать восьмого февраля Людовик прибыл в Париж, где его уже с нетерпением дожидались иностранные послы. Венецианец Дзордзи, расписывая опасности, исходящие от Австрии, призывал французского короля как можно скорее заключить мир с Англией, но тот отвечал: «Я не уважаю и не боюсь англичан; раз они первыми напали на меня без причины, пусть первыми (если захотят) и просят о примирении».

Ришельё держал его в курсе всех событий, в том числе проинформировал, что 11 марта Луи де Марильяк с отрядом попытался проникнуть в осажденный город через сточные канавы, однако попытка не удалась.

ЛаРошель не собиралась сдаваться. В марте состав городской управы обновился, и ее возглавил моряк Жан Гитон — неукротимый и безгранично преданный делу Реформации. (5 сентября 1621 года Гитон был назначен адмиралом ла-рошельского флота; 6 ноября он напал на Бруаж, где стояли на рейде 25 королевских кораблей, и затопил их, блокировав вход в порт. Однако в октябре 1622-го ла-рошельский флот потерпел поражение в морском сражении при Сен-Мартен-де-Ре.) В ратуше Ла-Рошели сохранился стол с мраморной столешницей, в которой он сделал выбоину своим кинжалом, якобы сказав при этом, что пронзит им любого, кто заговорит о сдаче, и велел убить им его самого, если он хотя бы заикнется о капитуляции. Агенты отца Жозефа устроили несколько покушений на Гитона, но тот уцелел.

В начале апреля 1628 года Ришельё велел соорудить баррикаду из кораблей, соединенных толстыми канатами, чтобы наглухо закрыть вход в порт и помешать снабжению осажденных.

Осада Ла-Рошели. Стычка французского флота с англичанами. Гравюра Ж. Калло. Не позднее 1635 г.

Третьего апреля Людовик, как и собирался, выехал из Парижа в ЛаРошель; 17-го числа он был в Сюржере, а в Этре войска встречали его пушечным салютом из фортов и кораблей. Король, осмотрев работы и проведя целую ночь на дамбе, не скрывал удовлетворения. В письмах к матери он не скупился на похвалы кардиналу. На насыпи разместились 11 фортов и 18 редутов, а на пушках Ришельё приказал выгравировать надпись «Ultima ratio regis» — «Последний довод королей».

ЛаРошель еще не была обречена: вмешательство английского флота могло бы ее спасти. 15 мая на горизонте показались паруса эскадры из пятидесяти трех кораблей под командованием лорда Денбига. Развернувшись бортами к дамбе, они попытались разрушить ее из пушек, но французские батареи вели ответный огонь. Людовик лично руководил

пушкарями, обучая их точной стрельбе, а Ришельё тайком подослал к Денбигу своих агентов, предложив золото в обмен на невмешательство. Англичане не решились вступить в бой и даже доставить провиант осажденным, которым Денбиг посоветовал начать переговоры с королем, от чего ларошельцы отказались наотрез, решив послать гонца к Карлу I. Проболтавшись на рейде, на заре 20 мая английские корабли подняли паруса и ушли восвояси, «к великому облегчению короля и кардинала», как сообщает Дзордзи.

Лето выдалось жарким и засушливым. Население Ла-Рошели, с трудом пережившее суровую зиму, питалось всем, что могло быть съедобным, в том числе водорослями и ракушками. Мать и сестра герцога де Рогана, находившиеся в городе, страдали наряду с остальными осажденными и получали на обед вареные сыромятные ремни. Люди умирали от голода, как мухи, но Гитон был тверд: «Достаточно, чтобы остался один человек и держал ворота на замке».

Тщетно Людовик призывал ларошельцев сдаться — они ждали новую английскую эскадру, словно Второе пришествие. Мессией должен был стать Бекингем, который развил бурную деятельность, готовя эту экспедицию. Поражение во Франции сделало его непопулярным в народе, и только благодаря заступничеству короля герцог избежал судебного преследования за коррупцию и некомпетентность.

Построенная дамба выдержала большой прилив 22 июля, однако не устояла перед приливом в новолуние; буря погубила 16 кораблей из двадцати пяти и повредила еще дюжину. Пришлось затыкать бреши и восстанавливать плавучее заграждение.

Нужно было торопиться: английская эскадра уже готовилась к отплытию из Портсмута. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство: 23 августа 1628 года герцог Бекингем был убит в Портсмуте, в таверне «Пятнистая собака», лейтенантом Джоном Фелтоном. Раненный во время боя на острове Ре, 33-летний Фелтон был дважды обойден повышением, и еще ему задержали 80 фунтов жалованья; однако, ударив ненавистного временщика в грудь дешевым ножом, он мстил не только за себя, но и за весь английский народ. Он письменно изложил причину своего поступка и зашил эту бумагу в свою шляпу. Спокойно выйдя на задний двор, он сообщил людям Бекингема, что убийца — он. Его немедленно арестовали и отправили в Лондон на допрос. Тайный совет хотел подвергнуть его пытке на дыбе, однако судьи воспротивились, поскольку это противоречило английским законам. После долгого судебного процесса Фелтона повесили в Тайберне 29 ноября и отправили

его тело в Портсмут, где выставили на всеобщее обозрение. Однако то, что задумывалось как публичное поношение, обернулось посмертным триумфом: к тому времени подвиг Фелтона уже восславили в стихах. Понятно, что смерть Бекингема обрадовала не только англичан, но и — в гораздо большей степени — Людовика XIII и Ришельё; они даже не сразу поверили такому счастью.

Триумфальная арка в честь побед Людовика. Гравюра первой половины XVII в.

Третьего сентября дамба снова была разбита, но вскоре воссоздана с помощью каменщиков, присланных из Лимузена. Наконец 24 сентября она

была почти закончена, однако, по общему мнению, первый же шторм мог ее разметать. А английский флот уже показался в виду Ла-Рошели: 2 октября все колокола в городе радостно трезвонили, приветствуя приближение 114 кораблей.

В этот день король и кардинал с самого утра были на берегу, на оружейной батарее. 3 октября началась артиллерийская дуэль. Людовик с Ришельё и графом де Суассоном находились в наименее опасном месте, однако два английских ядра просвистели у них над головой. На противоположном краю дамбы, в Корейе, где были герцог Ангулемский, Шомберг и другие военачальники, ларошельцы выбили огнем из кулеврины пятерых дворян и одного инженера. На следующий день стрельба возобновилась, но никаких решительных действий не последовало. Адмирал Линдсей, командовавший английской флотилией, был трезвомыслящий человек. Под его началом находилось всего пять тысяч солдат, а французская армия насчитывала 20 тысяч. Линдсей понял, что блокаду он прорвать не сможет, и попросил находившегося рядом с ним лорда Монтегю, дипломата и секретного агента, уже побывавшего в прошлом году в Бастилии, вступить в переговоры с французами. Бенжамен де Субиз и депутаты от Ла-Рошели, возвращавшиеся от Карла I, одобрили это решение.

Бездействие англичан лишило ларошельцев последней надежды. Они отправили депутатов к королю. Посланцев осажденных принял кардинал и показал им издали делегацию английского флота, дав понять, что рассчитывать на спасение не приходится. Ришельё пообещал им прощение и подтверждение Нантского эдикта, но ничего больше. Через два дня депутаты вернулись и на сей раз были приняты королем. Они заявили о своей покорности и умоляли о пощаде. Монтегю к тому времени уже уехал в Англию, так что все внутренние дела французский король уладил сам, без вмешательства английского «кузена».

Двадцать девятого октября Ришельё торжественно въехал в ЛаРошель верхом, в сутане поверх доспехов. Распорядившись убрать с улиц мертвецов, он проследовал в ратушу. Королевское прощение было даровано всем, кроме Жана Гитона. Тот, хотя и сказал, что «лучше иметь господином короля, который сумел взять ЛаРошель, чем короля, который не сумел ее защитить», всё же отправился в изгнание в Лондон.

Первого ноября, в День Всех Святых, в ЛаРошель вступил сам король; Ришельё ехал чуть позади. Солдаты, выстроившись вдоль улиц, бросали вверх шляпы с криками: «Да здравствует король! Да здравствует великий кардинал!» Ришельё отслужил мессу в соборе Святой Маргариты: король

распорядился восстановить католический культ в оплоте гугенотов. Отцу Жозефу он предложил стать епископом Ла-Рошели, но тот отказался, сказав, что предпочитает служить государю в рясе капуцина.

Как раз в это время на океане разыгрался невероятный шторм; 4 ноября дамба была сильно повреждена из-за вышедших из строя волнорезов. Если бы город продержался еще несколько недель, он был бы спасен, но там оставались только ходячие скелеты.

После сдачи Ла-Рошели король велел скрыть крепостные укрепления; Ришельё этому воспротивился и приказал приостановить работы. 5 ноября на заседании Королевского совета в расширенном составе, с участием всех вельмож, решение короля было утверждено. По окончании заседания Ришельё был бледен как смерть. Он вышел, не сказав и слова ни королю, ни министрам, и отправился к себе в Бруаж; папский нунций два часа напрасно прождал там аудиенции.

«Если король является французским монархом, то кардинал — хозяином Франции, — писал Дзордзи в депеше от 27 октября. — Кардинал действует по своему усмотрению, ни с кем не советуясь, и всё ему удастся, а король говорит и думает, только если кардинал сообщает ему, что и как, так что всё зависит от его руки». Возможно, именно эти строки легли в основу мифа о том, что Людовик XIII был слепым орудием, игрушкой в руках всесильного Ришельё. Однако на деле всё было иначе, в чем позволяет убедиться вышеописанный эпизод. Людовик объективно оценивал свои возможности и признавал превосходство кардинала как государственного деятеля, но не позволил бы командовать собой. Фактически Ришельё играл первую скрипку, но он не был Бекингом, который ставил собственные интересы выше государственных, и помнил свое место, никогда не позволяя себе даже намека на то, что практически все важные решения принимаются им. Для их утверждения неизменно созывали Совет, и, выражая покорность королю, кардинал подавал пример всем прочим, утверждая принципы абсолютизма, спасительного на фоне феодальной вольницы, служившей источником многих бед.

Завершив осаду, Людовик распустил армию и вернулся в Париж. Там к нему сразу подступили многочисленные ходатаи за герцогиню де Шеврез, умоляя вернуть ее ко двору. Об этом, в частности, писал Карл Лотарингский, очарованный «Шевреттой»^[36]. К удивлению короля, его просьбу поддержал... Ришельё: герцога лучше было иметь среди союзников, поскольку назревал новый конфликт с Испанией; Карл Эммануил Савойский оккупировал Казале-Монферрато в Пьемонте.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

*Обличия судьбы изменчивы всегда,
И в самом счастье меня страшит беда.*

Политические проблемы напоминали гидру: срубишь одну голову — на ее месте вырастают две новые. Едва разделившись с Ла-Рошелью, Людовику XIII пришлось вплотную заняться вопросом о мантуанском наследстве, который, как обычно, осложнился семейными неурядицами.

Королевский совет по вопросу об уместности военного вторжения в Италию был созван 29 декабря 1628 года; в заседании участвовали королева-мать, Ришельё, Мишель де Марильяк, Шомберг, статс-секретари и кардинал Пьер де Берюль, протеже Марии Медичи, оказывавший на нее большое влияние. Ришельё, по обыкновению, изложил суть дела, не скрывая своей позиции: Франция должна вмешаться. Шомберг его поддержал, но Марильяк и Берюль возразили, что гораздо важнее сейчас привести к покорности гугенотов Лангедока, мятеж которых еще не был усмирен. Королевская армия измотана, переходить зимой через Альпы — чистое безумие, денег нет, к тому же интервенция в Италию чревата войной. Королевскому дуумвирату требовалось сделать выбор. Мария Медичи решительно встала на сторону Марильяка и Берюля. Она уже позабыла о том, что она итальянка; дела на Апеннинах ее мало интересовали. Но в данном вопросе она действовала исключительно на основе личных симпатий и антипатий: Карл Гонзага, герцог де Невер, в бытность ее регентшей выступил против нее, а королева была злопамятна. А тут еще Гастон влюбился в его дочь Марию. Об этом браке не могло быть и речи! Королева-мать прочила в жены любимому сыну одну из своих тосканских родственниц.

Ришельё знал, как повести дело: на кону репутация короля, сказал он. Италия — сердце Европы. Через нее сообщаются две ветви Габсбургов; им надо помешать. «Я не пророк, но могу уверить ваше величество, что, исполнив этот план без промедления, вы снимете осаду Казале и вернете мир Италии уже к маю, — сказал он. — Вернувшись с армией в Лангедок, вы приведете его к покорности и восстановите там мир к июлю. Таким образом, я надеюсь, что Ваше Величество возвратится в Париж с победой в августе».

Король согласился с мнением кардинала и высказался за вторжение. Он даже решил сам выступить в поход. Ришельё из осторожности умолял его взять три дня на размышление, но по прошествии этого срока решимость Людовика только возросла. Вперед!

Услышав, что затевается военная операция в помощь отцу его возлюбленной, Гастон рассчитывал, что командование будет доверено ему, и Людовик сначала согласился (с подачи Ришельё), но потом передумал, вспомнив о несерьезном поведении Месье во время осады Ла-Рошели. Герцог Орлеанский официально попросил разрешения на брак, но получил отказ. И дело было не только в упрямстве королевы-матери: Людовику не хотелось, чтобы младший брат раньше его обзавелся наследником. Марии Гонзага еще не исполнилось восемнадцати лет, но гордая девушка была исполнена честолюбивых устремлений — вся в отца, который мечтал завоевать Константинополь (хотя и не мог удержать герцогство Мантуанское без помощи Франции). Ей было напророчено, что она станет королевой, а с учетом слабого здоровья бездетного Людовика XIII мысль, что на французский трон рано или поздно взойдет Гастон I, тогда никому не казалось дикой... В присутствии Марильяка, Берюля и советников Гастона — председателя парламента Ле Куанё, герцога де Бельгарда и Пюилорана — 21-летнего вдовца настоятельно просили покориться королевской воле и отказаться от Марии Гонзага. Кстати, сам Карл де Невер, чтобы не возникло осложнений, велел дочери срочно выехать к нему в Италию и прислал за ней придворного.

Управление страной на время своего отсутствия Людовик опять передал матери, сделав политический реверанс: если Ришельё одержал победу во внешней политике, Марильяк мог торжествовать во внутренней. Прежде чем выступить в поход, Людовик XIII явился в парламент, чтобы зарегистрировать «Ордонанс о жалобах и сетованиях депутатов Штатов его королевства, собравшихся в городе Париже в 1614 году». Этот документ, опубликованный 15 января 1629 года, был составлен Мишелем де Марильяком, из-за чего впоследствии получил название «Кодекс Мишо» (просторечное сокращение имени «Мишель»). Он состоял из 461 статьи и обобщал материалы Генеральных штатов 1614 года и ассамблей нотаблей 1617 и 1626 годов. Самым главным новшеством было разрешение дворянам заниматься торговлей и морскими перевозками без ущерба для своего статуса, что Ришельё мог только приветствовать. Более того, разночинцы, достигшие успехов в этих областях, например, построившие торговое судно водоизмещением более 200 тонн и использовавшие его не менее пяти лет, или оптовики, исполняющие функции эшевена или консула, могли

претендовать на дворянство. Это было попранием основ, как и статья (парламенты на юге отказывались ее утверждать), по которой все земли в стране переходили под безраздельное управление короля, даже если были неделимой и неотчуждаемой феодальной собственностью. Процедура регистрации королевских ордонансов парламентами тоже была упорядочена: последние могли высказывать свои замечания только в течение полугода после представления документа.

«Кодекс Мишо» охватывал и многие другие области, например, устанавливал, что вступать в брак можно было только с разрешения родителей. Экспорт французских товаров под иностранным флагом был запрещен, и право на каботажное плавание между французскими портами закреплено за французскими судами.

Ришельё тайно подбивал парламент на отказ от ратификации этого ордонанса, разработанного его соперником в правительстве; вот почему потребовалось личное присутствие короля, который фактически силой заставил зарегистрировать ордонанс.

Отдельный документ, содержащий полторы сотни статей, запрещал азартные игры — неразумную и преступную трату денег, особенно в то время, когда государству требовались средства для ведения войны. «Мы запрещаем всем нашим подданным принимать в своих домах собрания игроков, которые называют академиями, а также сдавать или предоставлять свои дома для этой цели. Сим объявляем всех, кто ослушается и станет предаваться сему пагубному занятию, недостойными людьми, неспособными исполнять королевскую службу; предписываем всем нашим судьям навсегда изгонять их из городов, где они будут уличены в нарушении настоящего уложения. <...> Объявляем все долги, сделанные в игре, недействительными, а все обязательства и обещания, сделанные ради игры... пустыми и недействительными, не влекущими никаких обязательств, гражданских или природных. Позволяем отцам, матерям, бабкам и дедам и опекунам возвращать себе все суммы, проигранные их детьми или несовершеннолетними, отымая их у выигравших». Ставки, изъятые в игорных домах, поступали в пользу бедных: королю нужна была народная любовь.

(Осуждая азартные игры, Людовик XIII сделался страстным шахматистом, разделяя это увлечение с великим кардиналом. Для него даже изготовили специальную доску с матерчатой поверхностью, с клетками-подушечками, в которые втыкались фигуры на булавах — так можно было играть в карете во время пути.)

В тот же день Людовик вместе с Ришельё и Шомбергом выступил в

Италию и 14 февраля был в Гренобле. Кардинал позаботился обо всём: войска исправно снабжались провиантом и боеприпасами, солдаты вовремя получали жалованье. Однако переходы были изматывающими, особенно в зимний холод и по бездорожью. В начале марта передовые отряды французской армии были в Кьомонте, у входа в долину Валь-ди-Суза в Пьемонте — владении Карла Эммануила Савойского. Людовик XIII известил свекра своей сестры Кристины, что намеревается освободить Казале и возместит герцогу весь ущерб, связанный с проходом войск по территории Савойи. Прочтя расплывчатые ответы, он решил «перейти Рубикон». Кардинал вновь облачился в доспехи и возглавил французский авангард; король шел вместе с основными силами. Спohватившись, Карл Эммануил потребовал в качестве платы за свободный проход по своей территории сохранить за ним захваченные им крепости в Монферрато, но получил решительный отказ.

Пятого марта 1629 года, находясь в пьемонтском Ульксе, Людовик получил известие от кардинала, который сообщал, что маршалы Креки и Бассомпьер готовы пройти через ущелье Сузы, перегороженное савойцами. Письмо доставили в десять часов вечера, но Людовик немедленно отправился в путь — где верхом, а где пешком, по пояс в снегу, — и к трем часам утра был в Кьомонте, к вящему удивлению Ришельё и маршалов, разрабатывавших план атаки. В ущелье войдут сначала семь рот французской гвардии и шесть швейцарской, несколько рот разных армейских полков; каждый корпус выставит по 50 застрельщиков. Король ознакомился с планом и внес лишь одно изменение: вместе с застрельщиками будут атаковать его мушкетеры.

Людовик сам говорил, что в королевских мушкетерах ему больше всего нравилась веселость, с которой они идут в атаку. Французы устремились вперед, не обращая внимания на пушечные ядра, летевшие из форта Таласс. Добравшись до первой линии обороны, мушкетеры обрушились на пьемонтцев, опрокинули их, смели две баррикады и на плечах врага, не останавливаясь, поднялись до самой вершины горы, к крепости Суза, откуда по ним вели бешеный артиллерийский огонь.

Победа была полная. Герцога Савойского, находившегося на передовой, чуть не захватил в плен подпоручик королевских мушкетеров де Тревиль (тот самый гордый гвардеец, в свое время отказавшийся перейти в полк короля Наварры); но на пути у гасконца встал савойский офицер. Де Тревилю пришлось с ним сразиться. Офицер был ранен, а герцогу с сыном, принцем Пьемонта, удалось скрыться.

Виктор Амедей Пьемонтский явился к Людовику парламентаром.

Мирный договор был подписан 11 марта: герцог Савойский отдал Сузу, но сохранил за собой Трино, город Монферрато и получил 15 тысяч экю пенсии.

Чтобы обеспечить успех мирным переговорам в Сузе, французская армия двинулась дальше и прогнала испанцев, осаждавших Казале. На случай их возвращения в крепости оставили Туара. Тем временем к Людовику приехала Кристина, с которой он не виделся уже десять лет. Она пообещала быть посредницей между братом и свекром: герцог Савойский к ней благоволил, хотя ее первенец Луи Амедей недавно скончался, прожив всего шесть лет. Впрочем, Кристина снова была беременна (27 июля 1629 года у нее родится дочь Луиза Кристина).

Наконец и сам Карл Эммануил нанес Людовику визит. Тот с тонкой иронией заявил ему, что переход через Альпы не показался ему таким сложным, как ему расписывали; герцог, превосходно умевший владеть собой, никак не выказал своей досады. Однако очень скоро французский король сменил тон, узнав, что агенты кардинала перехватили бумаги гугенота Мишеля де Клозеля, которого герцог де Роган отправил для переговоров к испанцам. Герцог не расстался с мечтой о создании независимого протестантского государства на юге Франции, и капитуляция Ла-Рошели не убавила его решимости: раз Лондон не помог, он обратился к Мадриду. Посредничество герцога Савойского было доказано неоспоримо, и Людовик во время довольно резкого разговора с принцем Пьемонтским потребовал арестовать и выдать ему Клозеля, находившегося тогда в Турине. Виктор Амедей краснел, бледнел и бормотал в свое оправдание, что цель визита Клозеля в Турин — встреча с английским послом. С этим пора было кончать: 28 апреля французский король перешел обратно через Альпы, чтобы затушить последние очаги протестантского мятежа в Лангедоке. Вести переговоры с Савойей, Испанией и Священной Римской империей поручили Ришельё. На время пребывания в Италии кардинал получил и полномочия главнокомандующего.

Мария Медичи в очередной раз наломала дров, чуть не испортив старшему сыну всю обедню. Мария Гонзага жила у своей тетушки герцогини де Лонгвиль в Куломье, в 60 километрах к востоку от Парижа. Герцог Орлеанский решил ее выкрасть, тайно обвенчаться и уехать в Нидерланды. Проведав об этих планах, мать упредила его: в Куломье отправили шевалье де Кюссака с приказом доставить обеих дам в Париж. Сначала королева-регентша хотела поселить Марию в Лувре, в апартаментах племянницы Ришельё госпожи де Комбале, чтобы иметь ее в поле зрения, но потом передумала: в Лувре Гастону будет легче с ней

видеться. Родственниц де Невера отвезли в Венсенский замок и разместили в апартаментах короля, где они пробыли до 4 мая.

В этот день в Париж доставили письмо Людовика XIII, адресованное королеве-матери: поблагодарив ее за бдительность, король, однако, потребовал отпустить обеих дам на все четыре стороны. Этот приказ был истолкован при дворе как негласное разрешение на брак; к особняку Гонзага в Париже одна за другой подъезжали кареты с гербами, вельможи наперегонки спешили засвидетельствовать будущей герцогине Орлеанской свое почтение. Свадьба казалась делом решенным, поскольку и кардинал как будто не имел ничего против...

В середине мая, передав Сузу вместе с гарнизоном маршалу де Креки, Ришельё вернулся во Францию во главе шести полков, чтобы присоединиться к Людовику XIII. Перед отъездом он принял венецианских посланников Дзордзи и Соранцо, которые по-прежнему настаивали, чтобы французские войска остались в Италии во избежание новых провокаций со стороны испанцев и императора. Но Ришельё ответил непререкаемым тоном: сначала гугеноты. «Покончив с этим делом, мы будем готовы рассмотреть все возможности, и я уверен, что за четыре-пять месяцев найдем выход». Кардинал узнал, что 3 мая 1629 года был заключен договор, по которому Роган должен был получать от Испании пенсия в 40 тысяч золотых дукатов для борьбы с центральной властью.

Города протестантов образовывали полукруг от Прива до Монтобана, проходивший по краю Севенн и по югу Центрального массива. Ришельё разработал стратегию: изолировать города на востоке (Прива и Ним), затем взяться за запад (Кастр и Монтобан), пресекая всякое сообщение между ними. Пока кардинал был занят в Италии, Людовик XIII осадил Прива, стянув туда десять тысяч пехоты и около шести сотен конницы. 19 мая Ришельё привел еще девять тысяч солдат. Деморализованные защитники города разбежались. 26 мая Прива сдался и был подвергнут разграблению: солдатня крушила всё на своем пути, жгла и убивала. Городские укрепления стерли с лица земли; теперь никто не мог здесь поселиться без разрешения короля. Маршала д'Эстре отправили в Ним, принца Конде — в Монтобан, а господина де Вантадура — в Кастр.

Осада Алеса продлилась девять дней; утром 17 июня он сдался — 2300 жителей ничего не могли противопоставить королевской армии. Людовик XIII торжественно вступил в город в сопровождении Ришельё, облаченного в доспехи. Гугенотам разрешили уйти в Андусу, взяв с них клятву больше не браться за оружие против своего короля. 27-го числа был составлен мирный договор, известный под названием Эдикт о прощении,

который Людовик подписал на следующий день в своей ставке. В очередной раз был подтвержден Нантский эдикт о веротерпимости и объективном правосудии, однако протестантов лишили привилегий: им было запрещено проводить политические собрания и обладать крепостями. Только постоянное население Ла-Рошели, Прива, островов Ре и Олерона могло там оставаться, прочим требовалось получать вид на жительство от короля.

К тому времени Англия и Франция заключили мир, поэтому гугеноты знали, что помощи ждать неоткуда. Даже герцог де Роган пошел на переговоры. Он прислал к Людовику XIII своего представителя, предложив уничтожить все укрепления в гугенотских городах. С одобрения Ришельё король позволил провести ассамблею протестантов, которая дала согласие на разрушение укреплений и восстановление католического культа.

В качестве гарантии исполнения протестантами договора каждый город выставил заложников. Разумеется, Рогана опять амнистировали, вернули ему всё имущество и дали еще 100 тысяч экю сверху, однако запретили жить во Франции: пусть служит королю в Германии или в Италии. Гордые Роганы всегда ставили себя чуть ниже королей, но выше принцев и никогда не уподоблялись всем прочим вассалам французской короны. А тут Людовик вдруг посватал единственную дочь герцога за своего фаворита Клода де Рувруа, королевского обер-камергера! Дочь де Рогана замужем за «клопеньшем»? Этому не бывать! Герцог уехал в Венецию, где его тотчас сделали генералиссимусом.

Больше никто компенсаций не получил: поскольку было решено «забыть прошлое», ни гугеноты, ни католики не могли претендовать на возмещение ущерба. 14 июля Людовик XIII издал аналогичный эдикт в Ниме, но в несколько иной редакции: в протестантских городах восстанавливался католический культ. На следующий день король уехал, предоставив Ришельё претворять его указы в жизнь.

После злоключений Марии Гонзага Гастон удалился в Орлеан и оттуда переписывался с матерью и братом. От былой близости не осталось и следа; тон королевских посланий был суров. В ответ на последнее письмо Людовик велел Марильяку передать посланцу Месье следующие слова: «Я сожалею о вас, о том, как мало уважения вы выказываете королеве, нашей матери. Я сожалею о том, как невысоко вы ставите обещания, которые столь часто и торжественно мне давали. Я сожалею о том, что вы предпочитаете находиться вдали от меня. Я сожалею о вашей беспорядочной и развратной жизни».

Тем временем кардинал впервые почувствовал себя популярным: к

нему стекались делегации от городов и поселков, парламентов и прочих провинциальных учреждений. Дворянство и духовенство заискивали перед ним. Всем делегатам Ришельё отвечал, что благодарить надо короля и Бога, поскольку он всего лишь исполняет волю его величества. Он лично осмотрел два десятка из тридцати восьми крепостей, подлежащих сносу. 20 августа он торжественно вступил в Монтобан. Впереди ехал Бассомпьер во главе трех полков; кардинала сопровождали 1200 всадников. Городские магистраты, которых на юге Франции называли консулами, поднесли ему ключи от городских ворот. Одновременно кардинала приветствовали архиепископы Бордо и Тулузы, семь епископов и около шестидесяти церковнослужителей.

Ришельё сумел не поддаться звездной болезни. Ему предложили во время торжественной церемонии занять место под балдахин, но эту почать оказывали лишь королю, поэтому кардинал отказался. Когда он ехал верхом, то не позволил консулам идти рядом с его конем, как было принято опять же только по отношению к королю. Людовик XIII об этом узнал и по достоинству оценил поведение своего министра.

Толпа приветствовала кардинала радостными криками, напирая на сдерживавшие ее шеренги солдат. Перед церковью Святого Иакова, от которой уцелела лишь часовня, он спешил. Церковь предстояло восстановить и служить там католическую мессу. Со всех улиц несло: «Да здравствуют король и великий кардинал!» «Отныне можно воистину утверждать, что источники ереси и мятежа пересохли. Всё склоняется перед Вашим именем», — написал Ришельё на следующий день Людовику XIII.

Парламент Тулузы зарегистрировал Эдикт о прощении и пригласил Ришельё посетить город, однако тот ответил, что его вызывает король. Из Монтобана он отправился в Париж через Овернь, везде встречая торжественный прием: французы с радостью принимали человека, предотвратившего иноземное вторжение и положившего конец Религиозным войнам. Но трезвомыслящий кардинал был начеку. «Мне стоит опасаться различных заговоров, имеющих целью мою гибель: заговоров вельмож, женщин и иностранцев», — писал он в то время.

Еще в Монтобана Ришельё получил письмо от своего бывшего покровителя кардинала де Берюля, сообщавшего о перемене настроения у Марии Медичи — и не в его пользу. Ришельё прекрасно понимал, что в этой перемене повинен сам Берюль, не одобрявший его антииспанскую политику. Узнав, что его считают сторонником свадьбы Месье, он поспешно написал королеве-матери, что в этом вопросе всегда разделял

мнение короля, а также ее собственное. Но Мария, небрежно проглядев письмо, бросила доставившему его кардиналу де Лавалетту: «Я прекрасно знаю, что говорят при дворе, а уверения кардинала — просто его уловки».

Марии Медичи было 56 лет. С годами она не стала мудрее и даже не пыталась скрывать недостатки своего характера — мстительность и упрямство. Мать короля Франции, королевы Испании, королевы Англии и будущей герцогини Савойской требовала уважения к себе и не могла смириться с ростом влияния Ришельё, которого считала своим неблагодарным слугой. К ее мнению больше не прислушиваются, она является на Совет лишь для того, чтобы утвердить решения кардинала, который именно ей обязан своей сутаной! Королева не помнила добра, зато не забывала обид. Вокруг нее сплотились графиня де Суассон, принцесса де Конти, незаконнорожденная единокровная сестра Людовика XIII герцогиня д'Эльбёф, герцогиня де Гиз — все они тоже ненавидели Ришельё.

Между тем герцогиня де Шеврез, которой разрешили поселиться в Дампьере под Парижем, ухватилась за новый предлог, чтобы внести разнообразие в свою жизнь: узнав о любовных страданиях герцога Орлеанского, она предложила ему сочетаться браком со своей избранницей во Франш-Конте, владениях испанского короля, и вызвалась сопровождать его туда. Гонимые из Англии, Испании и Лотарингии вновь спешили тайными тропами в скромное жилище герцогини (ее муж находился при дворе и ничего не знал), а сама она по вечерам, переодевшись в мужское платье, садилась в седло и скакала через лес в Париж, чтобы увидеться с Анной Австрийской в предместье Сен-Жак, в монастыре Валь-де-Грас, которому королева помогала материально.

Этим встречам положил конец приезд Людовика из Лангедока: король находился в превосходном настроении и, по сообщениям итальянских дипломатов, вел себя с женой, как подобает доброму мужу. Анна не могла поверить своему счастью и, конечно, прилагала все усилия, чтобы угодить супругу. Вопрос о наследнике по-прежнему стоял на повестке дня, сохраняя политическое значение; правда, первенец Генриетты Марии, родившийся 13 марта 1629 года и нареченный Карлом Яковом, скончался 13 августа, но Елизавета писала брату, что опять беременна. Лишившись четырех дочерей, умерших во младенчестве, она жарко молилась, чтобы Господь даровал ей сына^[37].

В конце августа двор перебрался в Фонтенбло, а 13 сентября выехал в Немур встречать кардинала. Приветствуемый толпой, он въехал в королевскую резиденцию в сопровождении придворных и, поскольку

король был на охоте, сначала нанес визит обеим королевам. Прием, оказанный ему Марией Медичи, произвел эффект холодного душа: королева-мать не ответила на приветствие кардинала, лишь смирив его презрительным взглядом, потом вдруг резким тоном справилась о его здоровье. «Я чувствую себя лучше, чем многим здесь этого хотелось бы!» — ответил Ришельё.

Прибегнув к испытанному средству, он на следующий день сообщил Людовику XIII об этой стычке и попросил позволения уйти в отставку. Более того, он поставил в известность Марию Медичи о своем решении отказаться от всех должностей, предоставленных в ее свите ему самому и его родным, полагая, что его уход поспособствует возвращению Месье (в начале сентября, послушав ле Куанё и Пюилорана, «его податливое высочество» уехал в Лотарингию). При этом он уверял, что не забудет всех благодеяний королевы и останется «ее слугой до последнего вздоха». Он даже просил ее замолвить словечко перед королем, чтобы тот позволил ему удалиться от дел. Королева не ожидала такого демарша от сюринтенданта своего двора, но, в отличие от Людовика, лишь еще больше рассердилась на него.

Людовик страдал. Ему опять приходилось делать выбор — между матерью и своим главным министром. Немного успокоившись, вечером того же дня он созвал Королевский совет в Овальном зале. Для начала он спросил в лоб Марию Медичи, чем вызвано ее недовольство кардиналом, ведь «всеми нашими успехами внутри королевства и за его пределами мы обязаны его советам и смелым взглядам». Судите сами: после победы при Сузе кардинал де Берюль уверял, что на этом нужно остановиться, вернуться в Париж и как можно скорее заключить мир с Испанией, и лишь благодаря настойчивости Ришельё Франция не вымолила этот мир, а навязала его с позиции силы. Мария растерялась, а Людовик обратился к Марильяку и Берюлю, пожурив за то, что они настраивают королеву-мать против Ришельё, хотя тот всегда верно служил ей. Под конец он призвал всех примириться. Марильяк и Берюль пообещали последовать мудрому королевскому совету, но Мария Медичи отчеканила: «Можете поступать, как вам угодно, но только я больше не намерена прибегать к услугам кардинала и доверять ему».

...Первый министр испанского короля Оливарес отказался ратифицировать мартовский мирный договор; испанцы вновь осадили Казале. Ришельё велел Туара запастись провизией и боеприпасами и держаться до подхода подкрепления. Кошмар острова Ре грозил повториться: Габсбурги отправили в Мантую 40 тысяч солдат, а герцог

Савойский всегда был готов услужить и нашим и вашим. На одном из заседаний Королевского совета в Фонтенбло Ришельё заявил, что для спасения герцога де Невера необходима армия в 50 тысяч солдат. Разумеется, Марильяк и Берюль стали категорически возражать, ратуя за мирное соглашение с Веной и Мадридом. Под старость лет (по тогдашним меркам; ему еще не исполнилось пятидесяти пяти) Берюль, покровитель ордена ораторианцев, ударился в мистицизм; Провидение с завидным постоянством посылало ему знамения, чаще в форме снов и видений, о необходимости заключить мир с Испанией. Однако 2 октября он скоропостижно скончался прямо во время мессы, которую служил. «Его утрата послужит на пользу итальянским делам и, в частности, интересам Республики», — без всяких дипломатических фиоритур писал венецианский посланник Контарини в очередной депеше.

Придерживаясь избранной линии поведения, Людовик согласился с кардиналом и решил отправить в Италию маршала Лафорса с двадцатью тысячами солдат, чтобы сделать внушение неверному союзнику — герцогу Савойскому.

Итальянские послы осаждали Людовика, прося его лично возглавить армию и выступить в Пьемонт. Но это было невозможно, поскольку Гастон всё еще находился за границей. Мария Медичи тоже резко восстала против похода: на юго-востоке Франции свирепствует тиф, король не имеет права подвергать себя такой опасности, не говоря уже о превратностях войны.

По счастью, у него был Ришельё. Кардинал намекнул итальянцам, что единственный способ ускорить дело — доверить экспедицию ему. Дождавшись аудиенции у короля, Соранцо и Контарини по отдельности выступили с этим предложением, чтобы король не заподозрил их в сговоре со своим министром, и вручили письменное представление на ту же тему статс-секретарю Бутилье для рассмотрения на Совете. И всё же Людовик медлил, поскольку сам хотел встать во главе армии. Тем временем генерал германского императора Колальто вторгся в Мантуанское герцогство и осадил его столицу, а испанцы захватили Монферрато; маршал де Креки тщетно испрашивал у герцога Савойского разрешение на проход своих войск.

В конце ноября Людовик XIII собрал Совет, изложил ситуацию и дал понять, что намерен отправиться в новый поход. Кардинал заговорил о приближении зимы, о «чуме» на юго-востоке, а главное — об отсутствии Месье: подвергать опасности жизнь бездетного короля — неоправданный риск. Лучше уж поедет он. Король не отказался от своих планов, но приказал Ришельё ехать вперед, а он через две недели будет следом, вот

только примирится с братом. Он назначил Ришельё своим представителем и главнокомандующим, которому должны были подчиняться даже маршалы.

«Раз испанцы хотят войны, они получают ее по самые ноздри», — решительно заявил Людовик после заседания Совета. Войска спешно готовились к выступлению; король, склонившись над картой, вычерчивал наиболее удобные маршруты следования воинских частей и обозов (не будучи стратегом, Людовик прекрасно разбирался в тактике и в делах снабжения армии). Послу Савойи, сообщившему о перемирии в Мантуе и просившему отложить поход, было заявлено, что об этом не может быть и речи.

Двадцать девятого декабря во дворце кардинала давали балет в честь его величества и обеих королей. Вечером того же дня Ришельё, кардинал де Лавалетт, герцог де Монморанси и маршалы Бассомпьер и Шомберг выехали из Парижа в Лион.

— Я уверен, что ваше преосвященство отправляется через горы, чтобы установить прочный мир, — лицемерно заявил секретарь испанского посольства Навацца, явившийся «пожелать доброго пути».

— У вас неверные сведения, — ответил ему Ришельё. — Наш добрый король наделил меня полнотой власти во всём, кроме одного: вершить мир; так и передайте от меня Оливаресу.

В начале января Гастон вернулся из Нанси в Париж, заключив с братом «договор о ненападении». Мария Гонзага всё еще проживала во французской столице, в особняке Сен-Поль; но если она когда-то и мечтала о союзе с Месье, политические соображения возобладали: она не могла решиться на брак, не одобряемый Людовиком XIII, чтобы не навредить отцу. Их роман разворачивался совершенно в духе будущих трагедий Пьера Корнеля: чувство долга оказалось сильнее любви. Гастон приходил к ней дважды, 26 и 28 января, и у Марии достало сил сказать ему «прощай». Принц уехал обратно...

Первого февраля Ришельё был в Гренобле, откуда отправился в Сузу. Герцог Савойский не исполнял мирный договор. Кардинал отправил королю подробную записку, из которой следовало, что с Савойей надо действовать жестко, и получил одобрение монарха. 15 марта герцогу был предъявлен ультиматум, а в ночь на 19-е число королевская армия форсировала реку Дуар. Карл Эммануил отступил к Турину. Узнав, что из крепости Пиньероль вышел тысячный гарнизон, Ришельё немедленно отправил туда маршалов Креки и Лафорса, а затем для надежности поехал и сам. В воскресенье 29 марта Пиньероль стал французским. Это была

огромная победа. Но герцог Савойский явил свое истинное лицо, стакнувшись с испанцами.

Людовик XIII, с середины февраля карауливший брата в Труа, не находил себе места, рвался в Италию, к своей армии. Однако именно сейчас в его жизни произошли важные события. В марте в Труа приехал двор. Анна Австрийская сияла от счастья: врачи подтвердили, что она беременна; муж всячески ласкал ее и спал с ней в одной постели. А тут и Гастон 17 апреля, наконец, явился из Лотарингии. Людовик сразу засобиравшись в Италию, однако совершенно неожиданно влюбился в Мари де Отфор, юную фрейлину матери. Ее бабушка, госпожа де Лафлотт-Отрив, в свое время была гувернанткой принцесс, она и представила двенадцатилетнюю внучку ко двору. Весной 1630 года ей уже исполнилось четырнадцать, это был белокурый ангелочек с незабудковыми глазами и жемчужными зубками, с молочно-белой кожей и румянцем во всю щеку. К удивлению двора, Людовик, казавшийся равнодушным к женщинам, страшно смущаясь, попросил позволения у матери «служить этой даме и говорить с ней», добавив, что у него нет «никакого дурного умысла». Мария Медичи стала пунцовой. «Разумеется, вы можете говорить с дамами и служить им, как любой другой дворянин».

Король воспользовался этим разрешением и часто навещал Мари, подолгу с ней беседовал, одевался в ее цвета и даже старался принарядиться, чтобы выглядеть рядом с ней более элегантным (напомним: ему еще не исполнилось двадцати девяти лет). Правда, говорил он с ней больше об охотничьих собаках и ловчих птицах и не смел придвинуться к девушке слишком близко. «Подруга, тебе нечего ловить: король — святой», — потешались другие фрейлины. Людовик повеселел, забросил охоту и даже признался Гастону, что стал рыцарем мадемуазель де Отфор. Впрочем, он воспользовался случаем, чтобы в очередной раз прочитать брату мораль: он-де попросил разрешения у королевы-матери и поклялся ей, что всё будет честно-благородно, поскольку уважает и ее, и честь своей возлюбленной, а Месье поступает наоборот... Тем не менее 23 апреля король выехал в Лион, к армии. А надежды Анны опять не оправдались: у нее в очередной раз случился выкидыш.

Через три дня, будучи в Дижоне, Людовик получил подробную записку Ришельё о взятии Пиньероля. В Монферрато прибыл папский легат, чтобы вести переговоры о мире между Францией и Испанией, однако главным условием мирного договора являлось возвращение Пиньероля. Сохранить его означало стать господином и судьей Италии, но при этом вступить в войну с Савойей, а потом и с Испанией. Но возможно ли это при

расстроенном состоянии финансов и неладах с Месье? Если же выбрать мир, тоже нужно действовать без промедления, поскольку речь идет о репутации короля. Выбор за ним.

Людовик вызвал брата на серьезный разговор. Гастон твердо заявил: «Пиньероль не отдавать, Савойю завоевать». Король велел написать Ришельё, что Савойя будет атакована, а Гастона назначил своим наместником в Париже и соседних провинциях на время своего отсутствия. 2 мая он был в Лионе, куда вслед за ним явился весь двор: обе королевы и Мишель де Марильяк, еще надеявшийся повлиять на короля, чтобы тот отказался от войны в пользу непрочного мира. После очередной неудачно завершившейся беременности Анна Австрийская неожиданно для всех (похоже, и для себя) сблизилась со свекровью — их объединяла ненависть к Ришельё, который держал от них в отдалении мужа и сына.

Десятого мая Людовик приехал в Гренобль. Туда к нему из Италии явился Ришельё. Вместе с маршалами Креки и Бассомпьером они изучили ситуацию и приняли окончательное решение: вперед, в Савойю. Чтобы нейтрализовать Марильяка, король отправил кардинала в Лион. В присутствии Ришельё Мария Медичи вдруг стала кроткой, как овечка, и не смела ему перечить, так что при дворе даже поползли слухи о ворожбе (кардинал был суеверным человеком, верил в астрологию и носил амулеты).

Кампания в Савойе оказалась блицкригом. Французские войска перешли границу в середине мая, а уже в июне всё герцогство было завоевано. Людовик по мере продвижения своих войск вел переговоры с Карлом Эммануилом, Спинолой, осадившим Казале, и Колальто, хозяйничавшим в Мантуанском герцогстве. Между противоборствующими сторонами носился секретарь папского легата Джулио Мазарини.

Этот бойкий молодой человек (ему тогда было 28 лет) обладал поразительным обаянием и умел расположить к себе кого угодно. Он воспитывался с детьми знатного итальянского семейства Колонна и получил блестящее образование: три года провел в университете Алкала-де-Энарес в Испании, изучая гражданское и каноническое право, и прекрасно говорил по-испански. Образование позволило ему стать секретарем папского нунция в Милане, а затем примкнуть к посольству легата в Монферрато. Игрок и женолюб, не лишенный талантов художника, Мазарини оказался еще и способным дипломатом, обладавшим проницательным и аналитическим умом. Ришельё оценил его по достоинству.

В отсутствие кардинала Мария Медичи вновь попала под влияние

Марильяка, который всё настаивал на заключении мира, даже на невыгодных условиях. Королева-мать под предлогом недомогания дважды отказалась приехать в Гренобль, и Людовик решил сам навестить ее в Лионе вместе с Ришельё. Кардинал же предпочитал отправиться туда один, опасаясь, что в отсутствие короля армия разбежится (в тот момент ее косила дизентерия и дисциплина резко упала). В самом деле, почти сразу же после отъезда Людовика сбежали шесть тысяч солдат! Поездка оказалась бесполезной, поскольку Мария Медичи и слышать не хотела о продолжении войны. Король поспешно вернулся в Гренобль и вызвал туда Марильяка. Тот не приехал, сославшись на возраст (ему было уже за семьдесят) и немощность, в письмах желал успеха королевскому оружию, однако никого не ввел в заблуждение. 18 июля имперские войска захватили Мантю, изгнав оттуда де Невера.

Но тут сам Людовик расхворался и сказал Ришельё, что через Альпы не пойдет. По наущению кардинала личный врач короля Бувар писал в отчетах королеве-матери, что его подопечный чувствует себя хорошо. Людовику между тем становилось всё хуже; 25-го числа он оставил Ришельё руководить операцией и уехал в Лион.

На следующий день скончался Карл Эммануил Савойский, и на отцовский трон взошел Виктор Амедей.

От дурных известий о состоянии здоровья короля кардиналу самому нездоровилось; ему делали кровопускания и промывания желудка. Предоставив отцу Жозефу вести переговоры с савойцами, в конце августа Ришельё тоже поехал в Лион — якобы спасаясь от тифа, но на самом деле чтобы оттеснить от короля Марию Медичи и помешать ему вернуться в Париж. От былого триумфа не осталось и воспоминания: покинутый вельможами, ненавидимый народом из-за новых налогов, кардинал пытался вернуть расположение королевы-матери, которая вновь обрела могущество.

Мария назойливо твердила сыну о том, что новый поход в Италию — опасная и вредная затея, что кардинал мешает ему исполнять королевский долг, заключающийся в том, чтобы избавить свой народ от тягот войны, способствовать возвышению религии и жить в мире с католическими государями. Однако Людовик твердо заявил ей, что кардинал ничего не предпринимает без его одобрения.

В начале сентября в Италии было заключено перемирие, заставившее возликовать Марильяка. Ришельё пытался гнуть свою линию; Мария Медичи пустила в ход слезы; король возражал ей очень слабо — и было от чего. 20 сентября он слег, начались жар и расстройство кишечника. Два дня

спустя, направляясь из резиденции архиепископа Лионского, где он остановился, в аббатство Эне, где жила Мария Медичи, чтобы провести там заседание Совета, он почувствовал озноб и вернулся назад — в карете. Королева-мать перебралась к нему, Ришельё тоже. Жестокие врачи ежедневно делали ослабевшему пациенту кровопускания, но температура не спадала.

На тайных собраниях в покоях королевы-матери Ришельё уже вынесли приговор. Врач Марии Медичи Вотье предложил отравление, однако де Тревиль вызвался повторить подвиг де Витри, сразившего Кончини. Зная об этих разговорах, Ришельё несколько дней почти ничего не ел и лишился сна; он исхудал, пожелтел, поседел — его жизнь висела на волоске так же, как и жизнь короля. Правда, Людовик, очнувшись от забытья, попросил Гастона, когда тот станет королем, сохранить за кардиналом должность министра; но стоило ли верить обещаниям герцога Орлеанского?

Марильяк предпочитал говорить об отставке и ссылке. Он уже заготовил список новых министров: первое место — разумеется, себе, второе — своему брату Луи; Шомберга и сюринтенданта финансов д'Эффиа — в тюрьму. Герцог де Монморанси предложил Ришельё укрыться у него в Лангедоке, но это было не слишком надежное убежище. Лучше бежать в Авиньон, в папские земли.

Двадцать третьего сентября неожиданно скончался Спинола, осаждавший Казале. В это время сам Людовик был при смерти. У него постоянно сочилась кровь из заднего прохода, он был не в силах встать с постели. 25-го числа король попросил своего духовника отца Сюффрена вовремя предупредить его о приближении кончины, чтобы он успел исповедаться. Он знал, что умирает, и смирился с этим. В печальном исходе больше никто не сомневался; Анна Австрийская дала согласие выйти замуж за Гастона, когда овдовеет...

Два дня спустя, в два часа ночи, король начал бредить. Едва он пришел в себя, духовник предложил ему исповедаться; кстати, близится день его рождения. После исповеди королю стало много лучше. По распоряжению брата главного министра, кардинала Лионского Альфонса Луи де Ришельё^[38], во всех церквях выставили Святые Дары и читали молитвы о здравии; отец Сюффрен дал Людовику приложиться к мощам Франциска Сальского^[39]. Суббота 28 сентября и ночь на воскресенье прошли спокойно, но около одиннадцати вечера наступил кризис. В понедельник за отцом Сюффреном прислали в три часа ночи, и по совету врачей он решился подготовить короля к «переходу в вечность». Тот снова

исповедался и причастился, в его комнате отслужили мессу. Весть об этом быстро облетела весь двор; вельможи, дамы, священники, министры толпились у дверей умирающего. По окончании службы Людовик XIII велел открыть двери и впустить всех.

Король лежал на походной кровати. Профиль его заострился, кожа на лице и руках шелушилась, вздувшийся живот казался огромным по сравнению с худыми руками, лежавшими поверх одеяла, и выпирающими ключицами. «Мне досадно, что у меня нет сил говорить. Отец Сюффрен скажет за меня всё то, что я хотел высказать на смертном одре. Я прошу у всех прощения за нанесенные обиды и не умру спокойно, пока не узнаю, что вы простили меня, и прошу передать то же всем моим подданным». Окружающие рыдали. Анна Австрийская бросилась мужу на грудь, прочие встали на колени: «Это мы, сир, должны просить у вас прощения, простите нас, сир!» Людовик поцеловал жену в губы, а Ришельё в лоб и велел всем выйти. Кардинал Лионский поднес к его губам большой серебряный крест, а врач в очередной раз ткнул в его израненную руку скальпелем. Черная кровь брызнула в подставленную чашку, и в тот же миг через задний проход исторглась зловонная жижа со сгустками крови: вскрылся абсцесс. Живот опал и стал мягким. Священники упали на колени перед распятием и принялись жарко молиться.

Узнав о чудесном выздоровлении государя, Ришельё до самого вечера не выходил из своей комнаты, страдая от приступа жестокой мигрени. Он сам чуть не умер от всех этих переживаний.

Часть третья

ЗРЕЛОСТЬ

ДЕНЬ ОДУРАЧЕННЫХ

*Зачем должны мы ждать лишь горя и тоски
И вечно трепетать родительской руки?!*

Пьер Корнель. Гораций

«Ибо на мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется плач, а наутро радость», — цитировал отец Сюффрен псалом Давида. В состоянии больного короля произошла резкая перемена: если в семь утра 30 сентября 1630 года он практически умирал, то уже в десять вечера в присутствии обеих королев сам встал с постели. С аппетитом поел, прошелся по комнате — в общем, вел себя так, будто и не был болен. В следующие два дня он окончательно пошел на поправку: во время болезни ему приходилось ходить на горшок по 40 раз на дню, испытывая сильные боли, теперь уже отправление естественных надобностей проходило совершенно нормально. Окружающие кричали: «Чудо!» Возможно, именно тогда Людовик XIII и задумал принести обет Богородице. 2 октября он велел перенести себя в особняк Шапоне в квартале Белькур, и хозяйка дома посоветовала ему отблагодарить Богоматерь за выздоровление.

Его собственная мать, похоже, не столь трепетно заботилась о его здоровье. Как только к Людовику начали возвращаться силы, Мария Медичи вновь подступила к нему с обвинительной речью против Ришельё: королевский министр затеял второй поход в Италию лишь ради собственной славы, при желании вопрос о мантуанском наследстве можно было уладить миром; он подверг опасности жизнь короля в краю, где бушуют эпидемии. Но Людовик уже давно не был мальчиком, боящимся порки, а мать не понимала, что, втыкая шпильки в кардинала, ранит его самого. «Кардинал не Господь Бог, а лишь один Бог мог предотвратить то, что произошло, — резко заявил ей сын. — Но даже если бы он был ангелом, он и тогда не смог бы позаботиться обо всём с большей предусмотрительностью и осторожностью, и я должен признать, что это величайший слуга Франции, какой у нее только был!» После этого разговора король признался своему духовнику, что у него очень тяжело на душе, он опасается, что вновь заболеет, а чуда больше не произойдет. Черствая эгоистка Мария опять перешла в наступление и потребовала у

сына обещать прогнать Ришельё. Не имея сил возражать, Людовик устало ответил, что сейчас не время принимать такие решения, вернемся в Париж — посмотрим. Уже 6 октября он начал собираться в дорогу, предвкушая охоту в лесах Иль-де-Франс — проверенное средство, чтобы отвлечься, забыться и восстановить душевное равновесие.

Ришельё как будто не знал об обещании, практически вырванном королевой-матерью у венценосного сына. 19 октября он вместе с королем выехал в Роанн, а на следующий день они получили известие, что Брюлар де Леон и отец Жозеф, напуганные известием о тяжелом состоянии здоровья короля, заключили в Регенсбурге мир с министрами императора, по которому Франция отказывалась поддерживать своих союзников в Италии. В Лионе ликовали, Ришельё рвал и метал. Королю не терпелось уехать, поэтому он велел кардиналу подождать в Роанне членов Совета и вместе с ними принять решение.

Мария Медичи с Марильяком добрались туда 26 октября. В отсутствие короля Совет возглавляла королева-мать. Готовил заседание Ришельё — вместе с Марильяком и Бутилье. Произошло еще одно маленькое чудо: Мария не колеблясь согласилась, что договор надо дезавуировать, поскольку его принятие — позор, хотя Марильяк настаивал на продолжении переговоров с императором, «держась за них зубами», лишь бы не было войны. Де Леону и отцу Жозефу были отправлены новые инструкции. Приятно удивленный, Ришельё предложил королеве-матери сопровождать ее в пути и получил согласие.

Для него сейчас важнее всего было продолжить начатое. По счастью, французская армия не приняла в расчет Регенсбургский договор. Как раз 26 октября войска маршала Лафорса выстроились в боевой порядок вблизи Казале, перед которой заняли оборону испанцы. В то же время маркиз де Санта-Крус, представлявший Испанию на переговорах, поддался на уговоры секретаря папского легата. Мазарини понял, что испанец боится потерять армию, и расписал ему в красках, насколько сильны французы. Тот согласился на мир. Когда под Казале уже завязалась перестрелка и Лафорс был готов бросить в бой пехоту, на дороге показался скачущий галопом всадник, размахивавший над головой белым шарфом.

— Alta! Alta! — кричал он. — Pace! Pace!^[40]

Новый текст договора, привезенный Мазарини, удовлетворил французское командование: Франция обязывалась возвратить Савойю, оставив за собой Пиньероль и долину Перозы; Карл де Невер становился герцогом Мантуанским; испанцы выводили войска из Монферрато и снимали осаду Казале; крепости, оставленные воюющими сторонами,

переходили к герцогу дю Мэну, старшему сыну де Невера. Когда 29 октября Людовик добрался до Версаля, Франция уже могла торжествовать победу.

Однако надвигалась новая гроза. Как часто бывает, победы во внешней политике уравнивались проблемами в политике внутренней.

На продолжении всего пути в Париж по воде и по суше кардинал вел себя с королевой чрезвычайно предупредительно и услужливо. Но Мария Медичи была флорентийкой, а в Италии искусство притворства, которому в других местах обучаются специально, впитывают с молоком матери, писал в мемуарах статс-секретарь Бриенн. Стоило ли Ришельё обольщаться на ее счет? Улыбаясь королевскому министру, Мария отправила с оказией письмо старшему сыну, в очередной раз настаивая на отставке Ришельё. Она собиралась поквитаться с ним за все унижения.

Расставшись с королевой 5 ноября, кардинал отправился в Фонтенбло, а оттуда в Сен-Жермен, дожидаться Людовика (в Лувре на половине короля велась перестройка, жить там было нельзя), а Мария поехала дальше — в Париж, в свой Люксембургский дворец. Там она совещалась с Марильяком, как лучше избавиться от Ришельё. Тот вернулся в столицу вместе с королем 9 ноября и поселился в Малом Люксембургском дворце, под боком у королевы-матери, а Людовик — в бывшем особняке Кончини на улице Турнон. Политическая жизнь переместилась на левый берег Сены.

В письмах из Версаля король уверял главного министра, что ничуть не переменил свое отношение к нему. Более того, он и от своего брата требовал полюбить кардинала и пытался урезонить его фаворитов: «Я говорил им о Вас очень тепло, заявив им, что величайшее удовольствие в мире, какое мог бы доставить мне мой брат, и величайшее свидетельство привязанности, которое он мог бы мне предоставить, — это любить Вас. Они считают, что в мыслях королевы, моей матери, Вы совершенно погублены; я полагаю, что они преувеличивают».

В воскресенье 10 ноября король с утра отправился в собор Парижской Богоматери, отстоял службу и публично причастился. Затем он навестил обеих королев: мать в Люксембургском дворце и супругу в Лувре. Покончив с протокольными обязанностями, на которые ушло всё утро, Людовик отправился к себе, чтобы устроить примирительную встречу Гастона и Ришельё, а оттуда опять в Люксембургский дворец — на заседание Совета с участием Марии Медичи, Ришельё и Марильяка. Речь шла о Регенсбургском мирном договоре: кое-какие статьи было необходимо пересмотреть. Армия должна была зазимовать в Пьемонте; командование ею решили поручить вместо Лафорса брату канцлера Луи де Марильяку,

недавно сделанному маршалом, о чем Ришельё уведомил его письмом.

Казалось, всё шло хорошо, но после заседания Совета королева-мать вдруг сбросила маску, надетую в Роанне, — заявила Ришельё, что тот больше не будет исполнять обязанности сюринтенданта ее двора, поскольку она более не склонна ему доверять. Людовик попытался возразить, но Мария одним духом выпалила целую обвинительную речь: «Ваш любимец — неблагодарный подлец, хитрец и предатель!» Ришельё растерялся, испугался. Король понял, что мать ему сейчас не переубедить, и тихонько велел кардиналу явиться к ней утром, якобы сдавать дела, а он тем временем попытается замолвить словечко в его пользу.

На следующий день в половине двенадцатого (время «туалета королевы») Ришельё поднялся по парадной лестнице Люксембургского дворца на второй этаж и повернул направо. К его удивлению, дверь приемной была заперта. Кардинал вышел в галерею, однако и там дверь, ведущая в королевские покои, не открывалась. Но Ришельё не только знал во дворце все входы и выходы, но еще и исправно платил слугам-соглядатаям. Горничная королевы-матери раздобыла для него ключ от потайной двери в королевский кабинет, куда можно было попасть из дворцовой часовни.

Кардинал проник туда в самый разгар разговора между матерью и сыном: Людовик понуро сидел в кресле, изредка пытаясь вставить свои возражения в поток бранных слов, которые извергала Мария в адрес Ришельё. Тот отодвинул тяжелую красную портьеру, скрывавшую потайную дверь, и неожиданно появился перед ними: «Ваши величества говорили обо мне?»

Королева изумилась, но не настолько, чтобы лишиться дара речи. «Я не желаю ни видеть вас, ни слышать о вас, о вашей родне и ставленниках! Всех вон, до единого!» Она обвиняла кардинала в том, что он плетет интриги за ее спиной, действует против ее воли в государственных делах и даже предпринимает усилия, чтобы вернуть ко двору принца Конде и освободить Вандома из Венсенского замка. Наконец, обращаясь к сыну, она заявила: если Ришельё останется при дворе, уедет она сама. «Я запрещаю вам видеться с ним и даже просто находиться в его присутствии! Ноги моей больше не будет в Совете, если там останется господин де Ришельё!»

Людовик почувствовал спазмы в животе, начинавшиеся всякий раз, когда ему нужно было сделать выбор — немедленный и бесповоротный. Но тут снова произошло неожиданное: Ришельё упал на колени и, рыдая, пополз к королеве. «Простите меня!» — умолял он, целуя подол ее платья.

Мария даже не обернулась. Ришельё постоял немного на коленях,

потом поднялся и ушел. Людовик тотчас же вскочил и удалился в противоположную дверь.

В приемной его дожидался Клод де Рувруа. Оба скорым шагом вышли из дворца и сели в карету. Людовик всю дорогу молчал, а дома стремительно прошел в кабинет, велел своему фавориту затворить двери и никому не открывать и с размаху бросился на кушетку, так что от колета отлетели пуговицы и запрыгали по полу. (Эти подробности известны из мемуаров герцога де Сен-Симона, сына фаворита. Одним из самых больших несчастий в жизни короля была невозможность побыть одному...)

Между тем слухи о произошедшем в кабинете уже облетели весь двор. Было ясно как день, что кардинала отправят в отставку. Кстати, Мария Медичи официально объявила об этом послам Милана и Венеции, сообщив, что преемником Ришельё будет господин де Марильяк. Придворные поспешили разнести грандиозную новость по всему Парижу.

Если в Люксембургском дворце царило ликование, то в Малом Люксембурге — тоска и уныние. Опального министра явились поддержать только статс-секретари Бутилье и Шатонёф, обязанные ему своими должностями. Здесь же была племянница кардинала госпожа де Комбале, тоже лишившаяся должности в свите королевы-матери. Они плакали, обнявшись. Пришел Лавалетт, которого Мария презрительно называла кардиналом-лакеем^[41], сообщил, что король уехал в Версаль, и посоветовал отправиться туда же, якобы чтобы попросить об отставке: короля нельзя терять из виду, нужно быть у него на глазах. Ришельё колебался. Но тут явился гонец с королевским приказом выехать в Версаль. Бутилье и Шатонёф поехали со своим покровителем.

Версаль тогда был простым охотничьим домиком, настолько скромным, что в 1632 году его снесли и выстроили заново. Королевские апартаменты на втором этаже состояли из четырех комнат: прихожей, кабинета, спальни и гардеробной; в двух крошечных флигелях могли разместиться не больше двух спутников короля. Людовик постановил, что его охотничий домик не будет официальной резиденцией: никаких заседаний Королевского совета, никаких визитов министров и иностранных посланников. Должны же у него быть хоть какие-то личная жизнь и свобода?

Войдя в кабинет, где находился король со своим фаворитом, обер-камергером де Мортемаром и обер-камердинером де Берингеном, Ришельё тотчас опустился на колени. Людовик подошел, чтобы помочь ему подняться.

— Вы — лучший из господ, — прошептал кардинал.

— Это вы — самый верный и любящий слуга в мире, — отвечал король. — Если бы вы проявили неуважение или неблагодарность к моей матери, я тотчас отвернулся бы от вас. Но это не так.

Чутье в очередной раз подсказало кардиналу верную линию поведения во время объяснения в Люксембургском дворце!

Отведя Ришельё комнату, которую обычно занимал граф де Суассон, король отпустил всех остальных и говорил с ним наедине. (Впоследствии Ришельё сообщил о содержании этой беседы своим преданным ставленникам Гюрону и Сирмону.) Следуя заранее намеченному плану, Ришельё вновь испросил позволение удалиться от дел: он уже немолод (ему было 45 лет), слаб здоровьем, да и королева не потерпит его присутствия в Совете. Он расписал королю все трудности сложившейся ситуации. Но Людовик был с ним не согласен. Позволить кардиналу удалиться от дел — значит признать собственную слабость. Министр не смеет отказаться служить своему королю и государству. Впоследствии Ришельё изложил их разговор в своих мемуарах: «Я приказываю вам остаться и по-прежнему заправлять моими делами, поскольку таково мое решение, и оно бесповоротно. — Но сир, как посмотрят на то, что ваше величество оставило меня при себе, хотя меня публично укоряют в неблагодарности к королеве? — Речь не о королеве, но о заговоре и безграничной власти кое-кого из тех, кто вызвал эту бурю. Я ими займусь». В конце концов Людовик сказал, что уважает свою мать, но «более обязан своему государству».

Разговор продлился четыре часа. Затем король начал действовать. Он вызвал к себе министров и статс-секретарей, находившихся в Париже: Бутилье, сюринтенданта Бюльона, Лавиль-О-Клерка и Марильяка.

Получив приглашение прибыть в Версаль, семидесятилетний Марильяк воспрянул духом. Однако через некоторое время курьер привез новое распоряжение: поскольку в Версале негде разместиться, ему надлежит остановиться поблизости, в деревушке Глатиньи. Канцлер был неглуп и понял: раз в Версале нет места, значит, оно занято Ришельё. Он допоздна жег бумаги, которые могли его скомпрометировать, и прибыл в Глатиньи уже поздно ночью.

В ночь на 12 ноября король провел в Версале заседание Совета — в отсутствие канцлера. В своей привычной манере, кратко и решительно, Людовик XIII напомнил, что уже больше года, начиная с пребывания двора в Труа, против кардинала плетутся заговоры. В одной интриге, сложившейся во время его болезни, он обвинил госпожу дю Фаржи (камерфрау Анны Австрийской), герцога де Бельгарда, связанного с Гастоном Орлеанским, а главное — Мишеля де Марильяка. Конечно, его следует

уважать за строгую жизнь, благочестие и оказанные им услуги, но король, более не намеренный терпеть его присутствие, отрешит его от должностей и отправит в изгнание. Кто мог бы его заменить? После обсуждения сошлись на кандидатуре Шатонёфа, который неоднократно исполнял обязанности посла и был креатурой Ришельё. Одновременно первым председателем Парижского парламента назначили Никола Леже. Оба были открытыми противниками королевы-матери.

Тут встала проблема с Луи де Марильяком. Разумно ли сохранять за братом опального министра пост главнокомандующего? Ведь под его началом семь тысяч солдат, набранных в основном в Шампани, где его любят и уважают. Очень может быть, что родственные чувства возобладают над чувством долга. Осторожность одержала победу над щепетильностью: Людовик подписал тайный приказ об аресте Луи де Марильяка, который надлежало исполнить маршалам Шомбергу и Лафорсу.

Поутру в Глатиньи отправился статс-секретарь Лавиль-О-Клерк. Мишель де Марильяк слушал мессу в часовне. Текст из Священного Писания оказался подобран очень удачно: послание апостола Петра, начинавшееся со слов: «Итак, как Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью; ибо страдающий плотию перестает грешить», — а заканчивавшееся словами: «Итак, страждущие по воле Божией да предадут Ему, как верному Создателю, души свои, делая добро».

По окончании службы Марильяк передал посланному шкатулку с государственными печатями, ключ от нее, который всегда носил на шее, и свое прошение об отставке. На какое-то мгновение старик подумал, что всё кончено и он свободен, но тут Лавиль-О-Клерк, вышедший на минутку, вернулся в сопровождении командира охраны.

Гвардейцы препроводили Марильяка в Нормандию, в Кан. По новому приказу короля пришлось вернуться и остановиться в Лизье, а оттуда через несколько недель выехать в Шатоден. Именно в крепости этого города опальный канцлер окончил свою жизнь в 1632 году. Стерegli его крепко: даже по нужде приходилось выходить в сопровождении караульного, и это доставляло ему большие неудобства, поскольку он стеснялся посторонних.

Арест его брата 23 ноября тоже прошел без инцидентов. Шомберг вызвал капитанов и сообщил им о новом королевском приказе, полученном всего через два дня после предыдущего (о назначении Марильяка главнокомандующим). Опальный маршал сказал, что подданному не позволено роптать на своего государя, и выразил желание отправиться в тюрьму, которую королю будет угодно ему назначить. Через две недели его конвоировали в Сент-Менеуль.

Передав канцлера гвардейцам, Лавиль-О-Клерк проследовал в Париж, чтобы сообщить о решении короля Марии Медичи. Сын не просто ставил ее в известность о произошедшем, а требовал одобрить его действия. Королева-мать не могла поверить своим ушам и хотела немедленно ехать в Версаль, но Людовик уже сам был в пути. Кишевший придворными Люксембургский дворец мгновенно опустел — его хозяйке нужно было собраться с мыслями и выбрать линию поведения. С легкой руки записного придворного остро слова Ботрю, графа де Серрана, 11 ноября 1630 года вошло в историю как День одураченных.

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Чем лучший оскорбил, тем глубже оскорбление.

Ноябрьский переворот был воспринят общественностью как победа «добрых французов» над происпанской партией. Однако этой партии обрубили крылья, но не голову. Пускай придворные, которые раньше толпились в Люксембургском дворце, теперь заискивали в другом месте, Мария Медичи всё еще состояла в Королевском совете, и Людовик не терял надежды ее переубедить и привлечь на свою сторону. А ведь, судя по донесениям итальянских дипломатов, через королеву-мать шла утечка важных сведений; испанский двор был в курсе того, о чем говорилось на Совете в Париже, а также военных планов французского короля. Оказывалось и обратное влияние: именно через испанского посла Мадрид и Вена давили на королеву, добиваясь отставки Ришельё — источника всех бед. Вот именно: во всём виноваты испанцы! Виновные наконец-то были найдены, поскольку об очередной войне матери и сына не могло быть и речи.

«Мы знаем, что Мирабель явился сюда с недобрыми намерениями, — заявил Людовик венецианскому послу Контарини во время аудиенции. — Я предпринял всё, что мог, чтобы умиловить королеву, мою мать, но поскольку ничего не мог от нее добиться, то заявил ей, как и всем прочим, что я намерен поддерживать кардинала против всех, ибо его несчастья и мои собственные происходят от испанцев».

Точно так же, как в апреле 1617 года, Людовик хотел доказать всем, что «он король». Но теперь в этом уже не было юношеской бравады, и весьма многие имели возможность убедиться, что он слов на ветер не бросает. Точка опоры была найдена, оставалось только оттолкнуться от нее и двигаться вперед.

Мария Медичи так и не поняла, что давно уже не властна над Людовиком, несмотря на всю сыновнюю почтительность, которую он по-прежнему ей выказывал. Когда 19 ноября мать и сын увиделись в Сен-Жермене, Мария повторила, что больше не желает видеть Ришельё; Людовик ответил, что будет стоять за кардинала «до самой смерти». Через два дня король, принимая делегацию магистратов по поводу полетты, упомянул о недавних событиях: «Вы знаете, куда завела королеву, мою мать, ее враждебность к господину кардиналу. Я уважаю и почитаю

матушку, но я намерен помогать и защищать господина кардинала от всех». Узнав об этом, Мария взвилась, как ужаленная, и заявила, что эти слова были подсказаны Ришелье. Она по-прежнему не осознавала, как больно ранит сына, считая его внушаемым и несамостоятельным да еще говоря об этом публично. Для Людовика теперь было делом чести настоять на своем, но кардинал перепугался и стал оправдываться перед королевой-матерью, прося отца Сюффрена, Бюльона и ее личного секретаря Рансе уверить ее, что он здесь ни при чем. Мария отказывалась их слушать и даже прогнала Рансе со службы.

«Железный» Ришельё в этот решающий момент как будто сник и раскис. Он умолял итальянских дипломатов стать его заступниками перед королем, а когда Контарини рассказал ему о том, как прошла аудиенция 20 ноября, начал вздыхать: «К чему все эти великие дела, которые я могу совершить для короля и наших друзей; я знаю, что королева меня никогда не простит, поскольку она истолковывает всё, что я делаю, к позору и презрению. Я ее знаю: она не умеет прощать. Мне нужно следить за собой и удержаться в милости у короля». Он думал только о придворных интригах и чахнул на глазах.

В отчаянии он обратился к нунцию Баньи, которого только что произвели в кардиналы. Баньи отправился к королеве 7 декабря, и на сей раз та согласилась на переговоры, поставив, однако, условием освобождение Марильяков. В конце концов накануне Рождества в Люксембургском дворце состоялась новая встреча королевы и кардинала в присутствии Людовика. Она прошла в ледяной атмосфере и ничем не кончилась. И только в самый сочельник Баньи удалось кое-как их примирить. Король, его брат и отец Сюффрен были свидетелями. Выступая от имени короля и королевы, Баньи заявил, что прошлое забыто, королева согласна видеть кардинала в Совете, однако не желает, чтобы он занимался делами ее двора.

Изгнав из своего окружения всех родственников Ришельё, королева-мать чуть не осталась вообще без слуг. Но когда Шомберг, вернувшийся из Италии, сказал ее врачу Вотье, что самым простым решением было бы вернуть их обратно, Мария сочла это новым оскорблением и немедленно нажаловалась королю. Окончательно уверившись в «испанском заговоре», Людовик 28 декабря решил прогнать от двора госпожу дю Фаржи и маршалышу де Марильяк (в девичестве Екатерину Медичи). Место камер-фрау Анны Австрийской он отдал госпоже де Лафлот-Отрив, поэтому ее внучка Мари де Отфор стала фрейлиной королевы. Людовик теперь зачастил на половину жены, охотно беседовал с ней и дамами из ее

окружения даже сверх времени, отведенного придворным этикетом на «разговоры в кругу семьи». Одновременно из свиты Анны Австрийской был изгнан десяток еще остававшихся там испанок, включая десятилетнюю девочку, дочку ее камеристки, с которой Анна отводила душу в разговорах на кастильском наречии. Испанский посол маркиз де Мирабель, прежде имевший свободный доступ в Лувр, теперь должен был испрашивать разрешение на аудиенцию, как все остальные посланники. Его протесты остались без ответа.

Королевы сплотились и в январе 1631 года отказались присутствовать на представлении комедии, устроенном Ришельё. 14 января король, никого не предупредив, уехал на охоту, взяв с собой кардинала.

В самом деле, пора было положить этому конец, иначе из-за женских капризов не останется времени на государственные дела. А они между тем принимали серьезный оборот: 23 января 1631 года в Бервальде (ныне Мешковице в Польше) был заключен договор между Францией и Швецией, втянувший Людовика XIII в Тридцатилетнюю войну.

Не объявляя открыто войну Священной Римской империи германской нации, французский король оказал поддержку врагам Габсбургов — в данном случае шведскому королю Густаву Адольфу, ввязавшемуся в этот конфликт еще в прошлом году. Ранее Швеция была занята борьбой с Польшей за Балтийское побережье. Закончив эту войну и заручившись поддержкой России, которая поставляла ему хлеб по льготной цене, Густав Адольф высадился в Померании и объявил себя защитником германских протестантов. Саксонский курфюрст Иоганн Георг заключил с ним союз против генералиссимуса Тилли, чьи войска осадили Магдебург. Франция, надеявшаяся, что ее союзник Максимилиан Баварский выйдет из альянса с империей или, по меньшей мере, будет сохранять нейтралитет, добилась от шведского короля обещания не нападать на его земли и гарантировать германским католикам свободу вероисповедания. Взамен она обязалась полностью или частично взять на себя расходы на содержание в Германии шведской армии (30 тысяч пехоты и шесть тысяч конницы) и дважды в год, 15 мая и 15 ноября, перечислять в шведскую казну 20 тысяч имперских талеров (полтора миллиона турецких ливров) через финансовые институты Парижа и Амстердама (Ришельё изначально предложил 15 тысяч, но Густав Адольф заставил его поднять планку). Отдельный пункт двустороннего договора был посвящен торговым отношениям: Швеция должна была предоставить для нарождающегося французского флота корабельную артиллерию, мачты, канаты, медь и вообще всё, что нужно для строительства кораблей. Договор был заключен на пять лет.

Естественно, Мария Медичи не одобряла этой политики, но у нее оставался один-единственный козырь — младший сын. Правда, он был переменчив, как флюгер. Накануне Дня одураченных он был у матери, уверенный в падении Ришельё, но уже 6 декабря отправился во дворец кардинала, чтобы заверить того в «дружбе и покровительстве». Ришельё понимал, что ему нужно переманить принца на свою сторону, отделив его от матери. Гастон находился под влиянием своих фаворитов Пюилорана и ле Куанё, их нужно было купить. Первый получил 150 тысяч ливров и запросил герцогский титул, второй был назначен председателем Главной палаты Парижского парламента, но требовал кардинальскую шапку. Ришельё с легкостью согласился за них похлопотать, прекрасно зная, что титул должен даровать Совет, а кардинальский сан — Рим, который ни за что на это не пойдет, поскольку против ле Куанё велась тяжба о признании брака и отцовства. Не получив обещанного, оба потребовали, чтобы Гастон выступил с извечной угрозой: покинуть двор.

Тридцатого января 1631 года герцог Орлеанский в сопровождении свиты из двух десятков дворян явился во дворец кардинала на улицу Сент-Оноре и проследовал прямо в кабинет. «Я собирался любить вас и служить вам, как обещал 6 декабря, но теперь не считаю себя связанным словом, поскольку вы не выполнили своих обещаний моим друзьям, — заявил он. — Вы бесчестный человек, и не рассчитывайте на мою дружбу! Я не стану другом безродному выскочке, который забылся настолько, что внес разлад в королевскую семью, стал преследователем своей благодетельницы, очерняя ее перед королем, а со мной ведет себя столь нагло, что только священнический сан защищает его от немедленной расправы!» В тот же день принц уехал в Орлеан. Начиналась война двух братьев.

Король находился в Версале, но сразу примчался в Париж, предупрежденный Ришельё. Он ни секунды не сомневался, что брат выкинул свой фортель с подачи Марии Медичи. Чаша его терпения переполнилась. 12 февраля он выехал в Компьен, взяв с собой обоих королев.

Упрямство Людовик унаследовал от матери: он всё еще пытался заставить Марию Медичи примириться с Ришельё и даже прибегнул для этого к услугам ее врача Вотье, которого считал жалкой личностью. Вотье не справился с задачей — королева так и не дала письменного согласия присутствовать на Совете. Второй раунд переговоров вели уже Шомберг и Шатонёф, но и они получили решительный отказ. В Компьене собрали Совет, и король попросил министров высказаться по очереди. Ришельё взял слово последним, проанализировал ситуацию (Франция в кольце врагов,

стремящихся ослабить ее за счет внутренних раздоров) и обрисовал четыре возможных выхода из нее: примириться с Месье — но это невозможно, поскольку его фавориты хотят всё или ничего; примириться с королевой-матерью — но это возможно только путем отречения короля от власти, то есть невозможно; позволить ему, Ришельё, удалиться от дел; разрушить заговор полностью. Но поскольку весь заговор держится на королеве-матери, единственное средство с ним покончить — удалить ее от двора, а такого он, естественно, предложить не смеет; но если король и Совет примут это решение, он будет вынужден с ним согласиться, настаивая при этом на своей отставке.

Министры проголосовали за удаление королевы и против отставки кардинала. Однако речь шла о матери монарха, поэтому окончательное решение мог принять только он сам. Людовик практически не колебался: он вернется в Париж один, а мать отправит на жительство в Мулен, столицу Бурбонне на севере Оверни, передав ей управление этим городом, а заодно и всей провинцией вместо Конде. Родовое гнездо Бурбонов отстоит от французской столицы на 300 километров — «дистанция огромного размера». Приняв решение, король всегда выполнял его безотлагательно: в Компьен вызвали восемь рот французских гвардейцев — полторы тысячи человек под командованием маршала д'Эстре, которому Людовик приказал занять город и замок и охранять королеву. Рано утром 23 февраля король сел в карету вместе с супругой и выехал в Санлис, сопровождаемый свитой, даже не попрощавшись с матерью.

По приказу короля д'Эстре перекрыл все входы и выходы и арестовал Вотье, которого тотчас препроводили в Бастилию. Злополучный лекарь отправился туда не один: за ним последовал маршал Франсуа де Бассомпьер, тайно сочетавшийся браком с принцессой де Конти, состоявшей в заговоре против кардинала, которую Людовик услав в ее замок Э (там она родила сына). Верный человек предупредил Бассомпьера о грядущем аресте, герцог д'Эпернон предложил дать денег на дорогу, но маршал и не думал бежать: целую ночь он жег шесть тысяч писем, которые могли скомпрометировать многих знатных дам. Впоследствии Бассомпьер описал в мемуарах сцену своего ареста. 25 февраля 1631 года к нему явился господин де Лонэ, лейтенант лейб-гвардии, и сказал: «Сударь, со слезами на глазах и с обливающимся кровью сердцем я, бывший вашим солдатом 20 лет и всё еще состоящий под вашим началом, вынужден объявить, что король приказал мне вас арестовать». На это Бассомпьер ответил: «Я всю жизнь был покорен воле короля, который может располагать мной и моей свободой, как ему угодно». Это была чистая правда, и Людовик, конечно

же, мог воспрепятствовать аресту верного слуги своего отца, доказавшего свою преданность и ему самому. Но он находился в таком состоянии, когда любое независимое суждение и проявление самоволия (например, тайный брак) казались ему подозрительными. Он матери своей не доверяет, что уж говорить о других. Кто знает, как поступит Бассомпьер, если какая-нибудь дама начнет умолять его избавить Францию от кардинала...

Госпожи д'Эльбёф, де Ледигьер и д'Орнано, наперсницы королевы-матери, тоже отправились в изгнание. А вот сама королева не торопилась уезжать: она принялась торговаться с сыном. Ей не хочется в Мулен, пусть лучше Невер в Бургундии, и освободите Вотье. Невер так Невер (245 километров от Парижа), отвечал Людовик; Вотье вернется к своей госпоже, когда она прибудет на место. Королева продолжала юлить, надеясь, что Гастон тем временем соберет силы и спасет ее.

Легкий на подъем Гастон уже успел уехать в Бургундию, губернатор которой, герцог де Бельгард, сочувствовал ему — но не более. Когда не менее подвижный Людовик отправился туда вслед за ним, Месье струсил и перебрался во Франш-Конте (владение Испании), а оттуда в Лотарингию. Не дотянувшись до брата, Людовик 30 марта опубликовал в Дижоне королевскую декларацию против сторонников Месье.

Непосредственная угроза для Ришельё была если не устранена, то отдалена, но и королева Анна ненавидела кардинала. Чтобы хоть как-то расположить ее к себе, Ришельё уговаривал Людовика вернуть ко двору герцогиню де Шеврез, и тот нехотя дал согласие.

В Санлисе монаршая чета спала в одной постели. Перед отъездом из Компьена Людовик отдал распоряжение прислуге «приготовить валик», сообщив тем самым о своем намерении провести ночь с женой. (По французским обычаям подушку клали на валик, лежавший в изголовье. Анна Австрийская этого не любила: у нее болела шея, и когда она не принимала мужа, то спала без валика, как привыкла в Испании.) Последствия дали себя знать: через несколько недель королеву стало тошнить по утрам, у нее появились головные боли и обмороки — верные признаки беременности. Но едва король добрался до Труа, чтобы оттуда следить за происками Лотарингии, как получил известия, что опять «не сложилось». Четвертый раз — это уже слишком. Людовик больше не мог обвинять во всём лишь Анну. Возможно, именно он чем-то прогневал Создателя. Когда Господь хочет наказать королевство, он не дарует потомства королю... Людовик выехал в Санс к жене, чтобы попытаться ее утешить.

Некоторым утешением ему самому могло послужить лишь то, что

мантуанский конфликт наконец-то был улажен: 6 апреля представители французского короля, герцога Савойского и императора Фердинанда II подписали в Кераско мирный договор, по которому все иноземные войска должны были быть выведены, Савойя за выкуп отказывалась от прав на герцогство Монферрато, а Фердинанд — от прав на герцогство Мантуанское, герцог де Невер получал материальную компенсацию за потерю некоторых территорий. У договора существовала тайная статья: Суза и Авиляна после освобождения французскими войсками перейдут под контроль швейцарских солдат, которые должны присягнуть герцогу Савойскому, как только станет известно о выводе войск из владений гризонов. Переговоры вел Туара.

Чтобы в будущем не зависеть от произвола соседей, Республика гризонов решила собрать собственную армию и защищать пути в страну. Поскольку у нее не было опытного полководца, она обратилась к жившему в Венеции герцогу де Рогану. Людовик XIII позволил герцогу принять эту должность.

Теперь основные военные действия разворачивались в Германии. После того как Густав Адольф в начале апреля взял Франкфурт и Ландсберг, Тилли приступил к энергичной осаде Магдебурга, надеясь оттянуть туда шведские войска. Получив от города отказ капитулировать, он решил взять его штурмом. Приступ начался 10 мая в пять часов утра сразу со всех сторон. Через три часа ожесточенный бой кипел уже на улицах, к полудню город перешел в руки имперских войск. Озлобленные долгой осадой солдаты устроили резню: из тридцати тысяч горожан выжило не более пяти тысяч. Магдебург был разграблен, разрушен и сожжен; обугленные трупы две недели сбрасывали в Эльбу. Возмущенные такой жестокостью протестанты Европы обвиняли в нерешительности шведского короля, не поспешившего на помощь защитникам города; однако тот не мог поставить на карту успех всей своей стратегии. Католики тоже не дремали: в конце мая представители Франции заключили в Мюнхене тайный договор с Баварией против австрийских Габсбургов, хотя это и противоречило условиям Регенсбургского мирного соглашения.

В это время Людовик XIII продолжал воевать со своими родственниками и общественным мнением. Парижский парламент отказался зарегистрировать заявление от 30 марта, и 13 мая король вызвал магистратов в Лувр, сурово их отчитал и отправил в изгнание нескольких председателей палат и советников. 30 мая Гастон отозвался на эти события письмом, которое по сути было обвинительной речью против Ришельё.

Эта политическая переписка стала достоянием общественности: чтобы

привлечь ее на свою сторону, Людовик велел напечатать и письмо Гастона, и свой ответ на него, и разносчики торговали ими на Новом мосту в Париже. Обе противоборствующие силы прибегли к услугам памфлетистов. Сторону Марии Медичи отстаивал ее духовник Матье де Морг (некогда состоявший на службе Ришельё, но изменивший своему благодетелю). Когда на прилавке появились составленные им «Смирнейшее, достовернейшее и важнейшее предостережение Короллю» и «Доброе предостережение христианского Катона кардиналу де Ришельё», главный королевский министр бросил в бой собственных рыцарей пера: поэта Жана Сирмона, выступавшего под псевдонимом де Монтань, а также Жана Луи Геза де Бальзака. Последний издал в 1631 году книгу «Государь», в которой защищал и оправдывал политику Людовика XIII и его министра, порицал корыстные интересы «партии святош», бичевал грандов и обличал происки заграницы, распалявшей ссоры между французами. Юрист Лебре в «Трактате о суверенной власти короля» утверждал принципы абсолютизма. Наконец, на всех перекрестках зачитывали декларации против мятежников, которые затем опубликовали в журнале «Меркюр франсэ» — первом французском периодическом издании, выходившем с 1610 года, правда, крайне нерегулярно, раз в два-три года. (По сути это была печатная летопись: в первом выпуске описывались события в стране начиная с 1605 года и заканчивая коронацией Людовика XIII; хроника 1630–1631 годов вышла в свет только в марте 1632-го.)

Власть почувствовала необходимость в печатном органе, более оперативно реагирующем на события политической и общественной жизни. В мае 1631 года появился первый выпуск «Газеты» Теофраста Ренодо — врача, дававшего бесплатные консультации беднякам и открывшего бюро по трудоустройству. Газета бесплатных объявлений выходила каждую неделю, и Ришельё превратил ее в свой рупор, поставляя туда собственноручно написанные статьи. Король тоже стал ее корреспондентом. Ришельё давал разъяснения по поводу общей политики и дипломатии, а Людовик четко и ясно рассказывал о военных операциях, а при случае описывал прием какого-нибудь посла или иные придворные события.

Манифест Гастона был «цветочками» по сравнению с «ягодками» — письмами Анне Австрийской, изъятыми у врача Сеналя, который прибыл из Брюсселя. Бдительные агенты Ришельё, успевшего создать разветвленную сеть разведки и контрразведки, оказались на высоте. Одно из писем было от королевы-матери, другое, шифрованное — от госпожи дю Фаржи. Король прислал к жене Шатонёфа с требованием сообщить ключ от

шифра. Анна заявила, что сожгла эту бумагу, однако письмо было расшифровано. Людовик узнал из него, что жить ему осталось максимум до августа. Мария Медичи писала, что до тех пор она попытается помешать повторному браку Месье, который снова влюбился — в шестнадцатилетнюю Маргариту Лотарингскую, сестру герцога. Вот станет королем, тогда и будет решать, на ком ему жениться.

Людовик, разумеется, сильно разгневался и пожелал, чтобы письма, адресованные королеве особами, которых он отправил в изгнание, были зачитаны в присутствии ее самой и нескольких членов Королевского совета. Однако Ришельё (которого, кстати, тоже планировалось устранить) избавил Анну от этого позора и кое-как смягчил гнев ее супруга. Сеналь был посажен в Бастилию, а потом приговорен к галерам. Кардинал же прибегнул к услугам... герцогини де Шеврез и велел ей, для облегчения участи королевы, написать своему давнему поклоннику Карлу Лотарингскому, прося не оказывать военной поддержки Гастону и уверяя, что брак, не одобренный королем, будет недействительным.

В отношениях между супругами снова наступил «ледниковый период» — по вполне понятным причинам. В конце июня Людовик уехал в Версаль, бросив Анну в Сен-Жермене, и только по настоянию Ришельё возобновил встречи с ней через две недели. Одновременно он пытался ускорить отъезд матери из Компьена и даже в качестве жеста доброй воли вывел оттуда войска.

Мария не замедлила воспользоваться этим послаблением. 18 июля 1631 года, около десяти часов вечера, на крыльцо Компьенского замка вышла полная женщина в простом платье и широкополой шляпе с густой вуалью в сопровождении трех мужчин и священника, который объяснил охране, что это служанка ее величества, желающая вступить в брак втайне от своей госпожи. За углом была приготовлена карета, которая помчалась к северной границе. Королева-мать держала путь в крепостцу Ла-Капель, надеясь на услуги командовавшего ею молодого маркиза де Варда, ненавидевшего Ришельё.

Она не знала, что несколькими часами ранее по этой же дороге проскакал отец маркиза губернатор де Вард. Заметив отсутствие его сына при дворе, Людовик заподозрил неладное и велел ему взять командование крепостью на себя. Чтобы не терять времени, старик пустился в путь верхом, прихватив с собой двух офицеров.

Ровно в полночь они были на месте. Подъемный мост оказался поднят. Часовой потребовал назвать пароль. Тогда губернатор отправился в церковь, разбудил звонаря и велел бить в набат. На площадь перед

крепостью сбежались перепуганные горожане, солдаты гарнизона поднялись на стену. Сын отказался открыть ворота, тогда отец обратился непосредственно к солдатам: «Я ваш командир, поставленный над вами королем, и если вы воспротивитесь королевской воле, вас всех повесят!» Подъемный мост опустился, ворота раскрылись, решетка поднялась. Капитан выстроил гарнизон во дворе и салютовал губернатору. Тот приказал затворить ворота и никого не впускать, а раскаявшемуся сыну позволил уехать, пообещав сказать королю, будто не застал его в крепости.

Младший де Вард поехал навстречу карете королевы и, сообщив ей о произошедшем, испросил дозволение сопровождать ее. Переночевав в ближайшей деревушке, Мария Медичи на следующий день пересекла границу и из Авена отправила двух гонцов: одного в Париж, к Людовику, а другого в Брюссель, к эрцгерцогине Изабелле.

Узнав из письма матери, что она, доведенная до отчаяния происками кардинала и опасаясь за свою жизнь, была вынуждена бежать, Людовик сухо ответил ей, что эти происки — плод ее воображения. Но оказалось, что королева успела подать жалобу в парламент, требуя начать процесс против Ришельё. Она обещала помиловать кардинала, но только после вынесения ему приговора. Король немедленно отправился в парламент, отозвал жалобу матери, объявив ее клеветой, обвинил советников королевы в оскорблении величия и потребовал арестовать все доходы Марии Медичи. Заодно он написал брату, что разрешает ему жениться на Марии Гонзага; но вертопрах Гастон уже раздумал — теперь ему нужна была Маргарита Лотарингская.

Королева-мать с младшим сыном спешно принялась вербовать себе сторонников. Большие надежды возлагались на губернатора Прованса герцога де Гиза, заклятого врага Ришельё. Когда в конце прошлого года в этой провинции в связи с решением заменить королевских сборщиков налогов провинциальными начались волнения, губернатор не стал вмешиваться: пусть кардиналу будет хуже. В феврале Ришельё отправил туда разбираться принца Конде, а заодно вызвал Гиза в Париж. Тот почувал, откуда ветер дует, и испросил себе отпуск, чтобы отправиться в паломничество в Лоретту. 6 августа он отплыл из Марселя в Италию, откуда ему не суждено было вернуться.

Оставалось надеяться, что «заграница нам поможет». В Монсе королеве-изгнаннице был оказан роскошный прием. Инфанта Изабелла Клара Евгения, на семь лет ее старше, лично явилась встречать ее и привезла в Брюссель. Празднества в ее честь продолжались до конца августа. Тем временем Людовик отправил Клода де Рувруа чрезвычайным

послом к эрцгерцогине Изабелле, чтобы просить Марию Медичи вернуться во Францию. В случае отказа он должен был просить инфанту не предоставлять убежища беглой королеве. Филипп IV тоже не обрадовался, узнав, что королева бежала и укрылась в его владениях; он не верил в ее способность собрать войска для похода на Францию, как она обещала. Первый министр Оливарес предложил сплавить ее в Германию, в Аахен. Но когда бедная инфанта Изабелла об этом узнала, отступать было уже поздно: Мария благословляла испанскую флотилию, которая отправлялась в устье Шельды для подготовки вторжения с суши^[42], а сама эрцгерцогиня обещала финансовую помощь Гастону, который собирал в Лотарингии войска для похода на Париж.

БРАТ НА БРАТА

*Невинный может стать достойным
осужденья,
Когда властитель наш о нем дурного мнения.
И за себя нельзя вступаться никому
Затем, что наша кровь принадлежит ему.*

Пьер Корнель. Гораций

Подданный выражает любовь к королю усердной службой и самопожертвованием. Король выражает любовь к подданному благодеяниями и наградами. В августе 1631 года Людовик XIII своей грамотой возвел вотчину Ришельё в ранг герцогства, и 5 сентября кардинал стал герцогом и пэром, а также губернатором Бретани; король разрешил выстроить вокруг его родового замка город Ришельё. Отныне Людовик именовал своего главного министра «кузеном». Кроме того, Венецианская республика включила кардинала-герцога в число своих аристократов.

Во время церемонии посвящения в герцоги и пэры Ришельё приносил присягу вместе с герцогом Анри де Монморанси, губернатором Лангедока. Отношения между ними были натянутыми. Когда король лежал на смертном одре в Лионе, Монморанси, незадолго до того сделанный маршалом (он разбил принца Савойского при Авильяне), пообещал ему оберегать кардинала, однако сам рассчитывал на большее — в его роду было несколько коннетаблей. Ришельё, стремившийся заручиться поддержкой как можно большего числа знати и помнивший добро, неосторожно пообещал за него похлопотать; однако Людовик наотрез отказался восстановить должность коннетабля, отмененную после смерти Ледигьера. Монморанси не получил и звания генерал-фельдмаршала, которое могло бы стать пристойной заменой. Несмотря на это, Монморанси хранил верность королю и, например, вовремя успокоил волнения в Лангедоке, спровоцированные, как и в других французских провинциях, новым способом пополнения казны: теперь прямые налоги должны были собирать не местные власти, а королевские чиновники, покупавшие свои должности (двойная выгода). Если, например, в Бургундии Людовику XIII пришлось со всей суровостью высказать «неудовольствие»

муниципалитету Дижона, то с парламентом Тулузы, возглавившей оппозицию нововведению, удалось договориться. Тем не менее герцог, согласно средневековой традиции выступавший защитником своих вассалов, рисковал оказаться между молотом и наковальней. Его жена Мария Фелиция дез Юрсен, состоящая в очень дальнем родстве с королевой-матерью, настраивала мужа против кардинала, а Гастон писал ему из Лотарингии, уговаривая перейти на свою сторону.

Такие предложения делались не только ему. Впрочем, венецианский посол Контарини, сообщая своему правительству о происках высокородных беглецов, передавал и придворные сплетни, что это лишь выдумка кардинала с целью упрочить свои позиции и помешать примирению Людовика с родными, равно как и перехваченные письма, в которых шла речь о злоумышлении на короля. Тем не менее уже в конце лета в Шампань были отправлены войска, а маршал Лафорс занял Седан.

В это время Густав Адольф, усовершенствовав свою армию, двинулся вглубь Германии. 17 сентября 1631 года состоялось сражение при деревне Брейтенфельд неподалеку от Лейпцига. Король находился на правом фланге, вдохновляя солдат своим присутствием.

Против тридцати четырех тысяч солдат шведско-саксонской армии Католическая лига выставила 32 тысячи, используя старую тактику квадратных колонн, называемых испанскими бригадами (*tercios*). Общее командование осуществлял Тилли.

Битва началась с канонады, длившейся два часа. Понесся большие потери от имперской артиллерии, саксонцы, атакованные пехотой и конницей, бежали с поля боя; однако шведские мушкетеры отбили все семь атак Тилли, а шведская кавалерия перешла в контратаку.

Через четыре часа кровопролития сражение вступило в самую драматическую фазу: выдвинув артиллерийский резерв против имперской пехоты, Густав Адольф с частью конницы ударил в тыл неприятелю. Победа осталась за шведами. Вся северная Германия оказалась в руках Густава Адольфа, и он перенес военные действия на юг.

Людовик внимательно следил за событиями, не упуская ни малейших подробностей, касавшихся новых тактических приемов и видов вооружений, вводимых шведским королем, который был для него большим авторитетом в военном деле. При этом он не спускал глаз с Карла IV, герцога Лотарингского. В декабре 1631 года Людовик прибыл в Мец для переговоров с ним. Герцог хотел присоединить к своему государству герцогство Бар, принадлежавшее его супруге Николь, но являвшееся ленным владением французской короны. Он очень неодобрительно

относился к строительству укреплений в Вердене, начатому Ришельё. Этим городом правил епископ, происходивший из Лотарингского дома; император Фердинанд, сюзерен герцога Лотарингского, оказал ему поддержку: германские войска заняли Вик и Муайенвик, но французская армия их отбила.

Нужно ли развивать успех, захватывать Хагенау и Цаберн в Эльзасе, протянув руку помощи шведскому королю? Об этом шла речь на Совете 6 января 1632 года. Отец Жозеф выступил против военного вмешательства («такие вещи следует использовать, как яд: в малых дозах он служит противоядием, а в больших убивает»). Ставки были высоки, и решение перенесли на следующий день. Не сомкнув глаз всю ночь, Ришельё в конце концов согласился: лучше повременить, не принимать открыто чью-либо сторону и защищать немецкие католические княжества.

Тогда же, 6 января, в Вике между Людовиком XIII и Карлом IV Лотарингским был заключен союзный договор. Карл пообещал не предпринимать враждебных действий против Франции и не мешать прохождению ее войск в обмен на возвращение ему крепости Марсаль, а также препятствовать браку своей сестры с Гастоном Орлеанским. Герцог тоже был превосходным актером: он знал, что венчание уже состоялось три дня тому назад, и герцог Орлеанский, вступив в права супруга, уехал к матери в Брюссель.

Требовалось как следует припугнуть Месье, чтобы он не думал, что ему всё сойдет с рук. Но, как и в случае с «заговором Шале», покарать пришлось практически непричастных.

На этот раз в роли «стрелочника» выступил злополучный Луи де Марильяк. После ареста в лагере Фолиццо его перевезли из Италии во Францию, в Сент-Менеуль. Марильяк потребовал, чтобы его судила Большая палата Парижского парламента, поскольку он имел на это право. Однако король отказал, невзирая на протесты парламента, и передал дело на рассмотрение комиссии, состоявшей из членов Совета и магистратов Бургундского парламента, которая впервые собралась в Вердене в конце сентября 1631 года. Маршалу было предъявлено обвинение в хищении казенных средств — беспроегрышный вариант. Следствие шло крайне медленно, жалобы и апелляции обвиняемого встречали сочувствие, Ришельё уже начал бояться, как бы его не оправдали, и 11 ноября деятельность комиссии была прекращена.

В конце февраля 1632 года Марильяка перевели из Вердена в Понтуаэ, а следственная комиссия теперь заседала в замке, принадлежавшем кардиналу-герцогу. Комиссарам претило собираться в месте, куда были

стянуты войска для охраны узника, и 8 марта они перебрались в Рюэй, резиденцию кардинала. Отныне ее возглавлял хранитель печатей маркиз де Шатонёф. 8 мая Марильяк был приговорен к смерти тринадцатью голосами против десяти. Как пишет Тальманде Рео^[43], Ришельё, узнав об этом решении, воскликнул: «Я не думал, что будет за что умертвить господина де Марильяка, однако Господь даровал судьям познания, которых не дал другим людям. Надо думать, что он был виновен, раз эти господа осудили его». Через день несчастного казнили на Гревской площади в половине пятого пополудни. Перед тем как взойти на эшафот, маршал сказал: «Я часто смотрел смерти в глаза, но никогда не видел ее так ясно, как сегодня... Эта смерть — всего лишь стальной ветер, но следует задуматься о том, какая подлость следует за ней».

В самом деле, эта казнь оказалась первой в длинной череде несправедливых суждений... Через десять дней шевалье де Жар, приговоренный к смерти за намерение переправить в Англию герцога Орлеанского и королеву-мать, был помилован прямо на эшафоте и пожизненно заключен в Бастилию.

Сразу после гибели Марильяка королева-мать и Гастон пригрозили отомстить его судьям. Из Брюсселя в Пезена, где находился двор герцога де Монморанси, приехал аббат д'Эльбен — брат епископа Альбигийского, сочувствовавшего Месье и пользовавшегося авторитетом у герцога. Гастон уверял последнего, что в скором времени вступит во Францию во главе армии, набранной герцогом Лотарингским и испанцами. Единокровный брат короля Антуан де Море оставил двор и примкнул к нему.

Анри де Монморанси не любил заниматься политикой. Любезный и обаятельный, галантный кавалер, он умел нравиться всем и не имел врагов. Зимой в его особняке в Монпелье или в замке Пезена устраивались балы, балеты и пиры, на которые являлись дворяне, представители духовенства и крупной буржуазии из Лангедока. Отважный в бою, герцог, тем не менее, отнюдь не стремился к новой войне. Он знал, что в его провинции неспокойно, и не хотел бы оказаться между двух огней. Он написал Гастону, прося не начинать действий без сигнала, но нетерпеливый Месье уже в середине июня выступил в поход во главе наспех набранной армии наемников из четырех-пяти тысяч плохих солдат, за которыми шли по пятам две королевские армии — под командованием Лафорса и Шомберга. Ришельё до последнего момента не верил, что Монморанси примкнет к бунтовщикам, и поставил его в известность, что находится в курсе происходящего. Герцог ответил уверениями в преданности...

Гастон Орлеанский издал манифест, призывавший добрых французов

присоединиться к нему, чтобы освободить короля из-под влияния Ришельё и сбросить иго ненавистного министра. Дижон остался верен монарху и не открыл ворота его брату. Местные магистраты ответили, что подчиняются только приказам короля. Гастону ничего не оставалось, как идти в Лангедок, и Монморанси захватило водоворотом событий. Он ничуть не обманывался по поводу того, чем рискует, и намеревался, если дела станут совсем плохи, бежать из страны и предложить свои услуги Густаву Адольфу.

Кстати, в апреле 1632 года шведский король нанес в Баварии очередное поражение Тилли, который был смертельно ранен и умер в Ингольштадте. В мае Густаву Адольфу покорились Аугсбург и Мюнхен, а его союзники саксонцы заняли Прагу. Правда, шведские войска так же грабили и разоряли местное население, как и наемные армии, а потому крестьяне, которые сначала поддерживали шведов, видя в них освободителей от габсбургского господства, стали поднимать восстания в тылу, вынудив Густава Адольфа временно прекратить военные действия на юге Германии. К тому же Людовик XIII, встревоженный успехами шведского кузена, прекратил выплачивать ему субсидии, а не менее встревоженный император призвал на помощь ушедшего было на покой генералиссимуса Альбрехта фон Валленштейна. Набрав новые полки, выдающийся полководец взял Прагу, очистил Богемию от саксонцев и двинулся в Баварию, однако, несмотря на тройное превосходство сил, три месяца простоял под Нюрнбергом, занятым шведами.

Снова запахло порохом и во Франции. В конце июля герцог де Монморанси пересмотрел свое решение заменить налоговых чиновников комиссарами, рассчитывая на то, что представители короля в провинциальных Штатах, собравшихся в Пезена, выскажут возмущение. Так и произошло. Тогда он арестовал их вместе с архиепископом Нарбоннским, оставшимся верным королю и кардиналу. 22 июля Штаты Лангедока, якобы в интересах короля, обратились к герцогу за военной защитой. По сути это было объявление гражданской войны. Однако эта инициатива не нашла поддержки у населения. Парламент Тулузы остался верен монарху. Духовенство разделилось: мандский епископ был за короля, а епископы Альби, Лодевы, Юзеса и Сен-Понса призывали города открывать ворота Месье и его армии. Людовику было просто необходимо лично выступить в поход, чтобы подавить бунт в зародыше. Снова собрав в Пикардии и Иль-де-Франс распущенные было по домам войска, он зарегистрировал в Парижском парламенте декларацию об оскорблении величия, распространявшуюся на всех, кто поддержит Гастона

Орлеанского, и в середине августа, сопровождаемый всем двором, отправился навстречу брату. Впрочем, предварительно он предложил Месье забыть прошлое, вернуть ему все владения и доходы, если тот распустит войска и исполнит долг верноподданного в течение шести недель.

От Парижа до Лиона примерно 465 километров, оттуда до Тулузы через Монпелье еще 537. Армия продвигалась медленно, а события развивались гораздо быстрее. Маршал Шомберг существенно сэкономил время своему монарху: Людовик еще не добрался до Лиона, когда получил известие, что войска Месье и герцога де Монморанси разбиты 1 сентября под Кастельнодари. Это было даже не сражение, а стычка, напоминавшая рыцарский турнир. У мятежников было три тысячи конников и две тысячи пехоты, по большей части чужеземные наемники, у Шомберга — только 1200 всадников и тысяча пехотинцев, но это была слаженная и дисциплинированная армия. Герцог де Монморанси сражался в первых рядах как настоящий рыцарь, глубоко врезаясь в ряды неприятеля. Он получил более десятка ран, в том числе в лицо, его конь рухнул на землю и придавил собой седока. Королевские офицеры дали ему последний шанс бежать с поля боя: они надеялись, что герцога подберут его солдаты; однако этого не произошло, и пришлось взять герцога в плен. Судьба была несправедлива к Монморанси — он не скончался от ран, что было бы почетной смертью. А вот граф де Море был убит.

На следующий день войскам Шомберга, занявшим Кастельнодари, пришлось снова сразиться с солдатами Гастона, но исход боя был предreshен. Месье отступил в Безье и отправил к брату парламента, прося помиловать Монморанси.

Пока Людовик XIII проводил в Лангедоке административные преобразования (отменил 29 финансово-податных округов, из-за которых, собственно, и загорелся сыр-бор, и подтвердил привилегии провинциальных Штатов), Монморанси перевезли в Тулузу, где он должен был предстать перед судом парламента. Следственную комиссию вновь возглавил Шатонёф, когда-то верой и правдой служивший отцу обвиняемого... На сей раз смертного приговора было не избежать: в отличие от Марильяка Монморанси выступил против короля с оружием в руках; но он пользовался такой любовью и уважением, что для магистратов исполнение своего долга стало пыткой. Судьи должны были по очереди высказать свое решение вслух, но это оказалось не по силам старейшине парламента — он прислал запечатанное письмо, в котором написал: «Ж. Т., крестник коннетабля де Монморанси, считаю, что герцог Анри де

Монморанси должен быть обезглавлен».

Сестра осужденного принцесса де Конде, герцог Ангулемский, Анна Австрийская, герцог Савойский, папа Урбан VIII умоляли Людовика XIII о пощаде, но тот был непреклонен. Переговоры с Гастоном, который хотел было выставить помилование Монморанси главным условием своей лояльности, завершились 29 сентября: Людовик соглашался простить лишь тех сподвижников Месье, которые находились теперь рядом с ним. Таким образом, амнистия не распространялась на Монморанси, а также ле Куанё, Монсиго и Вьевиля, пребывавших в Брюсселе.

В момент этих переговоров Людовик находился в Монпелье, а Гастон — в Безье; расстояние между этими городами не превышает 78 километров, но братья, с легкостью преодолевавшие гораздо большие дистанции, не пожелали провести один день в седле, чтобы увидеться. Переговоры с принцем вел сюринтендант финансов де Бюльон. «Опыт научил меня, что никогда нельзя выступать против короля», — сообщил ему 24-летний Гастон. Он всегда легко бросался словами, вот и сейчас заявил, что вельмож «нужно уничтожить сообща, грош им цена», а главная виновница всему — королева-мать, втянувшая его в эту ссору: «Ее упрямство наделало бед, а она теперь развлекается богомольем». Приняв и подписав доставленный ему договор (то есть практически смирившись с гибелью Монморанси, которого он же и подставил), Гастон решил отправиться в свои орлеанские владения. В Дижоне 23 октября он узнал о начале суда над губернатором Лангедока — и тут же послал к брату гонца, умоляя о пощаде для герцога.

В это время сам Монморанси через капитана гвардейцев Шарлю, эскортировавшего его в парламент, попросил кардинала заступиться за него перед королем, обещая служить ему честью до самой смерти. Рассказывают, что разговор с капитаном растрогал Ришельё до слез, однако результатов не дал. Еще бы: после пленения герцога кардинал лично написал длинную записку королю, призывая его оставаться неумолимым.

Под стенами дворца архиепископа Тулузского, где остановился Людовик, день-деньской толпился народ. Когда король проезжал во дворец, толпа опускалась на колени, крича: «Пощады! Пощады!» Эти крики были слышны целый день. Но всем заступникам Людовик отвечал одно: «Пощады не будет, пусть умрет. Нет греха в том, чтобы предать смерти человека, который это заслужил. Я могу лишь пожалеть о нем, раз он по своей вине попал в беду». В некоторых мемуарах содержится упоминание о том, что в момент пленения на руке герцога был браслет с осыпанным бриллиантами портретом Анны Австрийской. Несомненно, Людовику об

этом донесли. И хотя он заявил, что «не был бы королем, если бы позволил себе иметь личные чувства», всё-таки кое-какие личные чувства, видимо, примешивались к его решению...

Справедливости ради надо сказать, что Людовик не вел себя как твердокаменный истукан, совершенно лишенный сострадания или не ведающий иных чувств, кроме мстительности и злобы. Он тоже любил герцога и помнил о его заслугах, суровое решение далось ему ценой великих душевных терзаний. Капитану Шарлю, который принес ему знак Ордена Святого Духа и маршальский жезл осужденного, а затем, упав на колени, вновь стал молить о пощаде, король ответил, не скрывая слез: «Скажите ему, что единственная милость, какую я могу ему оказать, — палач к нему не прикоснется».

Монморанси отвели целый день на то, чтобы исповедаться и причаститься, — это тоже была особая милость. Герцог написал три письма: жене, сестре и своему доброму другу кардиналу де Лавалетту, но король разрешил передать только записку жене.

Утром 30 октября 1632 года ворота тулузской ратуши были закрыты, стража получила приказ никого не впускать. Во внутреннем дворе поставили эшафот. Явились городские чиновники в парадных одеждах, прево со стражей и гвардейцы капитана Шарлю. Здесь же были духовник короля отец Арну и кардинал де Лавалетт.

Около девяти привели Монморанси. Было довольно прохладно, но герцог остался в легком камзоле из тонкого белого сукна: свой расшитый золотом кафтан он, по традиции, отдал тюремщикам. Руки ему связали шелковым шнурком. Получив благословение отца Арну, он поднялся на эшафот.

Памятуя о том, как мучился Шале, для казни герцога решили использовать итальянское изобретение — острый топор, зажатый меж двух деревянных стояков. Палач попросил позволения обрезать слишком длинные волосы герцога, чтобы удар надежнее достиг цели.

Монморанси сам завязал себе глаза и лег на плаху. Он не сразу нашел удобное положение, поскольку раны всё еще болели. Палач дернул за веревку, топор упал, голова отделилась от тела. Убитый горем Лавалетт велел положить останки друга в свою карету и отвез к месту захоронения.

«Сир, смертью герцога де Монморанси ваше величество преподало большой урок на земле, но Господь в милости своей сделал его великим святым на небесах», — сказал отец Арну, сообщая Людовику о свершении казни. «Ах, отец мой, — отозвался тот с болью в голосе, — я хотел бы способствовать его спасению более мягким способом...»

Гастон Орлеанский 30 октября собственноручно написал королю и кардиналу, заклиная сохранить герцогу жизнь. Он был уже в Туре, когда узнал о казни Монморанси. Теперь он облачился в траур и снял с себя ленту Ордена Святого Духа. Раз король беспощаден к своим заслуженным и знатым слугам, жизнь его родного брата тоже находится под угрозой. «Я не уехал бы из королевства, если бы моя жизнь здесь была в безопасности», — заявил он своей свите.

Двенадцатого ноября он отправил Людовику письмо, заявив, что подписал соглашение в Безье лишь потому, что был уверен в помиловании Монморанси. Но поскольку все его «выражения покорности» ни к чему не привели, отныне он будет искать убежище за границей.

На самом деле у бегства Гастона была иная причина. Его фаворит Пюилоран, на которого распространялась амнистия, неосторожно проговорился королевским представителям о помолвке герцога Орлеанского. В него вцепились мертвой хваткой, и он выцыганил себе прощение лишь ценой точных сведений о тайном браке Месье. Когда Гастон узнал, что король и кардинал теперь в курсе его семейного положения, он собрал своих доверенных лиц, и те хором посоветовали как можно скорее ехать в Брюссель. Он прибыл туда 23 ноября, но Мария Медичи, чтобы не встречаться с разочаровавшим ее младшим сыном, заблаговременно выехала в Малин. Она теперь подпала под влияние ораторианца Шантелуба, бывшего на ножах с Пюилораном.

ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

Непобежденные не все непобедимы.

Пока во Франции разыгрывались эти драматические события, военные действия в Германии приняли не менее напряженный оборот. 16 ноября 1632 года Густав Адольф, обманув ожидания противников, решил перейти в наступление и выбить Валленштейна из Лютцена в Саксонии. Тот велел поджечь город, предварительно заперев жителей в замке. Шведский король сам шел в атаку на правом крыле своих войск. Его лошадь была ранена, та же пуля задела руку седока, и атака продолжилась без него. С Густавом Адольфом остались только семь-восемь человек. В тумане на них наткнулась группа имперских кирасиров; в завязавшейся стычке в короля выстрелили из пистолета и добили шпагами. Один из кирасиров спросил умиравшего, кто он, и услышал в ответ: «Я был шведским королем». Надо отдать должное его солдатам — они отбили тело своего монарха; князь Бернгард Веймарский взял командование на себя, и сражение продолжилось.

Большая часть шведской армии не знала о случившейся трагедии. А вот боевой дух их противников ослаб после гибели имперского полководца Паппенгейма. К концу дня и Валленштейн был ранен пулей в бедро.

Часам к пяти сгустились сумерки, и сражение было прервано. Каждая сторона считала, что победила: шведы захватили пушки и пленных, к тому же противник покинул поле боя; но имперская армия не была разгромлена, тогда как гибель Густава Адольфа ставила под вопрос продолжение военной кампании...

Людовик XIII об этом еще не знал. После стольких переживаний ему требовался отдых, и 14 ноября он уехал из Тулузы напрямик в Версаль, только что отстроенный заново. Кардинал же вместе с королевой, Шатонёфом и герцогиней де Шеврез отправился в столицу длинным путем через юго-запад: он хотел показать ее величеству Бруаж, ЛаРошель и свой замок.

Однако в Бордо он внезапно слег, страдая от рези в животе, гнойных нарывов и сильного жара, к тому же у него открылся свищ. Губернатор д'Эпернон предоставил своего личного хирурга в распоряжение министра, который не счел возможным из-за своего недуга задерживать королеву. 17 ноября там же, в Бордо, скончался Анри де Шомберг (57-летний маршал,

назначенный губернатором Лангедока, недавно снова женился, и его молодая вдова была беременна). Не желая долее находиться во владениях своего врага, Ришельё отправился в путь в носилках, малыми переходами. Людовик, узнав о смерти маршала, назначил губернатором Лангедока его сына Шарля, своего ровесника, который командовал дворцовой ротой «швейцарцев».

Король не зря опасался герцогини де Шеврез: ее женским чарам были все возрасты покорны. Вот и престарелый Шатонёф (ему было почти 53 года) не устоял и предал своего покровителя-кардинала. Не ограничиваясь насмешками в адрес своего патрона, он передавал прекрасной герцогине, поддерживавшей связь с Англией, Гастоном и Карлом Лотарингским, важную информацию о том, что обсуждалось на заседаниях Совета. Однако он несколько недооценил Ришельё и возможности его агентуры.

Королева прибыла в Париж 12 декабря, но муж нарочито игнорировал ее. Герцогине де Шеврез было запрещено появляться при дворе, когда там находится король. Сам Людовик, прежде чем отправиться к королеве, справлялся, нет ли там сейчас герцогини, чтобы не встретиться в покоях жены со своим врагом. Анна провела в Версале целых четыре дня и за это время виделась с мужем только однажды, успев поговорить с ним лишь два часа. Раздосадованная, она вернулась в Париж.

Никаких выводов для себя она не сделала, вероятно, списав неласковый прием на неучтивость супруга, который совершенно ее разлюбил, хотя она, кажется, делала всё, чтобы ему угодить... Но 4 февраля 1633 года король сообщил в письме Ришельё, что герцогиня де Шеврез только что принимала в Жуаре гонца из Англии. «Признаюсь, что две вещи чрезвычайно мне досаждают и порой мешают спать: наглость парламента и насмешки известных Вам особ надо мною и над Вами; поверьте, мы с Вами сладим и с теми и с другими». Последней каплей, переполнившей чашу монаршего терпения, стало письмо герцогини Карлу Лотарингскому, извещавшее о планах Людовика захватить крепость Муайенвик. Зная, через кого произошла утечка информации, король, находившийся тогда в Сен-Жермене, 25 февраля забрал печати у Шатонёфа, велел его арестовать и отвезти в Ангулем (оттуда он выйдет только через десять лет). Новым канцлером стал Пьер Сегье. Герцогине же было предписано отправиться вместе с мужем и детьми в свой замок Кузьер в Турени.

Ветреная Мари де Роган поддерживала связь с европейскими шпионскими сетями «из любви к искусству»: романтическая натура не могла удовлетвориться мирной жизнью матери семейства, ей не хватало адреналина. Но таких людей (к счастью) было мало; прочие требовали за

свои услуги существенное вознаграждение. Всё на свете продается и покупается, и Ришельё знал это, как никто другой. Он еще в 1626–1628 годах начал реформу французской разведслужбы по испанскому образцу. К 1633 году всю Европу накрыла невидимая паутина, главные нити которой тянулись в Париж — в руки его преосвященства, которому помогали государственные советники Клод и Леон Бутилье^[44], а также отец Жозеф Трамбле, прозванный «серым кардиналом». Передовыми технологиями того времени были шифрование и тайнопись.

Главным резидентом в Испании был граф де Барро, который сумел раздобыть не только копии, но и оригиналы протоколов заседаний Государственного совета в Мадриде (испанские чиновники тоже любили деньги). В июле 1633 года он вовремя предупредил о готовящемся нападении на Марсель и планах высадки десанта в Бресте. Барро помогал его секретарь Пени — настоящий гений разведки, наблюдательный, проницательный, непревзойденный вербовщик «кротов». Однако испанцы тоже были не лыком шиты и очень скоро заподозрили во французских дипломатах агентов Ришельё. В том же году чрезвычайному послу в Испании Ботрю намеренно долго не выдавали паспорт, а пока суд да дело, арестовали, обыскали и конфисковали его имущество на таможне. Людовик XIII заявил решительный протест, но никакого возмещения ущерба добиться не удалось. Это была месть за введение Францией в 1630 году в одностороннем порядке обязательных паспортов. Понятно, что нелюбовь французского короля к испанцам, которую он испытывал с самого детства, только усилилась...

После отъезда герцогини Анна Австрийская опять осталась одна, хотя... Парадоксальным образом фаворитка короля Мари де Отфор сделалась подругой его жены. Ее отношения с королем по-прежнему не выходили за рамки платонических; даже находясь с ней наедине, Людовик избегал приближаться к ней. «Я король и мог бы добиться успеха, если бы захотел, — сказал он однажды Клоду де Рувруа, когда тот со свойственной ему бесцеремонностью намекнул, что понравившаяся ему девица была бы не прочь услужить своему государю. — Именно поэтому я должен помнить, что Бог не велит мне злоупотреблять своей властью. Он наделил меня ею, чтобы подавать пример моим подданным».

Людовик был способен оценить женскую красоту, но ставил много выше добродетель и целомудрие. Тальман де Рео приводит рассказ о том, как во время пребывания короля в Дижоне некая весьма привлекательная особа с чересчур откровенным декольте имела смелость сесть напротив него во время публичной трапезы. Людовик надвинул шляпу на лоб и

избегал смотреть на свою визави, но в конце обеда, допивая кубок, плюнул вином прямо на ее открытую грудь. Автор «Занимательных историй» удивляется, как эта особа вообще оказалась на обеде, поскольку накануне, когда одна дама просила капитана охраны пропустить ее к королю, тот уже готов был согласиться, но вдруг заметил ее декольте. «Прикройтесь, сударыня, или уйдите, — сказал он, — король будет о вас дурного мнения. Вам бы следовало знать, что ему не по душе подобная нагота». В той же книге говорится, что Людовик однажды застал Мари читающей письмо, которое она, увидав его, быстро спрятала за корсаж. Анна Австрийская из лукавства стала подначивать мужа выяснить любовную тайну своей фрейлины и даже схватила ее за руки, чтобы он мог достать письмо. Тогда Людовик взял каминные щипцы и попытался вытащить ими записку, но, не преуспев, бросил их и ушел, крайне раздосадованный. Любовь короля к Мари де Отфор выражалась практически в одной лишь ревности, а его порядочность, вместо того чтобы стать примером для подданных, сделалась поводом для насмешек...

Читатель уже получил представление о нравах французских придворных; даже некоторые священники, чьим долгом было воспитывать свою паству, наоборот, развращали ее. Как раз в 1633 году разразился скандал в Лудене: кюре церкви Святого Петра Урбан Грандье обрюхатил молодую девицу, родственницу духовного руководителя монастыря урсулинок отца Миньона. Грандье начал сниться юным урсулинкам, хотя они его никогда не видели, и эти сны доводили их до истерики. По стечению обстоятельств в город приехал государственный советник Жак де Лобардемон, родственник настоятельницы монастыря урсулинок, чтобы проследить за разрушением городских укреплений. Грандье резко этому воспротивился. Между тем истерики монахинь продолжались: они вопили и богохульствовали.

Вернувшись в Париж, Лобардемон доложил обо всем королю и кардиналу, которые поручили ему расследовать это дело. Грандье был арестован и обвинен в колдовстве. На него стали собирать компромат, что было весьма несложно сделать (он насмехался над монашескими орденами, написал трактат о безбрачии священников, которого не признавал, и памфлет против Ришельё), а из монахинь изгоняли бесов — без особого успеха. Понимая, какая угроза над ним нависла, Грандье написал письмо королю с «научным» обоснованием нелепости возводимых на него обвинений: во-первых, монахини вовсе не одержимы, поскольку неспособны пророчествовать, говорить на каких-либо языках, кроме французского, и подниматься на воздух, что суть главные признаки

человека, в которого вселился дьявол. «Я лишь прошу Ваше величество прислать двух докторов из Сорбонны, чтобы судить об истинности одержимости, и хороших судей, чтобы зрело изучить мое дело. Если я виновен, прошу лишь о смерти на колесе в самых жестоких муках. Если я невиновен, разумно заявить о моей невиновности. Умру ли я или останусь жить, я вечно останусь Вашим смиренным, покорным, верным и несчастным слугой и подданным».

К сожалению, французский историк Ролан Вильнёв в книге «Загадочное дело Грандье» не упоминает, получил ли несчастный ответ на свое письмо. Скорее всего нет; как мы увидим, Людовик XIII в то время был занят куда более важными вещами, чем судьба какого-то вольнодумца и развратника. В глазах судей шрам на большом пальце правой руки был убедительным доказательством того, что обвиняемый заключил договор с нечистым, который подписал своей кровью. Грандье подвергли пыткам и приговорили к сожжению на костре. На допросах он не сознался ни в чем, кроме прелюбодеяния. Его сожгли 18 августа 1634 года, но урсулинок это не исцелило. Их истерики продолжались еще много лет, и настоятельница стали называть уже не одержимой, а избранной и прорицательницей...

В те времена медицина находилась в зачаточном состоянии; психиатрия же начала делать первые шаги только века через полтора. Сталкиваясь с необъяснимыми хворями и напастями, люди предпочитали взывать к высшим силам, а не к псевдоученым докторам. Суеверия были широко распространены. Отдавала им дань и бездетная королевская чета, не оставлявшая попыток обзавестись наследником. Анна Австрийская совершала паломничества на могилы святого Фиакра и святого Норберта, моля даровать ей сына. Впрочем, лейб-медик короля Бувар посоветовал целебные воды в Форже, маленьком городке в Нормандии. В июне 1633 года супруги отправились туда; на несколько дней к ним присоединился кардинал. Целебный источник попросту бил из земли; Людовик поручил итальянцу Франчини оборудовать всё как полагается, и тот сделал три ответвления родника: для королевы, короля и кардинала. Так во Франции появился свой курорт. Железистые воды Форжа помогали от анемии, возможно, они оказали на венценосную чету какое-то благотворное воздействие, поскольку король и королева впоследствии принимали их регулярно.

Стараясь восстановить мир в королевской семье, Ришельё одновременно препятствовал наступлению мира в Европе. Густав Адольф погиб очень не вовремя. Император мог воспользоваться новыми обстоятельствами, чтобы заключить перемирие с протестантскими

княжествами, а этого нельзя было допустить. Поэтому кардинал всеми дипломатическими средствами способствовал заключению Хайльбронского союза (13 апреля 1633 года) между Швецией и протестантскими субъектами Священной Римской империи под руководством канцлера Акселя Оксеншерны. Тот назначил на август съезд всех протестантских князей. Тогда же, в августе, Людовик XIII предпринял новый поход в Лотарингию, чтобы наказать лживого герцога, и осадил Нанси. Парижский парламент постановил конфисковать Баруа — владение французской короны.

Первого сентября, в четыре часа утра, из городских ворот Нанси выехала карета кардинала Никола Франсуа Лотарингского, брата герцога, который вел с королем переговоры о капитуляции. Миновав французские посты, карета остановилась, оттуда выбрался юноша и вместе с сопровождавшим его дворянином продолжил путь верхом на лошадях, заранее спрятанных в кустах. Они направлялись в сторону Испанских Нидерландов.

На самом деле под видом мальчика путешествовала Маргарита Лотарингская. Через три дня пути — верхом и в карете — она достигла Намюра, где ее встречал муж. Изгнанник Гастон стал практически ландскнехтом: он участвовал в осаде Маастрихта испанцами и хорошо себя зарекомендовал. С одной стороны, ему хотелось домой, и он периодически посылал гонцов к Людовику; с другой стороны, ему было мало Бурбонне, которое предложил ему брат. В Брюсселе молодые супруги подошли под благословение «тетушки», инфанты Изабеллы, которая взяла с Гастона слово примириться с братом и вернуться во Францию, уверяя: «Он простит тебя, он настоящий христианин».

Нанси открыл свои ворота 25 сентября; Карл Лотарингский, проводивший переговоры с Ришельё, согласился на все условия короля. Он предпочел отречься от престола в пользу брата, который вернул папе римскому свою кардинальскую шапку и женился на кузине, принцессе Клод. Новоиспеченные супруги немедленно уехали в Тоскану; сестра герцога Генриетта, бывшая замужем за князем Фальсбурга, тоже укрылась за границей, а сам Карл IV поступил на службу к императору Фердинанду. Лотарингия де-факто была присоединена к Франции. Чтобы эта аннексия выглядела законной, правительство подало в суд на Карла Лотарингского, обвинив его в похищении Месье.

Однако население этой провинции вовсе не было радо переменам в своей судьбе. Духовенство, подстрекаемое иезуитами, критиковало Францию за союз с протестантскими государствами. К тому же Рим,

Мадрид и Вена собирались после заключения общего мира восстановить в правах Лотарингский дом. Всё это так, но Лотарингия имела стратегическое значение, защищая Францию с востока и позволяя, в случае необходимости, нанести удар по империи или оказать помощь Нидерландам. Более того, присутствие в герцогстве королевских войск побудило несколько городов Эльзаса перейти под покровительство христианнейшего короля, нарушив сношения между Испанскими Нидерландами и Франш-Конте.

В это время Ришельё принял гонцов от Валленштейна. Утратив доверие венского двора из-за тайных переговоров со Швецией и Саксонией, знаменитый полководец был готов заключить союз с протестантами, поскольку сам вознамерился стать королем Богемии. Его шпага стоила дорого (Мария Медичи не наскребла денег, чтобы направить Валленштейна против Франции), и Ришельё предложил ему миллион в год и обещание признать его королем Богемии. Возможно, они даже заключили договор, но и эта карта вскоре оказалась бита. В феврале 1634 года Фердинанд II отрешил Валленштейна от командования и объявил его мятежником, поручив генералам Пикколомини и Галласу доставить его в Вену живым или мертвым. Те предпочли второй вариант: 25 февраля два офицера-шотландца убили приближенных генералиссимуса, а капитан Вальтер Девер с драгунами вломился в его спальню. Валленштейн встал с кровати, прислонился к стене и принял смертельный удар алебардой в грудь. Людовик XIII не пожалел о смерти кондотьера, слишком часто менявшего партии и нарушившего клятву своему сюзерену для удовлетворения личных амбиций. Он понимал чувства Фердинанда II...

Ришельё было не до сантиментов. Император укрепил свои позиции, оставалось ослабить Испанию. 15 апреля Людовик XIII заключил договор об оборонительном и наступательном союзе с Соединенными провинциями. Франция не была обязана немедленно порвать с Испанией, однако договор был рассчитан только на год. Штатгальтер Соединенных провинций предложил французскому королю вместе завоевать Испанские Нидерланды; тот отдал проект на рассмотрение своему министру. Ришельё тщательно изучил все плюсы и минусы и пришел к выводу: «Может статься, что как только исчезнет преграда между нами и голландцами, мы окажемся втянуты в войну между ними и испанцами». Он выдвинул встречное предложение: помочь бельгийцам обрести независимость, а потом перейти под покровительство Франции и Соединенных провинций. Эта идея осуществилась только два века спустя...

Между тем в Испанских Нидерландах находились ближайшие

родственники и самые непримиримые противники короля. Своим необдуманном браком Гастон дал старшему брату предлог для овладения Лотарингией. Однако 24 января 1634 года во время судебного заседания в присутствии короля брак Месье был признан недействительным. Тогда Гастон уже торжественно и публично подтвердил свой союз с Маргаритой перед архиепископом Малина. Упрямство было наследственной чертой братьев, но Гастону было просто необходимо настоять на своем, чтобы продемонстрировать, что он больше не мальчик и сам способен выбрать себе жену. Мудрый отец Жозеф уговорил короля возобновить прерванные переговоры. Гастон женат, это факт, с которым надо смириться, ну что ж теперь поделаешь... К тому же за окончательным решением этого вопроса можно обратиться к римскому папе. 30 марта Гастон написал брату длинное письмо, напирая на родственные чувства и благочестие. В конце апреля он получил весьма ободряющий ответ: большинство его предложений принято.

Но не тут-то было: преемник инфанты Изабеллы (она скончалась 2 декабря 1633 года) маркиз д'Айтона получил из Мадрида приказ как можно дольше удерживать принца в Испанских Нидерландах. Со своей стороны, Мария Медичи не допускала даже мысли о том, чтобы сын вернулся на родину без нее. Переступив через свою гордыню, она начала переговоры с Ришельё; но требование выдать правосудию Матье де Морга и Шантелуба, естественно, оказалось для нее неприемлемым. Шантелуб винил во всем Пюилорана, который за деньги и герцогский титул готов продать их всех. Вечером 3 мая Пюилоран направлялся к своему патрону, как вдруг притаившийся за углом неизвестный выстрелил в него из мушкета. Пуля оставила только царапину, но Гастон сразу понял, кто стоит за этим покушением, и со свойственной ему горячностью устроил обыск у Шантелуба. Ничего не найдя, он всё равно порвал все отношения с матерью. На следующий же день маркиз д'Айтона навязал Гастону договор, по которому он должен был поклясться не заключать мир с Людовиком XIII в ближайшие несколько лет. Герцогу Орлеанскому наконец-то открылась истина: он — заложник в руках испанцев. Его запросто могут выслать в Испанию, а если в Нидерландах поднимется восстание против испанцев, его выдадут французскому королю и Ришельё.

Приходилось хитрить. Но интриги Гастону никогда не удавались. В середине июля он вновь отправился на осаду Маастрихта, но прежде велел своему интенданту финансов Пассару заручиться согласием римского папы стать посредником в переговорах между братьями. Пассар спрятался в карете итальянского аристократа, но при пересечении границы был

обнаружен шпионами Ришельё. Пришлось раскрыть карты; зато, не виляя, быстрее пришли к цели. Договорились, что, как только принц вернется во Францию, вопрос о его браке будет рассмотрен согласно французскому законодательству; если он будет расторгнут, Гастон сможет заново жениться на ком заблагорассудится. Ему вернут всё имущество, все владения и пенсии плюс выделяют 400 тысяч ливров на уплату долгов. Пюилоран получит титул герцога и Бурбонне.

Международная обстановка снова осложнилась. Испанцы планировали наступление на Байонну, но Барро вовремя узнал об этих планах и предупредил губернатора господина де ла Саля, входившего, кстати, в его разведсеть. В августе Карл Лотарингский привел подкрепления к Галласу и Пикколомини, противостоявшим шведским войскам под командованием Бернгарда Саксен-Веймарского и Густава Горна. Одновременно шедшая в Нидерланды испанская армия, руководимая кардиналом-инфантом Фердинандом, младшим братом Анны Австрийской, решила сделать крюк, чтобы соединиться с войсками Священной Римской империи.

Имперская армия осаждала Нёрдлинген в Баварии, занимая поросшие лесом высоты. Против тридцати тысяч солдат неприятеля шведы могли выставить только 20 тысяч, к тому же их пехота оказалась отрезана от собственной артиллерии. Маршал Горн предпринял попытку пробиться к городу. Наступление началось на рассвете 6 сентября 1634 года. Шведам удалось смять правый фланг имперцев, однако те перешли в атаку и опрокинули саксонцев. После пяти часов кровавой битвы Густав Горн был взят в плен, протестанты потеряли три четверти армии убитыми и пленными. Среди уцелевших был Шарль де Сент-Мор, герцог де Монтозье — один из французских добровольцев, негласно помогавших союзникам.

В Париже о разгроме протестантов узнали 11 сентября. Уже через шесть часов после прибытия гонца с печальной вестью Ришельё составил «записку для короля». В отличие от всех предыдущих документов такого рода, в которых кардинал излагал свои гипотезы, аргументы за и против, предоставляя королю принять решение, в этом почти каждая фраза начиналась со слов «совершенно ясно, что...». Министру было совершенно ясно, что теперь, когда союз протестантских князей потерпел поражение, Габсбурги всей мощью обрушатся на Францию, и ей придется плохо, если она окажется одна против всех. Война будет долгой, у короля нет достаточно войск, а главное, денег, чтобы их набрать. Кардинал знает, как неохотно его величество входит в лишние расходы, вынуждающие его облагать подданных новыми налогами; однако лучше сделать это заранее, чем потом выискивать средства в пожарном порядке. Пока наши дела не

так уж плохи: французские войска контролируют несколько областей в Южном Эльзасе, Филипсбург на Рейне, Кобленц и крепость Эренбрейтштейн. Курфюрст Трирский перешел под покровительство Людовика XIII. Правда, имперцы до сих пор удерживают Брейзах, а вольный город Страсбург может в любой момент позволить неприятельской армии перейти через Рейн. Но если союзники-протестанты, собравшиеся на съезд во Франкфурте, потребуют от французского короля немедленно вступить в войну, лучше, исходя из внутренних интересов королевства, всё-таки выждать несколько месяцев...

Королю 33 года — возраст Христа. А он одинок, бездетен и слаб здоровьем. Его самый верный помощник тоже борется с разнообразными недугами, а вокруг них — завистники и интриганы. Опереться не на кого.

По счастью, герцогу Орлеанскому надоело быть козырем в шулерской колоде. Он решил бежать во Францию, как только представится удобный случай. И случай не замедлил представиться: 8 октября была устроена охота. Ранним утром принц умчался через лес вместе с приближенными и скакал без роздыху до ближайшей к Брюсселю французской крепости — Ла-Капель. На то, чтобы преодолеть 25 лье (около сотни километров), ушло 18 часов; под Гастоном пала лошадь, и он пересел на другую. Стояла лунная ночь, когда беглецы достигли цели. Комендант крепости вышел на стену и велел им остановиться и назвать себя. «Барон дю Бек, не велите стрелять, я здесь с позволения короля и по его воле!» — прокричал Месье.

Зарю нового дня он встретил уже свободным. А вольные города Эльзаса согласились принять французские гарнизоны в обмен на сохранение своей автономии, свободы вероисповедания и соблюдение своих обязательств по отношению к императору. Кольмар же перешел под покровительство французского короля; большая часть Эльзаса была занята французскими войсками.

Встреча Людовика и Гастона состоялась 21 октября в Сен-Жермене.

— Не знаю, страх или радость мешает мне говорить, — произнес Гастон, волнуясь, — но мне ничего не остается, как просить вас простить меня за всё, что было.

— Я вас простил, — великодушно отвечал Людовик, — не будем говорить о прошлом, но лишь о моей великой радости видеть вас здесь.

Через десять дней Гастон был в Орлеане, а 11 ноября прибыл в Блуа. 28-го числа Пюилоран, ставший герцогом и пэром, пошел под венец с племянницей Ришельё мадемуазель де Поншато. Взамен он обещал кардиналу «разженить» принца.

К концу месяца Франция завладела уже почти всем Эльзасом, за

исключением Зундгау по соседству со швейцарскими кантонами. Со шведами и Хайльбронским союзом был заключен договор, по которому Франция могла претендовать на Брейзах и города на правом берегу Рейна, как только оттуда выйдут имперцев и испанцев. Людовик XIII, со своей стороны, обязался порвать с императором, но при условии, что саксонский и бранденбургский курфюрсты сохранят верность Хайльбронскому союзу. В случае войны с Габсбургами он должен был выставить армию в 12 тысяч солдат и тогда получил бы право заседать в совете Союза. Франция выговорила себе право оказывать покровительство католическим князьям и городам, а ее союзники пообещали восстановить католический культ в завоеванных ими землях.

Договор с Соединенными провинциями было решено продлить. Новый договор был заключен 8 февраля 1635 года: французы и голландцы должны были направить в Бельгию армии по 30 тысяч солдат. Если Бельгия восстанет и провозгласит независимость, новое государство будет пользоваться покровительством обоих союзников, если же нет — они поделят завоеванные земли.

Успехи французской дипломатии надо было отметить. В Лувре шла подготовка «Балета торжеств», и король, как обычно, был поглощен этим процессом. Однако прежде балета в Париже разыгрался совсем другой «спектакль».

Гастон Орлеанский находился в столице, и в среду 14 февраля Людовик пригласил его в Лувр вместе с Пюилораном, чтобы присутствовать на репетиции балета, представление которого было назначено на воскресенье. Пока шла репетиция, Ришельё обедал у канцлера Сегье в обществе принца Конце и нескольких финансистов; за столом находились также дю Фаржи и дю Кудре-Монпансье, фавориты Гастона. Кардинал вызвал их поочередно для некоего разговора, после чего оставил ужинать. Папский нунций Болоньетти, из донесения которого известны подробности этой истории, отмечает, что за столом фаворитам принца достались очень неудобные места. По окончании трапезы Ришельё заявил, что потратил слишком много денег в этом доме, и выразил желание отыграться. Кардинал — картежник? Это было пикантно. Игра началась. Но тут явился посланец короля — сказать его высокопреосвященству, что государь ожидает его в Лувре, чтобы узнать его мнение о балете. Ришельё ответил, что счел бы величайшей честью принять это приглашение, если бы не обсуждал сейчас дела его величества с финансистами. «Обсуждение» продолжилось. Однако вскоре в дверях возник другой гонец, заявивший, что король не станет танцевать, если его высокопреосвященства не будет в

зале. Вероятно, это была вторая условленная фраза. Кардинал и принц Конде тотчас встали из-за стола и пошли к своим каретам. Спускаясь по лестнице, Ришельё просил финансистов удовлетворить требования господина дю Кудре-Монпансье, которые он находит справедливыми, и пообещал скоро вернуться. Дю Фаржи он взял с собой в карету. После отъезда его высокопреосвященства канцлер усадил финансистов и дю Кудре-Монпансье в другую карету, где те обсудили все денежные дела, предоставив фавориту принца крупную сумму.

Тем временем привратник запер ворота на двойной замок, но гости, поглощенные возобновившейся игрой, этого не заметили. В скором времени прибыл гонец от кардинала, чтобы объявить канцлеру о его возвращении и просить сделать необходимые приготовления, поскольку его высокопреосвященство желает смотреть комедию. Сегье удивился: где он найдет комедиантов в такой час? Да и сцены в его доме нет... Однако приказ кардинала не обсуждается. Тут явился второй посланный — сказать, что для комедии подойдет комната с двумя-тремя декорациями. Канцлер всё понял и собрал своих людей, чтобы устроить «комедию». В тот момент, когда принц Конде с полусотней солдат занял двор особняка, Сегье вошел в гостиную с командиром своей стражи и объявил дю Кудре-Монпансье, что он арестован по приказу его величества.

Кардинал же, прибыв в Лувр, усладал дю Фаржи с каким-то поручением; за ним следом пошел капитан королевских гвардейцев и арестовал его. Король находился в обществе Гастона и Пюилорана. «А вот и господин кардинал, — обрадовался Людовик, — можно начинать танцы». Поскольку в этот момент они проходили мимо апартаментов королевы, он предложил брату зайти поздороваться с ней, велел при этом страже никого не впускать. Его высокопреосвященство, оставшийся наедине с Пюилораном, сказал, что ему надо кое-кого повидать, и ушел. К Пюилорану тотчас подошел капитан гвардейцев де Горд и объявил, что он арестован по приказу короля. Пюилорана отвели в комнату, некогда принадлежавшую Люиню, отобрали шпагу и обыскали, найдя у него несколько писем. Пюилоран спросил, арестован ли Месье, и, получив отрицательный ответ, облегченно вздохнул, однако при этом добавил: «Вот уж королева-мать порадует!» Его родственник де Шарнизе тоже был арестован, но уже без всяких театральных эффектов.

Разумеется, все эти аресты стали полнейшей неожиданностью для Месье. Людовик лично объявил о них брату, предварительно заверив, что любит его, как сына. Гастон сначала подумал, что это наказание за прошлые прегрешения. А как же слово короля? Но Людовик возразил, что

слово свое держит, а фавориты принца повинны в новых преступлениях. На это Гастон ответил уверением, что если обвинения в адрес Пюилорана подтвердятся, он покарает его своей рукой. Братья обнялись и расстались. Месье отправился к герцогу де Гизу ужинать с кардиналом Лавалеттом и господином де Бутилье, а после ужина вернулся в Лувр, где всё еще продолжалась репетиция, и танцевал до трех ночи. А Пюилорана отвезли в Венсенский замок...

Собственно говоря, вина на нем была одна: он не сдержал данного Ришельё обещания «разженить» принца. Все как-то забыли о том, что у Гастона есть совесть. Он поклялся перед алтарем Маргарите Лотарингской быть ее защитой и опорой в печали и радости, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит их, и не собирался нарушать клятву ради благополучия своего фаворита. Но шел уже 1635 год, а не 1630-й, позиции Ришельё были довольно прочны, и обмануть его ожидания значило подписать себе смертный приговор. Разумеется, требовалось соблюсти приличия, то есть выдумать некую «законную» причину для ареста. Идеальным решением было бы уличить Пюилорана в заговоре против короля. В Брюсселе остался некий господин де Вьёпон, не последовавший за Гастоном во Францию; амнистия на него не распространялась. Он якобы умышлял что-то против Людовика XIII, а Пюилоран вошел с ним в сговор, и если бы не бдительность Ришельё, король не прожил бы и пяти дней. В доме злоумышленника устроили обыск, ничего не нашли, но его это не спасло...

Верил ли Людовик в эти заговоры? Скорее всего да: были прецеденты. Впрочем, в мемуарах маркиза де Монгла (распорядителя королевского гардероба) есть фраза, что мнительные король и кардинал пугали друг друга воображаемыми планами покушения и тем самым свели в могилу один другого...

А «Балет торжеств», в котором танцевал сам король, был исполнен дважды, 18 и 20 февраля 1635 года, в бальной зале Лувра, освещенной восемью сотнями факелов из белого воска и таким же количеством серебряных канделябров с хрустальными подвесками. Музыку для балета написал Антуан Боэссе. В первой картине представляли Пьер Ронсар (маркиз Габриэль де Мортемар, обер-камергер) и еще два поэта его эпохи — Этьен Жодель и Реми Белло, роли которых исполняли Пьер де Ниер^[45] и Антуан Мулинье, два самых знаменитых певца того времени. Во второй картине Людовика прославляла богиня Сены. В третьей его царствованием восхищались музыканты Античности, прославляя добродетели самого справедливого монарха на земле. Впрочем, они исполняли гротескную музыку; вероятно, это был намек на превосходство современных

музыкантов над древними. Далее появлялись Тени умерших придворных в шитых серебром костюмах с павлиньими перьями, рыцари, карлики и кокетки, пастухи, посланники, швейцарцы обоего пола, принцессы и фрейлины, шуты и шутихи. Группа лютнистов изображала небесных музыкантов.

В балете участвовал весь цвет французской аристократии, включая королевскую семью: сам Людовик изображал капитана швейцарцев, а потом придворную даму (ему было не впервой переодеваться в женское платье — он уже исполнял такую роль в балете 1627 года «Серьезность и гротеск»), Гастон — придворного; Анна Австрийская вместе с Мари де Отфор, госпожой де Лонгвиль (сестрой графа де Суассона) и еще одной своей фрейлиной, мадемуазель де Лафайет, выходила в большом балете небесных музыкантов. Даже престарелый (ему было 62 года) герцог Ангулемский Карл де Валуа исполнил несколько па. Отчет о балете появился в «Газете» Ренодо 21 февраля 1635 года: трудно определить, чему больше восхищаться — представшим там красавицам, их ослепительным украшениям или фигурам божеств, которых изображали королева, мадемуазель де Бурбон, госпожи де Лонгвиль, де Монбазон, де Шон, де Лавалетт, де Рец, мадемуазель де Роган, де Сенесей, де Отфор, де Лафайет. Покидая Лувр по окончании представления в три часа утра, «каждый уносил из этого места, полного чудес, ту же мысль, что Иаков, который всю ночь видел ангелов и решил, что именно здесь небо сходится с землей».

Впрочем, Людовик определился с выбором предмета восхищения очень быстро: устремленные на него темные, влажные глаза семнадцатилетней Луизы Анжелики Мотье де Лафайет проникли в самую глубину его души. У новой фрейлины королевы к тому же оказался чудный голос — она пела, словно птичка; король быстро нашел ей роль в «Мерлезонском балете», над которым теперь работал и для которого писал музыку.

Балет, состоявший из шестнадцати актов, был создан королем от начала до конца: Людовик придумал его сюжет и название (слова «merlaison» во французском языке не существует, но, по замыслу автора, так должна называться охота на дрозда — «merle»), поставил танцы, сделал эскизы костюмов и декораций. Кроме того, он сам исполнял несколько небольших ролей: жены торговца силками, крестьянина-сборщика налогов, а также самого дрозда, ловко обходящего все ловушки (примечательно, что роль «короля» из 13-го акта была отдана другому исполнителю). Первый раз спектакль сыграли 15 марта в замке Шантильи, после казни Монморанси перешедшем во владение французской короны, а через день

— в аббатстве Руайомон. То было время карнавала, и красочный, полный фантазии балет вполне соответствовал духу праздника. Если о его хореографии теперь уже нельзя получить представления, то музыка, к счастью, сохранилась в «Манускрипте Филидора»^[46]. Не будучи гениальным композитором-новатором, Людовик XIII проявил себя довольно даровитым музыкантом, усвоившим каноны барокко. Придуманные им мелодии в основном минорные, нежные и протяжные, голос скрипки поддерживался струнными переборами лютни и теорбы. Большая роль была отведена духовым, в особенности волынке и флейте; кроме того, свистульки подражали голосам птиц. Наконец, ударные задавали энергичный ритм «Большому балету», завершающему действо.

Неизвестно, какую роль исполняла в нем прекрасная брюнетка, но в жизни короля она мгновенно вышла на первый план. На самом деле их встреча стала результатом хорошо спланированной интриги камер-фрау Анны Австрийской госпожи де Сенесей, Клода де Рувруа, с января 1635 года носившего титул герцога де Сен-Симона (король сделал его герцогом и пэром, а также кавалером Ордена Святого Духа), дворецкого Сангена и трех фрейлин королевы: мадемуазель де Вьёпон, д'Эш и де Полиньяк, которые, вероятно, преследовали какие-то свои цели или просто хотели досадить Мари де Отфор.

У Людовика никогда не складывались отношения с фаворитами. Понятно, что король не может иметь друзей, однако, как любой человек, он испытывал желание видеть рядом кого-то, кто его любит. Но искренность вообще довольно редкое явление, а при дворе она встречается скорее лишь в виде исключения. «Любить» короля значило стараться ему услужить. Конечно, это было нелегко — Людовик обладал довольно тяжелым характером; однако, видя, с каким терпением несет свой крест очередной избранник, король был готов поверить в его сердечность и немедленно принимался его благодарить — поистине по-королевски: щедрой рукой раздавая должности, титулы, награды... Возвысившись, временщик — будь то Люинь, Баррада или Сен-Симон — воображал, что ему теперь всё позволено, король полностью в его власти и не сможет без него обойтись, и из услужливого и подобострастного становился грубым и дерзким. Затем наступало отрезвление. Если бы Люинь не умер, его, скорее всего, ждала бы опала, как и Баррада. Но для Людовика каждое новое разочарование становилось большой душевной драмой, ведь он по-своему любил человека, которого приближал к себе, и доверял ему. Разрыв давался ему нелегко и наступал только тогда, когда чаша терпения в самом деле была переполнена. Возможно, видя это, новый фаворит полагал, что уж он-то

удержится на возделенном месте, — и совершал все ошибки предшественника.

Тем же путем пошла и Мари де Отфор — «склонность» или «создание», как в письмах называл ее Людовик. Бедный король, не позволявший себе переступить черту «невинной дружбы» и ведший себя со своей пассивностью как благородный рыцарь, терпел от нее массу обид и унижений. Вероятно, жестокосердой фрейлине казалось, что так будет всегда, но тут перед Людовиком явилась Луиза Анжелика. Ее с полным основанием можно было назвать единственной и неповторимой, потому что она действительно любила короля, причем совершенно бескорыстно. Подобное отношение к себе он видел разве что в далеком детстве со стороны кормилицы и гувернантки. Людовик раз за разом приглашал королеву на охоту: в этих выездах должны были участвовать ее фрейлины. От меланхолии не осталось и следа, он стал энергичен, учтив и даже словоохотлив, несмотря на заикание. Жизнь, казалось, пошла на лад. Но 26 марта испанцы оккупировали Трир, пленив курфюрста, находившегося под покровительством французского монарха.

ВОЙНА

Где нет опасности, не может быть и славы.

В апреле 1635 года в Париже принимали важного гостя: шведский канцлер Оксеншерна решил лично отправиться во Францию, чтобы заключить союзный договор. Людовик XIII встретил его с почестями, подобающими чрезвычайному послу, и вел с ним беседу при посредничестве юрисконсульта Гуго Гроция, шведского посланника в Париже. Оксеншерна знал только свой родной язык и латынь, голландец Гроций переводил его слова с латыни на французский. Возможно, Людовик пожалел, что в свое время пренебрежительно относился к урокам: Ришельё, прекрасно владевший латынью, беседовал с канцлером без посредников.

Договор между Францией и Швецией был заключен 28 апреля в Компьене, подтвердив большинство положений договора 1 ноября, не ратифицированного Оксеншерной. Швеция обещала выполнять союзнические обязательства, только если Людовик XIII открыто порвет с Габсбургами. О городах в Эльзасе, де-факто занятых французами, речи не было, но Франция гарантировала Швеции обладание архиепископствами Майнцским и Вормсским, хотя ранее обещала покровительство князьям-епископам.

Император Фердинанд II, побуждаемый происпанской партией при венском дворе, предпринял встречные шаги. Он согласился оказать поддержку католическому королю, поскольку именно участие испанских войск обеспечило победу при Нёрдлингене. Нужно было привлечь на свою сторону протестантских князей, которые уже устали сражаться за религию и больше интересовались светской стороной дела. Они давно поняли, что продолжать братоубийственную войну — значит заниматься самоуничтожением и отдать себя на растерзание чужакам: шведам, французам, испанцам... Во время переговоров Фердинанда с Иоганном Георгом Саксонским в ноябре 1634 года было подписано предварительное соглашение, предусматривавшее всеобщую амнистию и обмен оккупированными территориями.

Война становилась неизбежной, и Людовик начал активно к ней готовиться. В октябре 1634 года капитан королевских мушкетеров де Монтале был отправлен в отставку и капитаном стал сам король, а капитан-лейтенантом — де Тревиль.

Девятнадцатого мая 1635 года герольд в камзоле, расшитом цветками лилии, торжественно проехал под звуки труб по улицам Брюсселя и официально от имени Людовика XIII объявил войну Филиппу IV Испанскому и его представителю кардиналу-инфанту Фердинанду. Возвращаясь в Париж, королевский гонец прибил декларацию Людовика XIII к столбу в последнем бельгийском поселке на своем пути.

На следующий же день французская армия под командованием герцога де Шатильона и маршала де Брезе, переправившись через Мёз (Маас) возле Льежа, чтобы соединиться с голландцами, наткнулась на испанцев во главе с принцем Томасом Савойским^[47] и разбила их под Авенон, близ Уи. Голландский союзник принц Оранский подоспел, когда уже была одержана победа. Две армии взяли и разграбили Тирлемон в Брабанте, но Лувен оказался им не по зубам. На этом военные операции были прекращены, и начался грабеж местного населения, которое, вопреки ожиданиям, оказало захватчикам решительный отпор. Французская армия быстро растаяла: ее численность сократилась с двадцати до шести тысяч, да и тех пришлось эвакуировать морем из Голландии в Кале. В общем, началось за здравие, а кончилось за упокой.

Ришельё надеялся, что с испанцами удастся совладать благодаря союзу с голландцами, завоевав и отделив Бельгию, а гарнизонов в Эльзасе будет достаточно, чтобы помешать неприятелю оккупировать Лотарингию и Бургундию. Поскольку император мог объявить войну Франции лишь по решению общеимперского сейма, который пока не решался созвать, союзные договоры с немецкими княжествами оставались в силе. Конечно, Швеция ослаблена и помощи от нее ждать не приходится, однако со стороны Рейна угроза пока невелика; сосредоточим все силы на границе с Испанскими Нидерландами.

Надежды на то, что воевать придется только на одном фронте, довольно быстро улетучились: 30 мая 1635 года Фердинанд II и курфюрст Саксонский заключили Пражский мирный договор, открытый для всех протестантских князей, согласных с его условиями. Многочисленные члены Хайльбронского союза поспешили воспользоваться возможностью выйти из войны. Однако парадоксальным образом этот мир только подлил масла в огонь: Бранденбург подписал его при условии, что Швеция уступит ему Померанию. Естественно, Швеция не собиралась лишаться своего форпоста на Балтике. В ситуации угрозы с востока французская дипломатия попыталась обеспечить надежный тыл на юге: 11 июля в Риволи был заключен договор с герцогами Савойским, Пармским, Моденским и Мантуанским.

На Гастона, по-прежнему находившегося под подозрением, усилили давление. 10 июля Ассамблея духовенства признала недействительным его брак с Маргаритой Лотарингской, поскольку он не был одобрен королем. В том же месяце в Венсенском замке скончался Пюилоран. Герцог Орлеанский оказался совершенно один, без поддержки; он ничего не знал ни о матери, ни о жене, оставшейся в Брюсселе; ответ из Рима по поводу расторжения брака так и не пришел... Не выдержав, он подписал 16 августа в Рюэе, прямо в кабинете Ришельё, бумагу о признании своего брака недействительным. Однако этот документ мало что значил, поскольку был тайным, к тому же принц всегда мог заявить, что согласие у него вырвали принуждением^[48].

Наконец, 26 октября в Сен-Жермен-ан-Лэ подписали договор с Бернгардом Саксен-Веймарским, который был еще достаточно силен в военном отношении.

Одновременно французская контрразведка усилила бдительность: интендант^[49] Лаффема, курсировавший между Фландрией, Бургундией и Лотарингией, сообщал в Париж о многочисленных арестах испанских агентов. Он же заподозрил существование разведывательной сети, управляемой монахами-минимам из Брюсселя и поддерживаемой францисканцами в Миланской области. Зато графу де Барро удалось сохранить французскую разведгруппу, действовавшую в Испанских Нидерландах, и даже защитить от репрессий маркиза д'Айтона.

Еще до начала активных боевых действий была развязана информационная война: французы сумели подкупить и организовать в единую сеть книготорговцев в Испанских Нидерландах для ведения пропаганды и дезинформации.

Во Франции шла мобилизация. Людовик воспользовался ею, чтобы избавиться от Сен-Симона, который постоянно с ним препирался и сделался совершенно невыносим. Герцог получил приказ отправляться в армию: пусть тратит свой воинственный пыл на врага.

Кардинала эта новость отнюдь не обрадовала: Сен-Симон был его человеком, бесценным источником информации о настроении и мыслях короля, готовым при случае замолвить словечко в пользу главного министра. Фаворит находился при монархе почти неотлучно, Людовик изливал ему душу и порой вел себя с ним, как ревнивый муж с молодой женой (однако подозрения в гомосексуализме лишены оснований; достаточно упомянуть о том, что короля раздражали частые визиты Сен-Симона к продажным девкам). Ришельё попытался заменить его Луизой де

Лафайет, однако девушка с гневом и презрением отвергла предложение стать платной осведомительницей кардинала, которого не любила. Она не умела лукавить и во время бесед с королем прямо говорила ему то, что думала: что Людовик на всём экономит, одевается «бедненько, но чистенько», а Ришельё ходит в шелках и кружевах; что война против католиков в союзе с протестантами — разбой и грабеж. Король слушал ее, не перебивая, хотя она выступала против политики кардинала, которую поддерживал он сам. Осведомителем Ришельё стал камер-лакей короля Андре де Буасонваль, обязанный своей должностью именно Луизе. Отставленная Мари де Отфор донимала счастливую соперницу словесными уколами и придирками, из-за малейшего промаха бедную девушку поднимали на смех придворные острословы... Луиза поверяла свои обиды духовнику отцу Карре, настоятелю монастыря Святого Доминика, не зная, что тот каждый год приносил клятву верности Ришельё. Он и подсказал ей выход из положения: уйти в монастырь.

Людовик узнал о намерении своей подруги 17 января и сообщил в письме Шавиньи («господину Младшему»), что не будет противиться. Статс-секретарь известил Ришельё, который тут же написал королю, а тот ответил ему пространным посланием от 20 января, подтвердив, что не станет принуждать «девочку» (так он именовал Луизу) к чему бы то ни было. Однако за спиной Луизы сформировалась энергичная партия противников ее пострига, душой которой была госпожа де Сенесей. Она подключила епископа Лиможского Франсуа де Лафайета, дядю Луизы, который хотел бы использовать влияние племянницы на короля, чтобы погубить кардинала. Действовать надо было осторожно, поскольку «девочке» претили всякие интриги. Госпоже де Сенесей удалось заменить мадемуазель де Вьёпон, не соглашавшуюся выдавать ей секреты Луизы (фрейлины жили по двое в комнате), Денизой д'Эш, которая не была так щепетильна.

Отец Карре договорился с настоятельницей монастыря Визитации Девы Марии, готовой принять новую монахиню. Оставалось сообщить обо всём королю. В первый раз у Луизы не получилось это сделать: она стояла у парадной кровати королевы и не смела поднять глаза на Людовика, которому это не понравилось. Шанс был упущен: дворецкий Санген нарекнул королю, что решение «девочки» продиктовано желанием избежать насмешек и злословия, которые ее преследуют, Людовик разгневался, и торжествующая мадемуазель де Вьёпон сообщила об этом отцу Карре. Тот отправился к госпоже де Комбале, племяннице кардинала, и она велела ему как можно скорее довести дело до конца. Но тут к

доминиканцу явились госпожа де Сенесей с епископом Лиможским и еще одним дядей Луизы, мальтийским рыцарем. Встреча прошла очень бурно, отцу Карре запретили видаться с подопечной. Напрасно он пытался втянуть в свою интригу надзирательницу за фрейлинами королевы, писал Луизе лицемерные письма, прося ее поскорее исполнить свое намерение; узнав, что ее уход в монастырь был задуман кардиналом, она охладела к этому плану. Зато Людовик был счастлив...

Раньше он был одинок, теперь у него была Луиза — они оказались «одинокими вдвоем», окруженные кликой интриганов: соглядатаи кардинала, сторонники Мари де Отфор, прислуга королевского кабинета и «малого отхода ко сну», ловчие, музыканты, лакеи — все живо интересовалось их отношениями. Людовик знал, что доверять никому нельзя, и не воспринимал на веру то, что ему говорили о Луизе.

Отец и брат новой фаворитки явились ко двору, чтобы «ковать железо, пока горячо», и король позволил Франсуа де Лафайету купить офицерскую должность. В самом деле, пора было отправляться на войну. В конце июня Людовик XIII выехал в Пикардию, простившись с Луизой и покинув ее на произвол коварного Буасонваля.

Но у него действительно было полно других забот.

На войну требовались деньги — не меньше пятнадцати миллионов ливров, а казна, как обычно, была пуста. Прямой налог и так уже увеличился втрое за пять лет, так что герцог д'Эпернон даже сделал представление Ришельё, обвиняя его в обнищании населения Гиени. Поскольку подушную подать повышать было уже невозможно, а привилегированные сословия налогов не платили, оставалось только одно средство: налоги на продукты потребления. Король ввел налог в один су с ливра на все товары, а кабатчики должны были платить по эку с бочки вина, из-за чего выросли розничные цены. Парадоксальным образом именно этот налог, небольшой по сравнению с троекратно возросшей подушной податью, вызвал взрыв в Гиени. Уже в мае — июне 1635 года в Бордо начались беспорядки. Но, что хуже всего, произошел обвал цен, торговля шла вяло, налоговые поступления сократились. В апреле-июне 1636 года протесты против увеличения податей прокатились по провинциям Ангумуа и Сентонж.

Когда Людовик XIII лично явился в парламент, чтобы утвердить эдикты о налогах, генеральный адвокат Луи Сервен произнес пылкую речь, обличая несправедливость и неуместность новых поборов. Король разгневался, прервал оратора, стал ему грозить; Сервен же умолял его предать суду парламента авторов и вдохновителей подобных эдиктов, чем

окончательно вывел Людовика из себя. Увидев, что король в ярости, Сервен упал без чувств к его ногам: по одной версии, его хватил удар и он скончался на месте, по другой — умер той же ночью, не приходя в сознание. Советник Бугье отозвался на его кончину двустышием на латыни:

В один день Сервен говорил во имя свободы
И умер ради свободы утраченной.

Более надежным способом быстро раздобыть средства была продажа должностей, но и тут имелись свои подводные камни: массовое создание новых должностей могло, с одной стороны, вызвать недовольство действующих чиновников, а с другой — понизить планку профессионализма, поскольку упор делался на количество, а не на качество. Однако предложение находило устойчивый спрос: став королевским чиновником, богатый буржуа получал не только почет и сиюминутные выгоды, но и постоянный источник дохода, который благодаря полетте мог передать по наследству. В конце 1635 года на утверждение в Парижский парламент были представлены 42 эдикта о создании новых придворных должностей. Магистраты заставили себя упрашивать: королю пришлось присутствовать на заседаниях, чтобы продавить свои эдикты, в том числе и те, которые увеличивали взносы за существующие должности.

Офицерские должности тоже продавались. Будущему маршалу Тюренну (1611–1675) отец купил первый пехотный полк, когда юному виконту было 15 лет (таких военачальников называли «полковниками в слюнявчиках»). Годом позже полк был распущен королевским ордонансом, и Тюренн четыре года служил простым солдатом, пока снова не стал полковником. Перед очередной военной кампанией монарх вручал офицерам предписания, наделявшие их правом вербовать солдат. Командиры рот и полков получали деньги на вербовку, экипировку и выплату жалованья солдатам в течение года, в несколько приемов. Контроля за расходованием этих средств не было никакого, поэтому офицеры записывали в роты «мертвые души», на смотрах предъявляли статистов, а не настоящих рекрутов, а жалованье дезертиров присваивали. Капитаны зачастую не знали своих солдат в лицо, а вместо имен употребляли прозвища. Согласно статистическим данным, в 1635 году французская армия насчитывала сотню тысяч солдат, но сколько из них было налицо, одному Богу известно.

В мирное время ядро королевской армии составляли швейцарские наемники, гвардейские подразделения, несколько старых полков и крепостные гарнизоны. Конницу набирали из венгров, албанцев, сербов и валахов (имперцы прибегали к услугам поляков, казаков и татар). Армия была отдельным сообществом со своими законами, жившим за счет гражданского населения.

Сами капитаны по большей части «не заслуживали чести носить это имя», сокрушался Шарль де Шомберг, произведя смотр офицерам полка, собранного в Лангедоке. Да и в высшем эшелоне дела обстояли не лучше. «Король знает военных, как никто другой, но если он обойдет всё свое королевство, то не сыщет там людей по своей мысли», — писал Ришельё в 1636 году. Лафорс к началу активных военных действий был уже стар; маркиз де Брезе, кардинал де Лавалетт и герцог Ангулемский не могли называться стратегами. Да и на преданность полководцев не стоило слишком полагаться. Опасаясь, что они не выполнят приказ, кардинал стремился отправлять в каждую армию по несколько генералов; кто-нибудь да сделает то, чего от него ждут. Но так получалось еще хуже, поскольку между генералами начинались споры и дразги.

К началу 1636 года французская армия насчитывала (на бумаге) 170 тысяч человек пехоты и 21 тысячу кавалеристов, плюс артиллерия — в общей сложности 11 армейских корпусов. Самый крупный расположился в Пикардии на границе с Фландрией, принца Конде направили в Эльзас и Франш-Конте, а маршала де Креки — на итальянский фронт. Однако в марте господин де Шон, губернатор Пикардии, сообщил Ришельё, что у него нет ни войск, ни денег. Когда Людовик XIII приказал графу де Суассону, поставленному во главе пикардийской армии, выдвигаться к Рокруа, тот заявил, что у него всего пять тысяч пехотинцев и 1200 конников, тогда как по отчетам их было соответственно девять и три тысячи.

Что делать? Ришельё посоветовал... затеплить неугасимую лампаду у алтаря Парижской Богоматери.

Между тем корпус под командованием принца Конде вторгся во Франш-Конте. 29 мая Конде осадил Доль и письменно объявил его жителям: если они покорятся в течение трех дней, то перейдут под покровительство Людовика XIII. Зачем такая спешка, ответил губернатор Лавернь; годик подождем, а там решим. Видя, что нашла коса на камень, Конде стал проводить одну атаку за другой и, добиваясь даже самого незначительного успеха, выступал с новыми призывами сдаться. В конце концов он выставил себя на посмешище: осажденные прислали к нему

трубача-парламентера с предложением снять осаду и отвести войска за шесть дней: «Если ваше высочество отвергнет это предложение, ему придется худо». Более того, жители Доля пригрозили продержатъ принца под своими стенами столько же времени, сколько он провел в утробе матери, а затем вынудить снять осаду. Конде рассвирепел. Но ярость — плохой помощник. Четыре тысячи защитников города успешно сопротивлялись пятнадцати тысячам королевских солдат, отбивая все их атаки, неделю за неделей. Даже эпидемия чумы, начавшаяся в городе, не ослабила их решимости. В Доле срочно вызвали инженеров, которые принялись рыть подкопы, чтобы взорвать крепостные стены. Взрыв наметили на 13 августа: это был последний шанс, поскольку имперские войска спешили на помощь к осажденным и могли отрезать французам пути к отступлению. Но операция не удалась, и через два дня Доле был освобожден. Хуже того, Фердинанд II объявил войну Людовику XIII.

Ришельё жестоко отомстил за унижение Конде: немецкие наемники герцога Саксен-Веймарского вторглись во Франш-Конте из Эльзаса и прошли по этой провинции огнем и мечом. Устояли только Доле, Грей, Сален и Безансон. Население массово бежало в Швейцарию и Италию или пряталось в пещерах Юра. Поля были вытоптаны и сожжены, весь урожай погиб, начался голод, потом еще и чума. Дошло даже до каннибализма: сначала ели убитых солдат, в изобилии валявшихся на полях сражений, а затем матери стали убивать своих детей, чтобы не погибнуть от голода...

Францию же в этот суровый час постигла тяжелая утрата: 14 июня маршал Жан де Туара, командовавший армией герцога Савойского, был убит выстрелом из аркебузы во время штурма крепости Фонтането д'Агонья. В 1633 году Туара был произведен в рыцари Ордена Святого Духа, но отказался приехать в Париж, чтобы получить голубую ленту. Ришельё, никогда его не любивший, воспользовался этим предлогом, чтобы оговорить бывшего королевского фаворита (два его брата были замешаны в мятеже Гастона) и лишить его должностей. Но доблестный маршал заслужил себе славу в Пьемонте. Когда он испустил дух, солдаты намочили платки в его крови, говоря, что будут всегда носить их при себе и смогут с их помощью побеждать врагов. Тело доставили в Турин, где Кристина устроила пышные похороны в присутствии всего двора и сената.

Между тем во Фландрии Томас Савойский и Пикколомини, а также наемник Иоганн Верт, получивший от императора Фердинанда II баронский титул за победу при Нёрдлингене, собирали войска. Герцог де Шон получил приказ сосредоточить свои силы к северо-западу от Лана. 2 июля неприятель перешел границу и через неделю занял уже хорошо

известную нам крепостцу Ла-Капель, которой командовал барон дю Бек. Под давлением гарнизона и местных жителей он был вынужден капитулировать. Удержать северный фронт нужно было любой ценой; граф де Суассон не внушал кардиналу большого доверия, и он отправил к нему в помощники маршала де Брезе, мужа своей племянницы, который прислал дяде пессимистический отчет о состоянии войск и командирах.

Дорога на Суассон и Реймс была открыта, парижане взволновались. Ришельё напечатал статью в «Газете», преуменьшая значение первого поражения, «чтобы успокоить буржуа», как он объяснял королю. Однако сам кардинал пал духом; душевные силы, которые он слишком долго напрягал, его покинули. Отцу Жозефу приходилось его подбадривать; «серый кардинал» рассказал, будто ему явилась Богородица и пообещала, что за первыми неудачами последуют победы. Ришельё начал спешно собирать новые войска, чтобы довести армию Суассона до восемнадцати тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников. Неприятель между тем всё шел и шел вперед.

В минуту высшей опасности французы умели проявлять мужество. Маршал де Гебриан, защищавший Гиз, отважно сразился с врагом 26 июля и заставил его отступить. Неприятельские войска повернули на Сен-Кантен и атаковали крепостцу Ле-Катле. После двух дней осады ее комендант барон де Сен-Леже открыл ворота. Эта новость вызвала в Париже бурю негодования. Во время заседания Совета Людовик приказал арестовать дю Бека и Сен-Леже и судить их за «оскорбление величия, коварство и трусость». Однако оба успели покинуть страну до приезда курьера с приказом о их аресте. У Ришельё возник справедливый вопрос: кто мог предупредить изменников, ударившихся в бег? Сен-Леже был дядей Сен-Симона, а тот присутствовал на Совете. Фаворит не стал заператься и попросил у короля позволения покинуть двор^[50].

Граф де Суассон следовал по пятам за неприятелем, чтобы помешать ему форсировать Сомму. Его поведение казалось в Париже позорным и непрофессиональным. 1 августа французы сожгли и оставили Брэ на окраине Нормандии, который тотчас заняли враги. Армии пришлось перейти обратно за Сомму; отход прикрывал шевалье де Монтеклан, засевший на мельнице с тридцатью солдатами. В мельницу угодило 1800 ядер.

Тридцатидвухлетнему Суассону, имевшему под своим началом десять тысяч пехоты и артиллерию без пороха и фитилей, противостояли 37 тысяч немецких наемников с сорока пушками. Немцы сжигали дома и церкви, убивали священников. Иоганн Верт взял Руа, Оттавио Пикколомини

опустошал земли между Соммой и Уазой, устраивая вылазки даже в Понтуаз; только Мондидье еще сопротивлялся. В Париже началась паника: люди бежали в Шартр, Орлеан и Тур. В это время Конде продолжал торчать под Долем. Людовик отвел ему три дня на всё про всё, велел в случае неуспеха снять осаду.

Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, вечером 5 августа Людовик принял в Большой галерее Лувра депутатов ремесленных цехов, всех обнял и расцеловал, даже башмачников, — «настолько невзгоды смиряют людей, даже величайших из королей», как пишет маркиз де Монгла. В тот же день он встретился с членами парламента и велел им собрать и снарядить войска. Через день неприятель осадил Корби в Пикардии.

Томас Савойский принял это решение, чтобы обеспечить себе надежный тыл, хотя Иоганн Верт был против и хотел идти напрямик на Париж. Парижане воспряли духом: гарнизон Корби — 1800 солдат, там есть запасы продовольствия и боеприпасов, достаточные, чтобы продержаться до подхода своих... Тем временем Суассон, отступая, сжигал мельницы между Соммой и Уазой...

Разумеется, сразу встал вопрос: «Кто виноват?» На заседании Парижского парламента 10 августа магистрат де Мем выступил с предложением направить депутацию к королю, чтобы «раскрыть ему глаза»: его обманывают и обкрадывают; вместо введения новых налогов нужные на армию деньги легко можно найти в Бруаже и Гавре, принадлежащих кардиналу. На возражения председателя де Мем ответил, что речь идет о спасении Франции, а парламента — ее представитель. Выбрали депутатов. Как только Ришельё об этом узнал, он вызвал нескольких магистратов в Лувр, к королю. Людовик, не умевший миндальничать, прямо сказал: «Не вмешивайтесь в дела моего государства; я запрещаю вам рассуждать и воображать себя моими опекунами, вмешиваясь в мои дела». Затем слово взял Ришельё, обратившись непосредственно к виновнику «смуты»: «Ну же, господин де Мем, говорите, выскажите ваше мнение, чтобы я мог ответить вам аргументированно». Кто-то из депутатов пискнул, что раз их призвали пред очи его величества — их дело слушать, а не высказываться. «В целом парламентский корпус хорош, — заключил король, — но я вижу, что среди вас есть испанцы».

Бьют бегущих, топчут упавших. Вместо того чтобы прятаться от народа, надо почаще быть на глазах — это советовал и отец Жозеф. Сюринтендант финансов носился по Парижу верхом — и почти никто не

бросил ему вслед бранного слова. Кардинал разъезжал по городу в карете, резко сократив свою охрану: почти все его гвардейцы отправились на фронт.

Совет постановил собрать армию в 20–30 тысяч человек для защиты линии фронта, проходящей по Уазе. Была объявлена мобилизация. Все дворяне, способные держаться в седле, обязаны были явиться на места сбора в своих провинциях. Города должны были выставить определенное количество солдат, пеших и конных, вооружив их и снабдив жалованьем. В случае отказа рекрутский набор проводился принудительно, а налоги увеличивались.

Попутно реквизировали лошадей, оружие, боеприпасы и провиант, что тоже было нелегко. Владельцы экипажей возмущались. Король уступил, заявив, что возьмет у каждого одну лошадь из трех. Отбирать лошадок у землепашцев было нельзя, как и у возчиков, занимавшихся снабжением городов. С порохом тоже были проблемы. Король отозвал изданные по окончании гражданских войн 1618–1619 годов эдикты о монополии на его производство и торговлю, и тотчас порох стали свозить в Париж со всех концов королевства и даже из-за границы. Отдельный эдикт устанавливал твердые цены на мушкеты и пики. Людовик вел переговоры с оружейниками Парижа, Лиона и Арденн, которые привозили свою продукцию в Арсенал или прямо в особняк Ришельё. Реквизированное зерно свозили в столицу на случай осады, складировав во всех помещениях, которые можно было для этого приспособить. Горожанам предоставили привилегию на строительство ручных мельниц, а также обычных ветряных — вдоль Сены. Городские стены и все 15 ворот срочно начали укреплять, чистили рвы...

Людовик появлялся за день в десятке мест. Всем дворянам и бывшим военным он приказал записываться в армию к Лафорсу, принимавшему новобранцев в парижской ратуше. На 10 августа был назначен общий сбор в Сен-Дени. Лакеи и слуги, способные носить оружие, тоже были записаны в ополчение. Более того, король решил закрыть большинство мастерских истроек, оставив мастерам только по одному подмастерью или ученику, всех остальных — под ружье. Исключение сделали только для пекарей и ремесленников, работавших на оборону. Даже бродяг не забыли (в их числе было много беженцев): при записи в рекруты они получали в награду, помимо единовременной выплаты, освобождение от подушной подати на три года.

Гром грянул 15 августа: после всего лишь недельной осады Корби капитулировала — без боя, без штурма... Комендант Максимильен де

Бельфорьер, маркиз де Суайекур, имел в своем распоряжении гарнизон в 1600 солдат, которому противостояла тридцатитысячная вражеская армия. Он сдал город, чтобы избежать его разграбления. Это был уже перебор! На следующий день шевалье де Сен-Прейль переплыл Сомму, проник в Корби и стал уговаривать трусливого коменданта отказаться от капитуляции, но было уже поздно: в 10 часов утра в Корби вступил неприятель — 3400 пехотинцев и 250 конников (испанцы, немцы, фламандцы, валлоны, савойцы, хорваты и поляки); жителям осажденного города сохранили жизнь и имущество, гарнизон смог покинуть его с оружием и обозом и отступить в Амьен, а Суайекур сбежал за границу.

Узнав об очередной измене, Людовик возглавил военный совет, который заочно судил двух первых пораженцев — дю Бека и Сен-Леже. Комендантов признали изменниками и приговорили к четвертованию и поражению в правах: они и их ближайшие родственники были лишены дворянства, их гербы разбили, дома снесли, а имущество конфисковали. На Гревской площади совершили казнь над их изображениями. В тот же день король вместе со статс-секретарем Шавиньи выехал к войскам в Санлис, оставив в Париже Ришельё.

Врагу нельзя было позволить перейти Уазу. Ключом к Парижу стал Понтуаэ. Маршал Лафорс расположился вокруг Санлиса в ожидании обещанных подкреплений.

Людовик отправился из Санлиса в Пон-Сент-Максанс и провел там военный совет. Было решено, что Лафорс расположит свои войска между этим городом и Вербери, а Суассон, оставив в Компьене два полка, приведет резервную армию, чтобы усилить тыл Лафорса. Ришельё тем временем занимался укреплением Амьена, Бове и Абвиля в Пикардии, одновременно понукая союзников-голландцев, чтобы они перешли в наступление. Принц Оранский нехотя согласился, и вскоре пронеслась весть о том, что около двадцати восьми тысяч солдат выступили на Брюссель. Продвижение неприятеля замедлилось. В это время Людовик XIII инспектировал долину Уазы, приказывая разрушать мосты и броды. Всё приходилось делать самому: «Де Бофор, который занимается бродами от Крейя до болот Реомона, много говорит и мало делает. Господин де Лаффема поступает так же, — писал король Ришельё 19-го числа из Шантильи. — Я нашел два лучших брода, где еще ничего не было сделано; их разрушат нынче вечером».

Ввиду того, что дела удерживали короля вне столицы, он передал всю полноту власти в Париже кардиналу. Отныне всякое противодействие главному королевскому министру становилось преступлением, поскольку

он представлял короля.

Гастон тоже внес вклад в общий патриотический порыв: 24 августа собранная им армия из восьмисот дворян и четырех тысяч солдат выступила в путь, украсив себя цветами и листьями. Прибыв на место, они разделились на роты по 100 человек — 60 мушкетеров и 40 пикинеров. Капитанов выбирали из дворян, закаленных в боях. Наскоро обученные войска отправлялись на фронт, заменять выбывших.

По совету Ришельё Людовик решил доверить брату командование военной операцией в Пикардии, поставив под его начало графа де Суассона, поскольку они были дружны. За обоими должен был присматривать опытный Лафорс.

С началом сентября неприятель перешел в наступление: 600 конников показали в двух лье от Пон-Сент-Максенса, вдвое больше — в Руа, чтобы попытаться выбить оттуда гарнизон. «Все пикардийские крестьяне переходят Уазу и возвращаются в свои деревни, — писал Людовик кардиналу. — Я видел вчера больше шестидесяти повозок, ехавших назад».

В войсках не существовало интендантской службы. Поставщики продовольствия для солдат и фуража для конницы стремились нагреть руки на государственных контрактах и не соблюдали их условий. Солдаты часто голодали и ходили в лохмотьях. 26 августа 1636 года Людовик XIII, находившийся при армии в Пикардии, в девять часов вечера писал кардиналу: «Главное — это провиант, а в этом я не вижу большого порядка, равно как и достаточного количества повозок, которые следовали бы за армией. Нужно также выдать денег нашей новой коннице, когда переберемся через реку, иначе она вся разбежится». 2 сентября он сообщал Ришельё: «Несколько полков пожаловались мне, что Миньо больше не желает поставлять им хлеб за неимением денег, я нарочно послал их ему вчера вечером, но ответа пока так и не получил». 5 сентября: «Я велел господину канцлеру держать хлеб в среду наготове в Санлисе и Крепене для Бургундской армии». Король полагался на кардинала — тот всеми средствами пытался раздобыть провиант, задействовав даже епископов, в том числе своих родственников, но на деле всё зависело от «снабженцев», не отличавшихся безукоризненной честностью.

Ришельё, убедившись, что в Париже всё спокойно, тоже выехал в Шантильи. Там прошло заседание Совета, на котором было принято решение наступать на Руа. Эта крепость была взята 18 сентября, после трех дней осады, войсками под командованием Гастона. Воодушевленный успехом, он пошел дальше, гоня отступающего врага, который перебрался обратно за Сомму, оставив в Корби три тысячи пехоты и 250 всадников.

Агенты кардинала не дремали — добывали разведданные внутри города и устраивали диверсии: разрушили кордегардию возле городских ворот, уничтожили мельницу и изменили направление течения реки Буланжри, чтобы и другие мельницы не могли работать... Людовик покинул Шантильи и отправился к брату; 24 сентября он прибыл в Мондидье и расположился неподалеку от Корби, в замке Демюэн.

Герцог Орлеанский ничуть не остепенился — остался таким же бонвиваном и легкомысленным кутилой. 13 сентября Людовик писал Ришельё: «Кузен, мой брат пришел просить меня отпустить его тайком в Париж до четырех часов вечера завтрашнего дня, вместе с маркизом де Куаленом и Фретуа. Я отговаривал их от этого, как мог, но так и не сумел удержать... Он сказал мне, что переговорил об этом с господином де Шавиньи, который уверил его, что никакой опасности нет, и просил меня, чтобы никто об этом ничего не знал, поскольку он вернется раньше, чем кто-либо заметит его отсутствие». И это накануне осады Руа! Кстати, после успешного взятия этой крепости Гастон, на взгляд Людовика, проявил слишком большое великодушие, отпустив гарнизон на все четыре стороны с оружием и обозом; брат поставил ему это в укор. Теперь же, когда король и кардинал сами явились в Корби, Месье уже не был главнокомандующим, и Ришельё передавал ему приказы через Шавиньи.

Испанцы вложили 100 тысяч экю в усиление оборонительных сооружений; Людовик сам признавал, что они за два месяца возвели такие укрепления, каких французы не соорудили бы и за два года. Задача предстояла не из легких, а тут еще зарядили дожди, опять началась смертоносная эпидемия. «В моей собственной ставке десять моих слуг умерли от чумы, пять из них имели доступ к моей спальне», — рассказывал впоследствии король венецианскому посланнику.

Санитарных рот в армии не было. 26 сентября Людовик писал кардиналу: «Я отправил хирургов с маркизом де Лафорсом. Неплохо было бы прислать священников, исповедовать раненых». 3 октября 1636 года он вновь делился с Ришельё озабоченностью: «Неплохо было бы устроить госпиталь для раненых, раненые у нас бывают каждый день и никакой помощи не получают». Между тем Гастон устроил первые полевые госпитали в Керье, где была его ставка, и Бюсси-ле-Даур.

Конде, снявший осаду Доля, привел Бургундскую армию в Пикардию; Галлас и Карл Лотарингский, воевавшие за императора, воспользовались этим, чтобы захватить Бургундию: под их началом было 30 тысяч солдат и 40 орудий. Конде, губернатору этой провинции, пришлось спешно отправляться на выручку ее столицы Дижона. 29 сентября к нему

присоединились армии кардинала де Лавалетта и Бернгарда Саксен-Веймарского. Галлас и Карл осаждали крепостцу Сен-Жан-де-Лон. Ее заболевшего коменданта сменил господин де Машо, громко взывавший о помощи. Полковник Ранцау привел к нему подкрепление — 1600 солдат, но этого оказалось достаточно. Местные жители воспряли духом, а тут еще и Сона разлилась, затопив позиции вражеской артиллерии. Неприятель ушел 2 ноября, бросив самые тяжелые пушки и часть обоза.

События в Пикардии тоже приняли благоприятный оборот. Вокруг рва, окружавшего крепостные валы Корби, выстроили линию обложения и деревянные форты. Город начали обстреливать из пушек; 11 октября один из местных жителей насчитал 800 залпов. Осажденные попытались устроить вылазку, но безуспешно. В крепости начался голод. На помощь спешила армия Иоганна Верта; 25 октября она была в Артуа, но именно в этот день граф де Суассон преградил ей путь и привел к осаждающим подкрепление. Лафорс и Шатильон настаивали на штурме. Гастон тоже считал нужным идти на приступ. Людовик вызвал обоих полководцев на Совет, чтобы те высказали свое мнение. Они уверяли в один голос, что если король даст им десять пушек, они возьмут Корби за две недели. Людовик, изначально придерживавшийся противоположного мнения, утвердил это решение. Через три дня король и кардинал уехали в столицу, где уже находился Гастон, предоставив действовать своим военачальникам.

Осадными работами руководили инженеры Антуан де Виль и Пьер де Конти д'Аржанкур. Осада продолжалась шесть недель, и в это время отличился двадцатилетний Франсуа де Бурбон-Вандом, сын Сезара де Вандома и Франсуазы Лотарингской, племянник Людовика XIII.

Девятого ноября 32 орудия открыли огонь по крепостному валу и проббили в нем достаточную брешь, чтобы начать штурм. Французы, по колено в воде, пошли в атаку под градом вражеских пуль. К четырем часам дня комендант крепости прислал парламентаря в лагерь осаждающих: он сдается. 14-го числа вражеский гарнизон покинул Корби с воинскими почестями, бросив все пушки, кроме двух, боеприпасы и провиант. Иоганн Верт отправился в Эно, Пикколомини — в Льеж. Ришельё восславил Господа и немедленно написал статью в «Газету», сообщая о взятии Корби.

Конечно, благочестивый Людовик XIII не стал бы отрицать, что Провидение сыграло свою роль, однако в данном случае он объяснил успех земными причинами. Две недели спустя, рассказывая о победе послу Контарини, он немного переиначил события: «Маршал Шатильон (он получил жезл именно после взятия Корби. — Е. Г.) — великий человек; среди военачальников только он один да кардинал, да один бригадир и я

сам говорили на Совете, что нужно атаковать. Все прочие были противоположного мнения и делали всё возможное, чтобы помешать этим планам. В такое время года взять крепость ничего не стоило. Маршал Шатильон в самом деле понимает в осадах больше любого другого человека во Франции». (Шатильон долгое время провел в Голландии, где обучился искусству ведения осады; к тому же он был лично предан королю.) И далее: «Солдаты старых полков вынесли всё на себе; не будь их, молодые покинули бы меня. У меня были они все, кроме двух полков, которые находятся в Италии. В момент штурма у меня было 18 тысяч пехоты и пять тысяч конников, хотя граф де Суассон утверждает, что у меня было не более двенадцати тысяч всего».

В день капитуляции Корби Людовик XIII издал в Шантильи декларацию, что город лишается всех привилегий. Имущество горожан, вступивших в сделку с неприятелем, было конфисковано. Ришельё специально приехал из Парижа и совершил триумфальный въезд в Корби, после чего на главной площади повесили двух нотаблей, обвиненных в сговоре с врагом. Монахи, послушавшиеся короля, были заключены в тюрьму при монастыре минимов. «Сколько тепер ещё схватят? Сколько посадят в Бастилию?» — воскликнул Гастон, узнав об этой казни. 29 октября маркиза де Суайекура, бежавшего в Англию, заочно приговорили к смерти, а его изображение сожгли на площади в Амьене^[51].

Две эти победы нельзя было назвать громкими и славными, но всё же они имели большое значение для поднятия морального духа. Торжествовать, однако, было еще рано: Пикардия лежала в руинах, всё было разграблено и сожжено, крестьяне прятались в лесах; в хлевах разлагались трупы людей и животных... В октябре испанцы захватили Сен-Жан-де-Люс в Пиренеях, а в Провансе французам не удалось отбить Леринские острова напротив Канна.

Конечно, на море Франция не могла тягаться с Испанией — крупной морской державой, получавшей основные доходы от заокеанских колоний. У испанцев были и корабли, и опытные мореходы, а Ришельё с трудом наскреб 39 судов, на которых были в общей сложности 7500 солдат и 400 пушек, и разделил их на три эскадры, базировавшиеся вдоль Атлантического побережья. В Провансе на рейде стояли три десятка галер, которыми командовал племянник кардинала Рене де Виньеро маркиз де Пон де Курле — хороший моряк, но обладатель тяжелого характера. Однако оснастить удалось только 22 галеры в Тулоне, поскольку трудно было набрать достаточно гребцов. В результате берега Прованса часто подвергались набегам берберских пиратов.

Самым талантливым флотоводцем Людовика XIII был... архиепископ Бордоский Анри д'Эскупло де Сурди (1593–1645), генерал-лейтенант королевского флота, отличившийся еще во время осады Ла-Рошели. Прелата назначили в советники к командующему атлантическим флотом Анри Лотарингскому, графу д'Аркуру (1601–1666), по прозвищу Кадет-перл, поскольку он был младшим представителем Лотарингского дома и носил жемчужную серьгу в левом ухе. Он тоже участвовал в осаде Ла-Рошели и был при Сен-Жан-д'Анжели.

Сурди и д'Аркур находились на флагмане «Сен-Луи» водоизмещением в тысячу тонн вместе с командором де Гуттом — мальтийским рыцарем, командовавшим Бретонской эскадрой. Флагманы Гиеньской и Нормандской эскадр были поменьше: соответственно 500 и 200 тонн. В середине июля этот флот прошел через Гибралтарский пролив, чтобы соединиться с флотилией под командованием барона д'Альманя, дворянина из Прованса. Между офицерами сразу вспыхнули свары: д'Аркур подрался с де Сурди, который претендовал на звание главнокомандующего на море, а маршал де Витри (1581–1644), губернатор Прованса, который претендовал на звание главнокомандующего на суше, отлупил прелата тростью, за что позже отправился в Бастилию. Барон д'Альмань ссорился с бальи де Форбеном, другие командиры от них не отставали, а Ришельё мог лишь выражать свое недовольствие такими бездарными и склочными военачальниками.

На итальянском фронте дела тоже были плохи: 7 октября скончался Виктор Амедей Савойский, зять и союзник Людовика XIII, оставив трон пятилетнему сыну, регентшей при котором стала Кристина. Союзники-шведы засели в Померании, чередуя успехи и поражения, и не оттягивали имперские войска на себя. К тому же и на внутреннем фронте опять назревала напряженность.

МЕЛАНХОЛИЯ

*О горе! Женщинам дарована богами
Столь пагубная власть над лучшими мужами!*

Пьер Корнель. Гораций

После взятия Корби герцог Орлеанский приехал в Париж из Блуа, чтобы поздравить короля, но вел себя как-то странно: остановился не у своего обер-гофмейстера де Шавиньи, а у какого-то банщика. 19 ноября Гастон и граф де Суассон явились к Людовику в Париж, причем последний просил разрешения съездить «на побывку» к матери, прежде чем вернуться к армии в Шампань. На следующий день оба пировали в доме их общего друга, а с наступлением ночи покинули столицу: Гастон уехал в Блуа, а Луи де Бурбон — в Седан, к герцогу Бульонскому.

(Княжество Седан долгое время было независимым, а в эпоху Религиозных войн стало оплотом и прибежищем протестантов. Владетельные герцоги часто были не в ладах с королевской властью. Так, в 1602 году Анри де Латур д'Овернь участвовал в заговоре Бирона, а два года спустя — в заговоре маркизы де Верней. Генрих IV конфисковал его земли, однако потом простил его и вернул всё имущество. В 1613 году неумный герцог примкнул к мятежным принцам, а потом уже его сыновья участвовали в заговоре Гастона Орлеанского. Понятно, что отъезд Суассона в Седан вызвал большую тревогу при французском дворе, хотя нынешний герцог Бульонский, Фредерик Морис де Латур д'Овернь (1605–1652), еще не успел ни в чем провиниться. В конце 1633 года он перешел из протестантизма в католичество, чтобы жениться — по любви и против воли своей семьи — на убежденной католичке Элеоноре де Берг, которая потом родила ему десять детей. Он приходился родным братом Тюренну, впоследствии знаменитому маршала Франции, а сам служил полковником во французской армии и командовал конницей во Фландрии.)

Людовик подробно описал в письме Ришельё свою встречу с кузеном Суассоном. Граф настаивал на своем отъезде в Шампань. «Я дал ему понять и мягко сказал, что не хочу, чтобы он туда ехал; в то же время ему на глаза навернулись слезы, он ничего не ответил... Я понял, что у него очень тяжело на душе... Мы расстались внешне очень любезно, но на самом деле, я думаю, он был недоволен».

Что же произошло?

В атмосфере лицемерия и подозрительности, царившей при французском дворе, даже кристально честные люди (если таковые имелись) не могли быть совершенно спокойны за свою жизнь и свободу, а у герцога Орлеанского и графа де Суассона были причины опасаться репрессий, хотя они «ничего плохого не сделали». Возможно, они напугали сами себя и боялись как-нибудь проговориться. Дело в том, что во время осады Корби сложился «амьенский заговор» против кардинала.

Об этом заговоре известно лишь из одного источника — мемуаров графа де Монтрезора, главного ловчего Месье. Его двоюродный брат де Сент-Ибар был фаворитом графа де Суассона. Вокруг кузенов сплотились несколько дворян, задумавших под шумок разделаться с ненавистным Ришельё. Однако эти планы не получили одобрения их господ. Суассон заявил, что не желает брать на душу грех убийства священника, а герцог Орлеанский вообще промямлил что-то невнятное. Впрочем, заговорщики делали ставку именно на Суассона, у которого были личные причины не любить кардинала: тот всячески навязывал ему брак со своей племянницей госпожой де Комбале. Тальман де Рео пишет, что Франсуа де Баррада, принимавший участие в осаде Корби и получивший разрешение видаться с королем, лично сделал графу предложение схватить кардинала и получил ответ: «Я поговорю об этом с Месье». «Месье! — воскликнул Баррада, знавший цену герцогу Орлеанскому. — Я не хочу иметь дела с Месье!» Однако любому здравомыслящему человеку было ясно, что покушение на жизнь главного королевского министра, к тому же кардинала, в разгар войны было безумием: это значило навлечь на себя неумолимый высочайший гнев и стать как минимум изгоем. Поэтому оба королевских родственника быстро уняли своих ретивых фаворитов, и об их проектах никто не узнал — даже сам кардинал. Тем не менее страх поселился в их сердцах: а вдруг кто-нибудь проболтается?^[52] И когда по Парижу пошли слухи, что в Венсенском замке готовят «гнездышко» для какой-то «важной птицы», Суассон не выдержал и сбежал.

Гастон отправил брату из Блуа почтительное письмо, в котором намекал на «подозрения и недоверие», чем сильно удивил Людовика. В Блуа послали Шавиньи, чтобы выяснить, в чем дело. Оказалось, Гастон обижен тем, что, вопреки данному ему обещанию, его заставили подписать бумагу о недействительности его брака. 11 декабря Месье составил подробную записку, прося короля признать, наконец, его брак с Маргаритой Лотарингской и хорошо обходиться с графом де Суассоном. В ответном письме Людовик пообещал и то и другое.

Благодушные короля сбило с толку фаворитов герцога и графа, которые подначивали Гастона к выставлению всё новых условий. Выпустите его слуг из Бастилии! Хорошо. Секретарь принца Гула и Ларивьер, вышедшие из тюрьмы, явились в Блуа, чтобы склонить Месье к лояльности. Передайте под их с Суассоном командование опорные крепости! В конце концов кардиналу это надоело, и он посоветовал королю выехать в долину Луары со всем двором и гвардией (а это около двух тысяч вооруженных людей). Гастон встревожился, но Людовик предупредил, что не пойдет дальше Орлеана. Именно там 8 февраля 1637 года братья подписали документы, положившие конец их разногласиям. Король в очередной раз согласился уплатить долги Месье, тот получал в свое распоряжение все свои доходы; сверх того ему было обещано 100 тысяч ливров на перестройку замка Блуа. Всех его слуг амнистировали. Король признал его брак — при условии повторного заключения его во Франции. Что еще? Ах да, крепости на границе... Вот этого не будет.

Гастону оставалось только подчиниться воле старшего брата. А пока шли переговоры, граф де Суассон ждал его в Седане, куда к ним должна была приехать королева-мать... Все вместе издали бы манифест, призывавший короля к миру, а кардинал-инфантиздал бы другой, потребовав не допускать Ришельё к заключению мирного договора; во Франции началось бы восстание (крестьянские бунты не утихали с прошлого года), и его величеству пришлось бы волей-неволей расстаться с кардиналом. Но герцог Орлеанский сначала не решался уехать в Седан, а потом уже и не смог. Впрочем, он был только рад, что избежал неприятностей, поскольку теперь мог жить спокойно и предаваться развлечениям. Пока его законная супруга томилась в Брюсселе, в Блуа его дожидалась хорошенькая Луизон Роже, дочь местного мещанина.

Нейтрализовав ненадежного брата, Людовик всё-таки еще не мог вздохнуть свободно. Он уже давно стал нервным и подозрительным. Вот и теперь временное отсутствие в свите Анны Австрийской, сопровождавшей мужа в Турень, ее пажа Лапорта показалось ему странным: королю сказали, что верный слуга ее величества отправился в Тур, чтобы привезти оттуда «Шевретту» и устроить ее тайную встречу с королевой в Орлеане, в одном из монастырей. Когда Лапорт снова появился, король потребовал у него объяснений, но тот ловко выкрутился.

Никому нельзя верить! Все лгут, изворачиваются, в глаза говорят одно, а за глаза совсем другое, плетут интриги и заговоры. Никто его не любит... Только Луиза. Бедная девочка, сколько ей пришлось вытерпеть в этом гнезде разврата, порока и лицемерия! Пока Людовик был на фронте, он

писал ей письма и передавал через Буасонваля, но тот, верный инструкциям, полученным от Ришельё, всегда говорил, что писем не было... Соответственно и записочки Луизы не попадали к адресату... Тем не менее поссорить их не удалось — король, вернувшись назад, по-прежнему старался улучшить время для разговоров со своей «девочкой», не возражая ей, даже когда она неодобрительно отзывалась о кардинале...

Кардинал! Его все ненавидят, потому что он повсюду: у него всевидящее око, всеслышащее ухо, а его рука дотянется в самый отдаленный уголок Европы. Он опутал шпионской сетью всю Францию; куда ни посмотри, нет-нет да и мелькнет краешек его красной сутаны. Наверное, он околдовал Людовика — не может же быть, чтобы наш добрый король сам затеял эту ужасную войну и разорял своих подданных непосильными налогами!

«Устанавливают новые налоги на всё, что можно: на соль, вино и дрова; боюсь, как бы не обложили ими нищих, греющихся на солнышке, и тех, кто станет мочиться на улице, как в свое время сделал Веспасиан, — записал один житель Понтуаза в своем дневнике 9 января 1637 года. — Здесь говорят, что в Марселе был бунт, разграбили несколько домов... Поговаривают и о займе, который король хочет получить со всех верных городов Франции, и о том, что Париж обложат суммой в двенадцать сотен тысяч ливров, а другие города поменьше, каждый по возможности; но мне кажется, что таких денег не найдется ни у кого — что в дальних городах, что в самом Париже, какими бы они ни казались богатыми: просто ужас, какие кругом бедность и нищета^[53]. Господи, сделай так, чтобы король узнал от порядочного человека о несчастьях своего народа; он непременно отдаст тогда иное распоряжение».

Впрочем, было немало людей, готовых отдать жизнь за его высокопреосвященство: личная преданность кардиналу была способом продвинуться по карьерной лестнице, выбиться из грязи в князи, получив, например, должность интенданта или офицерский чин, а затем и дворянство. Многие разночинцы заискивали перед Ришельё, который, кстати, умел отличать дельных людей от вульгарных льстецов. Например, когда 5 января 1637 года в парижском театре «Марэ» состоялась премьера трагикомедии «Сид», имевшей оглушительный успех, кардинал взял ее автора, адвоката из Руана Пьера Корнеля (1606–1684), под свое покровительство и добился, чтобы в том же году король пожаловал ему дворянство. (Правда, потом в их отношениях бывало всякое, и после смерти Ришельё Корнель сказал, что не может говорить о кардинале плохо, потому что видел от него много хорошего, но не может говорить и хорошо,

поскольку видел от него много плохого.)

Труппу Мондори трижды приглашали потом в Лувр играть «Сида», но Людовик, предпочитавший балеты, редко бывал на драматических представлениях, а если и посещал их, то, как правило, засыпал в кресле во время длинных монологов, утомленный охотой. Странно, что пьеса Корнеля оставила его равнодушным, ведь она подняла в обществе целую бурю! Автора обвиняли в государственной измене: в разгар войны с Испанией он пишет пьесу, действие которой происходит во вражеской державе, к тому же испанцы побеждают своих врагов! «Сид» во многом перекликался с пьесой «Юность Сида» испанца Гуильена де Кастро, вышедшей в 1631 году, так что Жан Мэре, один из преследователей Корнеля, даже обвинил его в плагиате. Придирались и к несоблюдению классического правила трех единств — действия, места и времени, на котором, кстати, настаивал Ришельё, основавший в 1635 году Французскую академию... Но главное-то было совсем не в выборе сюжета — «Сид» Корнеля был своего рода манифестом абсолютизма, утверждал непререкаемый авторитет короля, воле которого обязаны подчиняться его подданные, как бы высоко они ни ставили собственные заслуги...

В пьесе не было персонажа, похожего на великого кардинала. Еще бы: Корнель основывался на реальном историческом сюжете, не адаптируя его к французским реалиям, а Ришельё был уникальным явлением. В марте 1637 года ему предстояло решить еще один весьма важный вопрос: подобрать его величеству нового духовника.

За три с лишним десятка лет у Людовика сменилось несколько наставников в вере: его первым духовником был отец Котон, исповедовавший и его отца; Котона сменил отец Арну, который потом попал в опалу из-за Люиня; следующим был отец де Сегيران; с декабря 1626 года по 1631-й — отец Сюффрен; в последующие четыре года — отцы Майан и Жарри; в 1635 году их сменил шотландец отец Гордон, но его разбил паралич, и 11 марта 1637-го он попросил об отставке. Выбор духовника для короля был делом государственной важности; Ришельё обратился за советом к собственному духовнику — канонику Делькло, который назвал три кандидатуры: иезуит Луи де Ласаль, отец Этьен Бине и отец Никола Коссен. Последний превосходил двух других познаниями: он опубликовал многотомное духовное сочинение «Священный круг», имевшее значительный успех. В выданной ему характеристике значилось: «Способности выше среднего в практической области, почти никакого опыта в делах, неосторожен в поступках». Ришельё выбрал его, решив, что отец Коссен будет неспособен к интригам и не станет вмешиваться в

политику. Провинциал парижского ордена иезуитов отец Вине лично явился к кардиналу в Рюэй, чтобы предупредить его, что отец Коссен слишком неосторожен, чтобы быть духовником его величества.

Но Ришельё не любил менять своих решений. 24 марта он вызвал к себе в Рюэй отца Коссена и объявил, что тот уже с завтрашнего дня становится исповедником короля. «Наш государь не имеет пороков, — заявил кардинал, — его добродетель — благословение его государства, и важно соблюсти эту нравственную чистоту; по правде говоря, он уже некоторое время привязан к одной фрейлине королевы; в этом нет ничего дурного, однако столь великая взаимная склонность между особами разного пола всегда опасна». Прелат был поражен, однако решил, что Господь предоставляет ему возможность исполнить долг христианина. В письмах отцам Сегирану и Сирмону отец Коссен изложил свое кредо: «Государь грешит как человек и как король. А посему недостаточно отпускать ему лишь грехи человеческие». И далее: «Исповедуют не просто Людовика Бурбона, а Людовика XIII. Таким образом, духовник состоит при дворе, чтобы исправлять грехи, рождающиеся как из королевского пурпура, так и из праха Адамова». Отец Гордон написал своему преемнику анонимное письмо, в котором грозил судом Господним, если тот не будет твердить королю о его обязанности облегчать страдания народа, препятствовать раздорам в лоне его семьи и способствовать возвращению из изгнания его матери...

Между тем королева-мать продолжала вести подрывную деятельность. Бывший испанский посол Мирабель жил теперь в Брюсселе и получал послания от Анны Австрийской через Ожье, английского резидента в Париже, и Жербье, его брюссельского коллегу. Королева сообщала ему всё, что ей удавалось узнать о ведении военных действий; но штаб переписки с заграницей находился в Кузьере, туреньском замке герцогини де Шеврез, откуда Монтегю увозил зашифрованные письма в Англию, чтобы предотвратить союз между Людовиком XIII и Карлом I, а кузина герцогини Одетта де Жуар была связной с Карлом Лотарингским. В парижском особняке «Шевретты», на улице Тома-дю-Лувр, дни и ночи напролет шифровали и расшифровывали тайные послания...

А военные действия шли своим чередом. В тот самый день, когда Ришельё предупреждал отца Коссена об опасностях привязанности короля к Луизе де Лафайет, французский флот осадил Леринские острова и начал обстрел пяти испанских фортов. Силы французов состояли из тридцати девяти кораблей, приведенных с Атлантики, одиннадцати тулонских галер, шести брандеров и двенадцати флейтов, а также нескольких пехотных

полков по 20 рот и ополчения, собранного маршалом де Витри. Им противостояли 20 испанских рот: 12 на Сент-Маргерит и восемь на Сент-Онора. Командовал операцией де Сурди. Осада продолжалась 45 дней, после чего испанцы, изнемогавшие от голода и жажды, сдались 12 и 13 мая. На следующий день кардинал де Сурди отслужил благодарственный молебен. Другой молебен состоялся в соборе Парижской Богоматери, где были выставлены отобранные у испанцев знамена.

Людовик должен был выехать к армии в июле. Однако в начале мая Луиза Анжелика сообщила ему о своем окончательном решении уйти в монастырь (Буассонваль всё твердил ей, что лучше уйти самой, чем ждать, пока прогонят). Этот разговор состоялся, когда король находился на половине королевы; он был как громом поражен и вполголоса высказал Луизе удивление и сожаление. Он просил отложить исполнение решения до его отъезда и посоветоваться с отцом Коссеном. Луиза так и сделала; ее разговор с духовником короля состоялся в часовне замка Сен-Жермен, где тогда находился двор. Она сказала, что приняла решение самостоятельно, но сожалеет, что тем самым может угодить некоторым своим недругам, имея в виду кардинала. Отец Коссен передал содержание беседы королю, который не мог сдержать слез: «Правда, я люблю ее и дорожу ею за ее добродетель, но если Господь призывает ее в монастырь, я не буду ей мешать, и если бы я знал, что мое присутствие тому препятствует, я уехал бы сей же час и более не виделся с ней». Желая выиграть время, госпожа де Сенесей настаивала, чтобы Луиза получила благословение своих родителей; когда отец Коссен сообщил об этом Ришельё, тот пришел в ярость.

Но события неожиданно ускорились. О том, что произошло, можно узнать из мемуаров госпожи де Мотвиль, камеристки Анны Австрийской: в завуалированных выражениях она пишет, что «у великого и мудрого короля, неизменного в своей добродетели, бывали, однако, минуты слабости». В отчаянии от предстоящей разлуки он предложил Луизе поместить ее в Версале, где она находилась бы исключительно в его власти, недостижимая для завистников и клеветников. Это предложение напугало девушку, привыкшую к рыцарскому обхождению со стороны Людовика; оба устыдились; добродетель восторжествовала над зовом природы, и они поняли, что им лучше расстаться. 8 мая Людовик сообщил Ришельё, которому поверял даже любовные переживания, о своей «меланхолии»: «Я думаю, что она уйдет дней через семь-восемь, чтобы исполнить свое намерение, коему я не противлюсь». На следующий день, в длинном письме, посвященном текущим делам, он сделал приписку, пересказав свой

новый разговор с мадемуазель де Лафайет: она соглашалась отложить постриг на полтора года и, если король того пожелает, дожидаться его отъезда к армии, но Людовик ответил, что она не должна принуждать себя ради него. «В понедельник я уеду в Версаль или в Шантильи, чтобы попытаться развеять печаль, которая овладевает мною временами с невероятной силой, особенно когда я один»...

Прощание с Луизой состоялось 19 мая во время церемонии пробуждения королевы. Людовик не мог совладать с чувствами и плакал. Девушка оказалась более стойкой. Согласно требованиям этикета, она простилась с королевой, потом обратилась к королю, прося его принять эту жертву и исполнять свой долг. «Ступайте туда, куда призывает вас Бог; человеку не пристало противиться Его воле, — ответил Людовик. — Я мог бы силой королевской власти удержать вас при дворе и запретить всем монастырям в королевстве принимать вас, но я не хотел бы однажды корить себя за то, что лишил вас великого блага». Девушка ушла к себе в комнату, а король сел в карету и уехал.

Циник Ришельё решил заполнить пустоту, образовавшуюся в сердце монарха, и стал расписывать ему достоинства мадемуазель де Шемеро — его креатуры. Кардинал опасался, что с уходом мадемуазель де Лафайет король вновь подпадет под влияние Мари де Отфор. 4 июня Людовик ответил ему из Фонтенбло: «Если бы мне нужно было кого-нибудь любить, я бы лучше попытался примириться с Отфор, чем с какой бы то ни было девицей при дворе, но поскольку в мои намерения не входит связывать себя с кем-либо, как я уже сказал вам и как пообещал Лафайет, а я никогда не изменял данному ей слову, как и она мне, я до самой смерти буду придерживаться намерения не связывать себя ни с кем и постараюсь прожить хорошо, как только смогу, на этом свете, чтобы под конец суметь попасть в рай, ведь это единственная цель, которая должна быть у нас в мире сем».

В душевных страданиях Людовика не было ничего напускного. Меланхолия лишала его энергии, заставляя предаваться безрадостным мыслям. Вместо того чтобы заниматься делами или охотиться, король подолгу сидел в кресле, закинув ногу на ногу, одной рукой подперев подбородок, а вторую бессильно свесив вдоль тела. Ришельё же успевал подумать обо всём.

Восстание кроканов, начавшееся в июле 1636 года в Сентонже, Онисе, Пуату и Лимузене, зимой пошло на убыль, но по весне разгорелось с новой силой, охватив огнем 15 провинций. В Перигоре кроканы создали настоящую армию, во главе которой встал местный дворянин Антуан де

Ламот де Лафоре — опытный военачальник, участвовавший во многих сражениях. «Генерал кроканов» организовал десятитысячное войско, наводившее ужас на местные власти и подчинявшееся строгой дисциплине: грабежи и мародерство были запрещены. Обосновавшись в Бержерাকে, Ламот отменил «незаконные» налоги и призвал все города Перигора последовать его примеру.

Король никогда не терпел сопротивления своей власти. Кроканов надо усмирить железной рукой — такова суть его письма, отправленного кардиналу 23 апреля из Сен-Жермена. Ришельё отозвал с испанского фронта три тысячи человек для карательной экспедиции под командованием герцога де Лавалетта. Тот повел тайные переговоры с «генералом кроканов», обещая ему помилование в случае сдачи. Среди вождей кроканов начались раздоры, переросшие в вооруженные стычки. 1 июня 1637 года сторонники и противники Ламота сошлись с оружием в руках. Возглавлявший последних ремесленник Маго погиб в бою; потери составили тысячу убитыми. Добровольно сдавшиеся получили прощение, а Лавалетт предложил Ришельё послать обстрелянных кроканов на фронт биться с испанцами.

Удача как будто повернулась лицом к французам. Принц Оранский осадил Бреду, чтобы вернуть себе владение предков, а кардинал де Лавалетт получил приказ осадить Ландреси в Эно. Он устроил смотр своим войскам и насчитал 18 тысяч солдат. 14 июня они вторглись на вражескую территорию; несколько замков и небольших городков удалось захватить очень быстро, потери французов были невелики. Выйдя под Ландреси, Лавалетт 20 дней укреплял свой лагерь и лишь затем приступил к осадным работам. Столь серьезные приготовления вряд ли были нужны — гарнизон крепости составлял не более пятисот человек; но кардинал хотел выслужиться и сделать так, чтобы его заслуги казались из Парижа более весомыми, чем были на самом деле.

Случай отличиться представился очень быстро. Лавалетту донесли, что гвардеец графа де Суассона вербует солдат на службу своему господину на случай, если тот поднимет знамя мятежа. Лавалетт велел арестовать вербовщика и отправить в Сен-Кантен, чтобы его судили тамошние власти, а не местный интендант: кардинал опасался обвинений в сведении счетов с графом, с которым был в ссоре. Этот инцидент рисковал обернуться неприятными последствиями: Суассон мог заподозрить подвох и прервать переговоры с Ришельё о примирении, однако тот сделал графу настолько выгодные предложения, что он предпочел нарушить слово, данное королеве-матери. (В июне 1637 года Мария Медичи подписала с

кардиналом-инфантом договор, пообещав полмиллиона ливров на содержание армии и обязавшись не идти на примирение с сыном, пока не будет установлен мир, а Ришельё не отправится в изгнание.) Условия были такие: Суассон может находиться в Седане четыре года и не являться ко двору, даже если его призовет король по важному делу; ему сохраняют всё имущество, титулы и должности, пенсии и прочие выплаты; пенсию герцога Бульонского увеличат на 15 тысяч экю в год и выплатят ему единовременно 25 тысяч на нужды гарнизона в Седане; всё окружение графа, следовавшее за ним в Седан, получит прощение.

Тем временем Людовик часто навещал Луизу в монастыре Визитации Девы Марии на улице Сент-Антуан в Париже. Послушницы могли принимать посетителей, общаясь с ними через решетку. 30 июня король, возвращаясь с охоты, провел у этой решетки более четырех часов; он говорил с Луизой очень нежно и не мог сдержать слез. Зато эта беседа подействовала на него благотворно, вернув даже чувство юмора: увидев господина де Трамбле, явившегося его приветствовать, король в шутку сказал, что, видя перед собой решетку, а позади себя Трамбле, подумал было, что он в Бастилии (Трамбле был комендантом этой тюрьмы).

Король никому не сказал, что поедет в монастырь, даже кардиналу! Ришельё встревожился. При дворе могли сколько угодно судачить, что Людовик полностью в его власти, но уж кто-кто, а кардинал-то знал, насколько король дорожит своей независимостью. Однако нельзя было подавать виду. Ришельё вызвал к себе в Рюэй отца Коссена, который и сообщил ему о королевском визите через статс-секретаря де Нуайе, и признался ему, что посещение монастыря стало для него сюрпризом, но притворился, будто его это не касается: «Король прекрасно знает, что мне нет дела до его делишек с мадемуазель де Лафайет... Он знает, что я занят великими делами, касающимися до его государства, а не забавляюсь пустяками». Однако он тут же попросил отца Коссена информировать его обо всех подобных происшествиях, поскольку общественность придает им большое значение. «Да что вы, монсеньор! — воскликнул отец Коссен. — Чего тут бояться? Мадемуазель де Лафайет еще дитя!» Но кардинал возразил: «Вы добрый человек, я должен раскрыть вам глаза на людскую злобу: знайте же, что это дитя хотело всё испортить». Он просил королевского духовника сделать так, чтобы Людовик забыл дорогу в монастырь, внушить ему, что «не пристало великому королю занимать свои мысли этой девчонкой». Но простодушный отец Коссен тоже не пожелал быть игрушкой в руках кардинала. Поскольку он был духовным наставником и короля, и Луизы, священник с послушницей быстро нашли

общий язык и решили совместными усилиями пробуждать в короле нежные чувства к королеве в надежде, что на них сойдет Господня благодать. По окончании одной из таких бесед отец Коссен сказал Луизе: «Помните, что если меня посадят в Бастилию, вы должны будете молиться обо мне вдвойне: и как о соседе (Бастилия тоже находилась на улице Сент-Антуан. — Е. Г.), и как о сообщнике».

Постриг Луизы состоялся 22 июля; король не пожелал присутствовать при обряде, а Анна Австрийская с удовольствием согласилась. По окончании ритуала, который провел отец Коссен, королева подошла к нему и сказала, что его долг — объяснить королю, насколько политика, проводимая главным министром, вредна для королевства и всего христианского мира. Королевский духовник как раз и занимался этим с величайшим усердием, так что кардинал, верно, не раз пожалел о своем опрометчивом выборе. Ришельё дошел до того, что, находясь в Сен-Жермене, бесцеремонно прерывал разговоры, которые король с отцом Коссеном вели наедине. Чтобы успокоить подозрения кардинала, Людовик придумал уловку: у него всегда была под рукой тетрадь, в которую он записывал текст богослужения на латыни под диктовку своего духовника. Застав их за таким благочестивым занятием, Ришельё успокаивался. Однако кардинал был не так прост: он поручил своему брату, кардиналу Лионскому, выведать, что на уме у отца Коссена; тот дознался, что святой отец разделяет взгляды мадемуазель де Лафайет и чувствует себя в полной безопасности, поскольку король к нему благоволит... Ну-ну...

На следующий день отец Коссен вместе с Ботрю выехал в Седан, чтобы Суассон принес клятву в верности королю на Святом Евангелии. В тот же день была подписана капитуляция Ландреси; испанский гарнизон, сведенный до 250 пеших и 50 конных солдат, покинул крепость, перешедшую под управление коменданта-француза. У короля было две кандидатуры на этот пост — протестант и католик; по совету кардинала он остановил выбор на католике, чтобы не вызвать у населения Фландрии неприязни к французским завоевателям.

Кардинал-инфант не смог выручить ни Ландреси, ни Бреду. Его войска — 13 тысяч пехоты и пять тысяч конницы — были растянуты по всей границе с Голландией. Не решившись атаковать принца Оранского, он ушел к Маасу, бросив Эно на разграбление французам, которые дошли до Монса; Мобёж 5 августа сдался без боя. Агенты Ришельё перехватили письмо кардинала-инфанта к императору Фердинанду III, в котором тот жаловался на бедственное положение и говорил, что может уповать только на Бога. Ришельё немедленно известил кардинала де Лавалетта, что тот может

действовать совершенно свободно.

«Скажу я вам, у кардинала престранный ум, — поделился однажды Людовик с отцом Коссеном. — Ничто от него не укроется; он приставил шпионов к иноземным государям и узнаёт о их намерениях, он перехватывает пакеты через переодетых людей, грабящих гонцов». Но в начале августа было перехвачено письмо Анны Австрийской Мирабелю, и король немедленно приказал арестовать Лапорта, не сомневаясь, что письмо прошло через его руки, а жене велел сей же час выехать в Шантильи и быть там 12 августа.

В этот день верный паж королевы должен был передать некоему господину ла Тибодьеру, который отправлялся в Тур, письмо своей госпожи герцогине де Шеврез. Они встретились во дворе Лувра, однако Тибодьер (доверенное лицо Шавиньи) не стал брать письмо под тем предлогом, что уедет только завтра. Лапорт наведался еще к капитану гвардейцев Гито, а на обратном пути его неожиданно арестовал мушкетерский патруль и доставил в Бастилию. Письмо изъяли; оно косвенно указывало на то, что «Шевретта» могла быть замешана в переписке королевы с Нидерландами и Испанией. Около восьми часов вечера Лапорта привезли в кабинет Ришельё на допрос. Кардинал, канцлер Сегье и статс-секретарь Сюбле де Нуайе провозились с ним до часу ночи, но Лапорт всё отрицал и отказался написать королеве. Его отвезли обратно.

В тот же день канцлер Сегье в сопровождении государственного советника де Лапотри явился в особняк Шеврезов на улице Сен-Тома-дю-Лувр и предъявил герцогу письмо короля с подтверждением полномочий Лапотри и разрешением на обыск в комнате Лапорта. Там нашли целый ворох писем герцогини королеве, не содержавших, однако, ничего крамольного. Важные бумаги, шифры и печати хранились в надежном тайнике в стене, который Лапорт ловко замаскировал куском мрамора.

Утром 13 августа канцлер и архиепископ Парижский отправились в монастырь бенедиктинок Валь-де-Грас, основанный королевой в 1624 году. Мать-настоятельница Сент-Этьен сказалась больной, что не избавило ее от обыска; архиепископ запретил монахиням переговариваться под страхом отлучения от Церкви. Аббатисе он сказал, что король приказывает ей ответить на вопросы канцлера. Сегье заявил ей, что король знает о письмах, которые королева писала Мирабелю, госпоже де Шеврез и госпоже дю Фаржи; что королева во всём созналась и просит подтвердить ее слова, чтобы король уверился в ее искренности и раскаянии.

Аббатиса была женщина опытная: она сказала, что знать ничего не знает, ведать не ведает, королева никогда не писала никаких писем и не

получала их, находясь в монастыре. (Чутье ее не подвело: к тому времени королева еще не сделала никаких признаний.) Шифры? Какие шифры? И слова-то такого не слыхивала. А шкатулка, присланная английской королевой, которая хранится в садике на террасе? Там только кружева и прочая галантерея английской работы, которую ее величество прислала своей невестке, а та передала в ризницу монастыря. Но письма-то от королевы у вас есть? Вот, целая шкатулка, не угодно ли взглянуть? Все письма, хранившиеся у одной из монахинь, были датированы 1630 годом (когда Анна Австрийская находилась в Лионе) и лишь одно — 1632-м. Речь в них шла о некой «родственнице» (под ней подразумевалась герцогиня де Шеврез), которой королева просила передать то письмо, то пакет. Что за родственница? Одна девица из Франш-Конте, Маргарита де Косси; она хотела стать фрейлиной королевы, но уже умерла. Стала бы королева так часто писать и передавать пакеты девице, которую в глаза не видела? И ведь Франш-Конте под властью испанцев, не так ли? Мать Сент-Этьен сама родом из Франш-Конте, а ее брат был губернатором Безансона...

Пока проходил обыск, наступил час обеда, и все монахини собрались в трапезной. Архиепископ велел настоятельнице отправляться в свою келью и собирать вещи: она сегодня же покинет Валь-де-Грас и отправится в небольшой монастырь в городке Шарите-сюр-Луар. Специально присланный врач засвидетельствовал, что она сможет перенести дорогу. В два часа дня низложенная аббатиса отправилась в путь в сопровождении трех монахинь, священника и четырех полицейских в штатском во главе с офицером. Монахиням было велено избрать себе новую настоятельницу; ею стала сестра де Поншато, кузина Ришельё.

Анна Австрийская между тем терзалась тревогой в Шантильи, потеряв аппетит и сон. 24-летний герцог де Ларошфуко (тогда носивший титул принца де Марсильяка) вспоминал в мемуарах, что королева просила его похитить ее и мадемуазель де Отфор и вывезти в Брюссель. Разумеется, этот проект был полнейшей авантюрой, и от него пришлось отказаться.

К королеве сначала прислали Шавиньи, который сообщил ей об аресте ее пажа, подозрениях на ее счет и задал несколько вопросов. Анна ответила, что ее оговорили перед королем, отказалась отвечать и отправилась спать, вне себя от гнева и досады. Следующим явился канцлер Сегье, от которого ей уже не удалось отделаться так просто. Он предъявил королеве ее собственноручное письмо Мирабелю, а когда Анна выхватила бумагу и спрятала за корсаж, Сегье, не отличавшийся деликатностью, протянул к ней руку и вынудил отдать письмо. Стоило ли отпираться? Но Анна отправила своего секретаря Легра к кардиналу с уверениями, что

Лапорт передавал только ее письма герцогине де Шеврез. В праздник Успения Богородицы королева причастилась и поклялась перед Легра на Святых Дарах, что никогда не переписывалась с заграницей, прося сообщить об этом Ришельё. Она даже призвала на помощь отца Коссена, который был совершенно не в курсе происходящего, однако поверил клятвам королевы. На самом деле она только усугубила довлевшие над ней подозрения.

Вернувшийся Легра сообщил, что королю и кардиналу многое известно. Тогда Анна стала просить о встрече с Ришельё. Вообще-то кардинал сам дал понять, что эта встреча необходима, однако устроил всё так, что она состоялась по приказу короля: несмотря на плохое самочувствие, его высокопреосвященство был вынужден подчиниться своему государю и отправился спасать его незадачливую супругу, пока она окончательно себя не погубила.

Анна уже поняла, что лучше сознаться. Да, она писала во Фландрию своему брату кардиналу-инфанту и маркизу де Мирабелю, жалуясь на свою горькую долю. Она просила Мирабеля воспрепятствовать союзу между Людовиком XIII и герцогом Лотарингским, а также между Англией и Францией. Да, она собиралась встретиться с герцогиней де Шеврез, которая должна была явиться в Париж инкогнито. Эти признания были сделаны кардиналу наедине, когда статс-секретари Шавиньи и Нуайе, присутствовавшие при начале разговора, уже ушли. Королева совершенно потеряла самообладание и, если верить мемуарам Ришельё, перемежала свою речь восклицаниями: «Как вы добры, господин кардинал!» Она даже протянула ему руку, но Ришельё из почтения не прикоснулся к ней. В тот же день Людовик, получивший подробный отчет об этой встрече, потребовал, чтобы королева письменно подтвердила признания, сделанные министру. В интересах государства было ее простить, хотя король имел полное право развестись с ней и выслать обратно в Испанию.

Анна написала под диктовку текст своих признаний, и внизу этого документа Людовик приписал своим крупным почерком: «Увидев искреннее признание королевы, нашей дражайшей супруги, в том, что могло в ее поведении доставить нам неудовольствие в течение некоторого времени, и получив от нее уверения, что она будет исполнять свой долг по отношению к нам и нашему государству, мы объявляем, что полностью забудем то, что было, никогда не станем об этом вспоминать и намерены жить с нею, как добрый король и добрый муж должен жить со своею женою, в доказательство чего подписываем сию бумагу и передаем ее на подпись статс-секретарю. Составлено в Шантильи 17 августа 1637 года».

Возможно, в этот момент он думал о своей сестре Елизавете, с которой прекратил переписку, как только объявил Испании войну. Он-то соблюдал правила игры!

Специально для королевы составили правила поведения:

«Я не желаю, чтобы королева писала госпоже де Шеврез, главным образом потому, что это было предлогом для всех ее писем к другим лицам.

Я желаю, чтобы госпожа де Сенесей доносила мне обо всех письмах, отправляемых королевой, и чтобы они были запечатаны в ее присутствии.

Я также хочу, чтобы лейб-камеристка Филандр сообщала мне обо всех случаях, когда королева станет писать, а это будет происходить, поскольку у нее есть письменный прибор.

Я запрещаю королеве посещать женские монастыри, пока снова не дам ей на это разрешение; я желаю, чтобы в одном помещении с нею всегда находилась придворная дама и камер-фрау.

Я прошу королеву помнить, когда она пишет или велит писать за границу или передает туда известия любым путем, прямым или косвенным: она сама сказала мне, что по собственному согласию будет лишена забвения своего дурного поведения, которое я даровал ей сегодня.

Пусть королева также знает, что я не желаю, чтобы она виделась с Крафтом и прочими посредниками герцогини де Шеврез.

Составлено в Шантильи 17 августа 1637 года».

Ниже рукой королевы приписано: «Обещаю королю свято соблюдать вышеизложенное».

После этого король поднялся в комнату супруги, и та попросила у него прощения в присутствии кардинала. Людовик сказал, что прощает ее, и, по настоянию Ришельё, супруги поцеловались. Король вновь стал навещать жену каждый вечер, но это были протокольные визиты, в которых не было никакой сердечной теплоты. Вскоре королеве разрешили посещать монастыри, за исключением Валь-де-Грас, но она сама от этого воздерживалась.

Оставалось разобраться со «стрелочниками» — Лапортом и герцогиней де Шеврез. Паж молчал как рыба, и королеве велели написать ему, чтобы он во всём признался. Но письмо было написано под диктовку, в очень расплывчатых выражениях. Что значит «во всём»? В переписке с Шеврез? С Мирабелем? Или в сношениях с Марией Медичи, английским двором и Оливаресом? Уж лучше молчать. Здесь открывается очередная страница истории, достойная авантюрного романа. В Бастилии находился шевалье де Жар, помилованный на эшафоте и заключенный в тюрьму пожизненно. Мари де Отфор выдала себя за горничную его приятельницы

мадам де Вилларсо и отправилась вместе с ней на свидание. Там она передала Жару письмо с подробными инструкциями королевы Лапорту. Шевалье сумел разузнать, что камера Лапорта находится под его собственной, двумя этажами ниже. Во время прогулки в тюремном дворе он сговорился с узниками с промежуточных этажей. Ночью каждый разобрал пол в своей камере, и Лапорту спустили письмо на нитке, выдранной из рубашки. На следующий же день Лапорта вызвали на допрос и показали ему орудия пыток: дыбу, «испанский сапог», жаровни, клещи... Лапорт стоял на своем: письмо королевы было ей продиктовано, но если ее гофмейстер господин де Ларивьер повторит вслух приказ ее величества, он всё скажет. В присутствии Ларивьера Лапорт признался, что передавал письмо Мирабелю через Ожье из английского посольства — и только. Его вернули в камеру, где он провел еще девять месяцев.

Ришельё отправил в Тур двух аббатов, чтобы расспросить «Шевретту». Та уже знала, что произошло, и с полным основанием опасалась королевского гнева. Сначала она всё отрицала, но 24 августа подписала некоторые признания, которые аббат дю Дора привез в Париж.

От герцогини было меньше вреда, пока она находилась во Франции, поэтому кардинал всячески пытался помешать ее отъезду за границу; он даже предложил уплатить ее долги. Ларошфуко прислал в Тур англичанина Крафта, чтобы успокоить герцогиню: король ее простит. Однако та всё равно не находила себе места. Аббат дю Дора в дороге заболел, от него не было вестей. Тут герцогине доставили часослов от Мари де Отфор. Согласно их уговору, если переплет книги будет зеленым, значит, бояться нечего, красный цвет — опасность. Переплет часослова оказался красным. Более того, в книгу было вложено письмо королевы, сообщавшей, что арест неминуем: за герцогиней придут утром 6 сентября.

Возможно, Анна Австрийская попросту желала избавиться от чересчур деятельной подруги, которая уже навлекла на нее немало бед. Как бы то ни было, герцогиня запаниковала. Получив часослов, она немедленно отправилась к старому архиепископу Турскому Бертрону д'Эшо и получила от него рекомендательное письмо его племяннику в Стране басков. В девять вечера она покинула замок Кузьер, переодевшись в мужское платье, и верхом, в сопровождении двух слуг, выехала в Пуатье, а затем в Рюффек, где обратилась за помощью к Ларошфуко. Не сумев похитить королеву, тот предоставил герцогине карету и четверку лошадей, а также дал адрес своего поверенного Мальбати, который проводил ее до испанской границы. Из Испании «Шевретта» отправилась в Англию.

Тем временем испанцы решили совершить отвлекающий маневр,

чтобы оттянуть силы противника с нидерландского и итальянского фронтов, и осуществить вторжение во Францию с юго-запада, через Руссильон. 27 августа 12 тысяч пехотинцев и 1300 конников с четырьмя десятками орудий осадили крепость Леукате, гарнизон которой состоял всего из 110 солдат. Комендант Эркюль Бурсье де Барри мобилизовал к ним в помощь 60 жителей соседнего поселка, чтобы продержаться до подхода подкрепления. В самом деле, на выручку вскоре пришли две роты Лангедокского полка.

Поселок Леукате сожгли 2 сентября. Командир испанцев попытался подкупить защитников форта пятью тысячами экю наличными и шестью тысячами пожизненной ренты, но предложение о сдаче было отклонено. Тогда осаждавшие стали строить вокруг крепости стену с двумя фортами. Три батареи ежедневно обстреливали Леукате, выпуская по 400–500 снарядов. Одновременно испанская конница опустошала окрестности, продвинувшись до самого Нарбонна. Внешние бастионы Леукате были разрушены; защитники крепости остались без провианта. Испанцы предвкушали легкую победу.

Но они просчитались: 11 сентября в Лангедоке собрали ополчение; войска д'Аркура, недавно захватившие Леринские острова, присоединились к регулярным отрядам Шарля де Шомберга; в общей сложности удалось собрать 20 тысяч человек пехоты и четыре тысячи конницы. У испанцев был перевес в артиллерии, но ради такого случая де Сурди снял пушки с галер. 28 сентября французская армия подошла к испанскому лагерю. На военном совете было решено атаковать ночью одновременно с пяти сторон.

Первыми в лагерь ворвались застрельщики и оборудовали проход через траншеи для кавалерии. Французская конница атаковала испанскую, которая в тесноте не могла применять тактику караколирования (когда первая шеренга всадников, выстрелив, разъезжалась в стороны, освобождая место для второй), и разбила ее. Но тут пошла в атаку испанская пехота. Ее удалось отбить с большим трудом; испанцы, лучше ориентировавшиеся на местности, сумели укрыться в одном из фортов и вели оттуда убийственный огонь по неприятелю, не знавшему, куда бежать в кромешной темноте. Французская конница провела около десятка атак, но каждый раз испанцы перегруппировывались под защитой форта. В конце концов противники, совершенно измученные, отступили на исходные позиции, чтобы с наступлением дня возобновить борьбу. Тем временем де Сурди привел подкрепление; эта новость ободрила французов, а испанцев обратила в бегство. Поутру французы обнаружили, что испанцы отступили

по песчаной косе между лиманом и морем, бросив всю артиллерию; лишь в форте еще оставалось около двухсот человек. Их атаковали и всех перебили.

Разгром при Леукате стал полнейшей неожиданностью для Мадрида, уже строившего планы дальнейшей завоевательной кампании, и серьезным ударом по престижу Испании. За эту победу Людовик XIII сделал Шарля де Шомберга маршалом Франции. Примерно в то же время Виктор Амедей Савойский, зять и союзник французского короля, одержал победу над маркизом де Леганесом при Момбальдоне в Пьемонте, но вскоре скончался, а регентшей при пятилетнем наследнике Франциске Гиацинте стала его мать, сестра Людовика Кристина...

Анна Австрийская была тише воды ниже травы. Она наконец-то поняла, что игры, которым она предавалась, вовсе не были безобидными. 12 сентября король взял ее с собой на охоту в Сен-Море, во время которой были пойманы пять волков и лиса. «Я рассказал ей о приключении госпожи де Шеврез, и она нашла его весьма странным, сказав, что только безумная могла бы так поступить», — сообщил Людовик Ришельё. Несмотря на обещание венценосного супруга вести себя с ней, как подобает доброму мужу, Анна понимала, что ей трудно рассчитывать на возвращение былой нежности. Существовало только одно средство вернуть его расположение, поэтому она сразу же поверила в предсказание, о котором ей донесли: брату Фиакру, монаху ордена босоногих августинцев, 27 октября 1637 года во время молитвы было откровение: королева должна публично совершить три девятидневных молитвенных обета в честь Нотр-Дам-де-Грас, и Бог дарует ей сына. Брат Фиакр сам начал молиться 8 ноября; королева продолжила; три обета завершились 5 декабря.

А дальше начинается мистика. 5 ноября Людовик вновь посетил Луизу в монастыре, и этот визит «вернул ему превосходное здоровье и усилил набожность», о чем он написал Ришелье. 1 декабря двор покинул Сен-Жермен и вернулся в столицу; Анна Австрийская обосновалась в Лувре, но Людовик уехал в Крон, а оттуда в Версаль. 5 декабря он намеревался заночевать в Сен-Море и отправил туда всю прислугу, перевозившую меблировку из одной королевской резиденции в другую. Путь Людовика лежал через Париж, и он решил этим воспользоваться, чтобы снова заглянуть в монастырь на улице Сент-Антуан. Пока он беседовал с Луизой, стало совсем темно, к тому же полил сильный дождь. Возвращаться в Версаль было нельзя, из парижских апартаментов короля вывезли всю мебель — оставалось ехать в Сен-Мор, но в такую погоду... Капитан гвардейцев Гито предложил заночевать в Лувре, в апартаментах королевы.

Сначала король и слышать об этом не хотел и всё ждал, что дождь перестанет. Но дождь лил пуще, и Гито предложил послать кого-нибудь в Лувр предупредить королеву. Людовик ответил, что у Анны другие привычки: она ужинает и ложится поздно, по испанскому обычаю. Капитан возразил, что ее величество приспособится под привычки мужа. В конце концов король уступил... Супруги поужинали вместе и, поскольку другой спальни приготовлено не было, Людовик провел ночь в постели жены. Именно в эту ночь был зачат наследник престола...

СЫН!

*Живет надеждой страсть
И гибнет вместе с ней.*

Восьмого декабря отмечали праздник Непорочного зачатия. Людовик XIII уже принял решение принести торжественный обет — отдать свое королевство под покровительство Пресвятой Девы. В этот день он исповедовался отцу Коссену и был неприятно поражен, что духовник требует от него разговора о государственных делах. Отец Коссен обвинил короля перед Богом во всех несчастьях войны и всех жестокостях, вершимых его союзниками-шведами в Германии, а также в желании заключить союз с турками против Священной Римской империи. Не тут-то было. «Я бы желал, чтобы турки вошли в Мадрид, дабы принудить испанцев заключить мир, а потом я соединился бы с ними, чтобы воевать с турками», — отвечал король. «Государь не может этого желать в своей душе!» — ужаснулся духовник. Король возразил, что ничего не делает без доброго совета. Да, без совета преданных ему людей! Он считает этих людей своими отцами.

Тогда отец Коссен стал побуждать короля к использованию королевы как посредницы в мирных переговорах; это было более чем неловко, в особенности после скандала с зашифрованными письмами. Духовник также возвысил голос в защиту королевы-матери и против всемогущества кардинала и дошел до того, что намекнул на интерес Ришельё к Анне как к женщине! Понятно, что во время мессы, отслуженной святым отцом после этого разговора, король имел взволнованный и озабоченный вид. После долгой молитвы отец Коссен обратился к Людовику с пылким воззванием: «Когда же наконец наступит мир, возлюбленный страдающим народом? Взгляните на ваших подданных: каждый день они лишаются всего, однако никогда не утратят любви к вам, живущей в их сердцах. Страх не дает их жалобам достигнуть вашего трона. Но мой сан обязывает меня быть их представителем и говорить с вами от их имени. Подданные христианнейшего короля претерпевают те же муки, каким государь из неверных подвергает своих подданных-полурабов».

Неожиданно для святого отца его речи разгневали короля, который передал их содержание не только своему главному министру, но и

Шавиньи. Последний велел духовнику отправляться в Рюэй, куда вскоре приехал и сам Людовик. Кардинал без особого труда разбил все аргументы оппонента. 10 декабря 1637 года отец Коссен получил приказ отправляться в Ренн: ряса священника спасла его от тюрьмы, поэтому он не стал соседом Луизы де Лафайет в Бастилии. Добрый пастырь так ничего и не понял: в письме, адресованном Нуайе, он клялся спасением своей души, что не интриговал и не строил заговоров, а говорил королю лишь о том, о чем не мог молчать. Но Людовик на вопрос венецианского посланника Контарини ответил просто: «Я удалил своего духовника; я уже давно заметил, что он отклонился от верного пути, поскольку он насквозь испанец». Новым исповедником короля стал отец Сирмон.

Практически на следующий день после отъезда отца Коссена Людовик XIII передал свое королевство под покровительство Богородицы, прося ее вернуть во Францию мир. Отныне праздник Успения Богородицы (15 августа) будет одним из самых главных в его стране, станет сопровождаться торжественными процессиями, а каждая церковь, не освященная во имя Пресвятой Девы, должна посвятить ей свою главную часовню.

С памятной декабрьской ночи в жизни королевской четы произошла большая перемена. «Монсеньор, я не мог и не должен был медлить с тем, чтобы уведомить Вас о явных, как никогда, признаках беременности королевы, которые указывают на зачатого и сформировавшегося шестинедельного младенца, не подвергающегося более тем опасностям, которые она перенесла ранее», — писал кардиналу лейб-медик Бувар. Уверенность в том, что королева, наконец, «понесла», упрочилась в феврале. В обете Деве Марии, принесенном 10 февраля 1638 года, Людовик, в частности, обещал воздвигнуть новый алтарь в соборе Парижской Богородицы и украсить его скульптурами^[54].

Долгожданное известие мгновенно распространилось по Парижу и всему королевству. «Я знаю, что эта радость, должно быть, превосходит все прочие, кои Ваше величество испытал в своей жизни, — писал брату Гастон Орлеанский. — Нет другого человека, который принимает в ней большее участие и желает с большим усердием и любовью осуществления его желаний, чем я». Во всех церквях возносили благодарственные молитвы Господу, прося его и далее не оставлять Францию без своего покровительства.

Анна Австрийская осторожничала и слегка досадовала на всю эту помпу — она уже столько раз обманывалась в надеждах... Но вокруг нее уже никто не сомневался, что ребенок, наконец, появится на свет и что это

будет дофин. Из легкомысленной интриганки и изменницы королева в одночасье превратилась в будущую мать будущего наследника престола. Когда сюринтендант финансов де Бюльон в феврале заикнулся о том, чтобы урезать ее доходы, Ришельё резко ему возразил. Они с королем уже подбирали гувернантку нерожденному младенцу. Анна прочила на это место свою подругу госпожу де Сен-Жорж, но об этом не могло быть и речи: Людовик собирался доверить уход за сыном дочери маршала де Сувре, своего собственного дядьки. К тому времени она уже стала маркизой де Лансак. Объявив супруге о своем выборе, он попросил ее сообщить маркизе, что она будет руководить «домом» будущего дофина. Чтобы несколько сгладить чересчур прямолинейный подход короля, Ришельё поручил секретарю Легра подготовить королеву. Впрочем, эти предосторожности оказались излишними: Анна весьма любезно приняла госпожу де Лансак и наделила ее всеми полагающимися официальными титулами. Зато она попросила кардинала освободить из Бастилии Лапорта. Тот получил от Людовика соответствующий приказ и тотчас сообщил Легра: «Я чрезвычайно рад, что королева получила в этом деле желаемое удовлетворение и знаки дружбы, которую питает к ней король». Рассказывая о своем освобождении в мемуарах, Лапорт уточняет, что королевский приказ был получен, после того как Людовик почувствовал движение плода в чреве жены, то есть в конце апреля. «Одним пинком еще не родившийся младенец распахнул ворота Бастилии и забросил меня на восемьдесят лье от Парижа», — вспоминал верный паж.

Трижды в неделю король брал придворных дам с собой на охоту, а по возвращении садился в карету между своей племянницей и Мари де Отфор, которая вернула себе положение титулованной фаворитки (кстати, в марте она стала камер-фрау королевы). Дочь Гастона Орлеанского даже придумывала тексты к мелодиям, которые потом исполнял в честь дам-охотниц ее камерный оркестр во время трапез, устраиваемых его величеством, и эти песенки были посвящены исключительно Мари де Отфор. Однажды король попросил поэта Франсуа де Буаробера, одного из первых членов Французской академии, написать слова на мелодию его собственного сочинения; и тот выбрал темой любовь короля к его фаворитке. Прочитав текст, король сказал: «Слова хороши, только нужно убрать оттуда всё про желания, ибо я ничего не желаю». Буаробер, поставив в известность Ришельё, полностью переработал текст, вставив в него имена мушкетеров, после чего король нашел песню «восхитительной».

Как и все фавориты короля, уверенные в своей безнаказанности, Мари

вела себя довольно дерзко, позволяя себе нелюбезные отзывы о кардинале. Людовик же выглядел рядом с ней старым ревнивым мужем: он даже расстроил ее брак с маркизом де Жевром, чтобы она не досталась другому. Бывало, что их перепалки происходили на виду у всего двора; Людовик записывал их слово в слово и хранил эти «протоколы» в особой шкатулке. После таких стычек в Сен-Жермене несколько дней царило уныние, король дулся на свою фаворитку. Обычно никогда не сидевший без дела, занятый кулинарными опытами или что-нибудь мастеривший, он часами просиживал в кресле, скрестив вытянутые ноги и зевая, или стоял у окна и барабанил пальцами по стеклу. Беспокоить его в такие моменты было нельзя, никакое веселье и смех не допускались, все должны были скучать вместе с королем...

Чтобы уравновесить влияние фаворитки, Ришельё попытался найти королю нового «друга» и стал всячески проталкивать юного Анри д'Эффиа, маркиза де Сен-Мара, сына маршала Антуана Куафье-Рюзе, который унаследовал титул после смерти отца в 1632 году; тогда же кардинал взял мальчика под свое покровительство. В 1635-м, когда Анри было всего 15 лет, Ришельё добился для него должности командира одной из новых гвардейских рот, созданных королем для своей личной охраны, и в дальнейшем старался находить для него ответственные поручения, чтобы мальчик почаще попадался на глаза королю. В марте 1638 года юноша стал одним из двух распорядителей королевского гардероба после ухода с этой должности маркиза де Лафорса. Но он вовсе не был царедворцем, имел гордый и независимый характер и не умел льстить. Перспектива стать королевским фаворитом его отнюдь не прельщала, тем более что он знал, какая судьба постигла Баррада и Сен-Симона. Он хотел стать военным, как отец; ему вовсе не улыбалось всегда находиться при короле, который превратился в мелочного, подозрительного и обидчивого брюзгу, и разговаривать с ним об охоте, собаках и ловчих птицах, покинув Париж с его развлечениями и удовольствиями. Впрочем, юный франт, всегда ходивший в шелках и кружевах, вовсе не был по душе королю. Но Ришельё был упорен и действовал через мать маркиза, делавшей сыну внушения по поводу того, как надлежит себя вести.

Эти придворные интриги казались первому министру не менее важными делами, чем внешнеполитические и военные. А забот было много: через своих мадридских шпионов король и кардинал знали, что Оливарес стремится к миру; антигабсбургскую коалицию надо было сохранить любой ценой. Шведы могли заключить сепаратный мир с Габсбургами в обмен на Померанию; голландцы тоже могли поддаться на

заигрывания Мадрида. Лондон не определился в своих предпочтениях: Карл I в большей степени был занят внутренними делами, однако поддерживал своих племянников — сыновей пфальцского курфюрста; Ришельё надеялся привлечь его на сторону Франции и помешать сообщению Испании с Нидерландами морским путем.

Пятого марта в Гамбурге был подписан договор между Францией и Швецией: военный союз продлевался еще на три года; Париж обязывался выплачивать шведам по миллиону ливров в год. Одновременно начались переговоры с имперцами: отдельно католиков (Франция) — в Кёльне и протестантов (Швеция) — в Любеке. Но, конечно, последнее слово оставалось не за дипломатами, а за военными.

Французская армия теперь состояла из шести корпусов, находившихся во Фландрии (под командованием Шатильона), в Пикардии и Шампани (Лафорс), в Эльзасе (там хозяйничали наемники Бернгарда Саксен-Веймарского и полки графа де Гебриана), на границе с Бургундией (армия герцога де Лонгвиля), в Гиени (армия Конце) и в Италии (войска маршала де Креки). Но надежды на них было мало: военачальники бесталанные, солдаты недисциплинированные, к тому же вечно голодные и оборванные из-за нехватки денег.

В конце февраля Бернгард Саксен-Веймарский прошел долиной Рейна и захватил три города-плацдарма на швейцарской границе. Оставалось взять четвертый и самый главный — Райнфельден. Ему противостоял Иоганн Верт с помощником, итальянцем Федерико Савелли. Первую атаку удалось отбить, однако герцог неожиданно перешел в наступление и 2 марта захватил город, пленив обоих имперских военачальников, после чего пошел дальше. 11 апреля он взял Фрайбург-в-Брейсгау и осадил Брейзах. Этот город на правом берегу великой реки был стратегическим пунктом на пути движения армий из Австрии или Италии в Пфальц, низовья Рейна, в Испанские Нидерланды или внутрь империи. Теперь испанцы могли снабжать свою армию в Нидерландах только морским путем. Положение дел в Испании тоже было бедственным: казна пуста, крестьяне бунтуют, к тому же в Южной Америке голландцы захватили Бразилию — владение Португалии, находившейся тогда в зависимости от испанской короны.

Граф-герцог Оливарес отправил в Париж тайного переговорщика Мигеля де Саламанку, который добился аудиенции у его высокопреосвященства. Встреча состоялась 14 мая в обстановке строжайшей секретности в одной из церквей Компьена. Ришельё предложил перемирие при сохранении территориального статус-кво, уточнив, что не отдаст Пиньероль и Лотарингию и не нарушит слово,

данное союзникам. Испанец был вынужден признаться, что не уполномочен выступать от имени императора. На следующий день речь шла о германских делах. Собеседники были чрезвычайно учтивы и любезны друг с другом, однако решить ничего не удалось.

Франции было еще рано выступать с позиции силы: на нидерландском фронте Шатильону никак не удавалось взять Сент-Омер. Его осада велась кое-как, Томас Савойский сумел привести подкрепление. Людовик написал маршалу письмо, в котором выразил свое неодобрение и заявил, что готов лично выехать во Фландрию, если его присутствие необходимо для успеха военных действий. Тот ответил, что сам справится, его величеству не стоит утруждаться. Однако Томас Савойский и Пикколомини напали на лагерь французов с двух сторон и 15 июля вынудили Шатильона капитулировать. Французам позволили уйти, забрав с собой все пушки и обоз, но кружным путем — через Испанские Нидерланды и Мец в Лотарингии.

В Италии маршал де Креки был убит во время одной из стычек. Спешно назначенный вместо него кардинал де Лавалетт не смог воспрепятствовать захвату Верчелли испанцами.

Но Парижу и его окрестностям более ничто не угрожало, поэтому двор занимала исключительно беременность королевы. Людовик ежедневно посылал кого-нибудь из дворян справиться о ее здоровье, а 1 июня неожиданно покинул Компьен и прискакал в Сен-Жермен, чтобы увидеться с женой, которую нашел в добром здравии. Между супругами восстановилась полнейшая гармония, и когда 19 июля король решил всё-таки выехать вместе с Ришельё в Амьен, ближе к линии фронта, при дворе сочли, что это происки кардинала: он недоволен согласием между их величествами и использует любой предлог, чтобы их разлучить.

Но Людовику спешно требовалось захватить какой-нибудь крупный город, чтобы реабилитироваться после поражения под Сент-Омером. Эден или Аррас? Аррас, похоже, пока не по зубам, лучше Эден. Между делом Шатильон и Лафорс взяли 9 августа замок Рента, где оказались большие склады боеприпасов. Людовик велел его разрушить и поехал дальше на север, в Абвиль. Оттуда он посылал своим маршалам противоречивые приказы: сначала велел им явиться к нему; через два дня передумал: их присутствие нужнее в войсках, так что если они выехали, пусть возвращаются обратно; в тот же день новый гонец повез письмо, в котором говорилось, что все беды от разобщенности, армии должны слиться в единый кулак, а военачальники будут командовать по очереди, по старшинству...

Кардинал де Лавалетт, недовольный тем, что его сняли с поста

главнокомандующего Фландрской армией, заменив Шатильоном, уступил свою новую должность командующего корпусом маршалу де Брезе, который, получив приказ привести войска во Фландрию, отправился в Абвиль в полной уверенности, что дядя-кардинал сразу же назначит его главнокомандующим, прогнав Шатильона и Лафорса, не оправдавших его ожиданий. Однако Ришельё был в первую очередь государственным деятелем, а уж потом дядей; стараясь не обидеть родственника, он всё-таки дал ему понять, что командовать будут все трое. Ах вот как? Де Брезе собрал своих офицеров и объявил им, что слагает с себя командование, назначив вместо себя полковника Ламбера, после чего уехал, не испросив разрешение ни у короля, ни у кардинала. Чтобы прикрыть этот конфуз, Ришельё объявил, что маршал внезапно занемог и получил позволение отправиться лечиться на воды...

Уже было принято решение осадить Эден, но тут кардинал-инфант нанес крупное поражение принцу Оранскому (21 июля), и на голландцев, которые должны были совершить отвлекающий маневр, рассчитывать уже не приходилось. Осада грозила стать долгой, трудной и с непредсказуемым исходом. Поэтому кардинал свернул все планы, предложив ограничиться осадой городка Ле-Катле в Пикардии, с 1636 года находившегося в руках испанцев.

В это время королева-мать вдруг решила напомнить о себе. Хлеб чужбины оказался горек: после первых успехов французской армии всех брюссельских эмигрантов подозревали в шпионаже и подвергали обыскам. Мария Медичи не стала исключением: ее дом перерыли с погреба до чердака, даже перебрали поленницу дров в поисках спрятанного оружия. Ее загородные прогулки вызвали подозрения: а вдруг это тайные свидания с резидентами Ришельё? Ей предложили отпустить часть французской прислуги. Но самое страшное — ей урезали пенсию. А что тут удивительного? В стране война, лишения терпят все... Королева была возмущена до глубины души: она — не все! 10 августа она выехала из Брюсселя, не простившись с кардиналом-инфантом, — якобы в Спа, однако забрала с собой всю мебель, сундуки, картины и прочий скарб. За Лувеном она неожиданно свернула на север и въехала в Голландию, союзную Франции и враждебную Испании.

Чтобы объяснить свой поступок, королева-мать велела напечатать и распространить два манифеста. В первом она заявляла, что уже не чувствовала себя в безопасности, ее жизни угрожали «народные волнения», исподволь разжигаемые испанскими властями; во втором утверждала, что своим отъездом решила поспособствовать мирным переговорам между

Францией и Испанией, устранив, как сказали бы сегодня, главный раздражитель — свое присутствие на вражеской территории. Слова, слова, слова... Просто ее надежды вернуться во Францию в обозе завоевателей-испанцев давно рухнули. Кроме того, маркиз де Монгла в мемуарах сообщает любопытную подробность: Марии было предсказано (она всё еще являлась с гадалками и предсказателями), что ее сын недолго проживет после рождения наследника, и королева-мать торопилась вернуться, чтобы оттеснить невестку и самой стать регентшей при маленьком дофине...

В начале августа Анна Австрийская прислала мужу письмо, вызывая его к себе: ждать, кажется, осталось недолго. Людовик в самом деле хотел лично присутствовать при рождении сына и велел канцлеру Сегье, сюринтендантам Бюльону и Бутилье, первому председателю Парижского парламента и купеческому старшине также быть на месте в нужный момент. Оставив Ришельё вести осаду, король выехал в Сен-Жермен и был там 18 августа. Уже на следующий день он писал кардиналу о своем разочаровании: королева и не думает рожать, зря он примчался сюда так рано из Пикардии. 22-го числа к нему присоединился Гастон, не желавший пропустить счастливое событие. В тот же день Людовик сбежал в Версаль, «подальше от всех этих женщин» (он опять поругался с Мари де Отфор). Король томился: «Какая досада, что королева всё никак не родит, чтобы я мог уехать отсюда». Он не мог взять в толк, почему Шатильон и Лафорс столько возятся с маленькой крепостной. Хорошо еще, что за ними присматривает кардинал, а то, чего доброго, вся армия разбежится. Просьба Анны Австрийской, чтобы Ришельё тоже приехал, осталась без внимания.

Тем временем Марии Медичи был оказан в Голландии триумфальный прием: принц Оранский вместе с женой выехал встречать дорогую гостью и препроводил ее в Хертогенбос с блестящим офицерским эскортом; жители города, высываясь из окон, приветствовали ее ликующими криками. Переезд в Амстердам стал чередой празднеств, приемов и торжеств. Мария всем рассказывала, как дурно обращались с ней испанцы, она же всей душой стремится к миру и думает лишь о восстановлении добрых отношений с сыном. Она согласна окончить свои дни во французской глуши, в тишине и покое, власть ей больше не нужна... Французский посол придумал себе «дипломатическую болезнь» в ожидании инструкций из Парижа. Генеральные штаты 30 августа написали Людовику XIII, что его мать искренне его любит и почитает всех, кого он облек своим доверием, поэтому они считают своим долгом умолять его величество позволить ей примириться с ним и жить в согласии. Людовик

ничего не написал в ответ и велел послу передать на словах этим добрым людям, что они рассуждают о вещах, о которых понятия не имеют, а заодно дать им необходимые разъяснения.

По расчетам врачей королева должна была разрешиться от бремени между 23 и 28 августа. По истечении этого срока во всех парижских церквях выставили Святые Дары, начались ежедневные молебны. Анна очень боялась родов: шутка ли, впервые рожать в 37 лет! Людовик вел отсчет срока беременности супруги по-своему, от 30 ноября. «Королева чувствует себя так хорошо, что я не думаю, чтобы она разродилась ранее чем через четыре дня. Она уже два дня на десятом месяце», — писал он Ришельё 2 сентября. Перенервничав, он в тот же день неожиданно заболел: вернувшись с охоты, слег в постель, весь горя. Ночью жар спал, Людовик поднялся, поужинал и написал Ришельё, что едет к нему в Пикардию, однако температура поднялась снова. Ришельё перепугался; но болезнь короля прошла так же внезапно, как и началась. Ровно через девять месяцев после дождливой ночи 5 декабря, в ночь на 5 сентября 1638 года у королевы начались схватки.

В четыре часа утра по просьбе Анны в ее комнате отслужили две мессы. Людовика предупредили, и он, несмотря на слабость, явился в спальню жены, встал на колени и молил Бога даровать ей счастливое разрешение от бремени. Но время шло, а ничего не происходило. В спальне уже стояла родильная кровать; давно были готовы комнаты для младенца, сплошь затянутые белым камчатным полотном, чтобы ребенок не ушибся, когда начнет ходить... Настал час королевского обеда; Анна просила супруга не изменять своим привычкам. Тот нехотя сел за стол в большой буфетной, вдоль которого выстроились придворные, и стал пить куриный бульон. Когда подали жаркое, в комнату ворвался слуга с криком «Рожает! Рожает!». Людовик вскочил, опрокинув стул, и помчался к жене. У дверей его встретила сияющая госпожа де Сенесей, которая торжественно провозгласила: «Сир, это дофин!» Повитуха госпожа Перонн показала отцу новорожденного «невероятной красоты и величины», как потом писала «Газета». (Гастон несколько переменялся в лице, когда повитуха продемонстрировала ему неоспоримые признаки пола ребенка.)

Новость облетела весь Сен-Жермен. По обычаю король велел оставить открытой дверь спальни королевы. Все члены королевской семьи и придворные поздравляли Людовика XIII с наследником. Когда радость несколько улеглась, приступили к совершению обрядов: епископ Мо крестил младенца малым крещением. В час дня в часовне при старом замке отслужили благодарственный молебен, затем вернулись в новый замок.

Счастливым отец не отходил от жены, только бегал несколько раз в детскую посмотреть, как дофина кормят и пеленают. Альвизе Контарини первым из иностранных послов пробился к королю, чтобы поздравить его от имени Венецианской республики; Людовик взял его за руку и, подведя к колыбели, откинул полог, чтобы тот мог разглядеть дофина: «Вот чудо, благодать Господа нашего, ибо лишь так можно назвать столь прекрасное дитя после двадцати двух лет брака и четырех выкидышей моей супруги».

Дорога из Сен-Жермена в Париж шла через Сену, но мост в Нейи был разрушен. Гонцам было заранее приказано не тратить время на паромную переправу, а подать условный знак: если девочка — сложить руки крестом, если мальчик — повернуть шапку над головой. Когда благая весть донеслась до столицы, губернатор Парижа и купеческий старшина распорядились закрыть все лавки и зажечь праздничные огни. Ликующая толпа высыпала на улицы; в богатых домах устраивали фонтаны с вином, из которых могли пить все желающие.

По приказу короля брат его обер-камердинера Лашене вскочил в седло и помчался в Сен-Кантен известить кардинала. Тот немедленно отслужил благодарственный молебен и мессу в честь короля. Его гонец доставил два письма — обоим венценосным супругам. «Сир, — писал он Людовику, — я в восхищении от рождения господина дофина! Надеюсь, что, поскольку он Феодосий^[55], ведь это дар Бога Вашему величеству, он будет обладать всеми качествами императоров, носивших это имя... Не могу выразить своей радости!» В письме королеве он добавлял: «Желаю и хочу верить, что Господь даровал его христианам, дабы утишить смуту и принести благословенный мир». 8 сентября кардинал вновь высказывал королю свою радость, уверяя, что «Бог даровал его (младенца. — Е. Г.) миру для великих дел».

***Повитуха показывает новорожденного дофина Людовику XIII. Гравюра
А. Босса. 1638 г.***

Шестого сентября на Гревской площади устроили фейерверк, а в соборе Парижской Богоматери отслужили торжественный молебен, на который все магистраты явились в красных мантиях. Монахи из Сен-Жермен-де-Пре прошли крестным ходом с мощами святой Маргариты. Во всех церквях пели хоры, фасады монастырей были иллюминированы, по всему городу палили из разных видов оружия. На следующий день все посланники иноземных дворов отправились в Сен-Жермен поздравлять его величество и его высочество.

В провинции тоже праздновали: иллюминация, пальба, балы, пиры... Но армия преподнесла своему королю совсем иной «подарок»: 7 сентября французы потерпели сокрушительное поражение в Стране басков, под Фонтаравией: когда в крепостной стене уже была проделана брешь и можно было идти на приступ, двенадцатитысячная армия рассыпалась и бежала от семи тысяч испанцев, побросав всю артиллерию и обозы, потеряв сотни погибшими, ранеными и пленными. Командующие, Конде и герцог де Лавалетт, сваливали вину друг на друга. Конде явился в Париж и заявил, что причиной разгрома стало малодушие Лавалетта, правда, не мог объяснить, почему сам он в решающий момент бросил армию и удрал в Байонну. Лавалетт прислал письмо, объясняя поражение бездарным командованием Конде. Понимая, что принца крови всё равно не накажут, Лавалетт, виноватый в гораздо меньшей степени, решил бежать в Англию.

Этого нельзя было оставить без реакции: Людовик Справедливый велел предать беглеца суду. Поскольку тот был герцогом и пэром, судить его должен был Парижский парламент. Однако верховным судьей был сам король, и он создал Чрезвычайную комиссию из герцогов и пэров, а также председателей Парижского парламента, включив в нее Ришельё и Сегье. Магистраты начали было возражать, но король заявил им в резкой форме: «Я сильно вами недоволен, вы вечные ослушники. Те, кто говорит, что я не могу давать судей, каких пожелаю, своим подданным, нанеся мне оскорбление, — невежды, недостойные исполнять свою должность!» Приговор был вынесен 24 мая 1639 года. Людовик выразился предельно ясно: «Речь не идет ни о трусости герцога де Лавалетта, ни о его невежестве в своем деле. Он хорошо знает свое дело и храбрый человек — я лично видел его доблесть в нескольких стычках; но он не пожелал взять Фонтаравию... Его поведение можно объяснить лишь завистью, которую нельзя оправдать никакими резонами». Лавалетта приговорили к смерти и казнили его изображение. (Он вернется во Францию только после смерти Людовика XIII; в нарушение всех обычаев парламент отменит вынесенный ему приговор.)

Горечь от нового поражения удалось слегка подсластить взятием Ле-Катле 14 сентября, а также победами кардинала де Сурди и де Пон де Курле на море. Ришельё согласился возобновить заглохшие в мае переговоры с Мадридом. Отец Жозеф тоже хотел мира...

НОВЫЕ СРАЖЕНИЯ

*Вседневная молва, летя за мною следом,
За лавром новый лавр плетет моим победам!*

Ребенка мало родить — его надо вырастить и оградить от множества опасностей, которые ему угрожают. В октябре 1638 года скончался пятилетний савойский герцог Франциск Гиацинт, и его мать Кристина, всего год как овдовевшая, осталась с четырехлетним младшим сыном Карлом Эммануилом II, тоже не отличавшимся крепким здоровьем.

Кристина была умна, блистательна и честолюбива, но пристрастие к роскоши и празднествам сделало ее непопулярной среди савойцев — суровых жителей гор, привыкших к спартанской обстановке. Новые родственники тоже не приняли ее. После смерти ее мужа Виктора Амедея братья покойного — кардинал Мориц Савойский и Томас Савойский — и жена последнего Мария де Бурбон-Конде, поддерживаемые испанцами, потребовали для себя права регентства при малолетних племянниках. Подозревали, что Кристина льет воду на мельницу своего брата Людовика XIII (3 июня 1638 года она подтвердила в Турине союз с Францией, заключенный ее мужем в 1635-м). Однако это было в корне неверно: Кристина, прислушиваясь к советам своего духовника, иезуита отца Моно, даже собиралась заключить перемирие с испанским губернатором Милана Леганесом. Этим планам воспрепятствовал Ришельё; отец Моно был заключен в замок Монмельян. Тем не менее Кристина не позволила французским войскам оккупировать главные крепости Пьемонта, графства Ницца и Савойи.

Долгожданную крупную военную победу одержал Бернгард Саксен-Веймарский, сумевший-таки взять Брейзах. Эта крепость, стоявшая на крутом берегу перегороженного цепями Рейна и окруженная двойной стеной, была крепким орешком. Немецкий полководец вел осаду на голландский манер: выстроил укрепленный лагерь в форме полукруга, с мощными оборонительными сооружениями, и расположился в нем, намереваясь уморить неприятеля голодом, чтобы обойтись без штурма.

Вена отправила на спасение Брейзаха целых три армии, одной из которых командовал Карл Лотарингский, и подстрекала католическое население Шварцвальда к партизанской войне. За девять месяцев осады

вооруженные вылазки нанесли осаждающим существенный урон — потери составили тысячу убитых. Герцог Саксен-Веймарский, в свою очередь, укрепил гарнизоны ближайших городов, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение собственных войск, и запросил подкрепление во Франции, но оно всё не приходило. Две армии имперцев, шедшие на выручку Брейзаху, объединились в июле; 27-го числа состоялось сражение, и Бернгард отступил. Но противник не стал его преследовать: командующие обеими армиями, Гётц и Савелли, всю ночь вели жаркие споры о стратегии. Пригрозив уходом, Савелли одержал верх и поутру двинулся вперед — не выслав разведчиков, не обеспечив прикрытие флангов... В ущелье его поджидали; разгром был полным.

Герцог отправил в Париж 80 знамен, захваченных у врага, чтобы напомнить об обещании прислать подкрепление и денег. Людовик XIII и Ришельё бурно радовались его успехам и денег дали, но вот с подкреплением вышла заминка: только к середине октября до места добралась половина обещанных сил, да и те вооруженные кое-как. Оставалось бить врагов поодиночке: Бернгард Саксен-Веймарский сначала нанес поражение Карлу Лотарингскому, а затем потопил в Рейне сотни солдат Гётца. Уцелевшие имперцы разбежались, не выдержав голода. В Вене Гётца обвинили в сговоре с врагом и предали военному суду, Брейзаху же было велено держаться до последнего. Легко сказать! Жители делали хлеб из отрубей, золы и дубовой коры; весь скот, даже павший, уже съели. В конце концов в крепости взорвался пороховой погреб, проделав в стене огромную брешь; осаждающие пошли на приступ, и 19 декабря Брейзах был взят.

Днем раньше скончался «серый кардинал» — отец Жозеф Трамбле. Рассказывают, что Ришельё, чтобы порадовать его в последние минуты жизни, ворвался в комнату умирающего, потрясая какой-то бумагой и крича: «Брейзах наш!» Он оказался хорошим пророком...

В это время Людовик получил очередное послание от Генеральных штатов Соединенных провинций с вопросом, не хочет ли он позволить своей матушке вернуться во Францию. Мария Медичи не усвоила уроков, преподнесенных жизнью: настроила голландцев против себя несоблюдением их обычаев (не позволила статс-дамам королевы поцеловать себя в губы и проводила их только до порога, а не до крыльца; не предложила послам Генеральных штатов надеть шляпы в своем присутствии, когда шел сильный дождь), а также наделала множество долгов. «Если Вам угодно, по каким-либо соображениям, чтобы она на некоторое время осталась в нашей стране, сообразоволиште предоставить ей

средства к существованию...» У Людовика, даже если бы он захотел содержать свою матушку, не было такой возможности: в 1636 году в казну поступило 23 миллиона ливров, а потрачено было 108 миллионов; крестьяне бунтовали и отказывались платить налоги. Голландцам он ответил, что вышлет деньги, только если королева-мать отправится во Флоренцию; однако та почему-то боялась своей родины как огня. Принцесса Оранская прозрачно намекнула Марии Медичи, что зимой здешний климат очень вреден для здоровья; то ли дело Лондон. К тому же скоро начнутся штормы в Ла-Манше, лучше поспешить... Мария отплыла из Гааги в Англию. Она совершенно случайно узнала о прибавлении в семействе сына и была жестоко оскорблена, что ее не удосужились об этом известить. Она поедет к дочери!

Карл I проведал о намерении тещи, когда та была уже в пути, и послал встречать ее своего адмирала. «Вы не обознаетесь, — сказал король, — вдова с годами не уменьшилась в объеме, ее можно узнать где угодно даже без шести карет и семидесяти лошадей, которых она всегда таскает с собой». Сам он поджидал гостью у городских ворот, откуда ее с большой помпой препроводили в Сент-Джеймский дворец (сам Карл жил в Уайтхолле). Французский посланник в Лондоне получил от Ришельё четкие инструкции: в переговоры с королевой не вступать, писем не принимать, денег не давать.

Генриетта Мария, мать восьмилетнего Карла, а также Марии, Якова, Елизаветы и полуторагодовалой Анны, снова была на сносях. 29 января 1639 года она с трудом произвела на свет девочку, которая тут же умерла. Карл I воспользовался этим предлогом, чтобы отправить жену с тещей в провинцию — поправить здоровье. У него и так было полно проблем с непокорными шотландцами, не принимавшими английский молитвенник, а приезд к королеве-католичке ее матери, нарочито служившей мессу по римскому обряду, пуритане восприняли как очередную атаку папистов.

В марте Мориц и Томас Савойские объявили себя регентами, вошли в Пьемонт и двинулись на Турин, который захватили 29 мая (жители столицы Савойи сами открыли им ворота); Кристина укрылась в цитадели. В стране началась настоящая гражданская война: «мадамысты» (сторонники Кристины) противостояли «кардиналистам».

Людовик XIII в это время снова был в Пикардии, в Абвиле; его сопровождал Сен-Мар. Капля камень точит: подкупленные Ришельё слуги короля всячески расхваливали Людовику выдающиеся качества молодого маркиза, и в конце концов тот проникся к нему симпатией. Это удивительно, поскольку трудно себе вообразить двух более непохожих

людей: Людовик, вдвое старше Анри, был замкнутый ипохондрик, выглядевший старше своих лет из-за подорванного здоровья, близорукий заика, уже смирившийся с тем, что никогда не будет счастлив; Сен-Мар — юноша на пороге жизни, который намеревался взять от нее как можно больше, красивый, дерзкий и амбициозный. Один любил то, чего терпеть не мог другой: Сен-Мар читал Ариосто и Тассо, Людовик из всех книг признавал только трактаты об охоте и о войне; Сен-Мар даже в будни ходил в парчовом колете, сорочке с кружевным воротником и манжетами и шитых золотом штанах, разъезжал в роскошных каретах и украшал свои особняки и замок Шилли изящной мебелью, Людовик же «экономил на огарках». Тем не менее на какое-то время Людовик позволил юному задору увлечь себя и даже участвовал в дружеских пирушках с танцами и здравицами. Правда, он очень быстро устал от такой бесшабашной жизни и вернулся к своей меланхолии...

Впрочем, летом у него наконец-то появился повод для радости: 29 июня был взят Эден в Артуа. Несмотря на приступ подагры (он тоже попался в этот «капкан для ног»), король пожелал войти в город через брешь, пробитую в крепостной стене; именно там его встречал герой осады — генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) Шарль де Ла-Порт, маркиз де Ламейре (1602–1664), кузен кардинала и зять Сен-Мара^[56].

«Я думаю, он стоит наших бородачей, — сказал Людовик лейтенанту гвардейцев, имея в виду Лафорса и Шатильона. — Я решил войти в город через брешь и там, наверху, сделаю его маршалом Франции. Он об этом еще не знает, не говорите никому». Поддерживаемый под руки двумя полковниками, король вскарабкался на крепостной вал, взял трость, которую держал в руках один из офицеров, и торжественно изрек: «Ламейре, провозглашаю вас маршалом Франции. Вот ваш жезл. Я делаю это ради услуг, которые вы мне оказали; продолжайте служить мне верой и правдой». Новоиспеченный маршал упал на колени, говоря, что не заслужил этой чести, и прославляя доброту короля. «Довольно комплиментов! — оборвал его Людовик XIII. — Я еще не делал маршалом человека доблестнее вас!»

Эден был заштатным городишком, однако его захват представили крупным военным успехом. Шла война на износ, состоявшая из долгих, изматывающих осад, — никаких генеральных сражений! И еще она отличалась крайней жестокостью, поскольку мирное население страдало и от захватчиков, и от «освободителей», в рядах которых было много наемников.

В 1639 году Бернгард Саксен-Веймарский по просьбе Ришелье набрал

в Германии войска и двинулся завоевывать Франш-Конте. Его солдат в народе называли «шведами», и они оставили по себе страшную память. По пути герцог велел сжигать деревни вместе с жителями, а если крестьяне убегали при его приближении и прятались в горах, немецкие наемники замуровывали входы в пещеры и даже сажали перед ними деревья, обрекая несчастных на мучительную смерть. Герцог, оказавшийся самым толковым военачальником, уже подумывал о том, чтобы воспользоваться плодами своих побед в личных целях и составить собственное государство из владений в Эльзасе и на правобережье Рейна. Однако в июле он неожиданно скончался в Нойенбурге-на-Рейне — то ли от горячки, то ли от яда — всего тридцати семи лет от роду. На его место метил князь Пфальца, племянник Карла I, но Ришельё велел его арестовать по дороге и упрятал в Венсенский замок. К счастью для Франции, армию «шведов» возглавил граф де Гебриан (1602–1643) — бретонский аристократ, сумевший завоевать доверие покойного полководца и его солдат.

Наемникам надо было платить; деньги на жалованье солдатам выколачивали из крестьян, которые всё чаще начинали бунтовать. 16 июля 1639 года вспыхнул мятеж в Авранше, в Нормандии, когда власти вознамерились обложить соляным налогом полуостров Котантен и часть области Бокаж: там добывали соль, выпаривая ее из песков бухты Мон-Сен-Мишель. Мятежники называли себя «босоногими». На юго-западе, в Гаскони, крестьяне не платили податей с 1638 года; в июле они провели многотысячное собрание в Миранде. Во главе бунтовщиков встали мелкопоместные дворяне — они были такими же нищими, как и крестьяне. Но Гасконь исправно поставляла Франции солдат и доблестных офицеров, множество гасконцев служили в королевских мушкетерах, де Тревиль был на хорошем счету у короля, поэтому вместо силового решения ограничились приказом о снижении податей. А вот в Перигоре завелся свой «Робин Гуд».

Пьера Грельти называют последним кроканом. Его семья жила в небольшой деревушке Сен-Мейм де Перейроль, на полдороге между Бержераком и Перигё. Королевской армии не хватало солдат; в деревню явились вербовщики, и капитан Баррикада попытался силой забрать под ружье отца Пьера, Жана Грельти. Было воскресенье, парень отправился слушать мессу, как вдруг ему сказали, что на площади солдаты избивают его отца. Пьер помчался туда и увидел, что капитан выстрелил в его отца из пистолета. Тогда он выхватил у кого-то ружье и уложил капитана наповал.

Пьеру пришлось скрываться в лесу Вергт, иначе ему было бы несдобровать. Но он оказался не один — в лес ушли местные жители,

недовольные тем, что к ним распределили солдат на постой. Против них выслали карательный отряд, но Грельти меткими выстрелами убил нескольких солдат, остальные отступили. Мятежники провозгласили его своим вожаком.

Он стал «грабить богатых, чтобы кормить бедных», проявив себя талантливым организатором и стратегом. Местные дворяне и купцы боялись ездить через лес. «Мстители» держали в страхе всю округу, и власти пошли на решительные меры: отправили на «зачистку» леса два полка под командованием Вантадура и Гриньоля. Кроканы, превосходно знавшие местность, устраивали солдатам засады, а чуть что — бросались врассыпную. В первом же бою граф де Гриньоль потерял более двухсот солдат. Командование операцией передали маршалу Лафорсу, но и он не достиг успеха.

Солдат приходилось отзывать с фронта; им было приказано действовать без всякой жалости. А между тем мятеж в Нормандии ширился: 21–23 августа запылало в Руане, 25-го — в Байё, 26–29-го — в Кане... Если в июле повстанцев было около четырех тысяч, то к осени их число возросло до двадцати тысяч. Они дали себе новое имя: «Армия страдания»; возглавил ее сельский кюре Жан Морель по прозвищу Мондрен, именовавший себя также Жан Босоногий. Он объявил об отмене всех налогов, а сборщиков податей велел предавать смертной казни.

Но внимание Людовика и Ришельё в тот момент было приковано к Савойе. В начале августа герцог де Лонгвиль сумел вызволить Кристину из Турина и доставить ее живой и невредимой в Сузу. Сенат Савойи немедленно провозгласил двух братьев ее покойного мужа опекунами маленького герцога и правителями. Кардинал Лавалетт, сменивший убитого Креки во главе Итальянской армии, заключил перемирие на два месяца, однако не смог им воспользоваться, поскольку скончался 11 сентября от горячки в возрасте сорока семи лет. Это был тяжелый удар для Ришельё — он лишился верного друга и опытного военачальника. Тогда же, в сентябре, Людовик XIII встретился в Гренобле с сестрой и предложил ей установить над Пьемонтом французский протекторат. Казалось бы, помощь брата в такой ситуации была единственным спасением, однако Кристина отказалась: ей не хотелось, чтобы Савойю постигла судьба Лотарингии. Она пустила в ход слезы, и Людовик отступил, более того, не позволил кардиналу начать переговоры с деверями Кристины. Надо заметить, что герцогиня Савойская тоже ненавидела Ришельё и считала его главным виновником войны и раздоров в их «дружной» семье...

Конная статуя Людовика XIII на Королевской площади. Гравюра А. Манессон-Малле. 1702 г.

Пока короля не было в Париже, на Королевской площади установили его бронзовую конную статую, заказанную Ришельё придворному скульптору Пьеру Биару-младшему (прежде тот изготавливал в основном надгробия для знатных особ). Бронзовый конь в свое время был отлит итальянцем Даниеле да Вольтерра для памятника Генриху II. Статуя Людовика оказалась несоразмерно велика. Но по крайней мере можно было надеяться, что неукротимые дуэлянты перестанут сражаться на Королевской площади, устыдившись осуждающего взгляда монарха,

которому они нужны были живыми — на фронте...

Да, война требовала всё новых жертв — и денег; Людовик ужасался тому, что тратит в месяц больше, чем его отец за целый год, но иного выхода не было. Продажа должностей и откупа не приносили достаточно средств; королевские финансисты увеличивали налоги на спиртное, табак, карты, азартные игры, соль, ввели налог на богатых, обложив им буржуа, выискивали ложных дворян (не все господа, щеголяющие приставкой «де» и на этом основании не платившие налогов, могли предоставить грамоты о пожаловании дворянства их предкам или им самим) и взимали налог на поместья, не используемые их непосредственным владельцем. «Я донельзя раздосадован нынешним положением дел, — писал в октябре 1639 года сюринтендант Бутилье своему сыну Шавиньи. — Расходы наличными достигают по меньшей мере сорока миллионов. Откупщики от нас отстают, народ не хочет ничего платить — ни старых налогов, ни новых. Мы дошли до самого дна и более не можем выбирать между добрыми и дурными советами. И я боюсь, как бы война за рубежом не перешла в гражданскую. Когда его высокопреосвященство узнает, как на самом деле обстоят дела, он примет нужные меры, но признаюсь Вам, что я в затруднении и не вижу никакого просвета».

Его высокопреосвященство нашел выход, который, однако, также мог завести в тупик: он протянул руку к церковному имуществу. Король издал декларацию, напоминающую, что решение о том, кто может распоряжаться выморочным имуществом, принимает лично он. Владения церквей, не уплативших положенных пошлин, присоединяются к королевскому домену; пошлиной облагается всё церковное имущество, приобретенное до 1620 года.

Утешало лишь то, что и противник испытывал похожие затруднения. 9 октября Филипп IV писал своему брату кардиналу-инфанту: «Император, так сказать, ни на что не употребил деньги, что были ему переданы. Сколько ему ни давай — считай, всё пропало».

После взятия Брейзаха испанцы могли доставлять подкрепление в Бельгию только морем. Очередная флотилия, на которой было 20 тысяч солдат, наткнулась в октябре в Ла-Манше на голландский флот молодого адмирала Мартина Тромпа. Испанцы предпочли не ввязываться в морское сражение и укрылись в английских портах. Карл I сохранял нейтралитет, но потребовал, чтобы Испания вернула его племяннику положение курфюрста Пфальца. Между тем Тромп, не дожидаясь окончания переговоров, напал на испанский флот неподалеку от Дувра — в английских водах. Этот разгром можно было сравнить разве что с гибелью Непобедимой армады в

1588 году: только шесть тысяч испанцев из двадцати смогли добраться до Дюнкерка, владения Испании. Войска в Испанских Нидерландах оказались в полной изоляции.

Прилагая усилия, чтобы взять под контроль положение в стране, Ришельё упустил момент, когда его креатура Сен-Мар решил оборвать ниточки, делавшие его марионеткой кардинала, и повел свою роль без суфлера. Король теперь не расставался с ним и называл «дорогим другом». Летом, сопровождая Людовика в Лион, Дофине и Савойю, маркиз еще следовал указаниям Ришельё и нашептывал королю на ухо, что тому давно пора избавиться от мадемуазель де Отфор. Но затем щенок показал зубы. Когда при раздаче бенефициев кардинал отдал аббату д'Эффиа, младшему брату маркиза, какое-то незначительное аббатство, Анри немедленно нажаловался королю, тот разгневался и потребовал для «маленького кардинала» лучшее из аббатств. Ришельё был вынужден подчиниться. Затем Сен-Мар решил, что должность первого конюшего (которой довольствовались Баррада и Сен-Симон) ниже его достоинства, и пожелал стать главным конюшим. Людовик пошел и на это: упросил герцога де Бельгарда подать в отставку и выкупил его должность. 15 ноября Сен-Мар принес присягу королю в новом качестве, и с тех пор его стали называть «господин Главный».

Мари де Отфор на дух не переносила Сен-Мара, «прихвостня кардинала»; ситуация осложнялась тем, что молодой маркиз был влюблен в ее подругу мадемуазель де Шемеро, которую называли при дворе «прекрасной нищенкой», и даже имел «серьезные намерения». Нелестные высказывания фаворитки о «дорогом друге» были услужливо переданы королю его камердинером Лашене. 8 ноября ей было предложено покинуть двор, однако «склонность» и не думала уезжать. Но почва была удобрена, и когда кардинал сказал королю, что мадемуазель де Отфор состоит в переписке с Месье и что она не менее опасна, чем герцогиня де Шеврез, отставленная фаворитка получила письменный приказ удалиться от двора. Мари не поверила и подстерегла короля в коридоре, чтобы переговорить с ним лично; она была еще уверена в силе своих чар... Увы, чары развеялись. 25 ноября Отфор и Шемеро отправились в Париж, чтобы поселиться там в одном из монастырей. В январе последовал новый приказ: Мари де Отфор выехать в Ле-Ман, а Шемеро — в Пуату^[57].

Но, избавившись от своей мучительницы, Людовик вовсе не приобрел верного друга. Сен-Мар тяготился не только ролью соглядатая, которую хотел ему навязать кардинал, но и ролью наперсника короля, вынужденного «скучать» вместе с ним в Сен-Жермене, вместо того чтобы посещать

парижские салоны и предаваться развлечениям. Первая серьезная размолвка между Людовиком и «дорогим другом» произошла 26 ноября. Король излил душу кардиналу, которому, помимо всех прочих обязанностей, приходилось быть своего рода психотерапевтом. Ришельё прекрасно умел лицемерить: написав королю, что «невозможно быть юным и притом благоразумным», он вызвал Сен-Мара к себе в Рюэй и устроил ему разнос. Но это был лишь первый в долгой череде подобных эпизодов.

Миндальничать нельзя ни с аристократами, ни с простым народом. Отец Пьера Грельти был колесован в Бордо 8 декабря. Для подавления бунта в Нормандии с фронта отозвали войска под командованием маршала Гассиона, благо там на время зимы наступило затишье. 30 ноября 1639 года «армия страдания» была разгромлена под стенами Авранша, а 2 января пал ее последний бастион — Руан. Канцлер Пьер Сегье самолично судил — вернее, казнил — вместе с государственными советниками 300 захваченных мятежников. (Мнительный кардинал видел в этом восстании «руку Мадрида», но версия не подтвердилась, несмотря на всё усердие заплочных дел мастеров.) Он запретил парламенту Руана исполнять свои обязанности и отменил все городские вольности. Налоги были восстановлены, а в Нормандии еще и расквартировали войска. Руан должен был выплатить в казну более миллиона ливров штрафа, Авранш, Кан и Байё — несколько меньше. Хотя где их взять?..

В 1640 году беспорядки начались в Бургундии, Ренне, Анже и Мулене. Когда сюринтендант финансов Клод де Бюльон ввел пошлину в размере одного су с ливра на все сделки, в Оверни разразилась настоящая буря, и от этой меры в конце концов пришлось отказаться.

В те времена безналичных расчетов не существовало, бумажных денег тоже. Чтобы выдать жалованье солдатам, к линии фронта ехали тяжелые телеги, нагруженные монетами. Деньги чеканили молотом, у монет не было гурта, они имели лишь приблизительно круглую форму. Какой простор для жуликов! Монеты не только обрезами (лишь бы остался целым королевский профиль); достаточно было обработать золотые монеты царской водкой — смесью азотной и соляной кислот, чтобы уменьшить их вес при сохранении изображения, поэтому с 1639 года деньги принимали только на вес. Уличенным мошенникам отрубали голову, а фальшивомонетчикам по закону полагалось заливать в глотку кипящий свинец, которым они «разбавляли» серебро.

Франция не могла похвалиться большим количеством талантливых полководцев, но финансовых гениев там не было вообще. Интендант Корнюэль заявил, что для простоты лучше принимать монеты по номиналу,

не взвешивая. В результате полновесные монеты оказались вывезены из страны, а в казну попали обесцененные деньги, стоившие вдвое меньше номинала. По настоянию Клода де Бюльона Людовик XIII издал эдикт от 31 марта 1640 года, который обязывал частных лиц в течение трех месяцев снести на монетные дворы облегченные деньги и обменять их там на монету, вес которой меняться больше не будет. Этой монетой был луидор («золотой луи»): его чеканили по усовершенствованной технологии, с применением балансира; он весил 6,75 грамма 22-каратного золота и равнялся десяти ливрам. На аверсе был изображен в профиль Людовик XIII в лавровом венке с латинской подписью «LVDXIII D•G•FR•ET•NAV•REX», то есть «Людовик XIII, милостию Божией король Франции и Наварры», и годом выпуска. На реверсе чеканилась монограмма: крест, образованный четырьмя зеркально отражающимися буквами L, увенчанными коронами и разделенными цветками лилии. В центре стояла буква в круге — шифр мастерской. Подпись гласила: «CHRS•REGN•VINC•IMP», то есть «Христос царствует, побеждает и повелевает».

Золотые монеты были трех видов: «луи», «полулуи» (равнявшийся пяти турецким ливрам или старому экю) и «двойной луи». Луидор равнялся пистоллю (так во Франции называли испанский золотой эскудо) и двойному дукату, чеканившемуся в Испании и Фландрии и имевшему широкое хождение в Европе; «двойной луи» соответствовал золотому дублону. Помимо этих расхожих монет была издана ограниченная серия из трех монет большого номинала: «десять луи», «восемь луи» и «четыре луи». Монета в «десять луи» весила 66,87 грамма. Это были экземпляры, предназначенные для подарков и не находившиеся в свободном обороте, штучный товар, изготавливаемый главным гравером Монетного двора Жаном Вареном из Льежа.

Монополией на чеканку монеты обладало государство, частным лицам это было запрещено. В Сен-Жермене у короля имелся собственный пресс, на котором он под настроение мог изготовить несколько монет собственноручно. В 1641 году был выпущен «серебряный луи», или «белый экю», весом 27,45 грамма серебра 917-й пробы, равнявшийся трем ливрам или 60 су. Годом позже в обращении появились монеты в половину, четверть, шестую и двенадцатую долю экю. Из меди чеканили су и денье: один су (соль) равнялся 12 денье, 20 су составляли один ливр.

Денег всё равно было в обрез, к тому же приходилось делать совершенно зряшные расходы. Так, Ришельё беспокоило то, что герцогиня де Шеврез, испросившая — и получившая — разрешение вернуться во Францию, всё еще находится в Англии. Людовик называл ее не иначе как

Дьяволом, и в столь сложное время лучше было бы держать ее на глазах. Король приказал герцогу де Шеврезу отплыть в Англию и привезти свою супругу хоть под конвоем. Получив из казны 12 тысяч экю на дорожные расходы, он отправился в путь, велев жене встречать его в Дувре 5 мая. Но в этот день она вместе с Монтегю, Крафтом, герцогом де Лавалеттом и испанским послом Веладой поднялась на борт корабля, отплывавшего из Рочестера; королева Генриетта подарила ей бриллиантов на десять тысяч экю, а Карл I проводил до Кентербери. Три дня корабль болтался в Ла-Манше, борясь со штормом, а затем прибыл в Дюнкерк. Оттуда герцогиня отправилась в Брюссель, написав умоляющее письмо Анне Австрийской, от которой больше года не получала никаких известий. Но королева была уже не та: тоскующая забытая супруга превратилась в «возлюбленную жену» и счастливую мать, она вновь была беременна. Анна даже не распечатала письма старой подруги, громко заявив, чтобы слышали те, «кому положено»: «Не знаю, что за фантазия или притворство побудило эту женщину писать ко мне!»

Ее муж в это время продолжал ссориться и мириться со своим «дорогим другом».

Это очень странная связь, которой трудно найти логичное, рациональное объяснение. Почему Людовик так привязался к юноше, годившемуся ему в сыновья? Возможно, это был самообман, вызванный одиночеством и неудовлетворенной потребностью в любви, подкрепляемый привычкой повелевать и требовать послушания от своих слуг. А может быть, так проявился «кризис среднего возраста»? В 38 лет король уже не был прежним неутомимым охотником и пытливым учеником; он мучился от подагры, геморроя, его часто бросало в жар, он обливался потом, плохо спал. Однако большинство его ровесников тоже страдали целым букетом недугов (не говоря уже о Ришельё, который мог служить наглядным пособием для медицинской энциклопедии), а его жена, хотя и не жаловалась на здоровье, не сохранила даже следов былой красоты, располнела и обрюзгла. Окруженный «блестящим двором» из облысевших царедворцев и состарившихся фрейлин, Людовик, возможно, не желал смириться с тем, что и сам становится таким же. Ему хотелось видеть вокруг себя людей молодых, красивых и энергичных, способных передать ему часть своей жизненной силы. Взять хотя бы де Тревиля: он на три года старше короля, а каков молодец! Просто он всегда окружен молодыми, сильными и крепкими гасконцами, оглашающими округу громким раскатистым смехом.

Предположение о физическом влечении, которое король мог

испытывать к своему фавориту, следует сразу же отбросить. Да, в те времена бисексуальность была распространенным явлением: Гастон Орлеанский во время своих парижских кутежей развлекался с лицами обоего пола; Анри де Конде в молодости не пропускал ни одного смазливового мальчика, потому отец и решил поскорее его женить. Поэт Буаробер, о котором мы уже упоминали, не скрывал своей нетрадиционной ориентации и того, что пользуется сексуальными услугами простолюдинов. Но если Людовик не позволял себе желать своих фаворитов, то уж тем более он запретил бы себе подобные греховные мысли в отношении мужчины. Да, они с Сен-Маром иногда спали в одной постели, но опять-таки в те времена в этом не было ничего необыкновенного: даже совершенно незнакомым людям порой приходилось делить ложе на постоялом дворе, если там было мало места, так же поступали бедные студенты и подмастерья; даже король, находясь в постоянных разъездах, не всегда мог располагать кроватями в достаточном количестве.

Тальман де Рео в «Занимательных историях» приводит эпизод, когда Людовик целовал руки своему фавориту, допытываясь, почему его «дорогой друг» печален, однако при этом подчеркивает смущение и досаду Сен-Мара. В ориентации последнего нет никаких сомнений: потеряв мадемуазель де Шемеро, он страстно увлекся куртизанкой Марион Делорм и ускользал по ночам из Сен-Жермена, чтобы провести время в ее доме на Королевской площади^[58], а поутру скакал назад и ложился в постель не раздеваясь. Их отношения зашли так далеко, что Марион уже прилюдно называла себя «госпожой Главной».

Король узнал о причине отлучек Сен-Мара, когда, к своему удивлению, не увидел маркиза в числе придворных на церемонии своего пробуждения. Он, как обычно, нажаловался кардиналу; повторился прежний сценарий: успокаивающие слова королю о том, что «молодозелено», строгое внушение ловеласу, официальное примирение... Терпеть всё это для Анри было сущим мучением, и он никогда не согласился бы на то, что вызывало у него омерзение. Да, он хотел сделать карьеру, воспользовавшись своим положением, но отнюдь не через постель короля. Он бросил Марион Делорм, но не из-за упреков кардинала (который, кстати, сам порой пользовался ее платными услугами). Он влюбился без памяти. И в кого? В Марию Гонзага!

Бывшая возлюбленная Гастона Орлеанского была старше нового воздыхателя на восемь лет, но даже не в этом дело. Гордая дочь герцога Мантуанского никогда не вышла бы замуж за человека несановного, ниже герцога и пэра, в крайнем случае — за главного министра или

коннетабля^[59]. Значит, надо им стать. В феврале 1640 года король подарил Сен-Мару графство Даммартен, конфискованное у Монморанси. Войдя во вкус, фаворит попросил заодно и Шантильи — и получил отказ: Шантильи был обещан Конде, поскольку его сын герцог Энгиенский собирался жениться на племяннице кардинала Клер де Майе-Брезе. Сен-Мар мечтал, чтобы его ввели в Королевский совет, и самочинно занял место за стулом монарха. Его выпроводили из зала по приказу Ришельё. В должности губернатора Вердена ему тоже было отказано. Наконец, 13 июня королевские войска осадили Аррас; Сен-Мар попросил для себя командную должность, и Ришельё согласился передать под его начало легкую кавалерию...

После оккупации Эдена планировалось взять испанцев «в клещи»: принц Оранский захватит Дам и Брюгге, а маршал де Ламейре будет наступать вдоль Мааса, в то время как французская армия усилит натиск в Артуа. Но план провалился: Ламейре не удалось взять Шарлемон и Мариенбург. Ему велели осадить Аррас, куда подтянулись также Шатильон и герцог де Шон. В общей сложности силы осаждающих составляли 23 тысячи пехотинцев и девять тысяч конников; защищал город полковник О'Нил с двумя тысячами солдат. Испанская королева Изабелла (сестра Людовика XIII Елизавета) пожертвовала свои драгоценности на нужды армии, чем снискала беззаветную любовь подданных.

Месяц ушел на строительство осадных сооружений. За это время испанцы собрали армию в 20 тысяч человек пехоты и 12 тысяч конницы, среди командиров которой был и Карл Лотарингский. Она встала лагерем в нескольких километрах от Арраса. Кардинал-инфант решил не нападать на осаждающих, а перехватывать шедшие к ним обозы с продовольствием.

Осада Арраса описана в пьесе Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак». Но, конечно же, провиант голодающим французам доставила не «жеманница» Роксана, тосковавшая по молодому мужу. Обоз отправился из Амьена, где находились Людовик XIII и Ришельё, в сопровождении восемнадцати тысяч солдат под командованием дю Алье. Маршалы де Ламейре и де Шон должны были выступить навстречу с шестью тысячами солдат; они соединились утром 2 августа между Дулленом и Аррасом. Воспользовавшись уходом части войск, герцог Лотарингский атаковал форт, обороняемый полковником Ранцау. Голодные и уставшие французы сражались, как львы; форт несколько раз переходил из рук в руки, пока подоспевшая конница Гассиона не решила исход сражения. Испанцы отступили. Утром 3 августа им было предложено капитулировать, но Аррас отказался открыть ворота — там ждали кардинала-инфанта с армией.

В те дни во французском лагере под стенами Арраса можно было встретить Луи Шарля де Люиня, 21-летнего крестника короля, который командовал гасконскими кадетами. Наскоро залечив рану в боку от мушкетной пули, туда примчался двадцатилетний Савиньен Сирано де Бержерак, опасавшийся, что Аррас возьмут без него. (Во время штурма испанская шпага пронзит Сирано горло, и ему придется завершить военную карьеру.) Здесь приобщался к военному делу 19-летний герцог Энгиенский — будущий Великий Конде. Были здесь и гвардейцы из роты Дезэссара — молодые гасконцы Шарль д'Артаньян и Исаак де Порто.

Но Людовика XIII интересовал только один из молодых дворян, ежедневно подвергавших свою жизнь опасности, — Анри де Сен-Мар. Хотя тот писал ему дважды в день, уверяя, что совершенно здоров и ни в чем не нуждается, король томился в тревоге. «Война — самая большая мука для государей, — сказал он как-то венецианскому послу Корреру. — Невозможно победить без опасности, кровопролития; потери и неудачи неизбежны. Победы и поражения равно приводят к истреблению народов, к разорению страны, а я желаю своему народу только покоя». Посол, подученный кардиналом, навел разговор на Сен-Мара и, отдав должное его отваге и храбрости, заметил, что маркиз достаточно осмотрителен, несмотря на молодость, и не станет бездумно подставлять себя под пули; у этого молодого человека задатки замечательного дипломата и государственного мужа. Лицо Людовика просветлело, он слушал посла, не перебивая, а затем очень тепло с ним простился. Венецианец отчитался об этом разговоре Ришельё, который тоже выразил ему свою благодарность, посетовав, что поддерживать короля в хорошем настроении — самая трудная его задача.

Решающий штурм был предпринят 7 августа: в крепостном валу проделали брешь, и французы ворвались в город. Песенку, которую прежде распевали испанцы, — «Скорее мыши начнут ловить котов, чем французы возьмут Аррас», — несколько переиначили: «...чем французы сдадут Аррас». Кардинал-инфанти, приведший-таки войска, отказался давать сражение; капитуляция была подписана 9 августа практически у него на глазах. За городом сохранили все привилегии и оставили в нем парламент Артуа. Закон о веротерпимости на него не распространялся — Аррас остался католическим.

Не только под Аррасом осаждающие на время оказались в положении осажденных. Граф д'Аркур, новый главнокомандующий Итальянской армией, еще весной занял Турин, но его окружили войска Леганеса. Осада получилась тройной: цитадель Турина удерживалась французами, вокруг

нее лежал город, в который вошел д'Аркур, а его заблокировал Леганес. Д'Аркур отражал все атаки испанцев. После четырех с половиной месяцев боев те отступили, и Томас Савойский заключил договор с Мадам Кристиной. Джулио Мазарини, с апреля 1639 года перешедший на службу Франции, уговорил принца заключить договор, по которому он переходил под покровительство христианнейшего короля и давал обязательство выступить против испанцев, если те не освободят через три месяца все занятые ими крепости в Пьемонте.

Богородица явно решила взять Францию под свою защиту: 21 сентября 1640 года Анна Австрийская произвела на свет герцога Анжуйского. В соборе Парижской Богоматери отслужили торжественный молебен, а Ришельё пригласил августейшую чету на представление новой пьесы.

Кардинал выстроил при своем дворце новый театральный зал с большой сценой и хитроумными машинами. Говорили, что всё вместе — театр и постановка — обошлось ему в 300 тысяч экю. Пьеса называлась «Мирама», это была трагикомедия в стихах, автором которой значился секретарь Французской академии Демаре, однако вполне вероятно, что она принадлежала перу самого кардинала (Ришельё везде успевал и содержал пятерых поэтов, которые правили его вирши). По сюжету Мирама, дочь короля Вифинии, была влюблена в принца враждебной державы, жившего за морем, и разрывалась между страстью к нему и любовью к родине. Намек на Анну Австрийскую и Бекингема был очевиден, но скандала не произошло. Правда, Людовик уехал сразу после спектакля под благовидным предлогом. Анна осталась на бал.

Сцена с превосходными декорациями превратилась в огромный, великолепно украшенный зал, освещенный шестнадцатью люстрами. Для королевы поставили трон, прочие дамы расположились в креслах по обе стороны. Анна открыла бал в паре с Гастоном. Танцы продолжались еще долго; дамы и кавалеры соперничали роскошью нарядов. Стоя у стены, на зрелище хмуро взирали пленные испанские военачальники и командиры немецких наемников; их специально привезли из Венсенского замка, чтобы ослепить блеском и дать понять, что Францию не победить.

Конечно, это был блеф. Тогда же, в сентябре, кроканы Перигора выиграли сражение против королевских войск, разбив полк Вантадура. Две сотни выстояли против трех тысяч солдат! Грельти устраивали ловушки, но он ловко их обходил. Солдаты начали вырубать лес, но это не дало результатов, только еще больше разозлило местное население. Рассказы о победах «лесных братьев» передавали из поселка в поселок, и к ним сбегали все оказавшиеся «вне закона». А ведь Перигор лежит между

столицей и границей с Испанией! Мало того что войска приходится отзывать с фронта, так эти разбойники, того и гляди, начнут нападать на обозы, предназначенные для снабжения армии! Ришельё решился вступить с ними в переговоры: оценив по достоинству их храбрость и боеспособность, он предложил им полную амнистию при условии, что они вольются в армию короля. Пьер Грельти получит патент капитана и будет командовать полком из своих людей, но только сражаться они будут... в Италии. Предложение было заманчивое, но Грельти не торопился его принять.

Между тем в Испании крестьяне тоже бунтовали. Мятеж в Барселоне в июне 1640 года был жестоко подавлен. Стране не хватало единства: Кастилия и Арагон обладали собственными правительствами и законами; более того, Арагон подразделялся на три автономных края: собственно Арагон, Валенсию и Каталонию. Когда каталонцы попросили Филиппа IV доверить им оборону страны и вывести кастильские войска, Оливарес, не любивший их, отказал в резкой форме. Тогда кортесы Каталонии решили обратиться к королю Франции. Ришельё прислал к ним инженера и дипломата дю Плесси-Безансона. 16 декабря 1640 года тот подписал договор о союзе с кортесами, организовал оборону Барселоны и в январе с помощью местного ополчения отбил штурм испанцев, которые отступили в Таррагону. 23 января кортесы объявили Филиппа IV низложенным и избрали Людовика XIII графом Барселонским.

Одновременно произошла революция в Португалии, опасавшейся лишиться остатков независимости. Официально этой страной правила от лица Филиппа IV вице-королева Маргарита Савойская, но в действительности власть была у статс-секретаря Васконселлоса, крайне непопулярного из-за своей жесткой политики. Национальная партия сложилась вокруг герцога Браганского. Сам он был безвольным человеком и не стал бы устраивать переворотов, но его супруга Луиза Франсиска де Гусман мечтала сделаться королевой. Когда в конце года герцога вызвали в Мадрид, его сторонники вынудили его объявить себя вождем восстания. 1 декабря заговорщики ворвались во дворец, перебили испанскую стражу и убили Васконселлоса. Герцога провозгласили королем под именем Жуан IV. Кортесы признали его избрание, португальские полки ему присягнули.

В январе 1641 года новоявленный король отправил посольство к Людовику XIII, и 1 февраля страны договорились вести войну с Испанией до победного конца: Франция направит корабли в помощь португальскому флоту и постарается уговорить своих союзников-голландцев вернуть

Португалии колонии, захваченные в Бразилии; Жуан IV не станет вести переговоров с Филиппом IV без согласия Людовика XIII и его союзников. (Испания ничего не смогла противопоставить этому союзу; пока кардинал-инфант получал противоречивые приказы касательно переправки войск в метрополию, драгоценное время было упущено.)

Это была неслыханная удача: несомненно, Провидение выступало на стороне Франции. Однако необходимо принять меры, чтобы то, что случилось в Испании и Португалии, не повторилось здесь. 21 февраля Людовик XIII издал эдикт, запрещающий парламентам вмешиваться в дела государственной администрации. «Мы считаем необходимым упорядочить систему правосудия и показать нашим парламентам, как законно пользоваться властью, которой их наделили прежние короли, и мы озабочены тем, чтобы задуманное на благо народа не привело к противоположным результатам, как может случиться, если чиновники, вместо того чтобы удовлетворяться властью, позволяющей им держать в своих руках жизнь людей и имущество наших подданных, захотят заняться управлением государством, что составляет исключительную компетенцию государя».

Колесо Фортуны сделало новый оборот. В марте 1641 года кардинал-инфант писал из Фландрии своему брату Филиппу IV: «Если война с Францией должна продолжаться, у нас не будет никакой возможности перейти в наступление. Испанская и императорская армии столь малочисленны, что не в силах ничего предпринять. Остается только одно средство: найти себе сторонников во Франции и пытаться с их помощью склонить Париж к благоразумию».

ПОСЛЕДНИЙ ЗАГОВОР

*О скорбь смертельная!
О тщетная печаль!*

Четыре года, предоставленные в августе 1637-го графу де Суассону на вольное житье, давно истекли, но он и не думал возвращаться из Седана в Париж. При этом он оставался министром двора; некоторые его распоряжения, сделанные в этом качестве, вызвали неудовольствие Людовика XIII. Не соблюдая договор, граф рисковал лишиться своих должностей и высоких постов (например, как губернатор Дофине он получал 150 тысяч ливров годового дохода), а также аббатств (еще 40 тысяч ливров). Но это еще не самое неприятное: в начале декабря арестовали некоего Ларишри, посланного из Англии в Гиень, к маркизу де Лафорсу, с письмами от Субиза и герцога де Лавалетта, планировавших взбунтовать гугенотов; арестованный показал на допросе, что Лафорс состоял в переписке и с Суассоном. Если и теперь, узнав от короля об этих обстоятельствах, граф не явится в Париж, ему грозит обвинение в оскорблении величия.

«Если я виноват, пусть со мной поступят со всей суровостью, — отвечал Суассон из Седана 18 декабря 1640 года. — Если же обнаружится моя невиновность, в коей я совершенно уверен, молю Ваше величество покарать пред всеми тех, кто меня обвиняет. На коленях прошу Вас явить пример Вашей справедливости и доброты, чтобы Вы знали о моей полнейшей преданности и явили мне всё, на что дали повод надеяться в Вашем письме. Вера моя нерушима, особливо в отношении Вашего величества; мне больно, что Вы еще настроены против меня, а потому смиреннейшим образом умоляю Вас высказать все обвинения без остатка и соизволить выслушать Кампьюна (конфидент графа, доставивший письмо в Париж. — Е. Г.)». Другое письмо, адресованное Ришельё, было выдержано в совершенно ином тоне: граф гордо заявлял, что уверен в своей невиновности и требует передать дело на рассмотрение Парижского парламента — самого сурового суда в королевстве. Уязвленный Ришельё ответил Александру Кампьюну, что если граф хочет погибнуть, то он на верном пути. Получив этот ответ, Кампьюн немедленно выехал... в Брюссель, где герцогиня де Шеврез занималась своим любимым делом:

плела сеть заговора против кардинала, отправляя зашифрованные послания в разные уголки Европы.

Однако кардинал не со всеми был столь суров и непреклонен. В начале 1641 года два монаха-отшельника, попавшие под следствие в уголовном суде Шатле в Париже, заявили, что на Ришельё готовилось очередное покушение, в котором был замешан герцог Сезар де Вандом. Узнав об этом, герцог начал собирать вещи, готовясь к отплытию в Англию. В самом деле, Людовик XIII отнесся к этому делу весьма серьезно и в начале февраля приказал Вандому и двум его сыновьям отправляться в Шенонсо. Затем он создал чрезвычайную комиссию из двадцати пяти судей, которую возглавил сам. 22 марта Вандом получил повестку в суд, но не явился. Комиссия собралась снова 17 мая и по просьбе короля готовилась вынести окончательный приговор, как вдруг один из секретарей кардинала передал Сегье письмо, в котором Ришельё умолял короля простить Вандома. Людовик несколько растерялся. Он был настроен принять самые строгие меры, а тут... Но в конце концов Ришельё — главное заинтересованное лицо... Впрочем, прощать Вандома он не стал, просто заявил, что вынесение приговора переносится, а он сохраняет за собой право помиловать единокровного брата, если тот заслужит прощение дальнейшим поведением.

Кардинала, однако, вполне можно понять. Вандом — не какая-нибудь пешка; обвинения против него основаны на показаниях двух мелких жуликов, это несерьезно. Ну, уедет он в Англию, затаив зло на кардинала, — кому-нибудь станет от этого легче? Тем более что Ришельё уже имел на руках надежные доказательства сношений между графом де Суассоном и герцогом Бульонским с аббатом де Мери, агентом кардинала-инфанта: они должны были ввести армию в Шампань одновременно с высадкой десанта в Бретани под командованием герцога де Лавалетта, а Лафорс тем временем взбунтует гугенотов в Гиени. Господи, когда всё это кончится...

Этой информацией Ришельё поделился с венецианским посланником Анджело Коррером, который сообщил ему, что имеет поручение частного порядка. Молодой герцог Анри де Гиз (его отец в 1640 году скончался в Италии, куда уехал десять лет тому назад, повздорив с Ришельё) без памяти влюбился в Анну Гонзага — младшую сестру принцессы Марии. Он архиепископ Реймса, однако, поскольку еще не был рукоположен в священство, решил оставить Церковь и жениться. Ришельё поручил послу передать жениху, что король дает согласие на этот брак и отпускает ему все прежние прегрешения. (Конечно, к чему выпускать из рук архиепископство Реймское и многочисленные аббатства, которыми владел Анри де Гиз!

Пусть будет благодарен за оказанную милость и верно служит королю.)

Между тем Суассон тоже задумал распрощаться с холостяцкой жизнью — его избранницей стала мадемуазель де Бурбон, дочь Конце. 19 февраля его мать явилась к маршалу де Ламейре с просьбой замолвить словечко перед кардиналом, чтобы ее сыну позволили задержаться в Седане. Ришельё тогда был занят устройством другой свадьбы — своей тринадцатилетней племянницы Клер Клемане де Майе-Брезе с девятнадцатилетним герцогом Энгиенским, сыном принца Конде и Шарлотты де Монморанси, сестры казненного герцога. Клер — дочь его сестры Николь и маршала де Майе-Брезе; Николь была безумна, и девочка тоже явно не в себе: у нее всё время мерз небольшой участок руки повыше запястья, и она капала туда горячей смолой; кроме того, она боялась садиться, воображая, что ее зад из стекла... Герцог Энгиенский обладал невыигрышной внешностью, но был умен и хорошо образован, а потому пользовался популярностью у дам. Он был влюблен в Марту де Вижан, герцогиню де Фронсак, которой тогда было 18 лет; но отец настоял на том, чтобы Луи II пошел под венец с безумной девочкой^[60]. Так будет лучше для его военной карьеры.

А герцогу Лотарингскому, похоже, надоело воевать для других. 10 марта 1641 года он явился в Сен-Жермен, чтобы разыграть комедию раскаяния. Войдя в королевскую опочивальню, он тотчас опустился на одно колено, сказав, что вручает свое состояние и свои помыслы в руки его справедливого величества. Людовик обнял его и трижды пытался поднять, но герцог упорно отказывался встать, пока его величество не простит его за прошлое. Король отвечал, что прошлое забыто, он желает лишь помочь герцогу. Тогда Карл встал и, слегка помешкав, надел шляпу. Договор между Карлом IV Лотарингским и Людовиком XIII был подписан 29 июня. Герцог получал обратно свои владения, но признавал себя вассалом французского короля, уступая ему безвозвратно четыре крепости, соглашаясь на временную оккупацию Нанси и обязуясь не вступать в союз с врагами государя и помогать ему в войне с Испанией. Герцог подтвердил все эти обязательства во время торжественной церемонии, поклявшись на Евангелии, однако днем раньше нотариально заверил протест, аннулировавший клятву, которую он будет вынужден принести «под принуждением».

Вскоре после этого «примирения» Ришельё принял графиню де Суассон (мать) и герцога де Лонгвиля (он был женат первым браком на сестре графа де Суассона, скончавшейся в 1637 году). Они оторопели, услышав от кардинала, что, поскольку господин граф не мог не знать о

сношениях герцога Бульонского с врагами короля через дона Мигеля де Саламанку, единственный способ доказать свою невиновность — порвать с герцогом и удалиться либо в Венецию, либо в свои французские поместья. В начале апреля король официально сообщил Суассону, что пора делать выбор.

В конце мая барон де Бово, уполномоченный кардиналом-инфантом, доставил из Брюсселя в Седан текст договора, подписанного правителем Нидерландов от имени Филиппа IV и Фердинанда III: они обещали предоставить заговорщикам деньги и солдат.

Естественно, Ришельё об этом знал (иначе какой смысл платить шпионам?) и сработал на опережение: 7 мая маршал де Шатильон выехал из Парижа, чтобы возглавить армию из восьми тысяч пехоты и двух тысяч конницы, которая должна была противостоять мятежникам. Он ожидал подкреплений от Карла Лотарингского, но тот преспокойно уехал в Люксембург, где вел переговоры с герцогом де Гизом. Когда кардинал напомнил ему о взятых на себя обязательствах, тот довольно дерзко ответил, что в прошлом его не раз обманывали, зачем же ему теперь держать слово?

Одновременно Анри де Гиз отправил в Блуа, к Гастону Орлеанскому, господина де Воселя, чтобы привлечь Месье на сторону заговорщиков. Принц не удивился появлению Воселя, поскольку был предупрежден о нем Ришельё; письмо от Гиза он переслал в Париж, Воселя арестовал, но позволил ему сбежать, радуясь тому, как ловко провел кардинала. Какая наивность! Восель был шпионом его высокопреосвященства и прекрасно сыграл роль провокатора. Его арестовали и для виду посадили в Бастилию. Предварительно кардинал допросил его в присутствии короля, и Людовик порадовался поведению брата, который наконец-то остепенился...

Одиннадцатого июня король разослал всем губернаторам письмо о графе де Суассоне, герцогах де Бульоне, де Гизе и де Лавалетте, которым отводился месяц на то, чтобы сдаться. Венецианец Коррер отвез копию этого письма в сенат Светлейшей Республики. На обратном пути он мог убедиться, что французская общественность в целом настроена враждебно к правительству: бремя налогов теперь приходилось нести и привилегированным сословиям, так что «многие желали перемен». Иными словами, Ришельё был крайне непопулярен, а мятежные принцы получили поддержку населения. Столкновение было неизбежно.

Поколебавшись, Шатильон всё-таки двинулся к Седану; герцог Бульонский воззвал к императору, своему личному другу, и генерал Ламбуа с семью тысячами солдат переправился через Маас. Ришельё отправил

герцога де Лонгвиля для переговоров с Суассоном, и тому чуть было не удалось предотвратить сражение; в последний момент герцог Бульонский помешал заключению договора. Тем не менее виновными в оскорблении величия были объявлены только Бульон и Гиз.

Суассон, не попавший в число обвиняемых, издал манифест, в котором объявил себя первым принцем крови (тогда как им считался Конде) и заявил, что возглавляет «партию мира»: он взялся за оружие, чтобы поразить врагов, проникших в окружение короля (то есть Ришельё и его ставленников), и вернуть Франции свободу. В доказательство того, что он служит королю, граф велел каждому из своих людей повязать на рукав белый шарф (это был цвет французских королей). На самом деле целью заговорщиков было возвращение высшим классам привилегий и былых доходов.

Сражение состоялось 6 июля на равнине под Седаном, рядом с деревушкой Шомон на опушке леса Ла-Марфе. Накануне прошел сильный ливень, дороги развезло, и королевская армия прибыла на место только около одиннадцати утра; ее уже поджидали. Завязался бой. Герцог Бульонский, командовавший конницей, обогнул поле битвы, прячась за холмами, и неожиданно обрушился на фланг армии Шатильона. Солдаты разбежались, бросив обоз. Всё сражение продлилось не более трех четвертей часа. Торжествовавший победу Суассон был готов идти на Париж (до столицы оставалось 245 километров)...

Существуют две версии того, что произошло дальше. Маршал Шатильон в донесении, маркиз де Монгла и герцог де Бульон в мемуарах рассказывают, что граф де Суассон поднял пистолетом забрало своего шлема, чтобы отереть с лица грязь и пот; грянул выстрел, и граф упал замертво с зияющей раной вместо левого глаза. Венецианец Джустиниани в депеше от 16 июля рассказывает, что дело было совсем иначе: граф поднял забрало шлема и увидел вдалеке конницу. Победители устремились на врага. Оказалось, что это жандармы Месье. Завязался жестокий бой; граф получил две пули, одна из которых попала в глаз; герцог был легко ранен в шею. Только час спустя Суассона отыскивали в куче трупов...

Как бы то ни было, победа над Шатильоном была сведена на нет. Известие о гибели графа в Париже получили всего через полчаса после сногсшибательной новости о его победе, когда парижане уже готовились к торжественной встрече нового героя (король тогда находился на фронте во Фландрии). Несомненно, если бы Суассон не погиб, вся Франция перешла бы на его сторону: налог в один соль с ливра на каждую сделку стал последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Людовик XIII (которого Суассон отправился спасать) был крайне разгневан и даже намеревался учинить суд над трупом графа по обвинению в оскорблении величия или, в крайнем случае, отказать ему в достойном погребении. Опять-таки Ришелье отговорил его от этой совершенно лишней суровости: не то время, чтобы дразнить гусей. Графа похоронили в фамильном склепе Суассонов в Нормандии. Однако Людовик, взяв Доншери в долине Мааса, пошел на Седан.

Статс-секретарь Сюбле де Нуайе выехал вперед для предварительных переговоров с герцогом Бульонским. Было обещано, что он сохранит Седан за собой, если согласится на то, что в крепости будет находиться французский гарнизон на содержании у короля; его собственные войска перейдут на службу к его величеству; его сторонникам (кроме барона дю Бека и герцога де Гиза) будет даровано прощение. 3 августа 1641 года в Мезьере герцог Бульонский разыграл ту же комедию, что и герцог Лотарингский в марте, только простоял на коленях перед королем добрую четверть часа. Чтобы ему было неповадно подражать Карлу Лотарингскому в чем-либо еще, Людовик велел графу де Грансе отправляться в Лотарингию: к концу лета герцогство снова было почти полностью оккупировано французскими войсками.

«Дорогой друг» короля заступался перед ним за герцога Бульонского, напоминая о его военных заслугах, а в Мезьере добился личной встречи с посрамленным мятежником. Сен-Мар заявил герцогу, что тот может не опасаться гнева короля, поскольку его величество давно устал от Ришелье и не знает, как от него отделаться. Договор еще не был подписан; Бульон опасался провокации со стороны кардинала, поэтому рассыпался в похвалах главному королевскому министру, прославляя его прозорливость, государственный ум и военный талант. «Господин Главный» всё понял и учтиво обещал передать его слова королю.

Все эти потрясения сказались на здоровье кардинала: он слег; при дворе даже говорили, что он при смерти. «Ах, если бы кардинал умер, мы все вздохнули бы свободно!» — обронил как-то герцог Орлеанский. Его слова не остались незамеченными: в его окружении вновь появились люди, готовые помочь Ришелье отправиться на тот свет...

Главный королевский министр был своего рода громоотводом: во всех несчастьях винили его, на короля же не роптали, порой считая его самого жертвой ненавистного кардинала. Людовик XIII не сидел безвыездно за высокими стенами Лувра или Сен-Жермена: подданные могли видеть своего короля — просто одетого, объезжающего верхом позиции под охраной нескольких мушкетеров и справляющегося о нуждах солдат.

Возможно, именно благодаря непоколебимому авторитету монарха Франции удалось избежать роковых потрясений и не свалиться в пропасть новой гражданской войны.

Иначе складывались дела по другую сторону Ла-Манша, где уже назревала революция. Новый парламент, созванный Карлом I, оказался столь же неуступчивым, как и предыдущий; королевские войска терпели поражения от шотландцев. Королева Генриетта тайком обратилась за поддержкой к папе римскому, но тот громко заявил, что не станет помогать королю-еретику. Королеву-католичку и так не любили, а тут еще ее мать подлила масла в огонь. Король специально спровадил беременную жену и тещу в провинцию, в Отленд, где 12 июля 1640 года родился маленький герцог Глостерский, нареченный Генрихом. Его крестили по англиканскому обряду, но Мария Медичи демонстративно отказалась присутствовать на церемонии. Более того, она строила проекты нового двойного брака: собиралась выдать свою десятилетнюю внучку Марию Генриетту Английскую за одиннадцатилетнего инфанта Балтазара Карлоса, а юному принцу Уэльскому сосватать полуторагодовалую инфанту Марию Терезию. Этого еще не хватало! Карл I отдал дочь замуж за единоверца, сына Вильгельма Оранского, которому должно было вскоре исполниться 15 лет. Бракосочетание состоялось 2 мая 1641 года в королевской часовне дворца Уайтхолл^[61]. Генриетта Мария, обиженная за мать, отказалась даже обнять будущего зятя. Свадьбу отпраздновали в узком кругу, причем супруга и теща английского короля присутствовали на ней, отгородившись занавеской.

Через три дня после этой свадьбы парламент обвинил королеву в том, что она готовит высадку в Англии французского десанта, чтобы подавить восстание. 7 мая депутаты добились от короля смертного приговора его ближайшему помощнику лорду Стаффорду, а 11-го потребовали выдворения из страны Марии Медичи. У стен ее дома беснующаяся толпа вопила: «Смерть! Смерть!» — и рвалась внутрь, чтобы устроить обыск: наверняка там прячутся изменники. Бледная от страха королева пряталась в дальних комнатах...

Еще в начале этого несчастливой года она отправила в Париж своего духовника отца Бонфона, который должен был увидеться с госпожой де Комбале, ставшей теперь герцогиней д'Эгильон (король отдал ей владение, конфискованное у Пюилорана, и сделал его герцогством), чтобы просить устроить ему встречу с ее грозным дядюшкой. Теперь Мария Медичи была на всё согласна: она поедет во Флоренцию, только у нее нет денег. Ришельё не принял ее посланца, но выделил ей 100 тысяч ливров, пообещав столько

же на оплату дорожных расходов, как только она отправится в путь. По прибытии она будет получать такую же сумму ежегодно. Маршрут такой: морем из Лондона в Роттердам, потом по Рейну в Кёльн, Брейзах и Базель; оттуда в носилках от Констанца до долины По, затем снова водой до Венеции, из Венеции в Болонью, в носилках через Апеннины — и вот она, Флоренция.

Сотню тысяч ливров Мария потратила на то, чтобы отдать долги, выкупить заложенные драгоценности и щедро вознаградить своего фаворита Фаброни. Потом она законно потребовала выплатить ей доходы с наследства, оставленного ей покойным Генрихом IV. Но Ришельё ответил, что эти деньги ушли на жалованье войскам, охраняющим границу с Италией. Таким образом, к маю 1641 года королева-мать опять осталась без гроша.

Английский парламент согласился оплатить ей дорогу: три тысячи ливров она получит сразу и еще шесть, когда окажется на континенте. Были закуплены мулы и носилки. В конце августа Генриетта проводила мать до Дувра и вернулась к мужу и детям...

Мария Медичи со всей свитой высадилась на сушу во Флессингене, где скончался сопровождавший ее отец Сюффрен. Ему было 76 лет, ей — 68. Следуя установленному маршруту, 12 октября она прибыла в Кёльн, вольный город, управляемый архиепископом. Питер Пауль Рубенс, некогда создавший серию картин для Люксембургского дворца, прославляющих королеву-регентшу, теперь бесплатно принял ее в своем доме. Мария не торопилась ехать дальше. Кёльн не так уж далеко от Седана...

Девятого ноября в Брюсселе скончался кардинал-инфант Фердинанд. Ему было всего 32 года, и незадолго до его смерти у него родилась побочная дочь. Врачи объявили, что причиной смерти стала язва желудка, однако ходили устойчивые слухи об отравлении. Фердинанд серьезно заболел во время военной кампании этого года, к тому же он был совершенно измучен физически и морально. При испанском дворе у него было множество врагов, о нем распускали самые нелепые сплетни, говорили даже, что он намерен сделаться независимым правителем Испанских Нидерландов с помощью... французского короля, женившись на дочери Гастона Орлеанского. Теперь же Филипп IV и император Фердинанд III повздорили из-за того, кто станет новым наместником в Нидерландах: первый прочил на это место своего незаконнорожденного сына дона Хуана, прижитого с актрисой Марией Кальдерон, а второй — своего брата Леопольда Вильгельма. Пока же временно исполнять обязанности наместника назначили бездарного маркиза Франсиско де

Мело.

«Ваш брат умер», — объявил Людовик жене, когда наконец-то появился в Сен-Жермене в ноябре: он практически не заглядывал туда с мая, мотаясь по местам военных действий на севере и на востоке. Лет двадцать тому назад, когда он в такой же лаконичной и неделикатной манере сообщил Анне о смерти отца, она упала в обморок. Но тогда она еще по сути оставалась испанской принцессой, а теперь была матерью будущего французского короля. С одной стороны, двор должен был облачиться в траур, ведь умер близкий родственник королевы; с другой — это был полководец враждебной державы... Ограничились малым, непродолжительным трауром. Дай бог, чтобы эта утрата приблизила наступление мира — но не на условиях Испании. Диктовать условия будем мы, Франция. Ее сын должен получить в наследство сильное, могучее государство.

Королева теперь боялась только одного: что муж отнимет у нее детей. Если раньше она ждала его приездов в Сен-Жермен, то теперь их страшилась. Дофину было три года, отца он видел очень редко, урывками, а потому даже не узнавал его. Занятый военными и государственными делами, Людовик не мог навещать сына так часто, как в свое время его собственный отец, а Анна Австрийская, в отличие от Марии Медичи, находилась рядом с ним постоянно и обволакивала любовью. Появление в спальне матери «чужого дяди», издававшего резкий запах немытого тела, конского пота и кожи, пугало ребенка, который ударялся в слезы, вместо того чтобы ласкаться к папеньке. Людовика, далекого от детской психологии, это злило: он подозревал, что жена-испанка настраивает дофина против него, преследуя свои цели.

Приезжая в Сен-Жермен, Людовик останавливался в новом замке, тогда как Анна с детьми жила в старом. Однажды в мае, когда он удостоил жену ночным посещением, дофина привели пожелать доброй ночи папеньке и маменьке. Увидев отца в длинной ночной сорочке и колпаке, малыш сразу же разревелся. Людовик страшно разгневался и, в чем был, ушел к себе, накинув сверху только плащ. С Анной случилась истерика; некогда гордая королева со слезами умоляла приставленную к ней «для присмотра» статс-даму госпожу де Брассак поговорить с кардиналом, чтобы тот заступился за нее. Через пару дней состоялось примирение между отцом и сыном, посредником в котором выступил епископ Лизьё: он пришел к королю «вести переговоры о мире от лица одного из величайших принцев на свете». Принц встал перед отцом на колени и произнес заученную фразу, прося прощения. Людовик, который уже привык к

подобным сценам, поднял его, поцеловал и подарил собственноручно выкованную маленькую шпагу и лошадку, запряженную в повозку.

Примирилось, наконец, и савойское семейство: 14 января 1642 года был заключен договор, по которому оба принца признали регентшей Мадам Кристину, принц Мориц стал наместником в графстве Ницца, а принц Томас — в Канавезе, области под Туринном. Кроме того, кардинал Мориц Савойский, имевший права на престол в случае кончины племянника, должен был сложить с себя пурпурную мантию, чтобы жениться на своей племяннице принцессе Луизе Кристине, дочери Виктора Амедея I и Кристины (свадьба состоялась 28 августа, невесте было 13 лет, жениху — 49), а Томас Савойский должен был теперь сражаться с Испанией на стороне Франции.

Через десять дней перигорский «Робин Гуд» Пьер Грельти принял условия кардинала — согласился служить королю с оружием в руках. «Лесные братья» торжественно продефилировали через Бержерак, а их капитан получил королевскую грамоту об амнистии и патент: он назначался губернатором Верчелли в Италии. Там его след затерялся; по всей видимости, Грельти прожил недолго и скончался от какой-то болезни. Но на тот момент главным было то, что порядок на юго-западе Франции наконец-то восстановлен и король с кардиналом могли приступить к осуществлению планов военной кампании в Руссильоне.

Оставив Конде замещать себя в Париже, Людовик намеревался выехать на фронт, чтобы своим присутствием подбодрить войска и стимулировать усердие военачальников. На севере серьезных событий не ожидалось, поэтому присматривать за Фландрией поручили графу д'Аркуру, войска в Шампани передали под начало Антуана III де Грамона графа де Гиша, велел им держать оборону и быть готовыми, в случае чего, прийти на помощь. На юге же должны были действовать маршал Брезе и граф де Ламон-Уданкур (в Каталонии), маршалы Шомберг и Ламейре (в Руссильоне); кроме того, Ришельё из политических соображений доверил герцогу Бульонскому командование армией в Италии. Наконец, маркиз де Брезе должен был оборонять берега Португалии с моря и сражаться с испанским флотом (его предшественник кардинал де Сурди вышел из доверия после поражения, нанесенного ему испанцами 20 августа 1641 года).

Герцог Бульонский приехал в Париж, чтобы принять командование Итальянской армией. Однако свое пребывание при дворе он употребил на то, чтобы участвовать в ночных совещаниях, проводившихся в комнате Сен-Мара в Сен-Жермене или в Венецианском отеле на Королевской

площади, где проживал первый оруженосец Гастона Орлеанского господин де Брион. В числе заговорщиков был также виконт де Фонтрай, горбун-гасконец, имевший личный повод ненавидеть Ришельё: два года назад во время торжественного приема в честь папского легата Джулио Мазарини кардинал сказал ему: «Посторонитесь, господин де Фонтрай: посланник его святейшества не любит уродов»...

«Господин Главный» проделал большую подготовительную работу. Связь с герцогом Бульонским он установил через своего друга Франсуа Огюста де Ту, советника Парижского парламента, служившего затем в интендантской службе при армиях в Артуа и Пьемонте. До 1637 года де Ту в письмах родным и знакомым превозносил кардинала, однако поездив по стране и увидев собственными глазами, как живет народ, переменил мнение. Он считал, что пора уже что-то предпринять; возможно, он был замешан в заговоре графа де Суассона, по крайней мере, состоял в переписке с его фаворитом Сент-Ибаром. Однако у него был, мягко говоря, несколько странный характер. Как пишет в заметках Фонтрай, «господин де Ту был повсюду, но ничего не хотел знать. Так, он доходил до дверей Венецианского отеля, не желая войти в него».

В конце 1641 года Сен-Мар увиделся при дворе с Месье и заявил ему, что король уже полтора года побуждает его к разрыву с кардиналом. Ссоры с его величеством — всего лишь уловка, чтобы обмануть Ришельё; король страстно желает мира, разочарован в своем главном министре и осыплет щедротами всех, кто приблизит конец войны с Испанией. Гастон осведомился, был ли у Сен-Мара с королем конкретный разговор о том, что Ришельё надо убрать. Маркиз ответил, что прежде хотел бы заручиться поддержкой герцога Орлеанского. Месье с легкостью предоставил ее: он уже знал по опыту, что ему это ничем не грозит. Он рассказал о заговоре Анне Австрийской, которая в целом одобрила это благое начинание, однако просила держать в тайне ее осведомленность об этом деле.

Уверившись в поддержке Месье и одобрении королевы, герцог Бульонский согласился предоставить в распоряжение новых друзей крепость Седана, однако считал, что одним, без помощи испанцев, ее не удержать. Гастон решил заключить договор с Филиппом IV: пусть выставит армию в 12 тысяч пехоты и шесть тысяч конницы под его начало и даст деньги на ее содержание — 400 тысяч экю. Всеми захваченными городами и крепостями будет командовать тоже он. Зато он обязуется заключить мир, по которому обе стороны вернут завоеванные территории, а Франция откажется от союза с еретиками — Швецией и германскими протестантскими княжествами. Кроме того, испанский король должен

будет выплачивать Месье пенсию в 120 тысяч экю в год, а герцогу Бульонскому и Сен-Мару — по 40 тысяч. «Единодушно заявляем, что сим не предпринимается ничего против христианнейшего короля и в ущерб его государству, ни против прав и полномочий христианнейшей царствующей королевы; напротив, всё им принадлежащее постараются сберечь».

Гастон вернулся к себе в Блуа, а Сен-Мар тайком отправил в Севенны дворянина из Оверни господина де Шаванака, ветерана гражданских войн, поручив ему по возможности взбунтовать гугенотов и набрать из них солдат и офицеров. Между тем король и Ришельё 3 февраля выехали в Руссильон — разными путями, иначе обе свиты не смогли бы разместиться в городах, через которые проезжали. Сен-Мар решил, что это шанс: пока кардинал далеко, он сумеет убедить короля перейти на сторону заговорщиков.

Откуда такая уверенность? Маркиз был молод и не знал жизни. Только умный и проницательный Ришельё смог постичь сложную и противоречивую натуру короля, который внушил себе с самого детства, что он прежде всего монарх, а потому должен подавлять в себе чувства, свойственные простым людям, хотя, обладая ранимой душой, не мог не испытывать этих чувств.

Людовик был в курсе, что кардинал всеми ненавидим, однако отдавал должное его заслугам и знал, что всегда может на него положиться. Его самого угнетало, что его страна разорена, народ бедствует, а война никак не кончается, но что делать? Война должна закончиться победой Франции, иначе не было смысла ее затевать; кольцо, в которое его страну взяли Габсбурги, уже разомкнуто, их позиции сильно поколеблены, сейчас нельзя останавливаться и давать задний ход. Да, народ винит кардинала в непосильных налогах, восстания жестоко подавляются, но иначе откуда взять деньги? Кому, как не королю, знать, что Ришельё сам страдает от необходимости прибегать к этим суровым средствам, ведь кардинал приложил столько усилий к развитию торговли и промышленности, с его благословения начала худо-бедно осваиваться заокеанская колония Акадия в Северной Америке. Да, он опутал страну сетью шпионов, Бастилия никогда не пустует, но именно благодаря этому удалось предотвратить несколько заговоров и разрушить планы врагов! Да, королю самому было досадно, что кардинал всегда прав. Ну, почти всегда. Он и раньше порой настаивал на своем решении, а с конца 1641 года довольно часто возражал против распоряжений своего министра и отвергал аргументы, выдвигаемые Ришельё. Человек слаб, и Людовик, предаваясь меланхолии, позволял себе жаловаться на кардинала, который «тиранит» его, навязывая свою волю.

Однако это были не более чем слова; когда Сен-Мар однажды в такой ситуации воскликнул, что королю следует прогнать своего министра, ведь он господин, а тот — слуга, Людовик тотчас прикрикнул на него, как на собаку: «Тубо! Экий вы быстрый!.. Кардинал — величайший слуга Франции из всех, кого она когда-либо имела. Я не смогу без него обойтись. И знайте, что если он когда-нибудь выступит против вас, я даже не смогу оставить вас при себе».

«Прогоните кардинала!» Сколько раз он уже это слышал! А кто его заменит? Кто сумеет заключить мир на условиях, выгодных для Франции? Кому он сможет доверить свои дела, не опасаясь измены и предательства? Кто вообще способен взвалить на себя огромный воз работы, который тащит сейчас Ришельё, успевать везде и всюду, как он?

Ришельё тоже много думал над этим вопросом. Ему скоро пятьдесят семь, он немощен и подвержен множеству недугов, люди много моложе и здоровее его давно в могиле. Кто станет его преемником, если Господь призовет его к себе? Кому можно будет доверить место у руля, не опасаясь, что корабль ляжет на иной курс? Его выбор пал на Джулио Мазарини, который стал кардиналом (не будучи священником) 16 декабря 1641 года. 26 февраля, находясь в Валансе, Людовик XIII сам возложил ему на голову кардинальскую шапку.

В это время виконт де Фонтрай пробирался в Испанию, везя с собой текст проекта договора и письмо Гастона к Оливаресу. В Лиможе он встретился с герцогом Бульонским и в очередной раз получил от него обещание решительных действий. Перевалив через Пиренеи, он проследовал через Сарагосу в Мадрид и сумел получить аудиенцию у графа-герцога, с которым проговорил три часа. Переговоры продолжались четыре дня. Наконец 13 марта 1642 года договор, составленный Месье, был подписан Оливаресом и Фонтраем под псевдонимом де Клермон. В тайном приложении к договору указывалось, что опорный пункт заговорщиков — Седан и что помимо Месье в заговоре участвуют герцог Бульонский и господин де Сен-Мар. Срок исполнения договора — 1 июля 1642 года. На обратном пути Фонтрай узнал от одного земляка, что за ним следили, и решил возвращаться другой дорогой. Через Тулузу он прибыл в Нарбонн, где тогда находились и король с Сен-Маром, и Ришельё.

Если перед отъездом из Парижа «господин Главный» был почтителен с кардиналом, пытаясь усыпить его бдительность, теперь он вел себя с ним подчеркнуто дерзко, даже нагло. Ему было совершенно ясно, что Ришельё надо убить, другого выхода нет. Это мнение, кстати, разделяли офицеры королевских мушкетеров и лейб-гвардии: Тревиль, Тийаде, Ласаль и

Дезэссар. 17 февраля, когда двор был в Лионе, Сен-Мар уже был готов перейти от слов к делу, однако кардинал, которому полагалось, являясь к королю, оставлять охрану за дверью, неожиданно предстал перед маркизом в компании капитана своих гвардейцев. Людовик знал об этих планах, но они приводили его в ужас: «Он священник и кардинал, меня отлучат от Церкви». На это Тревиль возразил: пусть его величество только прикажет, а он потом, если надо, пойдет в Рим пешком получать отпущение грехов. Король, понятное дело, не отдал такого приказа. Однако он практически перестал видаться с кардиналом, поддерживая с ним связь только через статс-секретарей Нуайе и Шавиньи.

В середине апреля из Парижа в Нарбонн приехал де Ту, сделав крюк через Вандом. Герцоги де Бофор и де Меркёр, сыновья Сезара де Вандома, отказались примкнуть к заговору. В Каркассоне де Ту увиделся с Фонтраем и, узнав от него о заключенном договоре, помчался к Сен-Мару, чтобы отговорить его от планов иностранного вторжения. Кроме того, заговор уже перестал быть тайной; дядя де Ту, статс-секретарь де Бриенн, умолял племянника как можно скорее отмежеваться от мятежников, дело которых, по выражению Марии Гонзага, было всем известно так же хорошо, как то, что в Париже течет Сена. К тому же Ришельё и так сильно болен, не лучше ли подождать его смерти, чем брать на душу такой грех?

Кардинал в самом деле заболел — вероятно, малярией; кроме того, у него образовался такой нарыв на руке, что он даже не смог подписать свое завещание. Оставив его в Нарбонне, Людовик выехал на осаду Перпиньяна, которая началась 9 мая. Там он сам стал испытывать жестокие боли в кишечнике, а врачи лишь усугубляли их, назначая очищающие клизмы. Король даже не имел сил ходить; чтобы он мог ознакомиться с позициями французских войск, его переносили на матрасе. Он плохо спал, мысли путались; порой он не мог вспомнить, что собирался сказать, или произносил какую-то невнятицу. Мысль о смерти преследовала его неотступно, а он был к ней не готов, и вокруг — ни души, с кем можно было бы поделиться тревогой, найти утешение... Был бы сейчас рядом кардинал!

Понимая, что от него сейчас мало толку, король решил вернуться в Париж, предоставив ведение осады маршалу Шомбергу. Известие о его отъезде перепугало кардинала, который чувствовал, что против него вновь что-то затевается, а он не может сейчас быть рядом с королем, чтобы помешать клеветникам. В армии уже поползли слухи, что Людовик XIII хочет покончить с Ришельё; когда он вернется в столицу, из Бастилии выпустят узников, заключенных туда кардиналом, и заменят ими его

ставленников в правительстве. Тюренн и Шомберг, которых Сен-Мар неосторожно посвятил в свои планы, предупредили его высокопреосвященство, что его собираются убить. Ришельё спешно выехал из Нарбонна в Париж, но прежде продиктовал письмо его величеству: «Моя невиновность подвергается нападкам, молчать значит дать злодеям способ достигнуть цели». Имени Сен-Мара он не называл, однако упомянул де Ту и Шаванака. Завершалось письмо словами: «Если бы Господь призвал кардинала, Ваше величество понял бы, что он потерял, но было бы гораздо хуже, если бы Вы погубили его сами, поскольку, погубив его, Ваше величество утратит доверие к себе». Перед смертью можно высказаться откровенно.

На самом деле король не думал ни о каких перестановках в правительстве. Он страдал от жутких болей и даже в карете лежал на матрасе. В письме статс-секретаря Нуайе от 10 июня, адресованном Ришельё, есть любопытная фраза: «Я вижу, что король опасается неодобрения Вашего высокопреосвященства из-за того, что он покинул осаду. Он мне этого не сказал, так что это мои собственные слова».

Таким образом, опасность для кардинала была не столь велика, да и для Франции тоже. Три руководителя заговора находились в разных местах, далеко друг от друга: Гастон — в долине Луары, Бульон — в Италии, Сен-Мар — в Руссильоне, и держать между ними связь было крайне затруднительно. К тому же фавор Сен-Мара пошел на убыль: слуги видели, что «господин Главный» часами просиживал в приемной, читая «Неистового Роланда», а потом выходил, делая вид, будто всё это время беседовал с королем.

Отправляясь на войну, Людовик велел Анне приехать к нему в Руссильон, оставив детей в Сен-Жермене. С большим трудом она добилась позволения остаться с детьми, однако в апреле получила от мужа новый приказ выехать в Фонтенбло, а оттуда в Лион. «Расставание с моими детьми, находящимися в столь нежном возрасте, причиняет мне величайшую боль, которую я не в силах вынести», — жалобно писала королева кардиналу. Ответа она не получила. Еще бы: Ришельё сейчас было не до нее. Но Анна не знала о болезни короля и его главного министра (от Нарбонна до Парижа путь неблизкий). Не получив ответ и на второе письмо, написанное господином де Брассаком, 9 июня она решилась написать Ришельё собственноручно и, чтобы заручиться его поддержкой, сообщила в письме то, что ей было известно о заговоре. Ответ пришел — но от мужа: в письме, датированном 15 июня, Людовик ласково просил ее оставаться в Сен-Жермене подле детей. Боже, храни кардинала! Никто не

сравнится с этим человеком подоброте и великодушию!

Письмо королевы Ришельё получил 11 июня, находясь в Арле. Это было не единственное важное послание в почте кардинала. Сопоставляя разные источники, можно предположить, что о договоре, заключенном Гастоном с Филиппом IV, сообщил также господин де Брезе, вице-король Каталонии, а барон де Пюжоль, французский шпион в Мадриде, подкупил человека, приближенного к Оливаресу, и раздобыл если не копию договора, то вполне подробные сведения о нем. (Похоже, что на этом последнем подвиге Пюжоль «спалился». В августе Людовик XIII согласился с предложением кардинала об отзыве барона во Францию и вознаграждении за все услуги.)

Узнав сногшибательную новость, кардинал оживился, велел выйти из комнаты всем, кроме своего секретаря Шарпантье. «Принесите мне бульону, я очень взволнован!» Шарпантье принял бульон у дверей и запер их на засов. Воздев руки к небу, Ришельё воскликнул: «О Боже, ты всё-таки сжалился надо мной и этим королевством!» «Прочтите это и сделайте копии!» — велел он секретарю. В тот же день Шавиньи, находившийся при кардинале, срочно выехал в Нарбонн с запиской к Нуайе, оставшемуся в свите короля: «Причина поездки господина де Шавиньи Вас удивит. Господь помогает королю чудесными открытиями... Великие дела не делаются без труда, но благодаря открытию, совершенному с Божьей помощью, я надеюсь, что король со всем совладает».

Шавиньи приехал в Нарбонн 12 июня рано утром, за час до того, как король встал с постели. Терпеливо подождав, он явился к Людовику вместе с Нуайе. Король беседовал с Сен-Маром. После обычных приветствий Шавиньи незаметно дернул короля за полу куртки — это был условный знак, что он хочет сообщить нечто важное. Людовик сразу же перешел в другую комнату. Сен-Мар хотел пойти за ним, но Шавиньи остановил его непререкаемым тоном: «Господин Главный, мне надо кое-что сказать королю». Сен-Мар удалился, и оба статс-секретаря остались с королем наедине.

Разговор вышел долгий. Новость о заговоре и об измене Сен-Мара обрушилась на короля, как удар обухом по голове. Не решаясь отдать приказ об аресте своего фаворита, он вызвал своего духовника отца Сирмона, чтобы узнать его мнение. Отец Сирмон определенно высказался за арест всех заговорщиков.

Франсуа де Ту и Шаванак были арестованы первыми. Сен-Мар, узнав о причине приезда Шавиньи, попытался бежать, но сделал это крайне необдуманно: попросту вышел из города пешком в час ночи. Поняв, что

далеко ему не уйти, утром он вернулся обратно и был арестован. Тогда же, 12 июня, Людовик отправил в Пьемонт господина де Кастеллана, чтобы тот вместе с генерал-майором дю Плесси Праленом арестовал герцога Бульонского. Герцога, находившегося в Казале, предупредили о грозящей ему беде; 23 июня он выскользнул из города, скатившись по крепостному валу, и спрятался в стоге сена, но его нашли, обезоружили, посадили в карету и отвезли в Пиньероль, а оттуда в Лион, где заключили в крепость.

Понятно, что Месье арест не грозил. Утром 13 июня король под руководством Шавиньи написал брату, предложив ему возглавить армию в Шампани (эта армия, впрочем, была практически уничтожена, потеряв почти три четверти состава, знамена и всю артиллерию после сокрушительного поражения при Оннекуре 26 мая; по счастью, Франсиско де Мело не сумел воспользоваться плодами своей победы). Вечером того же дня он отправил второе письмо, в котором сообщал об аресте Сен-Мара.

Людовик отдавал приказы и диктовал письма словно в каком-то чаду. Не следует забывать, что он всё ещё был болен и не находился на одном месте, а продолжал путь. Он привык верить кардиналу, но у него в голове не укладывалось: «дорогой друг» — изменник?.. 15 июня Нуайе сообщал Ришельё: «Мне кажется, нам придется искать способ переговорить с королем, ибо ему на ум приходят странные мысли. Вчера он сказал мне, что его одолевают сомнения, уж не перепутаны ли имена. Я сказал ему всё, что только мог вообразить, но король по-прежнему в глубокой задумчивости. Королю было плохо всю ночь, около двух его величество принял лекарство, потом проспал два часа и сказал мне, какой фортель выкинул господин Главный, — и повторил это два или три раза подряд».

В тот же день Нуайе писал Шавиньи: «Я считаю, что чем раньше монсеньор кардинал Мазарини сможет сюда приехать, тем лучше, ибо, по правде говоря, мне сдается, что его величеству нужно утешение, у него очень тяжело на сердце. Счастлив тот, кому Бог дарует милость искать в нем свое утешение».

Королевский поезд продвигался водным путем — по цепочке прудов в Лангедоке; такой способ передвижения был менее мучителен для больного. 18 июля — Люнель, двухдневная передышка. Короля пичкали лекарствами, от которых ему становилось только хуже. После клизмы он исторг из себя большое количество едкой вонючей жижи и сильно мучился от геморроидальных болей. Но надо ехать дальше... Следующая остановка — Монфрен; здесь целебные воды. Наконец 28 июня его на носилках доставили в Тараскон, куда прибыл и кардинал.

Людовик не сразу решился на встречу с главным министром, у него

было беспокойно на душе: как ни крути, а он всё-таки предал кардинала, не препятствуя разговорам о его убийстве в своем присутствии... Он должен был удержать «дорогого друга» от рокового шага, ведь тот еще так молод, горяч, неопытен...

Свидание прошло лежа; рядом с двумя кроватями — короля и кардинала — стояли Нуайе и Шавиньи.

Ришельё применил до сих пор безотказно срабатывавший прием: попросил позволения удалиться от дел, но не с былым смирением, а с обидой. Он сделал всё от него зависящее, чтобы раскрыть заговор, который в случае удачи поставил бы крест на всей политике короля. Но его величество держит его в отдалении, давая повод предположениям, что кардинал в чем-то виновен и не заслуживает благодарности... Людовик слабо возразил. Тогда ближе к делу.

Узнав, что заключенный им договор больше не тайна, Гастон Орлеанский написал 25 июня целых пять писем: брату, Ришельё, Мазарини, Шавиньи и Нуайе, прося о помощи. Одновременно он отправил к королю аббата де Ларивьера, свое доверенное лицо. Теперь тот предстал пред светлые очи монарха, которые метали громы и молнии. Перепуганный аббат что-то залепетал, запутался в объяснениях и уже думал, что погиб. Помучив довольно долго, его всё-таки отпустили на волю. «Что до моего брата, — сказал король, — если он раскроет мне без утайки всё, что совершил, то познает мою доброту, как ему уже доводилось несколько раз в прошлом». Счастливый, что дешево отделался, Ларивьер вышел, пятясь и кланяясь; потом с ним случился приступ «медвежьей болезни». (Узнав об исходе его миссии, Гастон в длинном письме от 7 июля выложил всё, что знал, и, как обычно, сдал всех доверившихся ему людей.)

Далее, кардинал не сможет сопровождать его величество в Париж. (По свидетельству Гула, описавшего свидание в Тарасконе в мемуарах, эти слова заставили короля «плакать горячими слезами».) С ним поедут Шавиньи и Нуайе, чтобы помогать ему делом и советом. А виновных в измене надо судить. Ришельё, остающемуся на юге, необходимо предоставить чрезвычайные полномочия во избежание возможных разногласий и неповиновения среди маршалов. Король на всё согласился.

Встреча продлилась четыре часа, и ее атмосфера резко отличалась от прежних совещаний двух главных лиц в государстве. Ришельё, который раньше обнажал голову, когда при нем произносили имя короля, теперь, уязвленный его черной неблагодарностью, не испытывал и не выказывал к нему никакого почтения. Король же был неприятно поражен высокомерным тоном своего министра, который уже не просил, а требовал, и не

высказывал свои соображения, а ставил его перед фактом. На словах Людовик, как обычно, уверил кардинала, что всегда будет питать к нему доверие и сердечную привязанность; но прошло два дня, а он так и не подписал распоряжение о предоставлении Ришельё чрезвычайных полномочий. Пришлось Шавиньи напомнить ему, что раздоры между маршалами, которых сейчас некому держать в узде, могут сорвать осаду Перпиньяна. Король подписал бумагу и поехал дальше. Из Валанса он прислал Ришельё короткую записку, выдержанную в прежнем доверительном тоне.

Торжествовавший победу кардинал подверг несчастного больного короля изощренной пытке: если раньше подкупленные им лакеи пели Сен-Мару дифирамбы, теперь Шавиньи, Нуайе и обер-камергер Мортемар всячески порочили «господина Главного», пробуждая в памяти короля тяжелые и горестные воспоминания. Ришельё через Мортемара даже добился от короля признания, что Сен-Мар замышлял его убийство в Лионе. По сути, они постоянно указывали Людовику на то, как он был слеп... «Его величество настолько возмущен коварными людишками, что теперь сложнее будет заставить его прибегнуть к мягкости, чем к суровости», — с удовлетворением отчитывался перед Ришельё Шавиньи.

КОНЕЦ

И бой кончается, затем что нет бойцов.

Мария Медичи так и осталась в Кёльне. Архиепископ предоставил в ее распоряжение особняк, однако жить ей приходилось практически на подавание доброхотов, перехватывая денег то тут, то там. Всё ее имущество было заложено и перезаложено, никто больше не давал ей в долг. Да и здоровье было уже не то. Она сильно исхудала, ее бывшее дородство осталось в воспоминаниях. Новость об аресте Сен-Мара и провале очередного заговора против кардинала окончательно ее подкосила. 25 июня 1642 года она слегла: у нее началось рожистое воспаление, вызвавшее сильный жар; она с трудом дышала, ловя воздух раскрытым ртом с потрескавшимися губами. Видя, что конец неминуем, врач Риолан известил Людовика XIII, что его мать при смерти. Тот сам чувствовал себя не лучше, однако прислал сочувственное письмо и немного денег. Мария, однако, не собиралась умирать; она думала, что переживет сына. Но когда 1 июля у нее началась гангрена, ей пришлось смириться с очевидным. Через два дня она умерла в присутствии архиепископа и двух папских нунциев, вверив свою душу Иоанну Крестителю, святому покровителю Флоренции, и прижав к груди распятие святого Карла Борromeя^[62].

Она составила завещание. Хотя что она могла завещать? Символические подарки родственникам во Флоренции, папе римскому, архиепископу Кёльнскому, дочерям; свое обручальное кольцо она оставила Анне Австрийской. Подарки верным слугам, за исключением Фаброни, который и так достаточно поживился за ее счет: он получит только ее карету и лошадей. Всё остальное имущество пусть поделят между собой ее сыновья. Но король и так уже завладел всем, что было у нее во Франции, она могла завещать ему лишь свои долги. Ришельё не досталось ничего — она так и не простила его даже на смертном одре. Однако какой-то слуга через несколько дней после ее кончины отправил кардиналу попугая, которого тот когда-то подарил своей покровительнице, когда они еще ладили.

В завещании Мария подчеркивала, что по-прежнему любит Людовика XIII как мать сына и как королева своего короля.

В Париже новость о ее кончине встретили довольно равнодушно, только Гастон проливал слезы о матушке. «Сожаление о ее смерти

усугубляется при дворе сожалением о ее отсутствии, случившемся из-за того, что она последовала советам неких пустоголовых людей по причине своей великой доверчивости», — безжалостно написала «Газета». Ришельё велел отслужить по ней несколько месс и затянуть комнаты в своем доме черным крепом. Однако в обществе этот поступок был воспринят как проявление высшего лицемерия: он, обязанный этой женщине своим возвышением, бросил ее умирать с голоду, а теперь льет крокодиловы слезы!

Нужно было вернуть тело, но кредиторы потребовали уплатить долги покойной, хотя бы первоочередные. На это ушло целых полгода. Траурный кортеж выехал из Кёльна в начале 1643 года, и только 4 марта королева, наконец, упокоилась в Сен-Дени рядом с супругом, а ее сердце отвезли к иезуитам в Ла-Флеш и поместили возле сосуда с сердцем Генриха IV. К тому времени Ришельё уже умер, а Людовик XIII собирался последовать за ним...

Но в июле оба были еще живы, и кардинал готовился дать бой: довести до конца осаду Перпиньяна и отправить на эшафот неблагодарного Сен-Мара. Арестованных еще ни разу не допрашивали, нужно было срочно создать следственную комиссию, причем такую, которая добилась бы нужного результата. Председателем, естественно, сделать канцлера Сегье; в общей сложности назначить 15 судей, вот список. Король утвердил его 28 июля. Сен-Мара охранял Джон Сетон, лейтенант шотландских гвардейцев. 31-го числа король поставил подпись под письмом, предписывавшим Сетону обращаться с узником «как с врагом моей особы и моего государства». О случившемся оповестили все парламенты и местные власти. Циркулярное письмо было подписано королем 4 августа; из текста следовало, что его величество сам раскрыл заговор Сен-Мара. Но и это еще не всё: Шавиньи и Нуайе практически силой вырвали у короля еще одно письмо, по всей видимости, также составленное кардиналом и адресованное Сегье: «Сей величайший обманщик и клеветник пускал в ход всё возможное, чтобы возбуждать меня против моего кузена кардинала де Ришельё, что я терпел, пока его дурные дела оставались в рамках некоей умеренности. Но когда он дошел до крайности, предложив мне избавиться от одного моего кузена, и вызвался сие совершить, я ужаснулся его злонамеренным мыслям и резко их осудил. Не добившись от меня одобрения своих злодейских планов, он вступил в сношения с королем Испании против моей особы и моего государства, в отчаянии от того, что не мог получить желаемого».

Сторонники теории о том, что Людовик XIII был лишь безвольной

игрушкой в руках кардинала, торжествующе потрясают этими документами. Однако нужно представлять себе тогдашнее положение короля. Он был нездоров, болезнь отнимала физические силы, а постоянный психологический прессинг со стороны двух статс-секретарей — душевные. Кроме того, в отличие от всех предыдущих фаворитов, которых Людовик приближал к себе сам за какие-либо заслуги, Сен-Мар был практически навязан ему Ришельё: кардинал дал, кардинал и взял. Вполне можно предположить, что самообман, наконец, рассеялся и Людовику открылась страшная правда: «дорогой друг» никогда не был ему другом, он лишь хотел, как и все остальные, использовать его в своих целях! Эти его ночные отлучки, приступы дурного настроения, настойчивые требования разных привилегий и подарков для себя и своих родственников! А как он позволял себе с ним разговаривать!.. Когда человека постоянно мучает боль, он способен выместить ее на посторонних, заставив страдать кого-то еще, как будто ему самому от этого станет легче...

Кардинал тоже был сильно болен и физически страдал. Возможно, испытываемые им мучения усилили его суровость. Арестованные молчали на допросах, от них не удалось добиться никаких показаний. Значит, нужно действовать хитростью. Ришельё послал к Сетону Мазарини: гвардеец должен втереться в доверие к Сен-Мару и выпытать у него нужные сведения.

Пока же следственная комиссия взялась за Месье и герцога Бульонского. Гастона сначала хотели сослать в Венецию, выплачивая ему по десять тысяч экю в месяц (именно такую сумму обязался ему платить Филипп IV), но потом передумали и позволили ему удалиться в Савойю, в Аннесси, под крыло сестры Кристины. Оттуда ему было бы проще явиться в Лион на суд. Однако герцог Орлеанский наотрез отказался от очных ставок с человеком, «которому пообещал хранить нерушимую тайну». К счастью для него, в истории Франции нашелся прецедент: когда в апреле 1574 года был раскрыт «заговор недовольных» с целью организации побега из Франции герцога Алансонского и Генриха Наваррского, брат Карла IX был избавлен от необходимости свидетельствовать на суде над своими сообщниками Ламолем и Кокона, которые сложили головы на плахе. Пусть Месье лишь подтвердит свои показания перед комиссией. Гастон согласился.

Суд должен был состояться в Лионе, поскольку герцог Бульонский находился неподалеку, в крепости Пьер-Ансиз. Ришелье, по-прежнему прикованный к постели, отправился туда водным путем; в его свите

следовал де Ту. Друзья Сен-Мара предприняли отчаянную попытку устроить ему побег из крепости Монпелье через разобранную крышу над гардеробной, однако узник не воспользовался этой возможностью. Вечером 26 августа его посадили в карету и отправили под надежной охраной в Лион, куда он прибыл 4 сентября, на день раньше кардинала. Его высокопреосвященство передвигался в носилках, лежа. Перед особняком, где он собирался остановиться, построили леса, чтобы можно было занести носилки прямо в окно, которое пришлось выставить, вынудив заодно несколько камней из стены.

К моменту прибытия кардинала следствие уже далеко продвинулось. Допросили всякую мелкую сошку — офицеров, завербованных заговорщиками, которые теперь были готовы подтвердить что угодно. Один из них обмолвился, что о заговоре знала королева, но Ришельё с возмущением потребовал вымарать эти дерзкие слова из протокола. Зато другой рассказ нужно было непременно довести до сведения короля: когда в Нарбонне у Сен-Мара спросили о здоровье его величества, тот пренебрежительно ответил: «Да жив еще!»

Сегье получил от герцога Орлеанского, совершившего паломничество на могилу Франциска Сальского, официальное признание из двадцати пунктов в том, что «господин Главный просил его примкнуть к заговору, чтобы погубить господина кардинала», и с подробным изложением переговоров на эту тему, проводившихся с конца 1641 года. 31 августа подобные признания дал и герцог Бульонский. Зато Сен-Мар и де Ту, допрошенные 5 и 6 сентября, продолжали всё отрицать. (Кстати, трое последних утверждали, что действовали исключительно по приказу и с одобрения его величества.) И если показаний высокопоставленных заговорщиков было достаточно, чтобы отправить на плаху Сен-Мара (герцог Бульонский не уклонился от очной ставки), против де Ту улики не набиралось: Месье уверял, что не посвящал его в свои переговоры с Испанией, и даже просил Сен-Мара ничего не говорить своему другу. Герцог Бульонский упомянул лишь о том, что де Ту знал о намерении Месье отступить в Седан. Но Ришельё считал де Ту душой всего заговора и требовал от канцлера и членов комиссии непременно добиться от Сен-Мара признаний, уличающих его приятеля. Даже Сегье уверял, что это невозможно, однако член комиссии Лобардемон (который уже отличился, сфабриковав дело Грандье) решил оказать кардиналу эту услугу. 10 сентября он явился к Сен-Мару неофициально и стал уверять, что единственный способ избежать допроса с пристрастием и получить помилование — добровольно во всём признаться, тем более что де Ту это

уже сделал. Поверив этому коварному человеку, Сен-Мар не только всё рассказал как на духу, но и подписал протокол. Перпиньян пал днем раньше...

Свой доклад Лобардемон представил на заседании следственной комиссии 12 сентября в семь часов утра. Оба обвиняемых виновны; де Ту, знавший о планах заговорщиков выехать в Седан, должен быть казнен согласно ордонансу Людовика XI от 22 сентября 1477 года. Но прежде нужно заслушать подсудимых.

Сен-Мар предстал перед комиссией в восемь утра и, к удивлению всех, кроме Сегье и Лобардемона, подробно рассказал о переговорах с герцогом Бульонским, признал свое участие в договоре с Испанией и признался, что де Ту обо всём знал. Однако он по-прежнему отрицал, что злоумышлял против Ришельё. Его вывели из зала и ввели де Ту, который продолжал всё отрицать. Тогда Сен-Мара привели обратно и зачитали его показания. «Правда ли, сударь, что вы всё это сказали?» — спросил ошеломленный де Ту. «Терпение, — отвечал Сен-Мар, — я всё объясню». Но де Ту был юристом и понял, что его участь решена. Он подтвердил, что знал о договоре с Испанией, но не с самого начала, а был введен в курс дела, находясь проездом в Каркассоне, и сделал всё, что мог, чтобы отвратить Сен-Мара от его планов. Закончил он фразой, что пожертвует собой ради друга. Поняв, что попался в ловушку, Сен-Мар начал уверять, что де Ту в самом деле пытался всеми силами предотвратить осуществление его замысла. Однако было поздно. Сен-Мара приговорили к смерти единогласно, де Ту — двенадцатью голосами против двух.

Сен-Мара всё-таки привели в пыточную и даже привязали к скамье, однако он стал кричать, что всё равно не сможет ничего добавить к тому, что уже сказал Лобардемон. Судьи не стали настаивать, его развязали.

Кардинал ждал результата, находясь в лихорадочном возбуждении. «Де Ту, де Ту, де Ту! — воскликнул он, как безумный. — Ах, господин канцлер снял с моих плеч тяжкую ношу!.. Но ведь у них нет палача!» Лионский палач был болен. Сегье нашел человека, который согласился его заменить за сотню экю. В похожей ситуации когда-то уже оказался Шале...

Осужденным дали время исповедаться и позволили написать письма родным и друзьям. Сен-Мар просил мать вытребовать у короля 100 тысяч экю, которые он уплатил за свою должность главного конюшего. Это письмо потом показали Людовику, спросив, стоит ли передавать его по назначению. Он не ответил ни да ни нет, поэтому письмо переслали — вместе с распоряжением отправляться в Турень. Денег никаких не выплатили, вот еще глупости. Брата «господина Главного» лишили

бенефициев, фамильный замок срыли.

Казнь состоялась в тот же день, в пять часов, на площади Терро. Сен-Мар отправился в последний путь в красивом костюме коричневого сукна с золотыми кружевами в два пальца толщиной и в черной шляпе с фазаньим пером. К удивлению осужденных, их повезли на казнь в карете, а не на позорной колеснице, и не связали им руки за спиной.

Улицы, ведущие к площади, и сама площадь были запружены народом. Новшества продолжились: вместо обычной длинной плахи с углублением для головы над помостом возвышался на три фута узкий столб, перед которым стояла скамеечка — на этом настоял палач-любитель. Жертва должна была встать коленями на скамеечку и обхватить столб руками, положив на него голову боком. Кроме того, вместо меча палачу дали топор, похожий на тесак, каким мясник разделывает туши.

По дороге друзья спорили, кому первому идти на казнь, но по прибытии на место им объявили, что первым пойдет Сен-Мар. Трубы протрубили три раза, зачитали приговор, и дверца кареты захлопнулась, скрыв от де Ту эшафот. Сен-Мар поднялся на помост, приветствовал толпу и в последний раз переговорил со священником. Он не позволил палачу обрезать себе волосы — сделал это сам, где мог достать, а затем передал ножницы святому отцу, чтобы тот остриг ему локоны сзади. Не дал он и завязать себе глаза. Прочитал молитву, обхватил руками плаху, сказал палачу: «Ну что же ты? Чего ждешь?..» С первого удара палач не смог отрубить ему голову; неторопливо зашел справа, ухватил голову за волосы и стал перепиливать горло. Двумя фонтанами брызнула кровь; голова отскочила и упала на землю; зрители забросили ее обратно на эшафот, пока палач раздевал свою жертву до рубашки. Потом он оттащил тело в угол и прикрыл простыней. Настала очередь де Ту. Взойдя на помост, тот, по обычаю, обнял палача и запел псалом, чтобы придать себе храбрости. Ему остригли волосы и завязали глаза. Первый удар пришелся по лбу. Казнимый вскрикнул и завалился на левый бок, схватившись рукой за рану. Палач уже занес топор и отрубил бы ему руку, но его удержал священник. Второй удар сбросил несчастного на помост. Толпа вопила и свистела. Только после пятого удара голова отделилась от тела.

«Король с нетерпением ждет новостей из Лиона и с еще большим — из Перпиньяна и от его высокопреосвященства», — писал Нуайе 3 сентября из Монсо. Наконец-то Ришельё мог ответить на это письмо: «Мне столько нужно написать Вам, что не знаю, с чего начать. В трех словах сообщаю, что Перпиньян в руках короля, а господин Главный и господин де Ту — на том свете, и я молю Бога, чтобы они были там счастливы. Скажу больше в

следующий раз». 15-го числа был написан ответ: король рад взятию Перпиньяна и «не показался мне огорченным, когда я сообщил ему о смерти господина Главного и господина де Ту, ему только не терпится узнать, умерли ли они по-христиански». Через десять дней, уже из Парижа, Шавиньи уверял кардинала, что «его величество остался весьма доволен, узнав все подробности о смерти господина Главного и о том, что он просил прощения. Он охотно прощает его, но не хотел бы, чтобы он был жив»...

Между тем жена герцога Бульонского пригрозила сдать княжество и крепость Седан испанцам, если с ее мужем что-нибудь случится. Благодаря этому герцог отделался тюремным заключением. 15 сентября он подписал договор, по которому уступал свои владения Франции; Мазарини тотчас оккупировал Седан^[63].

К тому времени Людовик XIII уже был в Сен-Жермене. Иностранные послы отмечали в своих депешах, что он необыкновенно нежен с женой. По его просьбе ее величество согласилась, чтобы, согласно завещанию его величества, кардинал Ришельё стал вместе с ней опекуном их малолетних детей. Что это — знак доверия и примирения с кардиналом или уловка? Вправду ли король полагал, что кардинал его переживет? Во всяком случае, по словам Шавиньи, 12 октября, находясь в Фонтенбло, Людовик всячески выражал радость по поводу того, что его высокопреосвященство в добром здравии и скоро приедет в столицу: «Я не смогу жить, не будучи рядом с ним».

Однако настроение короля было переменчивым, как никогда: уже 23 октября он сильно поссорился с женой и говорил всем и каждому о своем недовольстве ею. Причиной тому стали «наветы и измышления», распускаемые неким дворянином со слов Фонтаря. И кардинал тоже не чувствовал себя вполне защищенным, пока рядом с королем находятся Тревиль, Дезэссар, Тийаде и Ласаль. У короля больше не должно быть фаворитов; пусть действует только через свой Совет (составленный сплошь из креатур Ришельё), иначе кардинал подаст в отставку.

Верного Шавиньи отправили вести осаду короля. Первый отчет он отправил кардиналу 6 ноября в пять часов утра: «Утром Дуб^[64] показал себя вполне сговорчивым, но, ничего не решив, после обеда уехал на охоту, сопровождаемый заинтересованными лицами. Я думаю, ему было трудно переговорить с ними наедине, и вряд ли он это сделал; вечером при виде их он сделался менее рассудительным. Сегодня утром он едет на охоту в девять часов. Я увижусь с ним, как только он проснется, и сразу же отправлюсь в Париж, чтобы отчитаться Вашему высокопреосвященству

обо всём, что нельзя написать».

Понятно, что король не желал расставаться с преданными офицерами, которых любил и ценил; но верный слуга кардинала не отступал и даже заявил, что в противном случае охрана его высокопреосвященства будет всегда вооружена, даже в присутствии его величества, во избежание покушений на жизнь кардинала.

Тальман де Рео приводит красочный рассказ о встречах настырного Шавиньи и Людовика. На слова короля, что Тревиль служит ему верой и правдой и имеет множество заслуг, «господин Младший» возражал, что заслуги кардинала ничуть не меньше и что тот не щадит своего здоровья на службе монарху. «Кардинал болен, он стал мнителен, — защищался король. — Мне тоже приятны далеко не все лица из окружения его высокопреосвященства, однако я не требую их удалить». «Я уверен, что если бы его высокопреосвященство узнал, кто именно вам неприятен, то немедленно расстался бы с этим человеком», — отвечал Шавиньи. «Ну так пусть он уволит вас, потому что я вас не выношу!» — взорвался Людовик.

«Король пребывает в прежнем умонастроении, — отчитывался «господин Младший» из Сен-Жермена 13 ноября. — Он знает, что ему не избежать того, чего от него просят, но ему невероятно тяжело на это решиться». И далее: «Посмотрим, что его величество изволит сказать нынче вечером, если мне удастся переговорить с ним наедине, ибо мне стоит большого труда оторвать его от этих людей». На следующий день: «Король почти готов сделать некое предложение, но ему трудно на это решиться. Мне кажется, он хотел бы спасти Дезэссара, отправив его в Италию, хотя он не сказал этого прямо... Наконец, он ясно заявил, что хочет дать удовлетворение монсеньору, не рискуя, однако, своей честью; на это ему было отвечено положенное».

Миновали времена, когда кардинал считал своей обязанностью поддерживать короля в хорошем настроении. Стоя одной ногой в могиле, он больше всего боялся, как бы его туда не столкнули раньше времени, пока он не довел до конца всех своих замыслов. Ришельё даже позволял себе шантажировать короля, намекая, что Сен-Мар рассказал кое-что, о чем его величеству не осмеливались говорить. Он сделал своей шпионкой при короле... Анну Австрийскую, с которой поддерживал оживленную переписку. Король же вновь замкнулся в меланхолии и одиночестве, томясь в плену навязчивых мыслей; он больше не доверял своим министрам и позволял себе откровенные разговоры только с Тревилем. Естественно, такая душная атмосфера не могла не сказаться на его здоровье...

Наконец, кардинал прямо заявил, что не приедет в Сен-Жермен,

поскольку не чувствует себя в безопасности в присутствии многочисленных гвардейских офицеров, замешанных в прошлые махинации Сен-Мара. Если его величество желает с ним переговорить, пусть проведет зиму в Париже, Сен-Море или Булонском лесу. В конце концов Тревиль сам предложил королю пожить какое-то время в Париже, но тот пока не согласился, не желая с ним расставаться. Ах так? Ришельё объявил всем иностранным послам, что не станет их принимать, пока не поправится, ибо таково желание короля, а к Людовику прислал Мазарини со своим прошением об отставке — впервые подписанном собственноручно (раньше не позволяла больная рука).

«Доведенный до столь крайнего положения, — писал в донесении от 25 ноября венецианец Джустиниани, — король предпочел благо своего королевства собственному удовлетворению и в конце концов решился удалить офицеров. Капитан мушкетеров де Тревиль получил выкуп за свою должность и пост губернатора Пон-Сент-Эспри помимо других, более щедрых вознаграждений. Прочие были отправлены в Пьемонт, а иные попросту уволены. Двор теперь очищен, и кардинал пребывает во всём блеске своего авторитета. Сегодня он должен увидеться с королем в Рюэ, после чего господин кардинал вернется в Париж, чтобы дать аудиенцию посланникам государей, поскольку от заговора не осталось и следа».

Кардинал добился своего, однако его отношения с королем в корне изменились: из них исчезли человечность и доброта. Людовик отныне ограничивался краткими деловыми записками по текущим вопросам, без былых уверений в своей привязанности и добрых пожеланий. Ришельё теперь — только главный министр, а не наперсник.

Торжествовать ему оставалось недолго. 29 ноября кардинал почувствовал резкую боль в боку и 1 декабря слег с плевритом. Медицина признала свое бессилие. На следующий день Ришельё еще нашел в себе силы принять Мазарини, Шавиньи и Нуайе, чтобы обсудить с ними текущие дела. 4-го числа наступило внезапное улучшение, и приближенные кардинала обрадовались, считая, что опасность миновала, однако он знал, что умирает. Внеся кое-какие изменения в свое завещание, он причастился и соборовался. Когда исповедовавший его кюре церкви Сент-Эсташ попросил его простить своих врагов, Ришельё ответил, что у него не было иных врагов, кроме врагов государства. Он тихо скончался 4 декабря; его набальзамированное тело было выставлено на несколько дней для прощания, а затем захоронено в часовне Сорбонны, построенной благодаря кардиналу, который покровительствовал старейшему французскому университету.

За время его болезни король, проведший три дня в Париже, дважды навестил умирающего. Они говорили о делах; для верности Ришельё изложил в письменном виде основные направления своей политики, ее побудительные причины и цели; он умолял короля непременно завершить начатое и вручал под его покровительство своих родных, уверяя, что они будут верно ему служить. Во время второй встречи король пообещал следовать рекомендациям кардинала и даже собственноручно поднес ему два яичных желтка, которые тот проглотил. Валентин Конрар, стоявший вместе с Ришельё у истоков Французской академии, в рассказе о последних днях жизни кардинала отмечает, что тот говорил отеческим тоном, а по щекам короля текли слезы. Монтрезор же и Тальман де Рео утверждают, что, выйдя из комнаты умирающего, Людовик прошелся по галерее дворца, разглядывая картины, и при этом несколько раз рассмеялся. Некоторые исследователи видят в этом противоречие, подозревая кого-то из рассказчиков в попытке выдать желаемое за действительное, но нам кажется, что никакого противоречия нет: нервы короля были сильно расшатаны недавними событиями, вполне возможно, что с ним просто случилась истерика. Кстати, Ришельё подарил ему свой дворец, который отныне стал называться не Пале-Кардиналь, а Пале-Рояль.

**Фронтиспис трактата Ришельё «О совершенстве христианина»,
написанного в 1639 году. Гравюра К. Меллана. 1647 г.**

«Король вел себя так достойно во время болезни и смерти господина кардинала, что все им восхищаются, — писал Конрар своему брату. — Вчера вечером (5 декабря 1642 года. — Е. Г.) он вернулся в Сен-Жермен, но еще перед отъездом сказал, что некоторые люди думают, будто выиграли дело, так пусть знают, что правила останутся неизменными и действовать будут с еще большей силой, если это возможно, чем при жизни господина кардинала». Людовик XIII ввел в Совет Мазарини, поскольку тот «лучше любого другого знаком с планами и правилами одного кардинала», и

утвердил Шавиньи и Нуайе на их министерских постах. «Я расположен к миру, но хочу, чтобы он был почетным и длительным», — заявил он иностранным послам. Тогда же он велел парламенту подтвердить свою декларацию, которой Гастон Орлеанский объявлялся неспособным исполнять любые административные должности, а также быть регентом.

«Король приказал, чтобы канцлер и сюринтендант финансов раз в неделю приезжали с докладом к нему в Сен-Жермен и чтобы Королевский совет собирался по меньшей мере трижды в неделю. Он являет желание руководить и заправлять делами, но неизвестно, насколько хватит его упорства, поскольку он естественным образом не предрасположен к тому, чтобы нести сие бремя», — писал 9 декабря венецианский посол Джустиниани. Началось возвышение кардинала Мазарини, пользовавшегося уважением и доверием короля. Впрочем, сейчас Людовик XIII был его единственной опорой: Мазарини завидовали вельможи, в особенности принцы крови, не включенные в Совет, и он не пользовался популярностью в народе из-за иностранного происхождения. Ловкий царедворец, воспитанный в Риме, Мазарини первым делом поспособствовал возвращению ко двору Тревиля, который уже в первых числах января 1643 года вновь возглавил роту королевских мушкетеров. Однако король решительно возражал против возвращения изгнанников, в частности Вандомов, опасаясь новых беспорядков, и даже отдал приказ задерживать их на границе и не пускать во Францию.

Страсти улеглись, к Людовику вернулись душевное равновесие и физические силы, даже бессонница больше не мучила его. Он наконец-то познал простые радости семейной жизни, проводя гораздо больше времени с женой и подрастающими сыновьями.

Тринадцатого января в Сен-Жермен неожиданно приехал Гастон, чтобы просить брата отменить декларацию от 1 декабря. Всем было крайне любопытно узнать, чем закончится эта встреча; Месье с трудом продирался сквозь толпу придворных, чтобы попасть в кабинет короля. Он опустился на одно колено перед братом, который тотчас поднял его, хотя прежде было условлено, что Гастон встанет лишь после троекратной просьбы короля. «Брат, — сказал ему Людовик, — я уже в шестой раз вас прощаю и прошу больше не повторять прошлых ошибок и держать ваши обещания, советуясь только со мной. Я решил верить только делам, а не словам. Я принимаю вас — не как ваш король, но как ваш отец, ваш брат и добрый друг». После этого он взял Гастона за руку и отвел в покои королевы, где все трое еще беседовали какое-то время. В тот же день вечером, когда Людовик уже лег в постель, Гастон снова встал перед ним на одно колено и

сказал, что, получив удовлетворение своей просьбы при всех, теперь хочет просить прощения наедине. Старший брат поднялся и обнял его. Весь двор бурно приветствовал их примирение.

Однако, видно, герцогу Орлеанскому было на роду написано находиться в центре всяческих придворных интриг: теперь на него делали ставку Мазарини и Шавиньи, опасавшиеся чрезмерного возвышения Сюбле де Нуайе. По словам Тальмана де Рео, король не открывал заседания Совета, пока не придет Нуайе: «Нет-нет, подождем старичка» (ему было 54 года). Помимо своих государственных заслуг, Нуайе снискал благорасположение короля тем, что научил его делать оконные рамы. Он, со своей стороны, опирался на канцлера Сегье и отца Сирмона.

После прощения Месье началось возвращение изгнанников, а также освобождение узников Бастилии. 19 января оттуда вышли Бассомпьер и Витри. Первый за время заключения написал мемуары (они будут изданы в Кёльне в 1665 году). Рассказывают, что Людовик спросил Бассомпьера, сколько ему лет, и тот ответил, что пятьдесят. «Странно, я думал, вам больше. — Те десять лет, что я не мог служить вашему величеству, я не считаю», — ответил маршал. На самом деле ему было почти 64 года, он провел в заточении 12 лет, но, имея деньги, в Бастилии можно было устроиться вполне комфортно, так что Бассомпьер даже раздался в талии. Ему вернули все прежние должности, но при дворе он чувствовал себя чужим и никак не мог приспособиться к новым условиям. Впрочем, он не растерял куртуазности и был по достоинству оценен окружением Анны Австрийской. «То, что осталось от маршала, стоит много больше, чем ложный блеск новых придворных», — писала ее камеристка госпожа де Мотвиль. Бассомпьер умер в 1646 году от апоплексического удара.

Вместе с тем бережливый Людовик пересмотрел список выплачиваемых пенсий и одни отменил, а другие урезал. Среди последних были пенсии в более чем 100 тысяч ливров в год, выплачиваемые главному сюринтенданту навигации и торговли и генерал-фельдцейхмейстеру (эти должности занимали племянники покойного кардинала). Кстати, 20 января Людовик не присутствовал на панихиде по кардиналу в соборе Парижской Богоматери, оставшись в Сен-Жермене.

Он еще несколько раз ездил охотиться в Версаль, причем 10 февраля пригласил туда на ужин Мазарини — неслыханная честь. В последующие дни его гостями стали Гастон, епископ Меца, маршал Шомберг и еще шесть вельмож. Но 21 февраля король вернулся в Сен-Жермен и слег: у него началась та же болезнь, что и в Перпиньяне, — дизентерия с очень высокой температурой.

Десятого марта королю стало лучше, и он даже намеревался, когда окончательно поправится, выехать к армии в Пикардию (зимой он уделял много времени своей армии, распределяя войска и назначая командиров). Однако улучшение продлилось недолго, и неделю спустя Людовик большую часть времени проводил в постели, крайне подавленный и удрученный. От лечения, которое ему назначали, его выворачивало наизнанку: тогдашняя медицина знала только кровопускание, рвотное и слабительное. Но к концу месяца болезнь вновь слегка отступила; король, едва державшийся на ногах, велел перенести себя из старого замка в новый, где легче дышится, намереваясь уехать в Версаль при первой возможности. Он пил минеральные воды и чувствовал от них облегчение. Когда врачи стали резко возражать против отъезда, уверяя, что король его не переживет, тот поругался со своим лейб-медиком Буваром, заявив, что он невежда и сам загоняет его в гроб своими снадобьями. В данном случае он был прав...

Третьего апреля Людовик поднялся и захотел пройтись по галерее. Его поддерживали под руки с двух сторон, а камер-лакей Дюбуа нес за ним стул, чтобы король мог присесть, когда устанет. Это оказалась его последняя прогулка. Позже король, даже если иногда вставал с постели, уже не просил себя одеть. Если ему надоедало лежать в кровати, он переходил на «римское» кресло, где можно было вытянуться во весь рост. Несмотря на то что на улице было прохладно, он просил раскрыть окна в кабинете королевы, откуда открывался красивый вид на аббатство Сен-Дени — усыпальницу французских королей. Вот куда он стремился. «Я просил Бога этой ночью располагать мной, если такова Его воля; я умолял Его божественное величество укоротить мою болезнь», — сказал он врачам 19 апреля.

Несмотря на слабость и плохое самочувствие, он оставался королем и занимался государственными делами. Именно в середине апреля произошла опала Нуайе. Военный министр вызвал неудовольствие короля сначала тем, что настаивал на введении в Совет маршала Ламейре, которого Людовик теперь почему-то невзлюбил, хотя именно он взял Перпиньян. Тогда Нуайе, не спросив короля, усилил армию Ламейре десятью гвардейскими ротами. Но не это было самое страшное: «старичок» вместе с канцлером проводил тайные совещания у иезуитов о том, как сделать регентшей королеву и побудить короля составить завещание.

Людовик никому не позволял решать за него, да еще и за его спиной. 10 апреля, в Страстную пятницу, он вызвал к себе Нуайе и поговорил с ним на повышенных тонах. Тот попросил разрешения удалиться от дел и

получил его. В час пополуночи Нуайе доставили приказ короля покинуть двор, сохранив, однако, за собой должности смотрителя королевских строений и королевской типографии. Разжалованный министр удалился в свое нормандское поместье Дангю, где умер два года спустя; его услуги больше не были востребованы. На посту военного министра его сменил Мишель Летелье (1603–1685), который, вместе со своим сыном Лувуа (министром Людовика XIV), завершит реформу армии, начатую Нуайе.

Людовик чувствовал, что надо торопиться, чтобы успеть уладить все земные дела. В воскресенье 19 апреля он распорядился, чтобы на завтра к двум часам пополудни в его комнате собрались королева, сыновья, принцы крови, герцоги и пэры, министры и главные королевские чиновники. По вечерам секретарь Люка или один из врачей, Шико, читал ему вслух «Жития святых», преимущественно пассажи о смерти. Чтение «Благочестивой жизни Франсуа де Саля» затянулось до полуночи.

Утром, обтирая его влажной салфеткой после очередного приступа болезни, Дюбуа слишком высоко поднял одеяло, и Людовик увидел свое тело — кожа да кости. «О Боже! Какой же я худой!» — воскликнул он. По понедельникам в его комнате всегда служили особую обедню: его величество сам написал текст службы, моля у Господа даровать ему милость «умереть хорошо», и знал его наизусть. После обедни к нему пришли.

Король велел откинуть полог кровати и, сказав несколько слов жене, брату и принцу Конде, обратился с речью ко всем присутствующим. Затем статс-секретарь де Лаврийер, обливаясь слезами, зачитал королевскую декларацию: Анна Австрийская станет регентшей, а Месье — генеральным наместником при малолетнем короле. Главой Совета назначается кардинал Мазарини; канцлер Сегье, сюринтендант финансов Бутилье и статс-секретарь Шавиньи будут министрами и членами Совета. В отсутствие Месье председательствовать в Совете будет принц Конде или Мазарини. После этого в комнату пригласили членов парламента, которых король просил зарегистрировать этот документ.

Гастон даже не надеялся на такой исход, Конде тоже остался доволен. Анна Австрийская поставила свою подпись, однако годы, проведенные в Лувре, не прошли для нее даром: накануне она заверила у нотариуса свой протест против обязательства, «вырванного у нее под принуждением».

Король также высказал пожелание, чтобы изгнанные из страны вернулись как можно скорее — но не все. «Памятуя о дурном поведении герцогини де Шеврез и о том, что она до сих пор сеяла смуту в нашем королевстве, о сношениях ее с нашими врагами за пределами страны,

повелеваем запретить ей, как мы запрещали, въезд в нашу страну во время войны и желаем, чтобы даже после заключения мира она могла вернуться лишь по распоряжению королевы-регентши, с ведома Совета и с тем условием, чтобы не проживать вблизи от двора или королевы». Зато Клоду де Сен-Симону позволили находиться при дворе, и он был рядом со своим господином в его последние дни.

На следующий день, 21 апреля 1643 года, состоялось другое важное событие: дофин наконец-то был крещен. Папа римский, приглашенный в крестные, слишком долго тянул с ответом, а далее откладывать церемонию было уже нельзя. Совершил обряд епископ Мо, крестными стали принцесса Конде и кардинал Мазарини — небывалая честь, о которой не мечтал даже Ришельё. Церемония прошла просто и скромно в часовне при замке Сен-Жермен. Людовик сам не мог на ней присутствовать и послал Дюбуа, ожидая от него подробного рассказа. Вскоре к нему пришли королева, кардинал и виновник торжества. По легенде, король спросил четырехлетнего сына: «Как же вас теперь зовут?» — «Людовик XIV, папа». — «Еще нет, сынок, еще нет, но, наверное, уже скоро, если на то будет Божья воля». Но, скорее всего, этот диалог — придворная выдумка.

Наутро королю стало совсем худо, и по Парижу пробежал слух, что он скончался. Принц Конде сообщил об этом больному, вероятно, желая развеселить или подбодрить (трудно найти иное объяснение). Людовик публично причастился; плачущая королева встала перед ним на колени, потом поднялась и привела к нему детей; тот их благословил. На вопрос, умрет ли он нынче ночью, врач Бувар ответил отрицательно. Тогда Людовик вызвал к себе маршалов Лафорса и Шатильона и призвал их перейти в истинную веру — вернуться в лоно католической церкви. После этого он пригласил к себе единокровную сестру герцогиню д'Эльбёф.

Людовик хотел умереть как христианин, простив своих врагов. Однако гражданский мир в стране был еще слишком хрупок. 23 апреля, опасаясь Вандомов, вернувшихся ко двору, маршал Ламейре вызвал к себе конную охрану. Гастон увидел в этом происки Конде и тут же усилил собственную гвардию. Конде ответил симметрично, чем перепугал уже королеву, которая удвоила охрану своих сыновей, опасаясь их похищения. Это были предвестники Фронды...

В тот же день король принял соборование для больных. При этой церемонии присутствовало столько людей, что стало нечем дышать; несчастный умирающий простонал: «Господа, дайте же мне жизни!» Комната быстро опустела... 24-го числа он отказался принять настойку из ревеня — какой смысл лечить слабительным дизентерию? После того как

король выиграл сражение против своих врачей, его состояние несколько улучшилось.

После обеда он попросил певца Пьера де Ниера принести лютню и вместе с ним и Камбефором спел несколько псалмов Давида: у Камбефора был тенор, у Ниера — баритон, а сам Людовик вел партию баса. Вошедшая во время этого импровизированного концерта королева чрезвычайно обрадовалась. Все наперебой спешили сказать королю, что он идет на поправку, на что тот отвечал: «Если бы Господу было угодно вернуть меня на этот свет, он даровал бы мир всей Европе».

В мае ему снова стало хуже. И хотя король еще смог принять нового военного министра Мишеля Летелье, он всё чаще повторял слова Иова: «Опротивела мне жизнь, не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои суета...» Он уже торопил свою смерть.

Но оставалось уладить еще одно важное дело. 6 мая Людовик подписал официальный документ о признании брака герцога Орлеанского.

Король теперь совсем не вставал с постели; в матрасе, на котором он лежал, сделали углубление для тазика: он ходил под себя. Тазик источал такое зловоние, что, когда приходила Анна, Людовик просил ее сесть подальше. У него был сильный жар, и он всё время просил открыть окно. Он почти ничего не ел: его рвало. 9 мая он вдруг так крепко уснул около девяти вечера, что врачи... решили его разбудить, вызвав для этой цели духовника отца Дине. Больной открыл глаза и накинулся на Бувара. Отец Дине стал уговаривать его простить неразумных, на что Людовик ответил: «Прощаю от всей души, отец мой, но мне нужно было облегчить сердце».

«Какая ужасная вещь и какой яркий пример ничтожества человеческого — видеть величайшего и могущественнейшего короля христианского мира, превратившегося в труп еще прежде смерти, в падаль, во вместилище червей», — с болью писал Джустиниани. 12 мая больной исторг из себя вместе с жидким стулом живого червя, а второй наутро вышел через рот...

В воскресенье 10 мая около четырех часов пополудни к Людовику подвели детей. Он спал с раскрытым ртом, из-под полусомкнутых век были видны белки закатившихся глаз. Дюбуа указал им на отца и велел запомнить эту картину на всю жизнь. Слуга, состоявший при дофине, спросил его: «Сударь, хотите вы быть королем?» — «Нет!» — «А если ваш папенька умрет?» — «Если папа умрет, я брошусь в ров!» — со слезами выкрикнул малыш...

Около шести вечера король проснулся, будто от толчка. Рядом с его кроватью стоял принц Конде. «Мне снилось, что ваш сын герцог

Энгиенский схватился с врагом, бой упорный, победа долгое время переходит от одних к другим, но после жестокого боя она осталась за нами, мы победили». Людовик еще не совсем отрешился от земных дел и не мог не думать о происходящем на полях сражений. Но Конде понял его превратно: наклонившись к отцу Дине, он сказал, что король, похоже, заговаривается.

Ночью его стали мучить сухой кашель и боль в боку. Во вторник он отказался выпить бульон, о чем его на коленях умолял слуга: «Друзья мои, всё кончено, надо умирать». Епископ Мо причастил умирающего; королева пробыла рядом с ним до трех часов ночи, а его племянник герцог де Бофор и господин де Сувре спали рядом, положив матрасы прямо на пол. Следующий день был посвящен беседам со священниками. Вечером король вдруг вспомнил про Вотье — врача королевы-матери, долгое время проведенного в Бастилии. Где он? «Сир, он не смеет показаться вам на глаза, боится, что ваше величество на него гневается». Людовик велел его привести, подал ему руку и поговорил с ним. Теперь, кажется, всё...

За окном занимался рассвет 14 мая 1643 года — праздник Вознесения Господня. Именно в этот день 33 года тому назад началось царствование Людовика XIII. Врачи единодушно решили, что до завтра он не доживет. Людовик воскликнул: «Слава богу!.. Пора прощаться». Спальня наполнилась принцами, вельможами, чиновниками. Таков удел королей: они появляются на свет и умирают прилюдно... Все молились и плакали. Без четверти три король испустил дух...

Его тело три дня было выставлено в спальне нового замка, а потом его без всякой торжественности положили в свинцовый гроб и отвезли в Сен-Дени. Людовик XIII отдал строжайший приказ, чтобы его похороны были как можно скромнее; он подсчитал, что так удастся сэкономить три миллиона ливров.

Погребение состоялось 19 мая. В этот день 21-летний герцог Энгиенский одержал яркую победу при Рокруа в долине Уазы над войсками дона Франсиско де Мело. (Он узнал о смерти короля двумя днями раньше, но скрыл эту новость от армии.) Сон Людовика оказался вещим: сражение было жарким; испанская артиллерия стреляла по французам картечью, но Энгиен использовал разработанную еще Густавом Адольфом тактику легкой кавалерии — атаку галопом. Испанская пехота, до тех пор считавшаяся непобедимой, была полностью разгромлена, только коннице удалось спастись. Душа Людовика могла быть спокойна: Франция торжествует...

ЭПИЛОГ

Тридцатилетняя война закончилась только в октябре 1648 года заключением Вестфальского мира. В Испании начался период упадка, а Франция вышла победительницей. Однако уже с августа ее сотрясали волнения Фронды: начавшись с противостояния между двором и Парижским парламентом, она осложнилась заговорами вельмож, направленными против Мазарини, и гражданской войной. Принц Конде выступил против юного короля и его матери с оружием в руках и одержал несколько побед, пока 2 июля 1652 года его не разбил Тюренн; Шавиньи принял сторону принца и на себе испытал все прелести Бастилии.

Душой новой смуты опять была герцогиня де Шеврез; не менее бурную деятельность развила Великая Мадемуазель — дочь Месье, Гастона Орлеанского. (После воцарения Людовика XIV во Франции оказалось два Месье: брат покойного Людовика XIII и его крестник, нареченный Филиппом. Гастон Орлеанский стал называться Великим Месье, а его дочь — Великой Мадемуазель.) Ее отец же политикой больше не занимался, жил у себя в Блуа, где и скончался 2 февраля 1660 года.

Крестной матерью принца Филиппа стала его тетка Генриетта Мария. В июле 1643 года королева, за голову которой английский парламент назначил награду в 50 тысяч экю, чудом вырвалась из рук заговорщиков вместе с новорожденной дочерью Генриеттой Анной и трехлетним Генрихом и прибыла в Париж. Филипп Орлеанский был крещен 11 мая 1648 года в часовне при Пале-Рояле, а 9 февраля 1649-го голова Карла I легла на плаху. Его сыновьям Карлу и Якову удалось бежать во Францию (их сестра Елизавета умерла в тюрьме в 1650 году), однако Мазарини заставил их уехать, поскольку хотел заключить союз с Англией против Испании. В 1661 году Филипп женился на своей кузине Генриетте Анне.

А 9 июня 1660 года его брат Людовик XIV Богоданный сочетался браком с другой кузиной — испанской инфантой Марией Терезией, которую бабка Мария Медичи когда-то прочила в жены старшему сыну английского короля. Мать инфанты, сестра Людовика XIII Елизавета, твердила ей с раннего детства: «Чтобы быть счастливой, надо быть королевой Франции». Смерть любимого брата стала для Елизаветы тяжелым ударом, но она до самой своей кончины переписывалась с невесткой Анной Австрийской в надежде устроить брак их детей. Родившись на год позже Людовика, она и скончалась через год после него

— 6 октября 1644-го, вероятно, от дифтерита, так и не оправившись после девяти родов (после трех выкидышей разрешившись от бремени мертворожденным ребенком). Из ее детей выжили только двое, но семнадцатилетний Балтазар Карлос умер от аппендицита через два года после матери, а Марии Терезии было всего пять, когда она осиротела. Анна Австрийская не без труда довела их с золовкой проект до конца и, в отличие от Марии Медичи, проявила себя смирной и покладистой свекровью, например, сразу освободила покои, как только ее невестка появилась в Лувре. Она скончалась 20 января 1666 года, через пять лет после Мазарини, который был ее морганатическим мужем, и через три года после другой золовки, Кристины Французской, мирно почившей в Турине.

В мае 1660 года Карл II Стюарт вернул себе трон отца. Генриетта Мария поехала с ним в Лондон и присутствовала на его свадьбе с богатой католической принцессой Екатериной Португальской. Но климат Англии был ей вреден, и она вернулась во Францию, в основанный ею монастырь Визитации в Шайо под Парижем. После ее смерти в 1669 году ее сердце осталось в этом монастыре, а тело по приказу ее племянника похоронили в Сен-Дени.

Людовик Великий, прозванный также «король-солнце», правил Францией 72 года и 100 дней, пережил не только своих детей, но и внуков, завещав трон правнуку Людовику XV в 1715 году. В детстве он дважды чудесным образом избежал смерти: в пять лет чуть не утонул в одном из прудов Пале-Рояля, а в десять едва не умер от оспы. Его образованием занимался кардинал Мазарини, а наставником в освоении военного дела был маршал Тюренн. Наибольшие способности юный король проявил к живописи, архитектуре, музыке и танцам, интересовался также наукой и литературой. Он сильно отличался от отца: имел множество любовниц, любил произносить исторические фразы, а после смерти Мазарини в 1661 году отменил должность главного министра, заявив, что будет править сам. На месте простого охотничьего домика в Версале вырос огромный королевский дворец с каскадом прудов и фонтанов, ради строительства которого король удвоил налоги, введенные еще при Ришельё. В стране насаждался принцип «один король, один язык, одна вера»: гугенотов обращали в католичество при помощи жестоких «драгонад» (на постой к протестантам ставили драгун, которые всячески издевались над хозяевами, их женами и детьми). Войны велись одна за другой, и хотя Франция существенно расширила свои границы, присоединив Эльзас, Франш-Конте, Савойю, и посадила на испанский трон Бурбона, конец долгого царствования был омрачен военными неудачами, неурожаем, голодом и

разорением. Траурный кортеж Людовика Великого даже освистали по дороге в Сен-Дени, тогда как кончина его отца повергла всю страну в глубокую скорбь.

Прах Людовика XIII потревожили во время Великой французской революции: всех «тиранов» было решено выбросить из Сен-Дени. Тела Генриха IV и обеих его жен были эксгумированы 13 октября 1793 года; мумия короля настолько хорошо сохранилась, что ее несколько дней демонстрировали, поставив у ворот Сен-Дени. 14 октября из могил извлекли Людовика XIII, Анну Австрийскую, Генриетту Французскую, Людовика XIV и Марию Терезию; все останки потом сбросили в общую яму, пересыпав известью; надгробия были уничтожены. Над могилой Ришельё в Сорбонне надругались 5 декабря. Статую Людовика Справедливого расплавили, чтобы отлить пушки; памятники его отцу и сыну тоже были снесены и разбиты. Но после реставрации Бурбонов Жан Пьер Корто изваял в 1821 году новую конную статую из белого мрамора по образцу Шарля Дюпати. Ее поставили на прежнем месте — на Королевской площади (ныне сквер Людовика XIII на площади Вогезов) — в 1825 году, обнеся чугунной решеткой. Людовик изображен в виде римского императора, в панцире под мантией, с мечом у левого бедра, увенчанный лавровым венком. Для большей устойчивости под брюхо коня подставлено «полено».

Мемуары современников Людовика Справедливого были опубликованы при жизни его сына. Первое подробное жизнеописание этого монарха вышло в свет еще до революции, в нем Людовик XIII предстает «великим и могущественным». Однако для поколения эпохи Реставрации «великим» был «король-солнце», сказавший: «Государство — это я». Его отцу не повезло: он умер, не пройдя своего пути до конца, успев лишь заложить основы будущего величия. Писатели-романтики, в частности Альфред де Виньи и Александр Дюма-отец, жившие в эпоху революций, когда королей свержали одного за другим, изобразили его безвольной марионеткой в руках всемогущего тирана Ришельё, хотя в действительности великий кардинал признавался, что ему было легче выиграть несколько сражений, чем отвоевать приемную королевского кабинета. Но де Виньи, автор романа «Сен-Мар, или Заговор времен Людовика XIII» (1826), утверждал, что «у музы есть своя истина, более прекрасная, чем правда». Современные французские историки задались целью восстановить достоверную картину событий той эпохи и показать читателю ее героев такими, какими они были на самом деле. По крайней мере, одно им удалось: в обществе возродился интерес к Людовику XIII и

его эпохе, о чем свидетельствуют многочисленные публикации и даже возвращение на сцену «Мерлезонского балета». Надеемся, что эта книга поможет читателю взглянуть на нашего героя другими глазами.

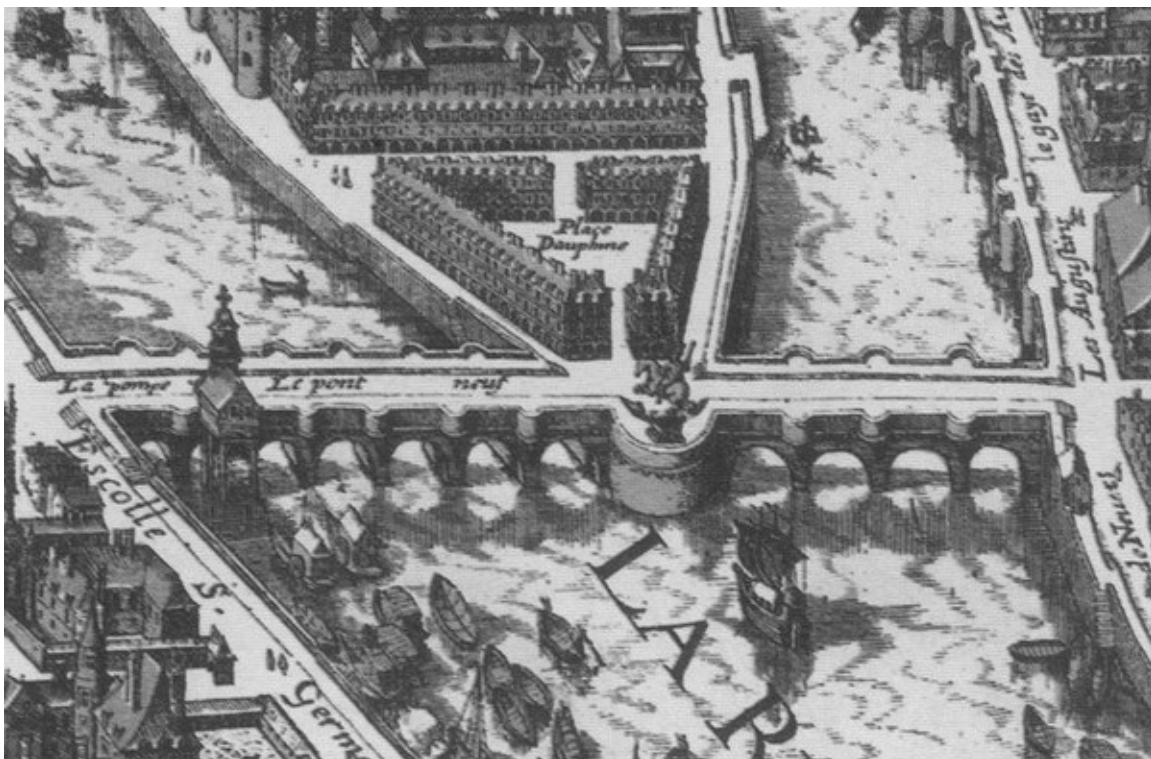
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Король Франции Генрих IV. Ф. Поурбус-мл. 1590 г. Фрагмент

Королева Мария Медичи. Ф. Поурбус-мл. 1606 или 1607 г. Фрагмент

В 1607 году Новый мост соединил берега Сены с островом Сите, на котором появилась площадь Дофин. Карта 1615 г.

В этой комнате дворца Фонтенбло появился на свет наследник французского престола

*Купель, в которой был крещен пятилетний дофин, получивший имя
Людовик*

Людовик в десять лет. Ф. Поурбус-мл. 1611 г.

*Принцесса Елизавета, будущая испанская королева. Ф. Поурбус-мл.
Между 1611 и 1615 гг.*

Принцесса Кристина Мария, будущая герцогиня Савойская. Ф. Поурбус-мл. 1612 г.

Гастон, герцог Орлеанский. Ф. Поурбус-мл. 1611 г.

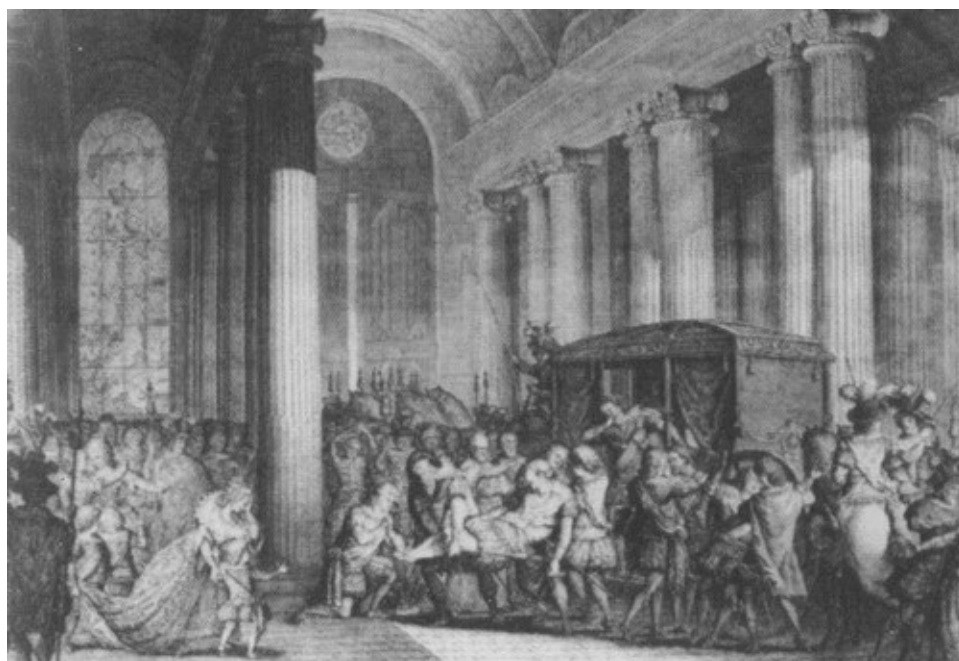
*Принцесса Генриетта Мария, будущая английская королева. Ф.
Поурбус-мл. 1611 г.*

*Королевская чета с Людовиком, Елизаветой, Кристиной и Гастоном.
Ф. Поурбус-мл. 1608 г.*

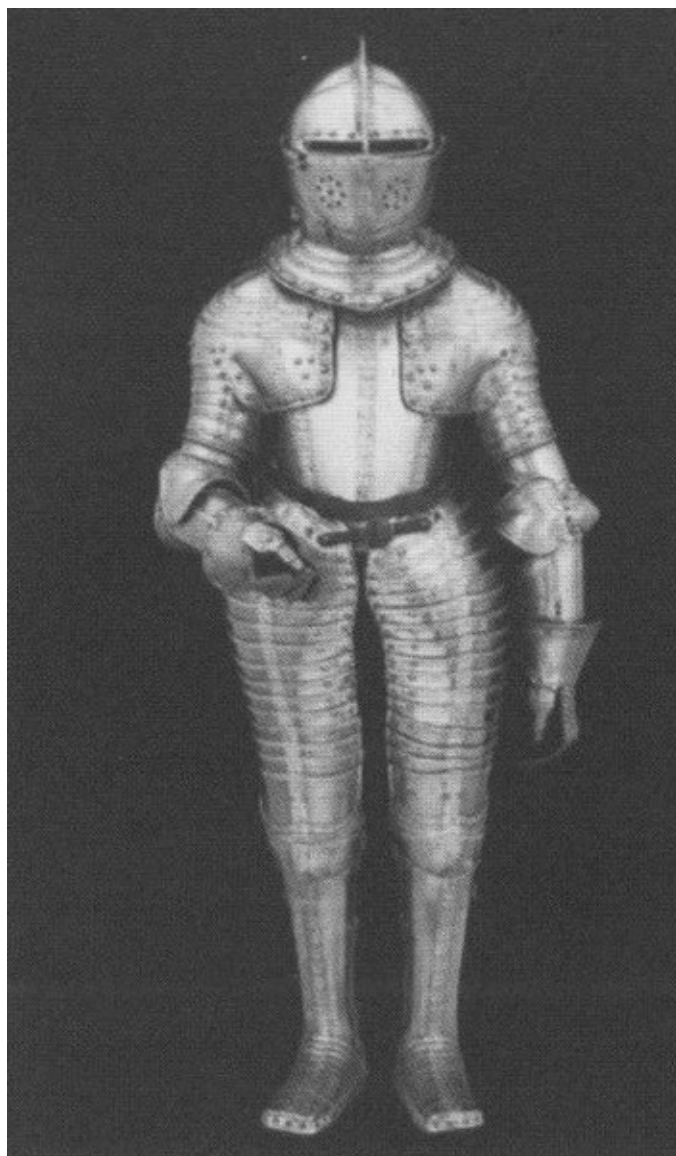
Убийство Генриха IV 14 мая 1610 года. Гравюра XVII в.

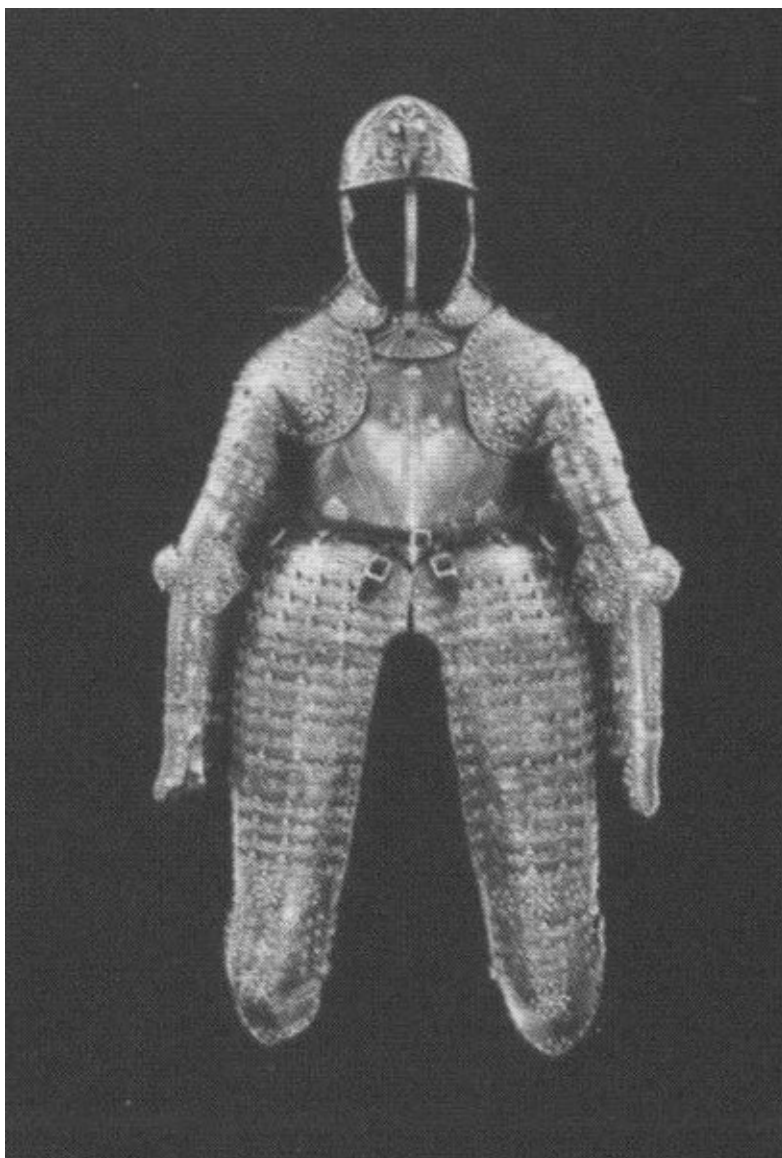
Короля привозят в Лувр. Слева — Мария Медичи и дофин. Гравюра XVII в.

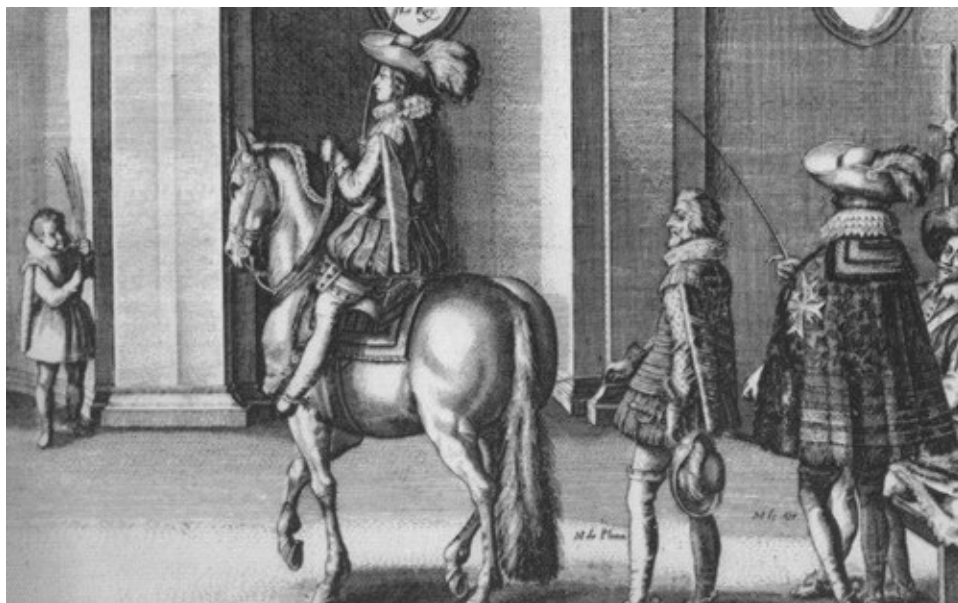
Коронация Людовика XIII в Реймсе. Гравюра Т. де Ле. 1610 г.

Детские доспехи Людовика. Высота 1 метр 34 сантиметра. 1610 г.

Доспехи короля для конного боя. Высота 1 метр 40 сантиметров. 1620–1630 гг.

Плювинель обучает юного Людовика верховой езде. Гравюра К. ван де Па-мл. из книги А. Плювинеля «Наставление королю в искусстве верховой езды». 1625 г.

«Обмен принцессами». Испанская принцесса Анна Австрийская, выданная замуж за Людовика XIII, и его сестра Елизавета, ставшая женой испанского инфанта, в окружении античных божеств. П. Рубенс. 1622–1625 гг.

Кончино Кончини и его жена Леонора Галигаи — самые влиятельные люди во Франции в 1610–1617 годах

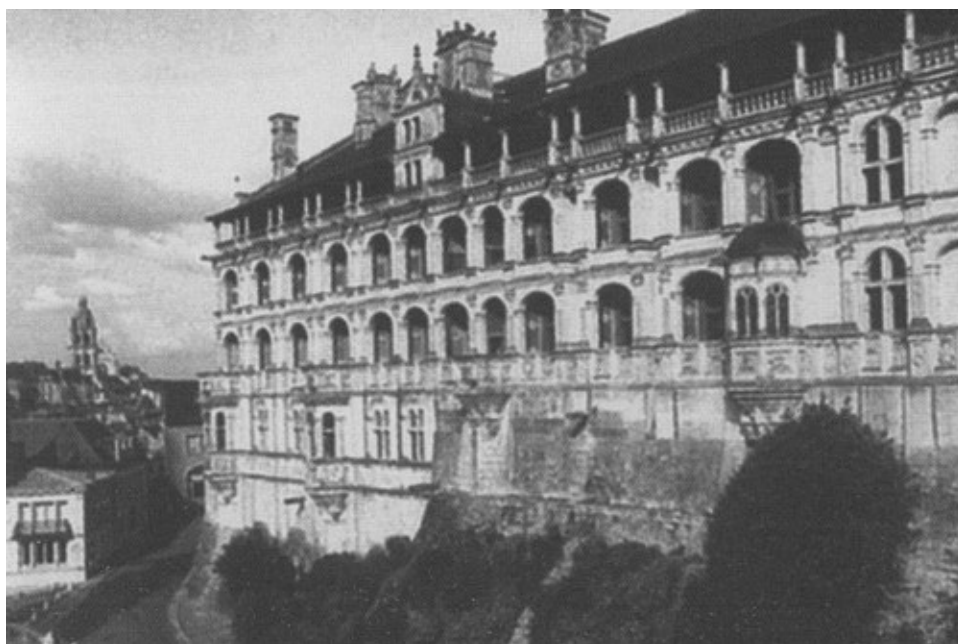
Убийство Кончини 24 апреля 1617 года. Гравюра А. Гогенберга. XVII в.

Фрейлина Мария де Роган, в первом браке герцогиня де Люинь, во втором — герцогиня де Шеврёз. XVII в.

Шарль д'Альбер, герцог де Люинь. Гравюра Б. Монкорнета. 1650 г.

*Королева-мать Мария Медичи бежала из окна замка Блуа 22 февраля
1619 года*

Герцог Гастон Орлеанский. А. ван Дейк. 1634 г.

Мария де Бурбон-Монпансье. XVII в.

Свадьба Гастона с Марией Монпансье 2 августа 1626 года. Гравюра И. Пикара. 1626 г.

Джордж Вильерс, герцог Бекингем. П. Ван Сомер. Не позднее 1622 г.

Королева Анна. П. Рубенс. 1625 г.

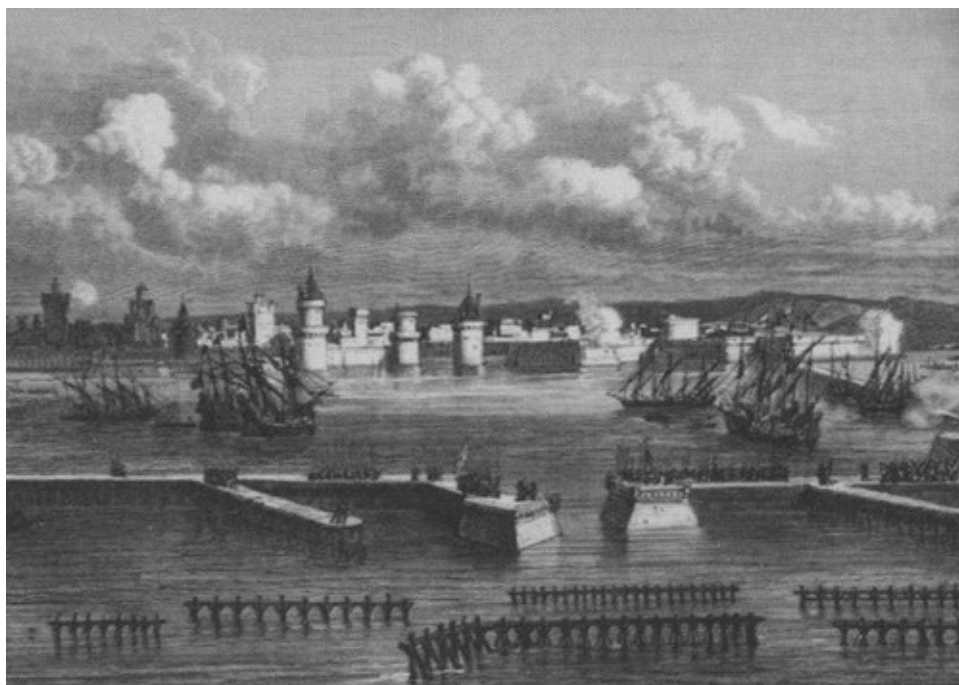
Амьен

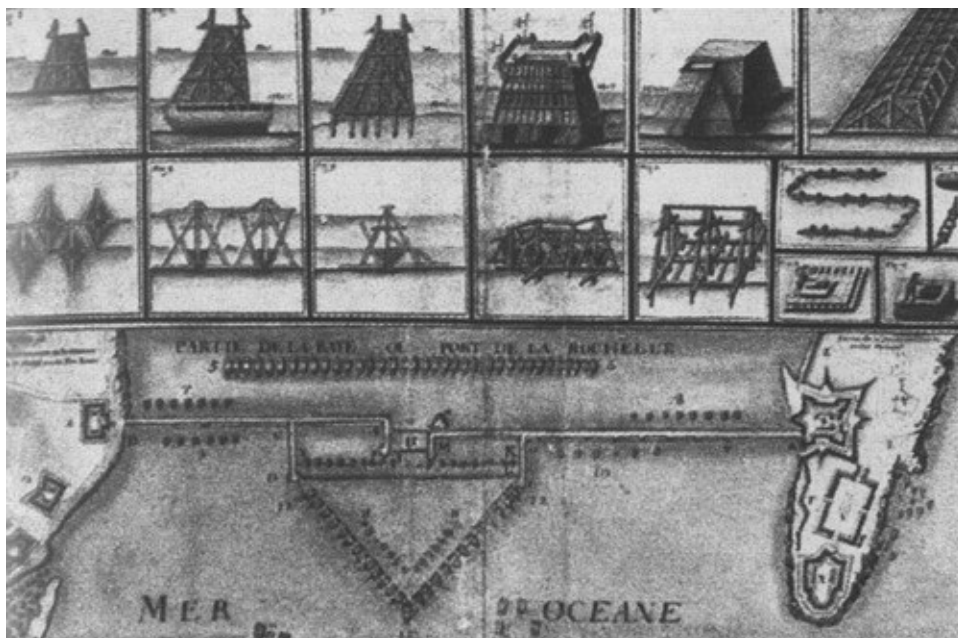
Людовик XIII, увенчанный победой. Ф. де Шампень. 1635 г.

*Людовик XIII проникает в полночь на остров Рие 16 апреля 1622 года.
Гравюра Э. Оккара. 1816 г.*

*Порт Ла-Рошели в начале XVII века. Гравюра Лара по оригиналу
Ториньи. Около 1850 г.*

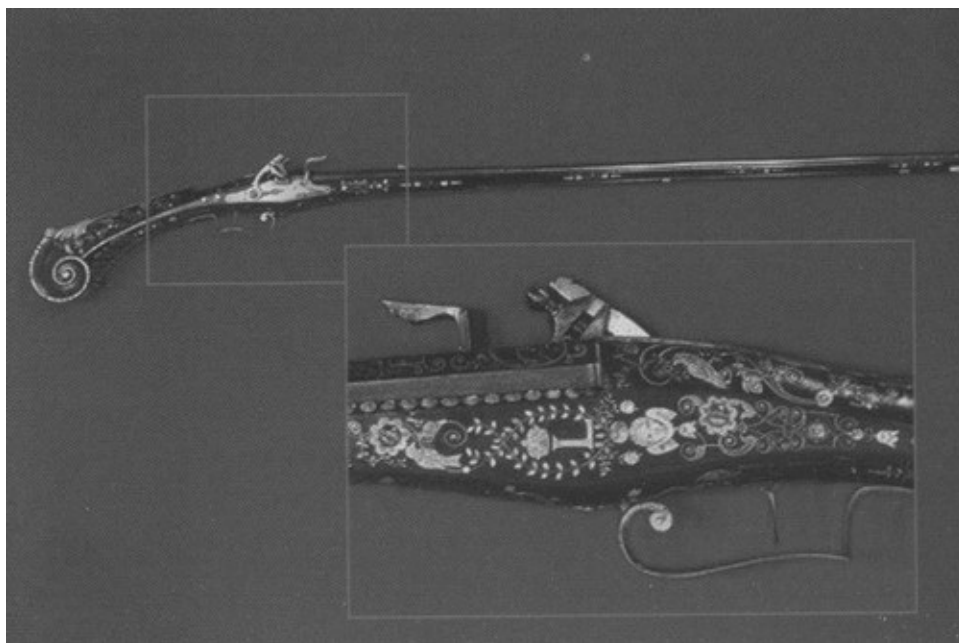
Дамба Метезо. Рисунок Ж. Н. Бурно. 1740 г.

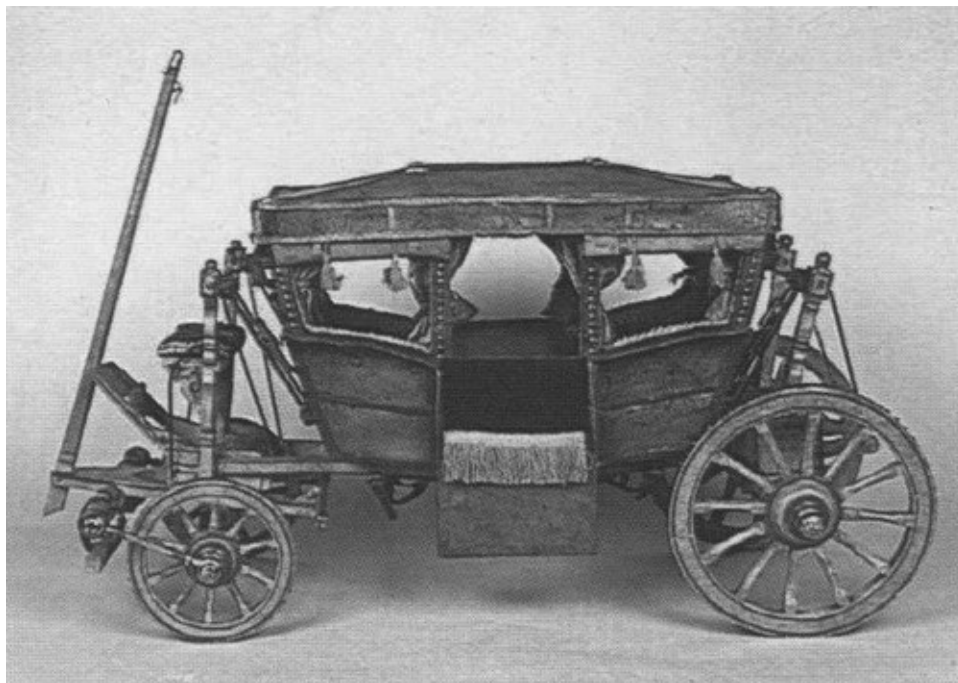
Триумф Людовика XIII над врагами религии. Ж. Стелла. 1642 г.

Король на охоте в Марли. 1625 г.

Охотничье ружье Людовика XIII

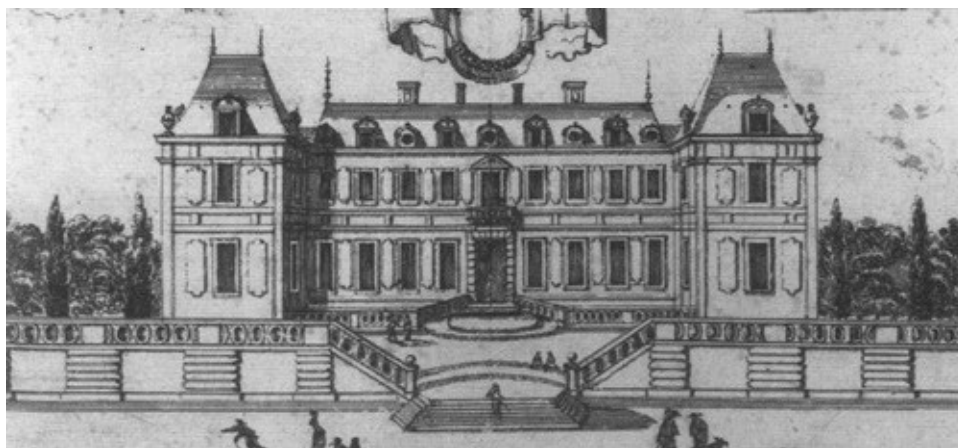

Карета Людовика XIII

Большая охота. Гравюра Ж. Каяло. 1619 г.

Вид Версальского замка со стороны сада. Гравюра И. Сильвестра. Около 1650 г.

Пир, данный королем новым рыцарям Ордена Святого Духа 14 мая 1633 года в Фонтенбло. Гравюра А. Босса. Первая половина XVII в.

Стиль Людовика XIII в интерьере. Гравюра А. Симонетона. Между 1893 и 1895 гг.

Замок Шантильи, где 15 марта 1635 года был впервые исполнен

Мерлезонский балет. Гравюра А. Переля. XVII в.

Эскизы костюмов к Мерлезонскому балету

Кардинал Ришельё за письменным столом. Ф. де Шампень. 1637 г.

Церковь Сорбонны, перестроенная по заказу Ришельё архитектором Ж. Лемерсье. Гравюра И. Сильвестра. 1649 г.

Бернар де Ногаре, герцог де Лавалетт. Гравюра из книги «Histoire du Règne de Louis XIV». 1744 г.

«Серый кардинал» отец Жозеф. Гравюра К. Меллана. 1638 г.

Аллегорическое изображение кардинала Лионского Альфонса Луи дю Плесси де Ришельё. К. Гуаран. Около 1638 г.

Дуэль на Королевской площади. Гравюра первой половины XVII века.

Венсенский замок в середине XVII века

Император Священной Римской империи Фердинанд II, Людовик XIII и Ришелье играют в карты. Карикатура 1635 г.

Золотая монета Людовика XIII — луидор. 1641 г.

Обет Людовика XIII. Ф. де Шампень. 1638 г.

*Дофин с кормилицей Марией Лонге де ла Жиродьер. Ш. и А. Бобрены.
1638 г.*

***Радость Франции. Аллегория на рождение будущего Людовика XIV. А.
Босс. 1638 г.***

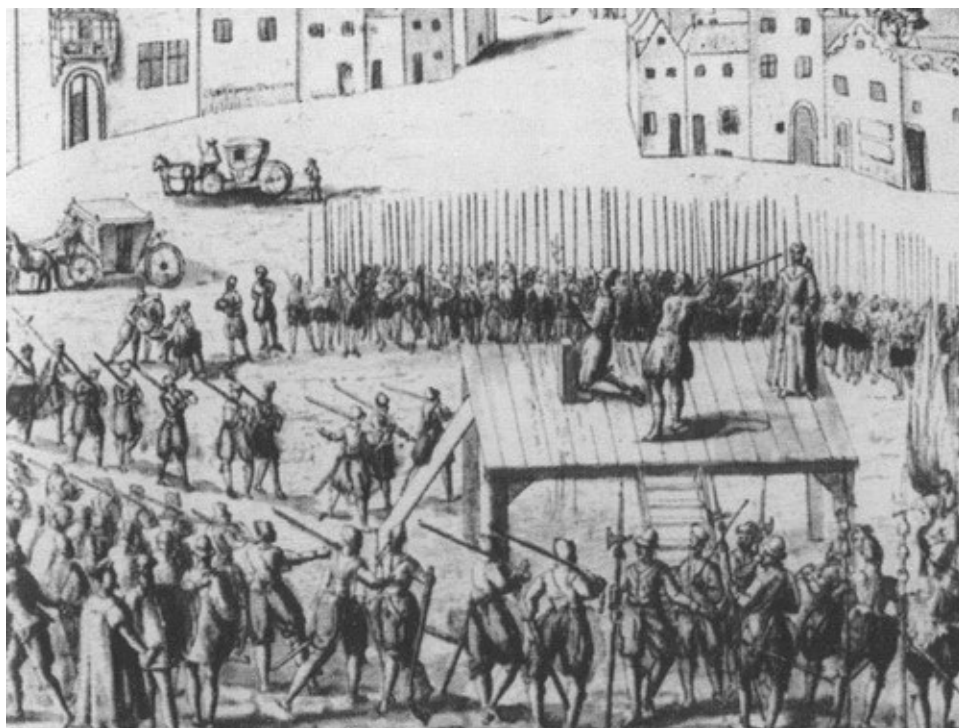

*Дофин Людовик с младшим братом, герцогом Филиппом Анжуйским.
III. Бобрин. 1640-е гг.*

Маркиз Анри де Сен-Мар и Франсуа Огюст де Ту — участники заговора против Ришельё

Казнь Сен-Мара и де Ту 12 сентября 1642 года

В алтарной части собора Парижской Богоматери находится Пьета,

изваянная по заказу Людовика XIII скульптором Н. Кусту, по сторонам от нее — статуи Людовика XIII и Людовика XIV

*Конная статуя Людовика XIII на площади Вогезов в Париже.
Скульптор Ж. П. Кормо. 1821 г.*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДОВИКА XIII

1601, 27 сентября — рождение в Фонтенбло сына короля Франции Генриха IV и его супруги Марии Медичи, наследника престола.

1602, 22 ноября — рождение сестры Елизаветы, будущей испанской королевы.

1606, 10 февраля — рождение сестры Кристины, будущей герцогини Савойской.

14 сентября — крещение дофина в соборе Парижской Богоматери с наречением Людовиком.

1607, 16 апреля — рождение брата, герцога Орлеанского.

1608, 25 апреля — появление на свет брата Гастона, герцога Анжуйского, будущего герцога Орлеанского.

1609, 25 ноября — рождение сестры Генриетты Марии, будущей английской королевы.

1610, 14 мая — убийство Генриха IV, провозглашение королем Людовика XIII.

Октябрь — коронация Людовика XIII в Реймсе.

1611, 17 ноября — младший брат Людовика умер ненареченным.

1614, 2 октября — празднование совершеннолетия.

27 октября — торжественное открытие Генеральных штатов.

1615, 23 февраля — закрытие Генеральных штатов. Речь епископа Люсонского де Ришельё.

10 сентября — королевская декларация против мятежных грандов, возглавляемых принцем Конде.

25 ноября — венчание с Анной Австрийской в Бордо.

1616, 1 сентября — арест принца Конде.

1617, 24 апреля — убийство Кончино Кончини. Отъезд Марии Медичи и Ришельё в Блуа.

1619, 25 января — «свершение брака» с Анной Австрийской.

21–22 февраля — бегство Марии Медичи из Блуа. Начало первой войны матери и сына.

5 сентября — примирение в Кузьере.

20 октября — освобождение принца Конде.

1620, январь — первый выкидыш у Анны Австрийской.

Июль — август — вторая война Марии Медичи с Людовиком XIII.
1621, 18 апреля — выступление Людовика в поход против гугенотов.
17 августа — начало осады Монтобана.
10 ноября — снятие осады.
15 декабря — смерть королевского фаворита Шарля д'Альбера де Люиня.

1622, 16 марта — второй выкидыш у Анны Австрийской. Начало охлаждения в отношениях венценосных супругов.
Апрель — октябрь — новый поход против гугенотов.
5 сентября — Ришельё становится кардиналом.
18 октября — заключение мира в Монпелье.
1624, 29 апреля — вхождение кардинала Ришельё в Королевский совет.
1625, март — фавор Франсуа де Баррада.
14 мая — приезд в Париж герцога Бекингема.
Август — ухаживания Бекингема за Анной Австрийской в Амьене.
29 сентября — заседание Королевского совета в Фонтенбло по «делу Вальтеллины».

1626, весна — заговор противников женитьбы Гастона Орлеанского.
19 августа — казнь Шале.
Декабрь — опала Баррада.
1627, 22 июня — казнь дуэлянтов Шапеля и Бутвиля.
10 сентября — осада Ла-Рошели.
Фавор Клода де Рувруа.
1628, 1 ноября — торжественный въезд Людовика и Ришельё в ЛаРошель.

1629, январь — передача в парламент «кодекса Мишо». Выступление в Италию.

6 марта — атака на крепость Суза.
11 марта — мирный договор с Савойей.
Апрель — июнь — осада протестантских городов.
27 июня — Эдикт о прощении.
21 ноября — назначение Ришельё главным министром.
1630, февраль — начало платонического романа с Мари де Отфор.
Апрель — у Анны Австрийской третий выкидыш.
Май — июль — завоевание Савойи.
22–30 сентября — смертельно опасная болезнь Людовика в Лионе.
11 ноября — День одураченных. Возвышение Ришельё и опала Мишеля де Марильяка.
1631, 23 января — франко-шведский договор в Бервальде. Франция

втянута в Тридцатилетнюю войну.

30 января — ссора Гастона и Ришельё. Начало войны Людовика с братом.

23 (февраля) — заключение Марии Медичи в Компьенский замок.

30 марта — королевская декларация против сторонников Гастона.

Апрель — четвертый выкидыш у Анны Австрийской.

30 мая — манифест Месье против Ришельё.

18 июля — Мария Медичи уезжает в Нидерланды.

5 сентября — Ришельё произведен в герцоги и пэры.

1631, 31 декабря — 1632, 6 января — встреча в Вике Людовика XIII и Карла Лотарингского и заключение договора.

1632, январь — бегство Гастона в Нидерланды после тайного брака с Маргаритой Лотарингской.

10 мая — казнь Луи де Марильяка.

Июль — вооруженный мятеж Гастона. Сражение при Кастельнодари.

30 октября — казнь герцога де Монморанси.

1633 — оккупация Лотарингии.

Июнь — лечение монаршей четы целебными водами в Форже. Основание курорта.

1634, 8 октября — побег Месье из Нидерландов.

21 октября — примирение братьев в Сен-Жермене.

1635, 8 февраля — договор о союзе с Соединенными провинциями.

15 марта — исполнение написанного Людовиком «Мерлезонского балета». Начало платонического романа с Луизой де Лафайет.

28 апреля — заключение договора со Швецией.

19 мая — объявление войны Испании.

1636, лето — осень — организация обороны Пикардии и Иль-де-Франс. Конец фавора Клода де Рувруа, герцога де Сен-Симона.

14 ноября — освобождение Корби.

1637, 8 февраля — подписание документов, положивших конец вражде между Людовиком и Гастоном.

19 мая — уход Луизы де Лафайет в монастырь.

Август — «дело об испанских письмах королевы».

5 декабря — зачатие наследника престола.

11 декабря — опала королевского духовника отца Коссена.

1638, 10 февраля — торжественный обет короля, передающего Францию под покровительство Богоматери.

5 сентября — рождение дофина.

1639, 29 июня — взятие Эдена. Людовик на крепостной стене

провозглашает Ламейре маршалом Франции.

Ноябрь — опала Мари де Отфор.

Начало фавора Сен-Мара.

1640, 31 марта — введение луидора.

9 августа — взятие Арраса.

21 сентября — рождение сына, герцога Анжуйского.

1641, 23 января — низложение Филиппа IV кортесами Каталонии;
провозглашение Людовика XIII графом Барселонским.

6 июля — битва при Ла-Марфе. Смерть графа де Суассона.

1642, начало года — заговор Сен-Мара.

Март — подписание тайного договора между Гастоном Орлеанским и королем Испании.

12 июня — арест Сен-Мара и де Ту.

3 июля — смерть Марии Медичи в Кельне.

9 сентября — взятие Перпиньяна.

12 сентября — казнь Сен-Мара и де Ту.

4 декабря — смерть Ришельё.

1643, 21 апреля — крещение дофина, нареченного Людовиком.

14 мая — смерть Людовика XIII в замке Сен-Жермен-ан-Лэ.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Бальи (*фр. bailli*) — в Северной Франции представитель короля, управлявший областью (бальяжем); имел административную, судебную (суд первой инстанции) и военную (сбор ополчения и командование им) власть. Назначался и отзывался королем и получал от него жалованье. В Южной Франции чиновников, выполнявших подобные функции, называли сенешалями. В Париже аналогичные обязанности исполнял парижский прево.

Великий приор Франции (*фр. Grand prieur de France*) — глава Великого Французского приорства ордена госпитальеров (иоаннитов). В интересующий нас период это звание носили Александр де Вандом (1598–1629), затем Гильом IV де Мо-Буабудран (?–1639) и Амадор де Ла-Порт (?–1644).

Главный прево (*фр. Grand prévôt*) — должностное лицо, в ведении которого находились Лувр и весь королевский «дом», включая военную свиту; судья первой инстанции в гражданских делах и судья последней инстанции в уголовных и полицейских делах, имевших отношение к королевскому двору.

Коннетабль (*фр. connétable de France*) — высшая военная государственная должность в средневековом Французском королевстве.

Маршал Франции (*фр. maréchal de France*) — высший офицерский чин, присваиваемый по выбору короля военачальнику, одержавшему победу над неприятелем. Людовиком XIII в маршалы Франции были произведены 32 полководца.

Купеческий старшина (*фр. prévôt des marchands*) — чиновник, практически исполнявший обязанности мэра (городского головы). Жители каждого городского квартала избирали выборщиков, которые затем назначали нового купеческого старшину.

Нотабль (*фр. notable*, от *лат. notabilis* — значительный, выдающийся) — член совещательного учреждения при короле, назначаемый монархом из представителей дворянства, духовенства или буржуазии.

Парижский прево (*фр. Prévôt de Paris*) — представитель короля в Париже. С XVI века под его началом состояли лейтенант по гражданским делам, лейтенант по уголовным делам и лейтенант полиции.

Пэр Франции (*фр.* Pair de France, от *лат.* paris — равный по достоинству) — представитель высшей французской знати, наделенный особыми привилегиями. Принцы крови (родственники короля) считались «прирожденными пэрами», за ними шли герцоги и пэры. Король обращался к пэру «кузен», а остальные — «монсеньор». Пэры имели право танцевать с членами королевской семьи, въезжать в карете во дворы королевских замков, а герцогини — сидеть в присутствии королевы. Они присутствовали на коронации и до 1667 года входили в Королевский совет, могли при желании участвовать в заседаниях Парижского парламента, не расставаясь со шпагой; если заседание проходило с участием короля, во время прений высказывались первыми. Титул пэра был наследственным и передавался по мужской линии, однако король мог присвоить его потомкам пэра по женской и даже боковой линии.

Синдик (*фр.* syndic — защитник на суде) — нотабль, в чьи обязанности входило представлять, осуществлять административное управление и защищать интересы сельской общины или прихода. В последнем случае он избирался собранием глав семейств, проживавших на территории прихода. Он мог также представлять интересы ремесленного цеха (члены которого его избирали), занимаясь внесением изменений в устав, отношениями с властями и исполняя обязанности цехового казначея.

Сюринтендант (суперинтендант) финансов (*фр.* surintendant des finances) — чиновник королевской администрации, распоряжавшийся государственными расходами. В XVI веке король назначал трех интендантов финансов. Генрих III в 1574 году отменил состоявший из трех интендантов Совет финансов и назначил сюринтенданта; Генрих IV снова заменил сюринтенданта советом. При Людовике XIII обязанности сюринтенданта исполняли Клод Барбен (до апреля 1617 года), Пьер Жаннен (1617–1619), Анри де Шомберг (1619–1623), Шарль де Ла Вьевиль (1623–1624), Жан Бошар совместно с Мишелем де Марильяком (1624–1626), Антуан Куафьеде Рюзе маркиз д'Эффиа (1626–1632), Клод Бутилье с Клодом де Бюльоном (1632–1640) и в одиночку (1640–1643).

Эшевен (*фр.* échevin) — должностное лицо, преимущественно в северных городах Франции, назначавшееся сеньорами либо избиравшееся горожанами. Эшевены имели административные и судебные полномочия; формировали коллегии, которые возглавлял прево или купеческий старшина; ведали торговлей, ценами на рынках, иногда — городскими налогами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глаголева Е. В. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришельё и Людовика XIII. М.: Молодая гвардия, 2007 (серия «Живая история»).

Цветков С. Э. Узники Бастилии. М.: Армада-Пресс, 2001.

Черкасов П. П. Кардинал Ришельё: Портрет государственного деятеля. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Bertièrre S. Les reines de France au temps des Bourbons. Les deux régentes. Paris: De Fallois, 1996.

Bois d'Ennemets, Jacques Daniel, seigneur de. Mémoires d'un Favory de son Altesse Royale, Monsieur le duc d'Orléans. Leyde: Jean Sambix le jeune à la Sphère, 1670.

Caron R., Marleux M. Trois cent cinquantième anniversaire du siège de Corbie, 1636–1986. Corbie: Les Amis du Vieux Corbie, 1986.

Chevalier P. Louis XIII, roi cornélien. Paris: Fayard, 1979.

Collection des Mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis l'avènement de Henri IV jusqu'à la paix de Paris conclue en 1763 / Par M. Petitot. Paris: Foucault libraire, 1825.

De la défense des places fortes, ouvrage composé par ordre de Sa Majesté Impériale et Royale, pour l'instruction des élèves du corps du génie / Par M. Carnot. Troisième édition. Paris: M. V. Courcier, 1812.

Girardot de Nozeroy J. Histoire de Dix ans de la Franche-Comté de Bourgogne. Dole, 1651.

Grand dictionnaire universel du XIXème siècle: En 15 vol. / Par Pierre Larousse. Paris, 1870.

Griffet H. Histoire du règne de Louis XIII, roi de France et de Navarre: En 3 vol. Paris: Les Libraires Associés, 1763.

Guide de Paris mystérieux. Paris: Presse Pocket, 1966.

Histoire du franc. Paris: Trésor du patrimoine, 2003.

Meyer J., Acerra M. Histoire de la marine française. Rennes: Ouest-France, 1994.

Petitfils J. Ch. Louis XIII. Paris: Perrin, 2008.

Tallemant des Réaux G. Historiettes. Paris: Albert Guillot, 1850.

Tillinac D. L'Ange du désordre. Paris: Patrice Laffont, 1997.

---

notes

Примечания

Мне? (*ит.*) Впоследствии Витри утверждал, что ему слышалось «А me!» — призыв к вооруженному сопротивлению.

Толкование исторических терминов — названий должностей, титулов и пр. — см. в приложении в конце книги.

Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, эпиграфы взяты из трагикомедии Пьера Корнеля «Сид» в переводе Михаила Лозинского.

Отец Генриха был католик, мать — протестантка кальвинистского толка. Крещенный по католическому обряду, принц воспитывался гугенотами (так во Франции с 1560 года называли протестантов, отказавшись от термина «лютеране»), затем вновь перешел в католичество по требованию отца, а после его смерти обратился в протестантство в угоду матери, которая умерла незадолго до его свадьбы.

Салический закон — свод обычаев франков, восходящий к королю Хлодвигу (508), служивший также процессуальным и уголовным кодексом.

«Рука правосудия» — жезл, увенчанный изображением левой руки с согнутыми безымянным пальцем и мизинцем; большой палец символизировал короля, указательный — разум, средний — милосердие, три вместе — Святую Троицу, вся рука — право французского короля вершить правосудие. Эту регалию получала также королева во время своей коронации.

Капетинги — династия французских королей, сменившая в 987 году Каролингов. Последний прямой потомок ее основателя Гуго Капета, Карл IV Красивый, умер (1328), не оставив наследников, и на трон вошел Филипп VI из боковой линии Валуа. Бурбоны были связаны с Капетингами через брачные союзы начиная с XIII века.

В числе первых был герцог Браганский, в числе вторых — герцог Пармский Александр Фарнезе. В 1597 году Габсбурги, встревоженные тем, что богатые Медичи заглядываются на Францию, предложили в супруги Марии эрцгерцога Матиаша, брата и наследника императора Рудольфа II, а то и самого императора: цена первого — приданое в 400 тысяч экю, а второго — 600 тысяч. Но это был отвлекающий маневр: вся Европа знала, что Рудольф, помешанный на астрологии, вбил себе в голову, что погибнет от руки близкого родственника, а потому и сам не женился, и братьям не позволял. На конкретный вопрос Медичи, когда же свадьба, им ответили: когда будет заключен мир с турками (читай: «после дождичка в четверг»).

В 1594 году на Генриха набросился с кинжалом Жан Шатель и ранил его. Этот случай послужил поводом для изгнания из Франции иезуитов, поскольку Шатель был их учеником.

Начиная с XIV века старший сын французского короля именовался дофином, то есть правителем провинции Дофине, которая в ту эпоху вошла в состав французского королевства.

Mignon — крошка, милашка (*фр.*).

Игра в кегли пришла из Беарна; она требовала хорошего глазомера, ловкости и точности движений: на квадратном поле расставляли девять кеглей, которые нужно было сбивать в определенном порядке с помощью особого мяча. В некоторых залах для игры в мяч играли также в бильярд, который изначально был разновидностью крокета. Только со второй половины XV века в бильярд стали играть на столе, но шары нужно было пропускать через воротца. Впоследствии выпускники Королевской военной академии должны были сдавать особый экзамен по бильярду. Этой игрой увлекались также знатные дамы.

К этому времени 57-летний Генрих уже воспылал страстью к пятнадцатилетней Шарлотте Маргарите де Монморанси. Она предназначалась в жены Франсуа де Бассомпьеру, но Генрих прямо заявил ему, что не хотел бы делать рогоносцем своего друга, и тот тактично самоустранился. Шарлотту выдали замуж за принца крови — Генриха II Конде, о котором судачили, что он равнодушен к женщинам. Однако он, несмотря на уговоры собственной матери, вовсе не был готов уступить супругу королю и в ноябре 1609 года увез ее подальше — в Брюссель, который тогда принадлежал испанцам. Генрих вознамерился ее выкрасть — и поделился своими планами с женой, которая известила испанского посла. Охрану усилили, похищение не удалось.

Орден Святого Духа был основан Генрихом III в 1578 году. Туда принимали только самых знатных особ. Кавалеров ордена было всего 100 человек, они носили крест с изображением голубя (Святого Духа), с королевскими лилиями на концах, на голубой муаровой ленте через плечо.

Они убили его! (*ит.*).

Парламент — здесь: орган королевского правосудия и регистрационная палата, утверждавшая королевские эдикты и ордонансы. Свои парламенты имели девять французских городов: Париж, Тулуза, Гренобль, Бордо, Дижон, Руан, Экс, По и Ренн.

Старший сын французского короля назывался дофином, следующие — герцогом Орлеанским, герцогом Анжуйским, герцогом Алансонским... Имя они получали только при крещении. «Месье д'Орлеан» имя получить не успел. Августинец отец Ансельм записал в генеалогической таблице: «Н... Французский, герцог Орлеанский, родился в Фонтенбло 16 апреля 1607 года, умер ненареченным в Сен-Жермен-ан-Лэ 17 ноября 1611 года от “летаргической горячки” (возможно, от приступа эпилепсии. — *Е. Г.*), всеми оплакиваемый». Это «Н...», которое означало «некто», уже во второй половине XVII века в трудах некоторых авторов трансформировалось в «Никола», хотя это имя нетрадиционно для французских королевских династий.

Юный Людовик предпочитал подвижные игры (в мяч, кегли, бильярд) и не любил настольные — шашки, шахматы, реверси, — в которых был не слишком силен; он сердился, когда проигрывал.

Положение королевского фаворита не было синекурой: требовалось всегда ревностно и неукоснительно исполнять свои обязанности. Кроме того, вспыльчивый Людовик часто вымещал гнев на окружающих. Однажды во время охоты король велел капитану охраны де Бленвилю не подпускать своих людей слишком близко, чтобы не спугнуть зверя, и заранее извинялся, если он «разгневается», добавив, что Люинь к этому уже привык.

Еще в 1609 году Генрих IV женил старшего сына на самой богатой наследнице Франции Франсуазе Лотарингской, графине де Пантьевр, племяннице вдовы Генриха III. Ее отец Филипп Эммануэль Лотарингский был губернатором Бретани, и эта должность потом перешла к его зятю. На момент женитьбы Сезару было 15 лет, его невесте — 17. Ко времени описываемых событий у них уже был двухлетний сын Луи, а позже в том же году родилась дочь Элизабет.

На Тридентском соборе (1545–1563) произошли одобрение Никейского Символа веры, утверждение латинского перевода Библии (Вульгаты), принятие второканонических книг в Библию и Тридентского катехизиса. Большое место было уделено таинству евхаристии. Всего было принято 16 догматических постановлений, составивших большую часть католической доктрины. Решения собора были утверждены папой Пием IV в 1564 году.

Я инкогнито, я инкогнито (*ит.*).

Кареты тогда делали без рессор, передвигаться в них по ухабистым дорогам было мучением. Крытые носилки-паланкины на спинах мулов (в городах их перемещали носильщики, взявшись за рукояти) были гораздо более медленным, но спокойным средством передвижения, им отдавали предпочтение знатные дамы, больные и старики.

Брак Елизаветы свершился только в 1620 или 1621 году, но его никто не пытался оспорить ввиду чрезвычайной молодости супругов.

Капитаном Бастилии Людовик сначала назначил Франсуа де Бассомпьера, полковника швейцарских гвардейцев, однако всего неделю спустя тому пришлось передать эту должность Люиню.

Люинь методично удалял из ближайшего окружения Людовика всех людей, которые были симпатичны королю, а потому могли занять место фаворита. Так, он вынудил капитана легкой кавалерии королевской гвардии де ла Кюре 1 мая 1619 года уступить свою должность его брату Бранту, а Франсуа де Бассомьера, к которому король всегда прислушивался, отправили послом в Мадрид.

В 1619 году Кадне был произведен в маршалы Франции и сделан членом Королевского совета вместо Деажана. Его брат Брант в 1620 году женился на наследнице герцога де Люксембурга и стал герцогом де Пине-Люксембургом. В 1621 году Кадне взял в жены другую богатую наследницу, мадемуазель де Пекиньи, которая принесла ему в приданое поместья Шон и Пекиньи при условии, что он будет носить герб ее семьи. Эта девица воспитывалась при дворе инфанты Изабеллы, и для женитьбы на ней требовалось согласие Мадрида. Ходили слухи, что Люинь, чтобы получить разрешение Габсбургов на этот брак, обязался не поддерживать Фридриха V.

В мае Люинь заявил венецианским послам Контарини и Приули, что если испанцы не отдадут Вальтеллину, «король возьмется за меч и отстоит свое доброе имя». Удивленные дипломаты через час после этого разговора получили аудиенцию у короля, который не подтвердил заявление коннетабля. Люинь с легкостью бросался громкими словами, прекрасно зная, что у короля нет возможности сражаться на два фронта. Вообще же он был крайне невежествен в политических делах: когда в апреле того же года Приули просил заручиться поддержкой короля, чтобы расторгнуть союз между гризонами и губернатором Милана, Люинь признался, что ничего о нем не слышал, тогда как у Пюизье имелся даже текст договора между гризонами и Испанией.

От croquer — грызть (*фр.*).

В сентябре 1625 года Вьевиллю удалось бежать из Амбуаза. Король хотел осудить его заочно. Бывший министр вновь умолял кардинала о защите. В конце концов Людовик помиловал его 1 июня 1626 года. 1 октября маркиз в письме униженно благодарил Ришельё. Возможно, кардинал действительно заступился за своего предшественника: с одной стороны, он не хотел быть неблагодарным, ведь именно Вьевиль ввел его в Совет; с другой стороны, создал прецедент обращения с бывшим членом правительства: колесо Фортуны постоянно находится в движении, и как знать, не переедет ли оно вчерашнего счастливица.

Субиз захватил также форт Блаве на побережье Бретани, переименованный в честь Людовика XIII в Пор-Луи; однако в январе 1625 года его выбил оттуда губернатор этой провинции герцог де Вандом. Гугеноты требовали снести этот форт. Ришельё отправил против Субиза Туара с несколькими полками, который внезапно высадился на Ре, выгнав оттуда протестантов. (Туара, хотя и был протестантом, остался верен королю.) Таким образом, кардинал убил двух зайцев: завладел стратегической позицией и удалил от короля потенциального фаворита.

Йомен (*англ.* yeoman) — лично свободный мелкий землевладелец, мог служить в армии или быть слугой (телохранителем) вельможи либо короля.

Подвески — здесь: металлические наконечники шнурков или лент, используемых в одежде, часто украшавшиеся драгоценными камнями.

В сентябре их перевели в донжон Венсенского замка. Александр окончил свои дни в заточении, а Сезар вышел на свободу в конце 1630 года.

Соль считалась стратегическим продуктом, монополия на торговлю ею принадлежала королю. Население приобретало соль в небольших количествах со специальных складов. Она облагалась косвенным налогом (начиная с XI века — восемь су с «мино», равнявшегося 39 литрам), сбор которого поручали откупщикам: те выдавали королю авансом ожидаемую сумму налоговых поступлений, а затем собирали эти деньги с потребителей.

Это прозвище, которое можно перевести как «козочка», дал легкомысленной герцогине Ришельё.

Инфант Балтазар Карл родился 17 октября 1629 года.

Именно Альфонс Луи дю Плесси де Ришельё (1582–1653) должен был стать епископом Люсонским, но предпочел монашество. Впоследствии младший брат, кардинал и министр короля, добился, чтобы 6 декабря 1625 года его назначили архиепископом Экс-ан-Прованса, а в сентябре 1628-го — архиепископом Лионским. Архиепископ хорошо зарекомендовал себя во время чумы 1629 года и 19 ноября был сделан кардиналом.

Франциск Сальский (Франсуа де Саль) (1567–1622) — основатель (1610) женского монашеского Ордена посещения (Визитации) Пресвятой Девы Марии, причислен к лику святых в 1665 году.

Стойте! Стойте! Мир! Мир! (*um.*).

Игра слов: valet — слуга (*фр.*).

Испанцы потерпели сокрушительное поражение от голландцев, которым помогали французские наемники.

Геден Тальман де Рео (1619–1692) — бытописатель, завсегда́тай салона маркизы де Рамбуйе, собравший в книге «Занимательные истории» анекдоты о представителях высшего света описываемой эпохи.

Клод Бутилье (1581–1652) — граф де Шавиньи, сделал карьеру благодаря близкому знакомству его отца Дени Бутилье с кардиналом Ришельё. В 1630 году, будучи министром иностранных дел, участвовал в переговорах о заключении Регенсбургского мира. Именно он представил Ришельё Джулио Мазарини. С 1632 года Бутилье вместе с Клодом де Бюльоном стал сюринтендантом финансов. Во внешней политике, в частности в германских делах, ему помогал отец Жозеф. Ришельё поручал ему ответственные тайные миссии в Германии; так, Бутилье вел переговоры о союзе со шведским королем Густавом Адольфом. Удивительным образом ему удавалось пользоваться доверием и короля, и Ришельё, и Марии Медичи, а потому он считался самым влиятельным человеком во Франции после великого кардинала. *Леон Бутилье* (1608–1652) — сын вышеназванного, носил тот же титул графа де Шавиньи; чтобы не путать с отцом, его называли «господин младший». В 1632 году он был назначен статс-секретарем по иностранным делам. При французском дворе передавали сплетню, что на самом деле Леон — сын кардинала и потому пользуется его особым покровительством.

Де Ниера королю представил Клод де Рувруа. «Клопеныш» тоже участвовал в «Балете торжеств» и двух следующих: «Мерлезонском балете» и «Балете глупостей», который исполнили в Сен-Жермене в январе 1636 года.

Фрагменты музыки к «Мерлезонскому балету» в исполнении Парижского ансамбля старинных инструментов общей продолжительностью 12 минут 40 секунд вышли отдельной пластинкой в 1967 году. В XXI веке французский хореограф Кристин Бейль, специализирующаяся на танцах эпох Возрождения и барокко, изучив три трактата о танце того времени, восстановила хореографию балета вместе с труппой «Экла де Мюз». Патрик Блан, возглавляющий труппу «Бель Дане», восстановил и дополнил балет, введя туда новых персонажей: Людовика XIII, Ришельё, мушкетеров и др. Премьера спектакля состоялась 11 апреля 2015 года в Императорском театре Компьена.

Принц Томас, деверь Кристины Французской, к тому же состоял в браке с Марией де Бурбон-Конде, графиней де Суассон (свадьба состоялась в 1625 году в Париже), то есть, по нормам того времени, был связан с Людовиком XIII узами родства.

В июле 1636 года нунций Болоньетти получил из Рима два папских послания, адресованных Людовику XIII и Месье и касающихся брака последнего. Несмотря на присутствие ревностного служителя кардинала Леоны де Бутилье, которого Гастон был вынужден сделать своим обер-гофмейстером, Месье просил нунция передать папе Урбану VIII уверения в его глубочайшем почтении и сыновней любви, но отказался утвердить ответ папе, заранее подготовленный от его имени. Ришельё понял, что принца лучше не доводить до крайности — не тот момент.

Интенданты полиции, юстиции и финансов (должности, созданные Ришельё) должны были следить за выполнением королевских ордонансов на местах, бороться с коррупцией, устраивать смотр войскам и заниматься их снабжением, предупреждать и подавлять беспорядки и т. д. Их выбирали из буржуа или незнатных дворян по принципу личной преданности королю и кардиналу.

Сен-Симон удалился в область Блэ, губернатором которой являлся, и занялся хозяйственной деятельностью: осушил болота, что позволило ему извлекать из некогда неплодородных земель неплохой доход — 60 тысяч ливров в год.

Одиннадцатого марта 1638 года Людовик XIII вновь даровал привилегии опустевшему городу Корби, чтобы привлечь туда новых жителей: они были освобождены от подушной подати и могли на льготных условиях создавать суконные фабрики и т. д. Маркиз де Суайекур был реабилитирован в 1643 году; ему вернули всё имущество и выплатили компенсацию за принадлежавший ему и разрушенный замок Тиллолуа.

Судя по всему, посвященных в заговор было гораздо больше. Госпожа дю Фаржи писала Анне Австрийской из Брюсселя: «О небо! Что за поколение! Королева-мать и Мадам (Маргарита Лотарингская, супруга Гастона Орлеанского. — *Е. Г.*) расстроены эти крахом, ибо здешние французы воображали себе великие дела».

В самом деле, в январе 1637 года эшеваны Понтуаза получили приказ предоставить королю заем в 35 тысяч ливров, которые им обещали возмещать с февраля, производя выплаты каждые два месяца. Эту сумму надо было распределить по всем жителям города и пригородов, включая священников, дворян и привилегированных лиц, освобожденных от уплаты налогов. Синдик с казначеем объехали соседние города, чтобы посмотреть, как там поступают в подобных случаях. Заслушав их отчет, эшеваны постановили, что, поскольку город и так задавлен податями, следует обратиться к его величеству с просьбой заменить заем косвенными налогами на вино и другие напитки, иначе население ждет полное разорение.

Вторую часть этого замысла осуществить не удалось из-за ранней смерти Людовика XIII. Его сын выполнил обещание отца 60 лет спустя.

Богом данный (греч.).

Как и Ришельё, Ламейре рано осиротел и воспитывался их дядей Амадором де Ла-Портом. В 1630 году он женился на сестре Сен-Мара Мари Куафье де Рюзе д'Эффиа, которая родила ему сына Армана Шарля де Ла-Порта. В 1632 году он стал наместником короля в Бретани и губернатором Нанта, получил чин генерал-фельдцейхмейстера и заслужил репутацию «захватчика городов». В 1637 году он овдовел и женился на Мари де Коссе, которая принесла ему в приданое 400 тысяч ливров и должность коменданта Порт-Луи.

После смерти короля Анна Австрийская вернула свою бывшую камер-фрау из ссылки, однако ее высокомерие и капризность быстро прискучили королеве-регентше, и Мари де Отфор снова прогнали. В 1646 году она вышла замуж за маршала Шарля де Шомберга.

В наши дни там находится музей Виктора Гюго.

В 1646 году Луиза Мария Гонзага стала женой польского короля Владислава IV Вазы, а спустя год после его смерти, в 1649-м, вышла замуж за его брата Яна II Казимира Вазу. Она скончалась в Варшаве в 1667 году в возрасте пятидесяти пяти лет.

После смерти кардинала герцог тщетно пытался расторгнуть свой брак (его возлюбленная ушла в монастырь в 1645 году), но лишь в 1671 году сумел избавиться от постылой жены под предлогом супружеской измены. Клер родила ему троих детей, из которых выжил только старший, Анри Жюль де Бурбон, впоследствии получивший прозвища Безумный Конде и Зеленая обезьяна. Он унаследовал от матери ликантропию — душевное заболевание, при котором человек воображает себя каким-либо животным. Конде вел себя то как собака, то как лошадь, и велел построить для себя роскошную конюшню в замке Шантильи. Это не помешало ему жениться и родить десять детей, большинство из которых умерли во младенчестве.

Мария Генриетта Английская (1631–1660) прибыла на новую родину только в 1642 году, а официально была представлена в 1644-м. Ее юный супруг Вильгельм II Оранский (1626–1650) пробыл штатгальтером Соединенных провинций с марта 1647 года по ноябрь 1650-го. Их сын Вильгельм, будущий король Англии, родился через восемь дней после смерти отца.

Карло Борромео (лат. Карл Борромей) (1538–1584) — итальянский кардинал, видный деятель Контрреформации, боролся с кальвинизмом в Швейцарии, был инициатором преобразования монашеских орденов, во время эпидемии чумы помогал больным и давал Святое причастие умирающим. Канонизирован в 1610 году.

Выйдя на свободу в 1644 году, герцог отправился в Рим, и папа доверил ему командование своей армией. Впоследствии он был активным участником Фронды. Его мемуары были изданы в Париже в 1692 году, через 40 лет после смерти автора.

Так кардинал и его доверенные лица в переписке называли короля. Во французском языке дуб служит символом крепости и силы.